

Евгений Смирнов

ПОЧТИ
НЕ ВЫДУМАННЫЕ
ИСТОРИИ

Таллинн
2018

Евгений Смирнов. Почти не выдуманные истории / Таллинн,
2018. 394 с., с илл.

*Автор выражает благодарность за помощь в издании книги
мэру города Маарду Владимиру Архипову
Флюру Алюкову
Эдуарду Танвелу*

Редактура, корректура, макет, верстка, обложка: Эмма Дарвис
Художник: Дмитрий Ульянов

ISBN 978-9949-88-359-2

Типография Alfabress

© Евгений Смирнов, 2018
e.smirnov49@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Истоки творчества, или Отрывки из автобиографии	7
Человеку нужен идеал	55

ПОЭЗИЯ 61

ПОЭМЫ	62
Голос из прошлого	63
В ресторане	71
ЕЙ И ТОЛЬКО ЕЙ	75
Что пожелать, не повторяясь	76
Она играла на рояле	77
По гулкой улице столицы	78
Меня не трогают ни идолы, ни фетиш	80
А право – странная картина	81
Во всем пригожа наша Люба!	82
Скучая в болдинской глуши	83
Наверно, это добрая примета	84
Сиротливо ждут на ветках	85
В снежном мареве за Волгой	86
И все ж на сердце – терпкая обида	88
Скрыл туман пеленою просторы	89
Услышав раньше имя Галя	90
Жизнь – лукавый маскарад	91
Летит наездница лихая	92
Нам каждый год в одну и ту же дату	94
Как сквозь метель, ты смотришь ровным взглядом	95
Словно сказочный принц, заступивший на трон	96
Ах, объясните в день Святого Валентина	97
Уж последний месяц лета	98
Ум, обаяние, страсти, интриги	99
От всей души, и сердца, и сознания	100

СЕМЕЙНОЕ	101
Лизе	102
Аришеньке	103
Как вынести твою улыбку	104
Мы с тобой станцуем в этот вечер	105
И вновь скандал. К чему все это?	106
К стеклянной свадьбе друзей	108
ЛИРИЧЕСКОЕ	110
Вновь весна стучится в душу	111
Так что же было, что же это было?	112
Вот и осень уж. Грустным волнением	113
Мы встретились нечаянно, неожиданно	114
Я к тебе постучаться хочу	117
Так что же нужно нам от встречи?	118
Когда-нибудь за дальним поворотом	119
Где та истина зарыта	120
Где та трепетная сила	121
Весеннее настроение	122
Весна пришла. Апрель игривый	123
В затерянном краю	124
Ливень летний что есть мочи	124
Почти то же самое о том же самом, но позже	125
С детства милая сторонка	126
Блеклый день. Парк почти незаметен	127
Люблю я пасмурные дни	128
Осенний рассвет лишь глаза протирает	129
Падает снег и ложится на землю	130
Крик ворон – словно скорбь по деревьям	131
Эх ты, поле-поле, снежная равнина	132
СТУДЕНЧЕСКИЕ СТРАДАНИЯ	133
Страдания на семинаре	134
Несостоявшийся наследник	135
Коварная измена	138
Сон голодного студента	143

СТАРЫЕ ПЕСНИ ПО-НОВОМУ	144
Потому, потому, что я аптекарь	145
У тебя	146
Изгиб гитары желтой ты протираешь тряпкой	147
В виртуальном просторе	148
Что ж ты, суженый мой	149
Коварная	150
А мы – назло: и вкривь, и вкось	152
Романс	153
Тихо женщины поют	154
ПАРОДИИ И ХОХМЫ	155
Другу Саше Т., начинающему коммерсанту	156
Ответ высокоинтеллектуалке от кандидата на ее благосклонность	158
Той же высокоинтеллектуалке, немного подумав и устыдившись самовосхваления	159
Шоферам-дальнобойщикам	160
Леди из Интернета под ником «Душевное Равновесие»	161
Пародии на стихи Елены Бах-ной	162

ПРОЗА 165

Неосторожное убийство	166
Валентина	225
Оперативная командировка	248
Налетчик	286
Аннушка	310
Боевое крещение	325
Насильник Кузя	334
Кот мясом не торгует	342
Неожиданное знакомство	353
Почти коммунистический субботник	360
Флюорография демократа	369
Сон в летний день, или Видения президента России после одобрения бомбардировок американской авиацией иракского научного центра в 1993 году	379
Астрологический прогноз на март	389

ИСТОКИ ТВОРЧЕСТВА, ИЛИ ОТРЫВКИ ИЗ АВТОБИОГРАФИИ

Я все время хотел что-то написать, в том числе и о себе, отлично понимая, что мемуары пишут (или им сочиняют) «широко значимые» люди, а я достаточно широкого значения не приобрел ни в обществе, ни в теле. И, конечно, не знал, с чего начать. Похвастаться было нечем, попросту говоря. Но что-то зудело там, внутри, чуть повыше желудка. Наконец, отпихнув ногой не выброшенное мусорное ведро со своей стеснительностью, решился. Если для мемуаров я еще мелковат, то для автобиографии, несомненно, созрел.

Но и после этого мне почти всегда что-нибудь да мешало запустить в производство свое литературное творчество. То куда-то ручка терялась, то футбольный матч начинался по телевидению, то подгорала кастрюля с супом на кухне, то прибегали соседи с заманчивым предложением: «Сволочь, ты хотя бы сменил пластинку в проигрывателе, а то достала уже!» Тем не менее я решился.

Но в какой литературной форме освещать свою биографию? Бюрократическое анкетирование я отверг изначально. Тогда как? В форме благочестивой лиричности – «Ах, как прекрасно на этом свете»? Что ж, заманчиво и мило. Но это, перефразируя В. И. Ленина, «Детская болезнь романтизма в литературе», или идиллия, а она скоротечна. Но в определенной дозе приемлема. В форме суровой прозы типа «Во, блин, опять влип куда-то»? Это также бывало в реальности, значит, пойдет. И, конечно, не обойтись без философских рассуждений «А что я такое есть?» и «Как жить дальше?»

А ведь и впрямь сначала ты витаешь в облаках младенческой поэзии, основываясь на чувственных ощущениях благополучия и безоблачного будущего. Затем переходишь к жизненной прозе, где приходится объяснять каждый свой шаг от утреннего звонка будильника до похмельного синдрома. И, наконец, опускаешься до указанных выше философских рассуждений. А философия все запутывает и дает тебе только одно жизненное направление: поди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что. Но не в сказку, нет – сказка всегда заканчивается благополучно, а в реальную жизненную вакханалию с таким же направлением, которое неизвестно куда выведет, если вообще выведет. Короче, что-то вроде горбачевской перестройки.

Ну, хватит, а то понесло, как Остапа Бендера! Я же обещал (во всяком случае самому себе) вернуться к автобиографии.

Я где-то вычитал, что каждому рождению человека и началу его биографии есть предтеча, то есть событие, которое предшествовало появлению его на свет и тесно связано с его рождением. Вот и я считаю, что моя биография начинается не с того момента, когда я вылез из чрева матери и на первом пришедшем на ум языке спросил «А куда я попал?», а на более ранней стадии. Однако как я ни силился, напрягая память и листая исторические справочники, так и не смог найти и связать со своим появлением на свет сколько-нибудь значимое событие, свершившееся в тот период. Тунгусский метеорит поспешил свалиться на головы бедных аборигенов еще в пору младенчества бабушек и отношения ко мне иметь не мог. Папанинцы на льдине дрейфовали тоже задолго до меня. Правда, значительно позже я попытался повторить их подвиг, заскочив весной на оторвавшуюся льдину на Волге. Но вызывать авиацию для своего спасения, когда меня понесло к середине реки, не стал, а спрыгнул в холодную воду у берега, вымокнув аж выше пояса. Но, странно, даже насморка не подхватил. Видимо, сказался положительный эффект профилактических примочек отцовским ремнем по заднице. Значит, папанинский дрейф не был моим судьбоопределяющим событием. Шляться по морям-океанам у меня тяги не возникало.

Я с малолетства был заражен футболом. Сам играл, болел, выезжал на матчи любимой команды в другие города, спорил до хрипоты с болельщиками соперничающих команд. Но до сих пор обидно, что к моему рождению ни сборная СССР, ни любимая клубная команда – московское «Торпедо» – не добились сколько-нибудь значимых успехов. А как же мне хотелось связать победу любимых футболистов с личным событием!

Юрий Гагарин тогда еще не очаровывал всю планету своей неповторимой улыбкой, да и первый искусственный спутник Земли в честь меня почему-то еще не запустили.

Хватало, конечно, всяких событий и катаклизмов, но я никак не мог запихнуть их в лирико-прозо-философскую форму автобиографии. Или, используя философскую категорию, форма не совпадала с содержанием. Я уже собрался было писать свою биографию, как говорится, «на сухую», без горящего символа, но однажды, после выселения из квартиры за долги еще одного моего соседа и очередного сокращения штатов в больнице, школе и полиции, меня почти осенило: «Вах-вах-вах! Ай-яй-яй! Ох-ох-ох!» Да как же я мог не догадаться об этом раньше! Да ведь именно в это время Михаил Горбачев должен был получать удостоверение комбайнера! Именно тогда будущий ген-

сек начинал молотить комбайном зерно, а потом языком – что попало. Пусть после этого события вместе со мной прошло несколько спокойных, достаточно сытных и общественно стабильных лирико-прозаических десятилетий, но я понял, что именно тогда закладывались основы нынешней экономико-социальной неопределенности, подготовившей меня к этапу философского осмысления: «А что я такое есть сегодня?» и «Как жить дальше?» Ну а после этого – и к лирико-прозо-философскому жизнеописанию собственного бытия, или автобиографии.

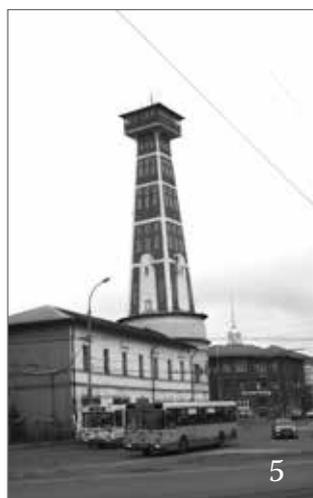
Ну, что ж! Символ-предтеча дал добро на мое рождение. Родители тоже добросовестно выполнили свой лично-общественный долг. Дело оставалось за мной.

В январе 1949 года стояли крепкие крещенские морозы. Скованная льдом матушка-Волга спокойно дремала как у маленького городка Мышкин, что в Ярославской области, где, по словам родителей, я появился на свет, так и у индустриального Рыбинска, где официально было зарегистрировано это появление.

Начальный период моей жизни был отмечен удивительной беззаботностью. Жизнь протекала без ощущения какого-либо дискомфорта. Оно и понятно. Мне тогда еще не было мучительно больно за вырванную страницу в дневнике или бездарно проигранный матч нашей сборной. Меня еще не жег позор за неоплаченную квартирную задолженность. Я еще не страдал от непонимания причин беспокойства кредиторов. И вообще многого еще, к счастью, не понимал и понимать не хотел. Это был период витания в облаках беспроектной поэтической лирики.

Первое прозрение в многообразии бытия пришло несколько позже. В тот день я по привычке шагал пешком под стол и вдруг... треснулся лбом об его перекладину. С тех пор такое прозрение я получаю всякий раз, когда упираюсь лбом в очередную жизненную перекладину. Как я потом понял, тогда к моей поэтике присоединилась и моя проза жизни. Так они и пошли вдвоем, рука об руку, рядом с моей жизнью – поэзия и проза, пока к ним не присоединилась третья «собутельница» – философская наставница, которая периодически сбивает с одной подружки лирическую спесь, а другой дает подзатыльник за корявость, хотя и сама не знает, что здесь правильно, а что нет.

Ладно, продолжу биографию. О дате и месте своего рождения я уже упомянул. Теперь о социальном и национальном происхождении. Социальное происхождение у меня очень удобное. Его можно назвать пролетарско-эксплуататорским. Родители мои действительно трудились на производстве, то есть трудящиеся. Однако дед по линии отца был землевладельцем в Тверской губернии, а предки мамы – богатыми купцами из большого торгового села Угодичи, что под Ростовом Великим. В советское время я на законном основании подчеркивал свое пролетарское

1

*Мой Рыбинск – бурлаков столица.
Сквозь время вижу те черты:
Купцов засаленные лица
И барж нестройные ряды,
Застлавшие речную гладь.
И слышу говор бурлаков,
Сидящих скорбно у костров,
И крючников отборный мат.*

2

*И пускай в сердце чувственно дремлют,
Отзываясь в положенный срок,
И пригорок любимой деревни,
И неровной дороги песок.*

3

*Вот снова этот дом,
Мой добрый старый двор...*

4

*Выбрав место на матушке-Волге,
Словно курии римской посол,
Обжился здесь всерьез и надолго
Католический странник – костел.*

5

*Я стройна и довольна собою.
Элегантность не стерли века.
Кто мя старой зовет каланчою,
Я плюю на того свысока.
Пожарная каланча. Памятник архитектуры Рыбинска.*

происхождение, а ныне так же вполне обоснованно могу показать и свое эксплуататорское нутро. Правда, эксплуатировать, кроме домашнего кота, мне некого, да и тот, сволочь, паразитирует на моей шее. Но это не беда, была бы соответствующая родословная.

О втором вышеназванном происхождении могу сказать, что принадлежу я к нации, наименование которой в советский период присваивали себе потомки пророка Моисея. Теперь же от нее стыдливо отрещиваются даже некоторые коренные ее представители, спешно меняя фамилии. Догадываетесь, какая это нация? Например, один мой знакомый, придурок Венька Пимов, стал утверждать, что его фамилия происходит не от разновидности русского валенка, а от эстонского слова *piim*, что означает «молоко» (кислое или порошковое, не знаю). И попытался изменить свое «погоняло» на Veiko Piim. Я, грешным делом, тоже едва не поддался этому настрою и однажды по пьяни ляпнул, что хочу изменить окончание унаследованной фамилии, чтобы звучала она не Смирнов, а SMIRNOFF. Но собутыльники (спасибо их светлым мозгам!) отговорили меня. «Какое ты имеешь моральное право, – внушали они, – присваивать себе фамилию благочестивого производителя самой чистой водки, когда лакаешь контрабандный спирт?» После таких слов меня действительно стали терзать муки совести. «А с другой стороны, – добивали они меня своими доводами, – ты напрасно набиваешься к водочному олигарху в родственники. Смирновых по белу свету – как грязи, и присосаться тебе к сытной кормушке так же нереально, как взять в жены английскую королеву-маму. Да и папа твой обидится, что отрекаешься от его имени». Так я и остался на исходной национальной позиции.

Пойдем дальше. Я уже рассказывал, что однажды, протаранив лбом обеденный стол, перешел к самостоятельному освоению не только поэзии, но и прозы жизни, а не впитывал жизнь исключительно с молоком матери. Происходила эта учеба посредством контактов прежде всего с окружающими меня людьми.

Когда мне шел шестой годик, наша семья после кочевий по лесочасткам перешла на оседлый образ жизни. Мы поселились в длинном здании барачного типа, расположенном на тогдашней окраине города Рыбинска. Это было добротное, теплое одноэтажное строение, заселенное в основном молодыми семьями. От небольшого периода жизни в бараке у меня остались не только самые теплые и ностальгически трогательные воспоминания, но и первичный жизненный опыт.

При плохой погоде на улице стайки ребятни с утра до вечера заполняли длинный барачный коридор, где устраивали свои игры. Детей было много. Практически каждая семья имела не менее двух наслед-

ников. В отличие от нынешнего времени, все женщины были способны не только осваивать сексуальную технику, а по-настоящему любить и рожать. Жили небогато, но безысходностью горьковского «дна» даже и не пахло. Наоборот, преобладали хотя и сдержанные, но все же оптимистические настроения. Все дети обязательно учились и не побирались по улицам, а семьи стабильно отъезжали на улучшенные места жительства. Нам же, детворе, и там было весело, уютно и жутко интересно, особенно когда отключали свет. Мы тогда забивались в уголок между стенками коридора и одного из многочисленных картофельных ларей и рассказывали друг другу страшные истории, которые сейчас называют ужастиками.

Вот с той поры мне иногда до того хочется забиться в какой-нибудь укромный уголок, где тепло и уютно, и, затаив дыхание, слушать ужастики, заранее зная, что тебя никто не укусит. Но, увы, это нереально. Жизнь достает тебя и кусает, в какой бы угол ты ни забился. Такой уж она стала кусачей, нынешняя жизнь. Настоящий ужастик.

Ну а тогда я начал осваивать навыки существования, или прозу жизни, не только через родителей и сверстников, но и через других взрослых, за которыми постоянно наблюдал. Очень яркое впечатление осталось у меня от общения с семьей моего друга Володи Серебрякова, в которой было семеро детей. Они проживали в двух смежных комнатах, одна большая, другая поменьше. Нельзя забыть изумительные сцены, когда глава семейства дядя Коля располагался за столом, стоявшим у противоположной от входа стенки, и ворчливо покрикивал во все стороны на детей.

– Да уймись вы, ради бога! Да перестаньте вы, едривашуналево! Верка, встану – прибью, коль не прекратишь. Натка, смотри, Витька опять обоссался. Куда ты смотришь, лошадь колхозная?!

Кроме того, что он все замечал и вертелся, как флюгер, он еще одновременно умудрялся подшивать валенок и разговаривать с зашедшим соседом. Комната же гудела, как пчелиный рой. И в этом рое жужжали маленькие пчелки со всего барака, так как двери комнаты Серебряковых почти никогда не закрывались. Детей забавляла просторечная, грубоватая, но беззлобная брань дяди Коли, и всем опять же было очень весело. Позже все дети этой семьи получили образование не ниже среднего (двое – высшее) и успешно обустроились в жизни. Правда, старший брат (которого я не знал) погиб на Дальнем Востоке в море во время аварии рыболовного судна, на котором работал.

Невозможно забыть и другое семейство – артистическое, дававшее, по выражению соседей, бесплатные спектакли или концерты.

– Ой, комедь, ой, комедь! – говаривала бывало одна из немногих пожилых обитателей барака тетя Лена (фамилию не помню), наблюдая потешные сцены.

1

*Это я, вихрастый упрямец,
как называла меня мама.*

2

*Мама, папа, сестренка и я. Почему я
такой грустный? Просто знал, что буду
работать в милиции и полиции, поэтому
не хотел «светиться» на фотографии.*

Действующие лица и исполнители пьесы здесь идеально совпадали.

Глава семьи и главное действующее лицо спектакля – дядя Леша Баранов. Его жена тетя Дуня – одновременно сценарист ведущая актриса и два их сына – на ролях статистов: старший сын Петька 22 лет и 18-летний Колька.

Воскресенье, примерно полдень. Мужчины возвратились домой после бани, куда обязательно ходят в выходной день – «с утречка», так сказать, «на первый парок». Тетя Дуня – домохозяйка, она не работает и посещает баню в субботу. Хозяйка к их приходу успевает накрыть стол, над которым парят ароматы вкусного обеда. Она же торжественно выставляет на стол бутылку водки. Хозяин не менее торжественно разливает ее по стаканам, тете Дуне и младшему сыну чуток поменьше. Расслабленность и неподдельное довольство отражены на лицах всего семейства, и во всей этой обстановке ощущается полная идиллия. Водка неспешно выпивается в два захода. Вскоре опорожненная бутылка, словно лишенная наряда принцессы Золушка после бала, сиротливо и стыдясь самой себя, мостится на краю стола. И вот после этой сцены начинает раскручиваться основная интрига пьесы.

Тетя Дуня молча встает из-за стола, так же молчком подходит к шкафу-горке, чуть поспешнее предусмотрительно достает оттуда (из известного всем места) семейные деньги и убирает их в карман кофты или халата. Затем так же без слов воцаряется на прежнее место. Хочу подчеркнуть, что деньги в известное всем место клались тремя работающими членами семьи, а изымались и распределялись одним неработающим, а именно тетей Дуней. И никогда заведенный порядок не нарушался.

Гнетущая тишина заполняет помещение. Всеми своими движениями, а затем и напряженной застывшей позой женщина как бы дает понять мужикам, что предчувствует наступление каких-то нехороших событий. Тревожное напряжение усиливается. Наконец дядя Леша, используя формальные права главы семьи, сиплым криканьем в кулак нарушает немую нервозность. Он по очереди смотрит в глаза сыновьям, а те, мельком взглянув на мать, в нерешительности опускают головы. Старший Баранов отлично чувствует свою роль и понимает, что успех или провал спектакля зависит прежде всего от его игры, от его последующих действий.

– Ты это... вот что... гм-гм... Дуня... Дай-ко нам еще на одну...

Знающая наперед, еще в зачатке, любую идею мужа и давно ожидающая этого предложения, тетя Дуня суетливо перекладывает деньги из кармана за лифчик и вспыхивает, словно пересохшая солома.

– Вот еще! Выдумал чего. Харя не треснет? Нету у меня денег, нету. До полочки не хватит.

– Да я что тебе – алкаш какой?! Деньги все пропиваю?! Втроем зарабатываем! – ревет в ответ взвинченный супруг. – Дашь на бутылку или нет?!

Жена суетится, словно не зная, что предпринять, нервно бубнит себе под нос то ли молитву, то ли ругательство и наконец выскальзывает из комнаты. Сыновья согласно роли статистов в конфликт не вмешиваются, а недоеденный обед терпеливо ожидает своей участи.

Рассвирепевший от несправедливости дядя Леша судорожно шарит глазами по стенам комнат, наконец находит свой головной убор – кепку, без которого не появляется на улице (висящий, между прочим, на одном и том же гвозде), и напяливает его на голову. Он выскакивает вслед за женой, как правило, в одной майке, невзирая на время года и погодные условия.

Дальше меняются декорации, и действие происходит на улице.

Постоянно подтягивая на ходу узелок платка и оглядываясь, тетя Дуня семенит вдоль барака

– Убьет, убьет же изверг окаянный! Спасите! – захлеб верещит она. – Петья, Колька! Убьет ведь...

– Убью, убью курву! – подтверждает ее догадку супруг. – Дашь на бутылку, стерва?..

Неуклюжим длинноногим шагом, словно циклоп из фильма об Одиссее, надвигается он на задыхающуюся женщину. Наконец, сделав положенный виток вокруг барака, тетя Дуня, тяжело дыша, останавливается. Приложив руку не то к деньгам, не то к сердцу, со слезами на глазах, трагическим движением опускает она эту руку за лифчик и демонстративно выкидывает оттуда деньги.

– На, закрись, подавись ими, ирод царя небесного! Пропей хоть все, может, сдохнешь быстрее, – выдает она свой монолог сбивающимся после кросса голосом, утирает слезы кончиком платка, а затем скорбно покидает сцену.

Ну а дядя Леша, как обычно, останавливается метрах в двух от затормозившей супруги, поднимает брошенные к ногам деньги и тщательно их пересчитывает. Впрочем, эту ритуальную процедуру можно и пропустить, ибо их всегда бывает ровно столько, сколько нужно на одну бутылку водки. Как тетя Дуня умудрялась на бегу отсчитать точно требуемую сумму, одному богу известно. Я полагаю, что этот фокус пока не в силах повторить ни семейство Кио, ни Дэвид Копперфильд, ни Амаяк Акопян. Дядя Леша передает деньги ожидающим этого момента статистам, и вскоре вся труппа мирно доедает послебанный обед, запивая его водочкой.

Когда говорят (особенно нынче) о барачном здании, то пытаются нарисовать картину социального дна похлеще горьковской пьесы,

обстановки безысходности, жутких нравов. А тут – сплошная лирика и комедия. И все же примеры «жутких» нравов, бытовавших в нашем барачном многосемейном общежитии, я привести смогу. Хотя это и не дворец «новых русских» или фазенда из мыльной оперы, где «богатые тоже плачут» в утешение зрителям.

Одним из носителей этих нравов был дядя Толя Семенов. Он жил вдвоем с женой по имени Валентина. Завести детей они на тот момент еще не успели (а может, не хотели или не могли). Не помню, кем он работал тогда, но знаю, что часто ездил по командировкам и чаще всего – в Москву. Жена постоянно наказывала ему привезти из столицы «чего-нибудь», чтобы разнообразить их стол и быт. Особенно она просила привезти «чего-нибудь сладенького и беленького», то есть шоколадных конфет и сдобных булочек и батончиков, которые просто обожала и которых у нас в городе в то время далеко не всегда можно было купить. Дядя Толя не был лишен чувства юмора, даже когда не исполнял требуемый заказ. Он с улыбкой подходил к жене и, поцеловав в щечку, восторженно рапортовал:

– Валюшенька, сладенькая моя, как ты и наказывала, я и про «беленькую» не забыл. – И доставал из кармана бутылку белой водки. – Вот-от, вручаю, не обманул.

Скандал не заставлял себя ждать. Милицию для урегулирования конфликта не вызывали, так как тетя Валя сама была в состоянии воздействовать на мужа. Но однажды люди в форме все-таки были приглашены.

– Ты зачем жену ремнем бьешь? – строго спрашивал возвратившегося из командировки без подарков хмельного дядю Толю вызванный супругой участковый инспектор.

– А чем же ее бить, если она дура? Я ей вон чего навез, – проводил он вдоль комнаты указательным пальцем, – и сам приехал. А она недовольна. Как ее воспитывать, посоветуй мне, пожалуйста, если ты такой умник.

– Я те воспитаю, я те так воспитаю! – вмешивалась в диалог тетя Валя.

Искренне недоуменный взгляд дяди Толи и реакция жены совершенно обезоруживали милиционера.

– Ну, ты, ладно, смотри у меня. Чтобы больше такого не было, а то, смотри у меня, в следующий раз... – бурчал страж порядка, закрывая за собой дверь.

А вообще-то дядя Толя Семенов нам, детям, очень нравился. Поссорившись с женой, он, как правило, выходил в коридор и присаживался на корточки к стенке. Потом подзывал нас к себе и угощал карамельками. Иногда он устраивал среди нас соревнования по бегу. Забег на ско-

рость от одного конца коридора до противоположного и обратно. Победитель и призеры награждались дополнительными конфетами. Так что, вероятно, мы были первыми советскими спортсменами-профессионалами, выступавшими за твердое материальное вознаграждение.

Что лично мне дала жизнь в этот период первоначального становления личности? (Дай бог, чтобы это становление не останавливалось!)

От многодетной семьи дяди Коли Серебрякова я, конечно, воспринял дух коллективизма и поддержки друг друга.

Артистическое семейство Барановых подсказало путь к разумным компромиссам по принципу «чтобы было и по-моему, и другим не в обиду».

А вот дядя Толя Семенов помимо наглядного урока, как строить домашние отношения и снимать стрессы после семейных ссор, безусловно, привил любовь к спорту, с которым я не расстаюсь до сих пор.

Кроме того, мне еще не исполнилось и шести лет, как я научился читать и писать. И это было обычным явлением. Курсы ликвидации безграмотности для моих сверстников устраивали старшие ребяташки, повторяя в игре школьные уроки с младшими, но уже в качестве учителей. Так что грамотность тогда распространялась гораздо быстрее, чем сейчас сексуальная раскрепощенность и наркомания.

Этот период был началом прозы моей жизни, которую мне приходится перечитывать во всех ее жанрах – от комедии до трагедии. Как, впрочем, и большинству других людей. Что же касается поэзии и лирики, то она, наверное, родилась вместе со мной, как и с каждым младенцем, восторженно воспринимающим начинающуюся жизнь. Но полноценно ощутил я ее лишь тогда, когда пришлось столкнуться напрямую с женщинами (сестренка и мама не в счет, они – богини), причем со взрослыми, а не с одноклассницами начальной школы.

Лет с двенадцати, а может, и раньше, я почему-то стал писать стихи. Вроде бы ничего не предвещало этой беды. Я рос обычным сорванцом и к этому времени уже тонул в болоте, куда со старшими ребятами ходил за камышовыми шишками, подрывался на карбидной mine, которую сам и смастерил, смешав в стеклянной бутылке карбид и воду, падал с деревьев, едва не свалился с крыши, получал ссадины и шишки, гонял почти весь световой день футбольный и хоккейный мячи и т.д. и т.п. Если на учебу почти не оставалось времени, то на это постыдное занятие и подавно.

На самом деле я стыдился сентиментальности и всякого там сюсюканья. Позже я почему-то задумался над этим вопросом. Нет, «тихо сам с собою» я бесед не вел, но все же задумался и пришел к выводу, что во всем виновата моя совестливость. Я вспомнил, что к

одиннадцати-двенадцати годам успел исковеркать судьбу немалому количеству женщин. Для мамы я был вполне покладистым и достаточно послушным ребенком. Учеба давалась легко, а по требованию родителей я периодически приносил из школы вообще только отличные оценки. С младшей сестренкой тоже в основном ладил, хотя она нередко задиралась, провоцировала меня, а потом бежала жаловаться родителям. Мне, естественно, доставалось «дёрты на пяточок», как говаривал папа. Но обиды на сестренку я никогда не держал.

Однако какой-то фатальный рок управлял моими действиями в тот период. Почему-то именно женщин, и совсем не старых, я заставлял неминуемо страдать. Нет, я их не соблазнял, упаси боже, не разбивал им сердца и оконные стекла и категорически утверждаю, что не желал им ничего плохого, но тем не менее... И вот к двенадцати годкам мне вдруг стало совестно за свои поступки, и во искупление вины я стал писать женщинам дифирамбы.

Первой моей жертвой стала разведенная молодая женщина – тетя Лиля. Мне было шесть лет. Мы тогда жили в добротном теплом здании барачного (или, как сейчас политкорректно именуют, «коридорного») типа, где поселились после окончания работы отца в леспромхозе. На привлекательное личико тети Лили хотелось не отрываясь смотреть, как на радугу после дождя. Словно красивая фотографическая виньетка, обрамляли его кудряшки естественно белокурых волос. На лебяжьей шейке кокетливо подпрыгивали при каждом шаге женщины белые бусы, изготовленные из неизвестного мне материала. И, если выразиться лирическим штампом, в ее бездонные глаза можно было провалиться, как в весеннюю полянку в глубокой придорожной канаве.

Но, к сожалению, на этом вся привлекательность тети Лили и заканчивалась. Эта женщина была настолько плоской своими телесами, что создавалось впечатление, будто трогательный образ прибит гвоздями к фанерному манекену. Я почему-то был уверен, что соседке ничего не стоит проскользнуть в щель большого почтового ящика, стоявшего в помещении ближайшей почты.

Сама же тетя Лиля считала себя просто неотразимой и ходила гордая, как ворона. Видимо, в своей убежденности она исходила из того, что недостатки туловища с лихвой компенсируются достоинствами верхушки тела. Более того, по каждому поводу и без повода она хвастливо щебетала соседкам на общей кухне про то, какие заманчивые предложения делают ей назойливые поклонники. А она (поскольку уже раз обожглась с замужеством) или терзается сомнениями по поводу искренности чувств одних претендентов, или усматривает отрицательные черты в облике и характере других. Поэтому и не решается осчастливить кого-то из них согласием.

Женщины, конечно, посмеивались над чудаковатой соседкой, но в то же время неподдельно удивлялись, когда она тащила за собой очередного жениха совсем недурной наружности. И это в период неустраненного дефицита мужской особи, когда и бабе «при теле» не всегда удавалось обзавестись парой! Как она умудрялась охмурять мужиков, я до сих пор не понимаю. Может, она знакомилась с ними, стоя по горло в воде или выглядывая из канализационного люка? А может быть, их на самом деле затягивала трясина ее мутно-зеленых глаз?

И вот эту-то дамочку, безапелляционно утверждавшую, что она «знает себе цену», причем очень высокую «цену», я однажды невольно унизил, поставил на место, короче, показал всем жильцам ее истинную ценность. Бедная Лилия! Пытливая наблюдательность и несдержанная жажда получить скорейший ответ на непонятное жизненное явление шестилетнего карапуза (замечу, имевшего самые чистые намерения) повергла тебя тогда в глубокую депрессию, переросшую, вероятно, в душевный надлом.

А дело обстояло так. В то время тетя Лиля уже месяца два или три держала у себя на правах кандидата в женихи молодого человека по имени МойБоренька. Именно так она его всегда величала. МойБоренька внешне очень напоминал пуделя. Сходство обуславливали вьющееся волосы, словно у африканца, только светлой масти, такие же кудрявые бакенбарды и длинный нос. Молчаливость и покорность, с которой он следовал за хозяйкой, еще больше усиливали его уподобление собачке. Однажды вечером «неотразимая красавица» приперлась на кухню и по уже установившейся традиции притащила за собой, как на собачью выставку, послушного «пуделя». Словоохотливая молодуха завела разговор о достоинствах и совершенствах МоегоБореньки и здесь же впервые объявила о предстоящем бракосочетании, на которое наконец-то она решилась, убедившись в стопроцентной пригодности для этого своего избранника.

Собственно кухонное помещение, где происходило действие, никогда не использовалось по прямому назначению, поскольку готовили все в своих жилых комнатах. В ненастную погоду здесь иногда развешивали белье. А в основном оно служило своеобразным клубом. Женщины в свободное время собирались здесь почесать языки, а мужчины – для игры в настольные азартные забавы или выпить в компании, хотя выпивали тогда совсем не часто. И, конечно, среди взрослых постоянно крутилась любопытная ребятня.

«Пуделек» одиноко прислонился к печке шагах в трех от женской группы и никоим образом не реагировал на рекламные клипы в его честь, эмоционально демонстрируемые будущей женой.

Как я попал в эпицентр женского «базара», не помню. Возможно, подошел зачем-то к маме. Но вероятнее всего меня привела туда та фатальная сила, о которой я говорил выше, и, наверное, именно поэтому я и оказался рядышком с рассказчицей. А та, витая в облаках семейного бытоустройства, не могла не обратить внимания на стоявшего подле нее ребенка. Вероятно, она усмотрела во мне образец желаемого результата будущих супружеских отношений и ласково потрепала меня по белобрысой холке.

– Ох, – мечтательно вздохнула дамочка, – обязательно первым рожу мальчика. Хочу вот такого же. – И опять ее нежная ладошка опустилась на мой затылок. А я, как обласканный котенок, благодарно посмотрел в ее очаровательные глазки и, воспользовавшись паузой в ее лирическом «песнопении», задал давно мучивший меня вопрос:

– Тетя Лиля..

– Да, мой сладенький?.. – Ее ручка мягко скользнула по моим волосам.

– А почему у тебя спина, спина – и сразу ноги? А?

Вопрос прозвучал настолько неожиданно и четко, что наступила какая-то непонятная мне пауза. Взрослые, за глаза называвшие соседку плоскодонкой, щепкой и как-то еще, были не в состоянии воплотить свои наблюдения в столь точную и вроде бы изначально не оскорбительную формулу. Как будто я спросил: «Тетя Лиля, а почему у тебя щечки такие румяные?»

Первым очнулся (кто бы мог подумать!) выдрессированный «пудель». Казалось, его внешнюю оболочку разорвало повышенное внутреннее давление смеха. Он широко раскрыл рот, выставив на всеобщее обозрение проломы в зубном частоколе, и совсем не по-собачьи, а скорее по-ослиному прерывисто, раскатно заржал. Его ржание заразило присутствующих мужиков. Почти тут же их поддержал сдержанный хохоток женщин, мгновенно переросший сразу же после ухода невесты в откровенный гогот. Мама резко одернула меня. Тетя Лиля сначала пребывала в замешательстве, но, услышав ослиный рев суженого, решительно развернулась и выскочила из помещения, успев, однако, отблагодарить меня подзатыльником, а МоегоБореньку – пощечиной. Я, обиженный и всеобщим ржанием, и реакцией мамы, и «благодарностью» тети Лили, ничего не понимая, сконфуженно ушел к себе.

Минут через пятнадцать МойБоренька со всеми своими достоинствами, с каким-то фанерным чемоданчиком и заметно поредевшей бакенбардой был вышвырнут из комнаты несостоявшейся супруги. А тетя Лиля после этого случая на кухню стала заходить значительно реже, о мужиках почти не распространялась или высказывала туманные пожелания типа «всех бы их одной удавкой». Предполагаю, что и иметь та-

кого первенца, как я, она тоже передумала. А вскоре, примерно через полгода, эта женщина совсем съехала из нашего дома куда-то или кому-то. Мы тоже почти вслед за ней переехали в новую квартиру.

К сожалению, мое роковое воздействие на женщин этим случаем не завершилось. Подобные истории продолжились и на новом месте жительства.

Поселилась наша семья в самой большой комнате просторной трехкомнатной коммунальной квартиры. По сути такая квартира была тем же самым баракком, только в концентрированном виде. Поэтому общежитские катаклизмы воспринимались здесь жильцами более обостренно, как бы в обратной прогрессии к общему жилищному пространству. Оно и понятно, поскольку в коммунальной квартире даже результаты анализов мочи утаить невозможно.

Вторую комнату нашей квартиры занимали бездетные супруги – дядя Витя-2 (2 потому, что дядей Витей-1 был мой папа) и тетя Маруся. А в третьей проживали пожилая женщина, тоже тетя Маруся (для удобства – тетя Маша), и трое ее детей: Рудик (лет двадцати с чем-то), Капитолина (лет двадцати без чего-то) и Фая, или Файка, как я ее называл (поскольку она была старше меня «всего» на шесть лет). Правда, Рудик и Капа там вообще-то не жили. Рудик был женат и приходил к матери переночевать, лишь когда поссорится с женой. Капа же чаще приходила для того, чтобы помочь матери и сестренке.

Отношения между тетей Марусей и тетей Машей были, мягко говоря, натянутыми. Однако ни мои родители, ни дядя Витя-2, ни дети тети Маши в склоки практически не вмешивались. Зато я (вероятно, благодаря все тому же злему року) нередко оказывался на острие событий.

В тот зимний вечер я, возбужденный очередной победой в дворовом хоккейном поединке, с клюшкой и мячом влетел в квартиру. Капитолина в этот момент домывала пол в дальнем конце общего коридора возле своей комнаты. В коридоре также была бездетная тетя Маруся, которая шла к себе.

Увидев меня со спортивными снарядами, она поинтересовалась:

– Ну как, Женёк? Выиграл?

Вопрос был задан, конечно, просто так, для проформы, совсем не руководствуясь психологией болельщика, но меня он задел за живое.

«Обижаешь, начальник! – предположительно так подумал я тогда. – Могла бы сразу спросить, с каким счетом выиграл». А вслух похвастался:

– А как же! 20:15 в нашу пользу. Я сам семь голов забил.

– Вот там назабивал, а мне бы не забил, – съязвила женщина, задев мое самолюбие, и встала посреди коридора, подражая Льву Яшину.

«Ну ты ва-а-аще, тетя, с головой не дружишь, – обиделся я про себя. – Не забить гол тетке, ва-а-аще!»

Я аккуратно установил на полу теннисный мяч (именно такими мячами играли мы в хоккей во дворе) и хлестко ударил клюшкой. Удар действительно получился хлестким, а тетя Маруся (надо отдать ей должное) шустро среагировала на него. Но снаряд, срикошетив от ее руки, все же проскочил в условные ворота, коими оказалось ведро с водой, в котором Капитолина в ту секунду ополаскивала половую тряпку. Эффектное попадание вызвало восторг у «вратаря». Не ожидая никакого подвоха, тетя Маруся с улыбкой подошла к ведру, чтобы забрать мяч. Однако Капа совсем иначе оценила эту спортивную забаву и не разделяла нашего восторга. И неудивительно – ведь ей пришлось буквально умыться брызгами грязной воды.

Когда тетя Маруся приблизилась к девушке, та вытащила из ведра тряпку и хлестнула ею соседку, логически завершив спортивное мероприятие гигиенической водной процедурой. Эффект при этом оказался не меньшим, чем от приводнения мяча в ведро. Тряпка, словно недавно запущенный искусственный спутник земли, сделала виток вокруг шеи и, завершив свою миссию, благополучно приземлилась свободным концом в «Марианскую впадину» широко разинутого от неожиданности рта тети Маруси.

Что было потом, ясно каждому и без пересказа. Сцепившихся женщин разрывали два бульдозера в лице Рудика (очень кстати оказавшегося у матери) и дяди Вити-2. Я же благоразумно удалился со «спортивной площадки».

После такого инцидента между двумя Марусями началась действительно холодная война на грани кипения. Каждая из воюющих сторон пыталась завербовать в свой лагерь и мою маму, но она оставалась нейтральной и старалась поддерживать нормальные отношения с обеими соседками. Несмотря на то, что я сыграл роль провокатора войны, так сказать, квартирному Гаврилы Принципа, мои отношения ни с кем пока не испортились. Правда, примерно через два, два с половиной года тетя Маша на меня все-таки кровно обиделась. Но это было потом, а пока я еще не исчерпал всех своих фатальных антиженских возможностей периода начального школьного образования.

Не помню, что за торжество отмечалось в тот день на кухне в нашей квартире, скорее всего чей-то день рождения. Было еще не поздно, но уже стемнело. Усталый и голодный приплелся я тогда с улицы. Сестренка мирно посапывала в своей кровати, а мой диван и кровать родителей были завалены плащами, пиджаками и прочей одеждой гостей. Мне нужно было просто показаться на кухне, и мама накормила бы меня, но мерное сопение сестры навевало сонливость. Я не нашел ничего лучше-

го, как сбросить шаровары, в которых гулял на улице, и залезть под высокую металлическую кровать. Там обычно складировались чистые половики и дорожки и еще какие-то домашние вещи. Раньше, когда мы были поменьше, то, играя в прятки, иногда хоронились там. Вот и сейчас на мягких рулонах и упаковках, прижавшись к стенке, я расположился на ночлег. Откуда мне было знать, что под той же кроватью, но в другом ее конце покоился алкогольный запас, предназначенный для торжества.

Тетю Люсю, мать моей одноклассницы Наташки, откомандировали на этот «склад», как потом рассказывал отец, только потому, что сидела она на кухне ближе всех к выходу. Но я уверен, что усадил ее туда все тот же довлевший надо мной рок-женщиноненавистник, избрав тетю Люсю в качестве очередной жертвы.

Несчастливая женщина опустилась на колени перед кроватью, подняла занавеску и потянулась за бутылкой. И тут она заметила торчащие из-за половиков мои ноги, а точнее пятки цвета сухого асфальта. Вероятно, основываясь на цвете пяток, она сначала решила, что это паленые мостолыги на студень. Но когда уразумела, что эти мостолыги человеческого происхождения, ей стало, мягко говоря, не по себе. Издав негромкий грудной всхлип, женщина без чувств рухнула на пол.

Гости терпеливо выждали срок, отведенный на командировку. Посыльная не возвращалась. Недоуменные пожимания плечами и переглядывания: куда она могла запропасться? Никто из мужчин к ней в провожатые не набивался, и причина романтической задержки сразу же отпала. Тогда что же? Может, редко употребляющая алкоголь женщина решила наверстать упущенное, так сказать, «в одну харю»? Папа как хозяин места складирования пошел проверять выдвинутую версию. Тетя Люся валялась на полу. Увиденная картина вроде бы подтверждала предположение. Отец даже искренне удивился тому, как это за столь короткое время можно так накачаться. Однако убедившись, что это всего лишь обморок, а не последствия предосудительного поведения, он позвал остальных. Общими усилиями удалось вернуть упавшего «бойца» в строй.

Очнувшись, тетя Люся дрожащей рукой показала под кровать и чуть слышно прохрипела:

– Там... там мер... мертвец...

Несколько голов, приподняв занавеску, просунулись под спальный инвентарь. «Мертвец», лежавший лицом к стене, в этот момент издал громкий звук, исходивший из места, расположенного значительно ниже головы. Звук этот, вообще-то нетипичный при голодном желудке и неприличном при скоплении людей, явно не походил на

предсмертный всхлип. Встревоженные головы тут же убрались, вернув занавеску в исходное положение. И тут же громкий хохот потряс нашу комнату, разбудив и меня, и сестренку. А для тети Люси вечер был испорчен напрочь.

Но это еще не все. Она стала какой-то странной, во всяком случае при встречах со мной. Увидев меня, взрослая женщина испуганно тащила глаза, обходила меня стороной и тут же уводила Наташку, если замечала, что я с ней стою и разговариваю или возвращаюсь из школы. Больше в застолях в нашей квартире она не участвовала.

Следующей жертвой моих феноменальных потусторонних способностей стала женщина из деревни Сакулино, куда мы с сестрой ездили отдыхать на лето к тете Наде. Это была мать моего деревенского приятеля Сашки – тетя Галя. Сашка был неплохой компанейский пацан. Мы вместе купались, ходили за грибами, он научил меня правильно изготавливать стрелы для лука. Но в то же время был он ехидный и вредный. С какой торжественной злобой прогонял он меня от своего палисадника, через который свешивались усыпанные ягодами каринки ветки! Эти ягоды обычно, кроме птиц, никто не употреблял. Но тем не менее: не твое – не лапай!

Я ему отвечал аналогично, лишь только он приближался к черемухе, помимо воли тети Нади выросшей у нашего дома. Хозяйка давно собиралась ее спилить, но все как-то руки не доходили. Ягоды черемухи тоже были практически только птичьей радостью, но тем не менее. Я был ловчее Саньки и не раз лупил его за вредность, но это мало его вразумляло. И что характерно: когда ему попадало, то он, независимо от того, куда пришелся удар – по лицу, по туловищу или по заднице, всякий раз закрывал ладонью глаз и начинал верещать и крутиться на одном месте, словно собачонка, догоняющая свой хвост, постепенно оседая при этом на траву. Истерика продолжалась и на земле. Однако на пыльную дорогу ложиться он не решался, а попросту отбегал и дразнился.

Так вот. Однажды я увидел ужасную картину. Сашка сидел на нашей черемухе и щипал зеленые ягоды. Возмущению моему не было предела.

– А ну проваливай с нашего дерева, пока не получил!

Угроза не подействовала. Более того, он стал ехидно грызаться.

– Это не твоя черемуха. Ты здесь никто!

– Ах, ты, гад! Я тебе сейчас покажу «никто»...

Я полез на дерево, а он забросил в рот горсть зеленых ягод и стал обстреливать меня через тростниковую трубку. Несмотря на шквальный огонь, я упорно карабкался вверх. Видя, что стрелковое оружие мне не помеха, захватчик перешел к запрещенному всеми уличными конвенциями химическому оружию – приспустил трусы и стал поливать меня своей ядовитой жидкостью.

Подобные действия переходили все мыслимые пределы. Но наглость и цинизм имели обратный эффект – они придали мне дополнительную решимость. Видя, что для защитника справедливости и отравляющие средства – не преграда, до Саньки дошло: пора смываться, а то расплата неминуема. Намерения его были предельно ясны: ухватиться за гибкий сучок и плавно парашютировать на землю. Такие приемы многократно отработывались нами в мирный период во время совместных маневров. Однако благоприятный момент для отступления враг упустил, пока убирал свой распылитель отравляющих веществ. Я едва не ухватил его за пятку. Санек поднялся еще выше, но прыгать оттуда не решился. Ему удалось спуститься на сук, расположенный на одном уровне с тем, что был у меня под ногами. Он ухватился за него руками, чтобы приступить к десантированию. Но я успел вовремя. Жесткая пятка, все лето не знавшая обуви, с приземлением опустилась на пальцы, судорожно сжимавшие древесный отросток.

С каким-то садистским наслаждением воспринимал я музыкальную композицию, состоявшую из истошного вопля, хруста ломающихся веток и глухого удара приземлившегося тела. Высота падения была небольшая, а поросшая травой мягкая почва хорошо амортизировала. Так что приземление наверняка было мягче, чем у космонавтов. Однако почувствовав землю, Сашка принялся еще громче верещать, корчась и катаясь по траве. Не забыв, как и положено, закрыть ладонью глаз. Было ясно, что он блефует.

Я уже приготовился спуститься вниз, чтобы показать симулянту, за какое место надо держаться, когда «рухнешь с дуба», но заметил, что к месту события с криками приближается его мамаша. В руке тетя Галя с благоговением держала букет свежесорванной крапивы. Разумеется, я решил временно отложить возвращение на грешную землю, исправляя ошибку прапращуров, неосторожно покинувших в давние времена эту более безопасную позицию на деревьях. Тете Гале, скорее всего, посчастливилось полюбоваться, как я по-джентльменски показал ее отпрыску кратчайший путь на родную землю, и она поспешила отблагодарить меня за чуткость.

Деревенские женщины, без сомнения, сохранили более тесные связи с дикой природой, чем городские. Поэтому карабкаться на дерево, словно кошка за беззащитными птенцами, ей было не «запало», благо многочисленные сучья благоприятствовали ее восхождению. Уйти от тетки тем же способом, который пытался применить ее сынок, мне не составляло труда. Но тот, сволоочь, как только увидел поддержку, вскочил на ноги и, разгадав мои намерения, встал рядом с местом вероятного приземления. Он явно приготовился любой ценой

задержать меня до спуска матери. А это уже было похоже на тщательно спланированную войсковую операцию и осложняло мое положение. Основная ударная группировка противника наступала на мои позиции. У меня под носом уже шелестели крапивные листья, отпугивая слепней и мух. Я, насколько возможно, отступил к краю гибкого сучка и приготовился к спуску по-тарзаньи. Тетя Галя решила в этот момент нанести решающий удар и сделала шаг вперед.

Да, этот шаг был ее роковой ошибкой. Треск, визг, глухой шлепок о землю вторично известили деревню о неудачном десантировании. Бесстыжие ветки дерева задрали подол ее платья и порвали трусы.

Я поспешил спрыгнуть с дерева и скорее ретироваться. Выскочившая на жуткие вопли «десантницы» тетя Надя и еще несколько человек с восторгом глазели на застывшую в позе справляющего намаз мусульманина односельчанку. Одновременно зрители могли наблюдать в разрывах нижнего белья целомудренную белизну ее ягодич и слушать комментарий произошедшего события, излагавшийся в виде всхлипов, причитаний и проклятий: «Мазурик, убийца, убийца! Бандит городской! Чтоб тебя...»

Зрители повеселились вволю. А история эта стала впоследствии деревенской легендой и обросла новыми подробностями, о которых я, непосредственный эпический герой, и представления не имел.

Ну а теперь пришла пора рассказать о «кровной обиде» на меня тети Маши – матери самой близкой мне и по возрасту, и по чувственному восприятию соседки Файки, простите, Фаи. И обидеться было за что. Ведь я, кажется, как коварный мачо или Казанова, загубил личную жизнь ее дочери. Но опять повторяю и уверяю, что и в этом случае у меня даже в мыслях не было причинить ей какой бы то ни было вред. Наоборот, Фая мне очень нравилась. Она была и стройна, и красива, да к тому же помогала мне в учебе, помогла выработать ровный красивый почерк, что впоследствии облегчило мне армейскую службу, и т.д. Более того, она однажды удовлетворила меня как мужчину, не больше и не меньше.

А дело было так. Я сидел на кухне и уплетал что-то вкусное, кажется, котлету, а Фая мылась в ванной. (Какое интригующее начало, не правда ли?) В то время квартира еще не была оборудована газовым или электрическим нагревателем, и чтобы помыться, мы топили титан дровами. Это был очень капризный агрегат с непредсказуемым характером. И самой любимой его забавой была выдача через душ холодной и горячей воды отдельными порциями. Представьте ситуацию: вы приготовились к блаженству, а вас по системе Порфирия Иванова неожиданно окатывают холодной водой, а через мгновение, дабы избежать простуды, заваривают крутым кипятком. Вот такой контрастный душ.

1, 2, 3

*Ведь мы ребята,
ведь мы ребята
из золотых семидесятых
(и восьмидесятых).*

4

*Судья соревнований по зим-
нему многоборью ГТО: «Все
набранные баллы сошедших с
дистанции кросса или умерших
на дистанции спортсменов будут
аннулировать. Просьба всем
добежать до финиша».*

5

*Мой последний хоккейный сезон.
Рыбинск 1980 год.*

6

*Там уже нашу победу празднуют,
а друга с эстафетным стаканом
еще не видно!*

7

*Мы пробежали 500 километров от
Рыбинска до Калинина, а артиллерий-
ского салюта почему-то не слышно.*

Чем тогда Фаина не угодила этому злодею, я не знаю, но, исполнив сольную арию в стиле визга, девушка в ослепительном костюме Евы выскочила в коридор. Здесь она, по-видимому, потеряла ориентировку и вместо своей комнаты ринулась в сторону кухни, где я в тот момент при помощи вилки запихивал в рот кусок котлеты. Как вилка тогда не проскочила в пищевод вслед за котлетой, я объяснить не могу.

Красивая, с влажными распущенными волосами, румяная после горячего приема водонагревательного агрегата (как сейчас политнекорректно бы выразились – сексапильная), летела она ко мне, пылая жаром любви, зажигая и меня той же (пока еще не осознанной мною) ответной страстью. Но, подлетев почти вплотную, почему-то резко затормозила и в мои объятия не бросилась. Возможно, она решила, что соблазнение десятилетнего мужчины чревато последствиями. Хотя я, по правде говоря, уже был совращен ее видом. К моему неудовольствию, Фая развернулась, но зато, как профессиональная манекенщица, грациозно (насколько можно быть грациозной после обжигающего душа) продефилировала до своей комнаты, дав возможность зрителям (пардон, зрителю) рассмотреть свои прелести и со спины, оставив меня при этом в состоянии греховного восторга.

И вот этой девушке, подарившей мне такие неизгладимые впечатления, я вскоре разбил личную жизнь.

Дело в том, что в свои семнадцать лет Фая была уже вполне сформировавшейся дамочкой-красавицей. В присутствии меня на кухне она рассказывала подруге, что познакомилась с молодым красавцем, просто гусаром. К тому же, по ее словам, достаточно состоятельным (по тем временам, конечно) и перспективным чиновником из какого-то комитета. (Какого комитета – комсомольского, профсоюзного, спортивного, партийного, не помню, но что перспективного, помню точно.) Возможно, после развала Союза этот красавчик стал бы солидным бизнесменом, а Фая – известной леди, прожигательницей жизни. Может быть. Во всяком случае, соседка всерьез хотела связать с ним свою судьбу на долгие годы. Хотя понятие «долгие годы» весьма относительное. В долгие девяностые годы был открыт сезон охоты на крупноденежную дичь, но это уже другой вопрос. А пока я, сгорая от ревности, слушал ее хвастливо-радужные проекты будущей жизни. Помнится, я воображал, как буду бить, лупить, месить холеную морду этого красавчика, а потом, предупредив, чтобы он не приближался больше к Фае, благородно отпущу его. Но, увы (а может, к счастью), у меня для сватовства к соседке не хватало в то время не только денег, но и возраста.

И еще раз повторяю, что совсем не из-за ревности я коварно (не по своей воле) развернул благоприятное течение ее судьбы.

Ну так вот. В тот судный день Фая «гримировалась» на кухне. Примерно через час у нее намечался ответственный жизненный акт. Она должна была предстать перед светлыми очами возможно будущих све-крови и свекра. Я наблюдал, говоря современным языком, за созданием ее имиджа и недоумевал, зачем ей так намазываться. Ведь она и так очень мила, она и так мне очень нравится. Вероятно, я и выдал ей что-то под это настроение. Что я ей тогда сказал, точно не припомню, но скорее всего как галантный кавалер сделал даме замечание о разном диаметре ее глаз или перекошенной линии губ. На такой комплимент я уже тогда был способен.

На девушку подобная оценка ее художественных способностей и внешнего вида произвела ошеломляющее впечатление. Она почему-то вместо исправления выявленных недостатков просто взбесилась. Как разъяренная тигрица, вскочила Фая со стула с намерением наградить меня оплеухой за мои корректные замечания. Но не тут-то было. Я предусмотрительно «сделал ноги» и убежал в свою комнату, надеясь, что агрессор не посмеет нарушить границу суверенной жилой площади. Но агрессор он и есть агрессор. Файка грубо толкнула меня на кровать и склонилась для экзекуции. Она явно действовала по сталинской военной доктрине о добивании врага на его территории. Мне же не оставалось ничего другого, кроме как воспользоваться юридической нормой о необходимой обороне. Рядом с кроватью на тумбочке лежал увесистый игрушечный пистолет. Я давно уже снял его с вооружения и до сих пор не могу представить, как он там оказался. Но дело не в том, что этот предмет (впрочем, как и я) оказался в ненужное время в ненужном месте, а скорее всего в том, что это было очередное проявление фатального рока, преследовавшего через меня некоторых женщин, имевших несчастье каким-то образом быть связанными со мной.

Я успел схватить увесистую игрушку за ствол и нанести агрессивной девице рукояткой удар под глаз. Фая закрыла ладонями ушибленное место и со слезами выскочила из комнаты. Я тоже поспешил ретироваться на улицу.

Светский прием в честь Фаи и возможная неофициальная помолвка были, естественно, отложены, так как на милом личике моей соседки явно нарушилась гармония красок. Больше об этом перспективном жене я от Фаины никогда не слышал. А для ее матери, которая раньше обладеживающе называла меня «зятек», я стал бандитом с большой до-роги.

Такие вот необъяснимые и нежелательные особенности моей личности сопровождали мой жизненный путь «на заре туманной юности».

Но я хочу уверить и успокоить всех женщин, решившихся прочитать мою исповедь, что летальных исходов и внеконтактной беременности не происходило. Хотя одна особа уже значительно позднее и пыталась приписать мне второе.

А как бы извиняясь перед дамами, где-то в двенадцать лет я и начал писать покаянные стишки, оправдываясь за свои детско-юношеские проступки.

Владимир Высоцкий задался в свое время проблемным вопросом, чему нас учат семья и школа. Без протокола, конечно. Эти два социально-общественных института имеют в жизни любого человека первостепенное значение, формируя его вкусы, наклонности, навыки и, конечно, закладывают необходимые знания. У меня же устойчивый интерес очень рано проявился к истории. Этому способствовало не только грамотное школьное преподавание, где мне действительно повезло с учителями этого предмета, но и кухонное общение, в процессе которого я применял свои знания на практике и получал стимул к углубленному изучению предмета.

В ненастные дни в нашей квартире собирались приятели отца и соседа дяди Вити, чтобы перекинуться в картишки на просторной кухне. Нередко карточный азарт отступал перед азартом поиска истины. Зачастую игроки впадали в исторические дискуссии, имея иногда довольно смутное представление о теме. Я с интересом впитывал эти рассуждения, а затем перепроверял по источникам их достоверность. В эти споры я не вмешивался, поскольку меня сразу же одергивали: «Сопляк еще чтобы учить!» Но зато когда дядя Витя и папа оспаривали истину вдвоем, у меня появлялись возможность проявить себя. Там я порой был авторитетным арбитром, к которому прислушивались, и преподносил истину в последней инстанции.

Как-то зашел между ними спор, кто из царей продал американцам Аляску. Дядя Витя утверждал, что загнала эту территорию по дешевке Екатерина Вторая. Отец же с сомнением возражал:

– Нет, это сделала не Екатерина. Ее, по-моему, тогда уже не было.

– Как это не было?! А где же она была, по-твоему? Она же больше всех правила.

Надо сказать, что для соседа эта императрица была очень и очень непривлекательной фигурой. Он почему-то был убежден, что эта «бля**кая баба пропила и про**ла пол-России». Однако назвать другие территориальные недостатки, кроме Аляски, он не мог.

Дорогой дядя Витя, не знаю, что ты говорил в конце XX века, когда на твоих глазах современные правители пропивали, продавали и про***, продельвали со страной такое, что в шестидесятых годах и во времена Екатерины даже в самом кошмарном сне не могло явиться.

Извинился ли ты хотя бы мысленно перед этой успешной правительницей и грамотным политиком? Ведь эта «гуляющая немка» должна восприниматься, по сравнению с ними, как Василиса Премудрая и ярая русофилка.

Ну а в те годы он к тому же полагал, что Екатерина Вторая властвовала от Петра Первого почти аж до Николая Второго, временно отдавая бразды правления другим государям для разгрома декабристов, ведения Крымской войны и отмены крепостного права.

Ну так вот. Если в процессе спора оставались невыясненные вопросы или я сомневался в выводах взрослых, то на следующий же день летел в библиотеку и прояснял сомнительные моменты. А вечером на кухонном столе уже лежал ответ на предмет спора.

И в этот раз я не поленился и выписал хронологию правления всех государей, начиная с Ивана Второго, когда он еще не носил титул самодержца, а также точную дату продажи наших земель на американском континенте. Папа был горд своим сыном, а я собой – еще больше. Аналогично я просветил отца и соседа по поводу количества жен Ивана Грозного, попутно добавив, что с последней женой он жил вообще не расписавшись, то есть, по-нашему, сожительствовал. Такое известие было для них откровением. Они, по-видимому, считали, что церковные каноны и действовавшие в те времена обычаи не допускали этого.

– Как же так, – недоумевал сосед, – у нас парторга с должности сняли за то, что он схлестнулся с девкой и даже не уходил от своей бабы. А тот менял их, как рессоры на самосвале, и по хрен дым...

Дядя Витя был технарь и оценивал жизненные явления на основе аналогий с техникой. В первую очередь с автомобилем, в котором досконально разбирался.

– А, вообще-то, – продолжал он свои рассуждения, – политика – это самый грязный бордель, где все запутано. То ли дело техника. Возьмем, к примеру, двигатель. Там все ясно с первого тыка. Вот, смотри, поршень, – и он оттопыривал средний палец одной руки, – вот гильза блока цилиндров, – он делал трубочку из пальцев другой руки и показывал принцип работы механизма. – Так – сжатие, – разъяснял он, вводя палец-поршень в трубочку-гильзу, – так – разряжение, – палец поршень выходил из гильзы, – так – впрыск. Все ясно, все на месте, и бамперу понятно.

Он производил при этом движения, под которыми мы, пацаны, понимали совсем другой процесс. И покажи я эту действующую модель двигателя внутреннего сгорания на уроке, возбужденная учительница немедленно потребовала бы свидания с моим отцом. Но это так, к слову.

– А здесь что получается? – продолжал он. – Хотя бы со Сталиным. Еще вчера ему задницу целовали, а сегодня те же обгадили с ног

до головы и выбросили, как кузов списанного самосвала, на дачу под навоз. Тот же Никита все был дорогим и любимым, а сейчас каким-то «волонтистом» стал. Слово-то какое, язык сломаешь! Чистый коленвал. А когда Лёньку уберут, какую кликуху ему придумают? Тормоз, наверное?

Таким образом спорщики открывали для себя, да и для меня тоже, формулу философского закона отрицания отрицания.

Вообще-то мне уже тогда в голову закрадывалась мысль о том, что историю вершат не те деятели, что участвовали в каких-то событиях. И даже не те современники, что наблюдали эти события, описали их и зафиксировали как исторические факты. И даже не те, что описывали эти события со слов участников или непосредственных наблюдателей. И даже не те, кто, переворошив кучу первоисточников и потратив на это долгие годы, пришли к определенному выводу. А те, что в настоящий момент комментируют, истолковывают и подгоняют исторический факт под нужды действующей власти.

Короче, если про закон говорят, что он порой, как дышло – куда повернул, туда и вышло, то современную историю можно сравнить с вожжами, которые накидывают на лошадь нашего прошлого, чтобы управлять настоящим.

Нет, какими же умницами были эти древние греки! Они, словно миксером, перемешали происходившие события, то есть исторические факты и реальные личности, с мифологической романтикой. И получилась из всего этого такая прелесть, что люди на протяжении тысячелетий со смаком обсасывают ее со всех сторон и не могут наладиться.

Как я уже говорил, учеба мне давалась без напряжения. Особого рвения я не проявлял, зная, что положительный балл все равно получу. В моих оценках преобладали четверки. Родителей это, наверное, устраивало, и они меня сильно не контролировали в учебном процессе. Но, тем не менее, учился я не для профформы, и интерес к получению знаний, конечно же, был серьезный, особенно к истории, которой я заразился в раннем детстве.

Из всех преподавателей этой дисциплины, которые обучали меня от начальной школы до института, наибольшее воздействие на меня произвела именно первая – Софья Константиновна Шестирикова. Она была просто влюблена в античную, прежде всего древнегреческую, мифологию. И даже профиль ее лица был словно скопирован с античной амфоры: нос с горбинкой, кудрявые локоны волос, свисающие к плечам отдельными прядями, вкрадчивая улыбка. А мягкая, распевная манера объяснения предмета словно погружала учеников в мифологическую атмосферу. Однако образец для создания остальных

частей ее тела Господь явно позаимствовал из более позднего исторического периода и из иного географического пояса. Он наделил ее фигурой российской купеческой кухарки из XIX столетия.

Но манеры ее, еще раз повторюсь, были все же мифологические. Тихо и незаметно, словно имевшая способность становиться невидимой богиня раздора Эрида, подходила она к ученику, списывающему с учебника во время контрольной работы, и речитативом выдавала какую-нибудь поговорку или крылатую фразу из исторического прошлого: «Ваша хитрость, отрок, шита белыми нитками». А когда отбирала или поднимала с пола выпавшую шпаргалку, то использовала обычно поговорку из периода французской феодальной раздробленности: «Что с воза упало, то пропало, мой милый. А тебе как нарушившему правила турнира придется покинуть ристалище».

Но если Софью Константиновну кто-то сильно доставал, она раздраженно вспыхивала и плавно, но решительно подкатывала к парте обидчика. «До коих пор, Каталина, ты будешь злоупотреблять нашим долготерпением?» – патетически изрекала она известное выражение Цицерона, нисколько не уступая ему в ораторском искусстве. Причем, в зависимости от температуры эмоционального кипения, она могла произносить свои обличительные монологи и на латыни. Новоявленный «Каталина» сначала вертел головой, не понимая, о ком и о чем идет речь, но быстро осознав, что влип, мрачнел. Как, наверное, мрачнел и его предшественник – древнеримский заговорщик.

Одно время у нас в классе учился и ее сын Василек. Пацан как пацан. Но мать поблажек ему не давала и требовала от него даже строже, чем от остальных учеников. Один раз он принес с собой в школу зажималку и хвастался ею перед началом урока истории.

Софья Константиновна появилась, как всегда, ниоткуда.

– Дай-ка мне эту вещицу! – потребовала она.

– Не отдам, это папина, – заартачился было сынок.

– Это что же такое получается?! – возмутилась мама-учительница, как всегда, историческим примером: – Вассал моего вассала – не мой вассал?

А как вдохновенно излагала Софья Константиновна античную мифологию! После ее уроков невозможно было не влюбиться в эти сказочные (нет, не сказочные, а вполне реальные) образы. Они казались реальными потому, что античные божества (по мнению самих древних греков), творя жестокости в отношении людей, не оправдывали свои поступки карой за человеческое грехопадение и не скрывали свои такие же человеческие, совсем не праведные привычки.

Взять хотя бы Зевса и Геру. Зевс вроде и был верховным богом, но ничто человеческое ему было не чуждо. Мало того что Гера была его

седьмой (как и у Ивана Грозного, кстати) женой. Так она была еще его родной сестрой, с которой он до официальной регистрации 300 лет попросту сожительствовал. Но и этого ему было мало. Сколько у него было внебрачных детей от смертных и бессмертных женщин, даже древние греки не могли сказать точно. Гера едва успевала наказывать его любовниц, то превращая их в животных, то попросту губя.

Не уступал папаше и один из его сыновей – воинственный солдафон Арес (или Арей, кому как нравится). Он даже соблазнил супругу своего брата-труженика Гефеста Афродиту, на которой, по правде говоря, из-за ее любовных походов пробы ставить было негде. Но это ее суть, однако. Застигнутый родственником врасплох на месте прелюбодеяния, бог войны отступился от красавицы, осознав, что с кузнецом шутки плохи. Это ли не намек всем последующим мужикам-труженикам – берите в жены не красавиц, а тружениц. Ну а богу войны Аресу пришлось остаться на веки вечные с дамой, которая более всего ему подходила – богиней раздора Эридой. Что, в принципе, сохранилось и сейчас.

Или возьмем Диониса, бога вина и виноделия. Этот бесшабашный парень не ограничивался Элладой и шлялся почти по всему миру, где мог произрастать виноград. Его повсюду сопровождала веселая компания, возглавляемая вечно пьяным дядькой-воспитателем Селеном. В компанию входили и хмельные песнопевцы сатиры, и раскомплексованные разгульные вакханки. Ах, что это было за сообщество, что за компания! Они, безусловно, привлекали к себе людей и плодили подражателей. И неслучайно во многих регионах правители пытались не давать входных виз этому сообществу. Одним из последних таких примеров можно назвать политику Михаила Горбачева, который перевел виноградные плантации в разряд лесосечных таежных делянок. Но не допустить Диониса и компанию в страну у него не получилось. А вот развалить страну удалось.

Мне очень нравится легенда о Деметре и ее дочери Персефоне. Персефона в олимпийском совете министров была министром сельского хозяйства и природных ресурсов и исполняла свои обязанности, по-видимому, очень даже замечательно. Во всяком случае, ни люди, ни боги к ней претензий не предъявляли. Но тут опять в дело вмешалась любовь. То есть опять – ничто человеческое нам (богам) не чуждо.

Тоскливо было богу подземного царства теней Аиду в своем бункере. Наслушался он рассказов своих клиентов о радостной солнечной жизни на поверхности, о страстной любви и сам загорелся этим нестерпимо жгучим чувством. Увидев на заседании олимпийского совета министров дочь Деметры Персефону, он воспылал к ней искренней любовью и стал добиваться руки этой девушки. Но какая же мать

отпустит любимую дочь в подземное царство, где только искусственное освещение, к тому же эффективно помогающую ей в ведении министерских дел! Отказ был закономерен. Тогда Аид решил создать прецедент для будущих кавказских джигитов, как действовать в подобных случаях. Он похитил невесту, чем и вдохновил Леонида Гайдая на создание бесмертного фильма.

Но этим дело не кончилось. Деметра поставила ультиматум: или боги возвращают ей дочь, или она отказывается работать. Попросту забастовала. Персефона, может быть, и нашла бы способ сбежать от мужа, но тот то ли уговорил, то ли заставил ее проглотить гранатовые зернышки, символизирующие нерушимость брака. Переступить через этот обет женщина не могла. Ситуация патовая: Деметра бастует, природа чахнет, земля не дает урожай, люди голодают и мрут. К тому же холодина жуткая. (Не предостережение ли это современным людям?) Первое экстренное заседание олимпийского совета министров по этому поводу закончилось ничем. Аид стоял на своем – уж слишком по душе пришлась ему эта девица. Деметра на своем: «Мне и дома неплохо».

Задумались боги. А что если все люди вымрут, тогда кому они, боги, будут нужны? Пришло это на ум и Аиду: если не будет поступления клиентов в его царство теней, тогда и он своей должности лишится. Такая же участь грозила и Деметре. Пришли, наконец, боги к консенсусу, вынуждены были прийти. (Вот бы современным «небожителям» прийти к разумному консенсусу!) Порешили так: пусть часть года Персефона живет у матери, а другую часть проводит с супругом. Уезжает она в подземное царство – и начинает увядать природа. Но не умирать, а увядать и отдыхать. А после ее возвращения – новое буйное цветение.

Я мог бы еще долго разглагольствовать о древнегреческой мифологии, потому что влюблен в нее, как и моя учительница. И убежден, что это не мифы, а реалии. Их только нужно понять и перенести в наше время для пользы дела.

К сожалению, современные общества, а точнее те, кто ими верховодит, берут на вооружение из античности чаще негативные примеры, нежели примеры, достойные подражания и применения в нынешней практике. Те же американские «небожители» для устранения конкурентов и продвижения своих интересов по всему миру вывели специальную породу новых троянских коней под одной кличкой «Демократия» и насильственно расселяют такие «демократические» табуны по всем странам и весям. А эти «кони» вытаптывают современные поля цивилизаций, как в свое время была вытоптана и Троянская.

Ну ладно, хватит об истории. Были же и другие школьные дисциплины, которые так или иначе повлияли на мои литературные пристрастия. Например, физика. Моей «соображаловке» не всегда давались

1

С отцом Виктором Сергеевичем. Рыбинск.

2

*И как с десяток лет назад,
Спустились вновь в укромный бар
Еще престижный адвокат
И уже бывший комиссар.*

3

*Ребята из моей группы по борьбе с карманными кражами.
Вообще-то мы публично в форме не светились. Но здесь –
большой праздник и демонстрация 7 ноября 1979 года.*

4

Рабочие будни. Таллинн, 1982 год.

5

*«На маленьком плоту
Сквозь бури дождь и грозы,
Взяв только сны и грёзы...
Я тихо уплыву...»
– Эй, там, на плоту! Может, не стоит уплывать-то?
На берегу шашлык жарится. Подумай!*

6

– Эй, там, на берегу! Не начинайте без меня. Я уже приплыл.

задачи по этому предмету, но зато я на всю жизнь усвоил основной принцип практического применения физических возможностей – метод проб и ошибок, или, как его более точно сформулировала людская наблюдательность, метод тыка. Помнится, впервые применил я его в повседневной жизни, когда согнул дугой медную проволоку и ткнул ею в электрическую розетку. В нашей комнате тогда я был один, что само собой разумеется, так как проведение такого эксперимента требовало творческой обстановки. По правде говоря, это первое знакомство с методом меня мало впечатлило, поскольку я тогда предусмотрительно зажал проволоку во время проведения опыта в деревянную бельевую прищепку, которую и держал в руке. Небольшой хлопок в розетке меня почти не испугал.

Зато для дорогих соседей по коммунальной квартире (я должен это подчеркнуть) впечатление стало гораздо более ярким, несмотря на внезапно окутавший их мрак. Только представьте себе, как бы вы впечатлились, если бы на самом интересном моменте редкого тогда «несколькосерийного» сериала вдруг ослеп ваш телевизор! Ах, если бы у меня был в то время магнитофон! Сколько можно было бы записать искренних, образных и справедливых выражений и проклятий, высказанных в одно мгновение в адрес неизвестно кого.

Повторяю, я не был в тот момент под сильным впечатлением от короткого замыкания в электросети и внезапно потухшего света и поэтому сумел сообразить, что надо запереть дверь на ключ, дабы соседи не заподозрили, что я дома и могу быть причастен к этому знаменательному событию. Я затаил, как мышонок в норке, и чутко прислушивался к происходящему в общем коридоре. Мне отчетливо было слышно, как соседка тетя Маруся чиркает спички, при свете которых ее муж дядя Витя, неразборчиво бубня что-то под нос, лихорадочно наматывает «жучок» на пробку электросчетчика.

Однако первая попытка осветить квартиру оказалась у соседа неудачной. Это послужило поводом для ехидного предположения его жены о том, что такому мастеру можно доверить только крутить «кривой стартер» автомашины, которая не заправлена бензином. Колкость заставила незадачливого электрика заговорить четко и раздраженно:

– Ты, дура, свети лучше, а не суй нос туда, где ничего не петришь!

Вторая попытка осветить жилище закончилась хлопком погромче, чем при моем эксперименте, а также фейерверком искр, визгом соседок и авторугательством дяди Вити «ёкарный карбюратор!»

– Витька! – заверещала другая соседка, тетя Маня. – Ты же всю квартиру спалишь!

Вдруг в кромешной темноте наступила гробовая тишина. Но вскоре последовал такой диалог:

– Может, монтера вызовем?

Затем сомнение:

– Дождешься его! В холодильнике все потечет.

Потом обиженное мужское:

– Дело-то пустяковое, я и сам справлюсь.

– Ой, Витька спалишь всех!

– Светите, кому говорят!

Желание досмотреть фильм оказалось сильнее страха перед пожаром, и два спичечных фонарика осветили кропотливую работу дяди Вити. Наконец свет зажегся и зазвучал бодрый мужской голос:

– Ну что я говорил! А вы – монтера, монтера...

И общий коридор мгновенно опустел.

К приходу родителей и сестренки я был уже в кровати, хотя и не спал. А вот из-за своей природной скромности никому из них не похвастал об удачно проведенном эксперименте с практическим применением метода тыка.

В следующий раз я использовал этот метод по просьбе, а точнее из желания помочь своему однокласснику Вовке Весёлкину. Дело в том, что его мама работала заведующей продовольственным магазином, и наша классная руководительница постоянно названивала ей на работу, информируя о школьных «успехах» сына. Ну а Вовкина мама, исходя из тематики телефонного разговора, реагировала на эти сообщения об «успехах»: или оставляла для учительницы дефицитные продукты, или готовила ремень для отпрыска.

Однажды Вовка с кем-то подрался на перемене, расквасив сопернику нос. Его из-за этого вызвали к директору школы. Он пожаловался мне, что если классная узнает об этом (а она непременно должна это узнать), то обязательно позвонит матери, и та не отпустит его в выходной на футбол. Я сказал приятелю, что знаю способ, как не допустить телефонного разговора между его мамой и учительницей.

Мы пришли в магазин, где работала Вовкина мать, и в тамбуре у кабинета заведующей я вонзил в телефонный провод металлическую иголку, чем заблокировал телефонную связь. Вытащить иголку из провода после 15 часов (когда наша классная наверняка должна была покинуть школу), как мы договаривались, Вовка забыл. А посему технологический цикл работы магазина был нарушен на длительный период – ведь на этот номер звонила не только наша классная дама. Заведующая не могла сделать заказ завоза товара на субботу и воскресенье и, естественно, вызвала телефониста. Тот без труда обнаружил покушение на преступное деяние – производственный саботаж. После этого вычислить самого саботажника тоже не составило труда. Саботажник быстро раскололся, как говорится, до пупа, и сдал меня с потрохами.

Его мама каким-то образом связалась с моими родителями, и я так же закономерно получил свою порцию «дёрны на пяточок» за неудачное применение метода тыка.

Впрочем, и сейчас в жизни мне нередко приходится идти дорогой проб и ошибок, и не всегда в руках оказывается защитная прищепка от удара житейским током. Но когда что-то получается, то этот удачный «тык» затмевает многие неприятности от неудач.

Так что физическая наука и Владимир Владимирович Маяковский мне на полном серьезе порекомендовали: твори, выдумывай, пробуй, пардон – тыкай.

Теперь немного о математике. Козе понятно, что без цифровых символов в жизни – никуда. Человек изначально, а точнее сразу же после длительной стажировки в приматах (а может, и раньше), вынужден был столкнуться с подсчетами. Но я не собираюсь анализировать эволюцию математики, которую, скорее всего, начали применять только как средство учета необходимого продукта для выживания рода-племени, а также как способ определения и фиксации жизненных пространств. Необходимость такой бухгалтерии определялась прежде всего физиологическими потребностями желудков. Тогда математика была еще штучной и пространственной дисциплиной, то есть приземленной. Много позже она превратилась в средство утоления неутоляемой человеческой фантазии, когда она уже не контролируется физиологией человеческой утробы, и как наука стала отталкиваться от абстрактных соображений. Я просто хочу прояснить (в первую очередь для себя самого) предположение о том, как повлиял этот предмет на мою склонность к творчеству.

Могу без хвастовства сказать, что арифметические подсчеты, алгебраические формулы, геометрические фигуры и тригонометрические функции меня совсем не раздражали, как раздражает нынешняя реклама во время футбольного матча. Я их переваривал, хотя и без особого аппетита, словно обязательный обеденный суп. А в такие кулинарно-математические изыски, как начертательная геометрия или высшая математика, я свой приземленный нос совать не стал. Но было для меня в этой науке что-то такое, что ставило мое литературно-неопределенное воображение в тупик. Наверное, такое восприятие в немалой степени зависело и от преподавателя.

Лидия Михайловна Кулакова, женщина лет сорока, была высокой, сухой, строгой и четкой преподавательницей, Впрочем, как и вся математическая дисциплина, которую она представляла. Но при объяснении теоремы непересечения двух параллельных прямых она вдруг заявляла, что там, в бесконечности, эти линии могут сойтись. Не больше, не меньше. Разжевывая эти явления для нашего усвоения,

она начинала изменять своей четкости (по тогдашнему моему мнению) и направляла наши умы в философскую абстракцию.

– Понимаете, – многозначительно излагала она, – это математика. Тут слово «есть» – это не есть то, что «есть», например, в армии. Оно здесь весьма неоднозначно. Если это «есть» есть пара уравнений, задающих прямые, то тут нужно выяснить коллинеарность направляющих векторов. А если это «есть» есть две линии на плоскости, то можно провести перпендикуляры к одной прямой и убедитьсяся...

Не знаю, как другие ученики, но я почему-то не убеждался.

– Логично было бы предположить, – продолжала она, – что мы сделали измерение между начальными точками пространственных прямых, а потом сделали такое же измерение на конечных точках, там, в бесконечности. И если указанные измерения будут равнозначны, мы убедимся, что две прямые параллельны друг другу.

Во как все просто! Только кто откомандирует меня или кого-либо другого для измерения прямых линий в эту бесконечность? И во что обойдется такая командировка? Ну а если командировка невозможна, тогда, наверное, и появляются основания толковать о схождении параллелей?

Для меня это был какой-то математический тупик. И немудрено, ведь параллельность линий я с малолетства связывал прежде всего с железнодорожными путями. Там в наличии весь этот математический расклад – и видимая бесконечность, и параллельность рельсов, и перпендикулярность шпал, и предполагаемое схождение параллелей, и железнодорожный тупик.

А еще позже, когда я женился, то, основываясь на своих математических познаниях, обнаружил еще одну параллель – уже из двух жизненных линий, грозящую никогда не сойтись и упереться в тупик. После скандала с женой мы лежали, как два равноудаленных друг от друга объекта на одной геометрической плоскости кровати. И, исходя из психоматематических данных общей семейной теоремы, были убеждены, что наши линии не состыкуются в одной точке даже в бесконечности полярной ночи, какие бы доказательства при этом ни применялись. И вот тогда я понял, что математический тупик – это есть не тупик, а найденное решение, которое обязательно существует. Там, во всяком случае, есть своя четкая логика, которую можно освоить и однозначно применить для правильного вывода. А здесь чаще всего – только многозначные чувственные блуждания в семейно-бытовой драмо-траги-коми-лиричной бесконечности. В общем, наш путь во мраке, и само собой напрашивается витание в облаках.

И, конечно же, нельзя не сказать о влиянии родной русской словесности, родного русского языка, без которого была бы невозможна

вся эта проза-поэтика с ее драмо-траги-коми-лиричной словоизощренностью.

Какими все же поэтичными, чувственными были наши предки славяне, наделившие родную речь мужским и женским началами, украсившие ее слова радужными оттенками изменчивых суффиксов, устрашающими предупреждениями и категоричностью многих окончаний, что одушевляет предметы и явления, означенные этими словами! А это позволяет делать речевые выражения и понятия и многогранно образными, и однозначно конкретными.

Если исходить только из житейской практичности многих языков, не наделивших мужскими и женскими образами слова, обозначающие предметы и явления, то логично предположить, что нам без разницы, какого рода стол, на котором мы трапезничаем или строчим жалобу на соседа. Важно, чтобы его можно было использовать для задуманной цели. Логично, что и пьяному водиле «до фонаря», какого рода фонарный столб, что помешал ему проехать еще какое-то расстояние. Важно, что он не успел освободить ему дорогу. Но может ли человек, понимающий русский язык, назвать, например, березоньку дубом? Ведь очевидно, что березка – это стройная девушка с кокетливо распущенными волосами или заботливая мать, ласково склонившаяся над кроваткой, где спит любимое дитя. Ну а дуб – это или кряжистый мужик, или крепыш-парень. Насколько же бледнее и неопределеннее был бы наш язык, если бы наши предки не наделили его половыми признаками!

Еще я уверен в том, что названия ряда предметов и понятий, наделенных этими признаками, придумывали отдельно женщины и отдельно мужчины. Посудите сами: какому мужику могла прийти в голову мысль назвать мало для чего пригодный и только мешающий проходу обрезок ствола дерева именно мужским именем – пень. Конечно, женщине, которая в очередной раз споткнулась об это «изделие» и машинально вспомнила о муже. Они же в отношении мужиков гораздо более наблюдательны. А вот змея или мегера – это явное изобретение озлобленных мужчин. К примеру, если муж, недовольный высказыванием жены, назовет ее в ответ Пнихой, что получится? Конечно, такое выражение не подойдет, не прокатит, не приживется. Или, наоборот, жена в ответ скажет мужу: «Ты сам змей». Тоже неактуально. Нет той язвительности, что в женском роде. Ну, пусть змей. Ну и что? Змей Горыныч, что ли? Так это совсем не унизительно, скорее наоборот. Вот так-то. Все у наших предков было продумано и разложено по полочкам.

Есть в нашем языке и средний род. Туда пращурьы стали заносить то, что подходило и к тому и к другому полу. Например, седло.

Его одинаково надевали и на кобылу, и на мерина, поэтому здесь не было мотивации к половому разграничению. А вот узда как инструмент, которым регулировали поведение и управляли движением коня, – уже принадлежность женского рода, обратите внимание. К среднему роду славяне отнесли также так называемое ни то, ни сё, к чему подходит слово чучело. А еще всякие отбросы, к примеру, дерьмо. Иногда и жены переводят своих непутевых мужей в эту категорию среднего рода, именую Оно. При этом я нисколько не хочу уязвить людей с врожденными двупольными признаками, которым можно только посочувствовать.

К сожалению, в наше время в категорию среднего, а точнее неопределенного, рода могущественные силы пытаются насильственно перевести значительную часть человечества, присваивая этим людям-человекам кликухи типа Родитель 1 и Родитель 2, тем самым пытаюсь создать довольное только сегодняшним днем сытое быдло, не интересующееся своей историей, не дорожащее языком, не думающее о будущих поколениях, а посему неспособное к социальным протестам. Ладно, это уже из другой трагикомической «оперы», для исполнения которой не может быть больше одного эпизодического действия в драме человеческого бытия, если человек хочет остаться человеком.

Конечно, высокая грамотность и правильная словесность оставались бы привилегией немногих, если бы не учителя родного языка и литературы. Подавляющее большинство учеников советского времени благодаря им, этим учителям, имели возможность стать действительно грамотными людьми, научиться правильно излагать свои мысли и получить обширные литературные (а значит, и жизненные) познания.

Я не очень четко помню учебные подробности начальной школы. Но вот учительницу русского языка и литературы с 4-го по 8-й класс и атмосферу ее уроков, конечно же, никогда не забуду. Клара Аврамовна Розенфельд – таково ее полное имя. Проницательная и ироничная, словно Соня Марковна из одесской коммунальной квартиры. Терпеливая, словно русская деревенская баба. Сдержанная в негативных оценках, словно дипломат, и к тому же – талантливая рассказчица, как артист Николай Литвинов, читавший в те годы детские сказки по радио. У нее невозможно было быть даже малограмотным.

Но многим ученикам почему-то очень хотелось вывести ее из этого стабильного, правильного душевного равновесия. Не то чтобы насолить ей или обидеть, скорее увидеть, узнать, как она будет выглядеть в ином психическом состоянии. Один раз (насколько помню, это было в 6-м классе) Валерка Козлов нашел где-то кнопку с удлиненным острым концом и подложил ее (острым концом вверх, естественно) на учительский стул. Но Клара Аврамовна оказалась, кроме всего прочего, и осторож-

1

*Простите мою вольность, Лев Ошанин.
Себя не вправе с Вами я равнять.
Но оба рыбинцы мы, оба мы – волжане,
Позвольте ж Вас, как земляка, обнять.*

2

*Какая все же сладкая обуза,
Которой я сейчас обременен:
Одной рукой я обнимаю Музу,
Другой рукою обнят Аполлон.*

3

*Кто голоднее,
Тот быстрее!*

ной, как разведчик во вражеском тылу. Заметив подвох, она, перед тем как сесть на стул, обвела пронизательным взором учеников, не могла не заметить напряженную в ожидании чего-то необычного моську Валерки и сразу же все поняла. Учительница притворно сморщила нос и, немного подумав, предложила:

– Вы не чувствуете, ребята, что в классе чем-то неприятно пахнет?

– Нет, нет. Не чувствуем.

– А вот я чувствую. Выйдите, пожалуйста, на пару минуток. Я помещение проветрю.

– Клара Аврамовна, можно, я вам помогу? – предложила кто-то из учениц.

– Нет, что вы, ребята! Еще простынете и заболаете. Пропустите уроки и не усвоите материал. А у нас сейчас очень важные темы пойдут.

В отсутствии детей учительница переселила кнопку со своего стула на сиденье парты злоумышленника, а затем позвала учеников.

Валерка сходу плюхнулся на сиденье и застыл с полуоткрытым ртом, будто подавился сосновой шишкой. Он издал отрывистый то ли стон, то ли вскрик «Ой!» и тут же замолчал, поняв, что попал в собственный капкан, а восторгаться дальше – себя разоблачить и опозорить. Он незаметно взял кнопку в руку и засунул в карман.

– Что с тобой, Козлов? Ты уже рвешься отвечать урок? – съязвила учительница, услышав отрывистый вскрик.

– Не-е-ет... – протянул Валерка, опустив красное, как тушка вареного рака, лицо. Он, наверное, думал, что училка, поймавшая ученика при попытке совершения криминального поступка, будет добивать его самолюбие, вызвав к доске. Но она благородно оставила его переваривать свое фиаско за партой.

Мне тоже было невтерпех хоть как-то уязвить непробиваемую учительницу и тем самым выпендриться перед классом, показав всем (девчонкам в первую очередь), какой я (по нынешней терминологии) крутой. И такой момент настал. Нет, я не знал, что настал именно этот момент, так как и понятия о нем не имел. Но меня тогда что-то то ли кольнуло, как Валерку, то ли осенило. Мы проходили спряжение глаголов. Клара Аврамовна разжевала нам суть спряжения этих самых глаголов. Для наглядности начертила таблицу спряжений под номерами. Раскумекала, как легче запомнить исключения из правил, зарифмовав их (гнать, держать, дышать, обидеть и т.д. и т.п.). И после этого спросила:

– Всем ли все понятно?

Хотя чтобы всем все было понятно с первого раза, по определению быть не может, но руки никто не поднял. Кроме меня, естественно, ведь меня же кольнуло, что настал момент выпендриться.

– Клара Аврамовна, – недоуменно начал я свой выпендраж, – а почему вот говорят, если я сплю, то ты – спишь, а не спишь? А вот если ты спишь, то я – сплю, а не спю или спу?

Как ни пытался я при этом соорудить серьезную и ничего не понимающую рожу, по-видимому, у меня это не получилось, потому что учительница слегка улыбнулась и мягко заговорила:

– Ну, что ж. Повторю еще раз для особо одаренных. Нет никакой разницы в том, спишь ты или спишь, к примеру, на уроке. Так как результат получится один и тот же – ты не выспишься и получишь двойку. А вот спю или спу ты можешь сделать только за дверями классной комнаты. И то так, чтобы никто не услышал и не учуял.

Класс засмеялся, а я растерялся и смутился, так как полагал, что учительница будет укорять меня в бестолковости, указывать на ударения в гласных буквах, повторять, что такое инфинитив, а я буду тупо сидеть и «не врубаться», вызывая веселое возбуждение у всего класса. Но она вмиг раскусила мой мудреный прикол и выставила меня на смех перед тем же классом.

Но Клара Аврамовна все же несколько реабилитировала меня перед одноклассниками, сказав, что справедливо поставит мне хорошую оценку за подобную ироничную наблюдательность, но по другому предмету – литературе, если я логически впишу ее в тематику сочинения.

Обычно основную массу литературных произведений, включенных в программу обучения, я осваивал до наступления учебного года, еще на каникулах, читая их в хрестоматии. Однако заинтересовавшись рассказами Чехова «Налим», «Хамелеон» или каким-нибудь рассказом из гоголевских «Вечеров на хуторе близ Диканьки», или горьковским «Челкашем», лермонтовскими «Мцыри» и Печориным, пушкинским Гриневым, шолоховским «Нахаленком» и т.д., я начинал читать значительно больше произведений этих авторов. Заранее заучивал некоторые стихи российских, советских и иностранных поэтов, входивших в учебную программу. Я не хочу сказать о каких-то своих особых способностях, они были такими же, как и у большинства моих друзей. Просто вкус к этому прививали замечательные учителя, чей посыл возбуждал значительно больший интерес к литературе, нежели предлагала школьная программа.

Стихи, стишки, вирши я начал кропать довольно рано и, как правило, стыдился написанного, хотя и писал, а точнее сочинял, вообще-то ни о чем, то есть о том, что взбредет на ум. Поэтому, наверное, вскоре и забывал про них. Потом меня стала вдохновлять природа. Но когда пацан начинает писать (сочинять) стихи, он не может обойти стороной такой вдохновляющий объект, как женщина, пардон, девочка, ну, короче, женский пол. А для этого нужно было влюбиться.

И я, конечно же, влюблялся. По всей вероятности, это чувство посещало меня еще до школы. Я уже «раскололся», что меня будоражило милое личико худощавой соседки по бараку, которой я причинил сердечную боль, рассказал, что был влюблен в соседку по квартире старше меня на шесть лет, которой также доставлял одни неприятности. Был влюблен в одну молодую женщину старше меня лет этак на десять-пятнадцать. Мне тогда было лет четырнадцать, а может, и тринадцать. Я видел ее всего несколько раз на танцах, куда меня начали таскать друзья постарше. Она была всегда в одном и том же платье – белом в черный горошек (а может, наоборот, впрочем, какая разница). Тогда я всерьез был уверен, что если бы она предложила мне быть ее мужем, я бы не задумываясь согласился. Но потом она куда-то пропала. Может быть, сменила платье. Но я ее больше не замечал. Были еще женщины постарше меня, они навевали на отрока ощущение влюбленности. Но стихов я им не посвящал и жизнь их не омрачал.

Существовали, конечно, и ровесницы, в которых я был «безумно» влюблен на заре «туманной литературной юности». С 3-го по 5-й класс я страдал от безответной любви к соседке по дому Нине Куликовой. Пухленькая, румяная и красивая, как матрешка, она заставляла меня безнадежно вздыхать. Я даже написал на бумажке «Я люблю Нину Куликову», положил в стеклянную майонезную баночку, выкопал ямку и закопал этот свой секрет недалеко от дома. Но она меня почему-то не полюбила. Поскольку наш старый добрый дом так и стоит на прежнем месте, то, может быть, и моя нереализованная любовь еще томится под металлической крышкой в баночке из-под майонеза «Провансаль»?

Была и еще одна ровесница – одноклассница, в которую я был односторонне влюблен уже в период отрочества. Наташа Коваленко. Высокая, красивая, стройная, спортивная, к тому же круглая – нет, не дура, а отличница. Она могла бы несколько лет спустя заменить Наталью Варлей в фильме «Кавказская пленница», но Леонид Гайдай приехал в наш Рыбинск позже для съемок одного из следующих своих фильмов – «Двенадцать стульев». Несмотря на мои явные спортивные успехи и неплохую учебу, Наташа подчеркнуто выдерживала между нами вежливую дистанцию. Причем даже и тогда, когда просила меня разъяснить что-то непонятое ей по предмету. Она старалась любой ценой получать только отличные оценки, хотя не все предметы давались ей хорошо. Мне как-то поведала ее подруга, что родители требовали от Наташи только пятерок и достаточно жестко наказывали за более низкий балл. Я же учился вполне свободно, особо не страшась за последствия от получения невысокой оценки на уроке.

И вот однажды в конце последнего урока Наташа пожаловалась мне, что очень боится контрольной работы по географии, которая

должна быть на завтрашнем первом уроке. Я предложил ей помочь разобраться с этим предметом, но она отказалась, сказав, что ей нельзя задерживаться сегодня. Я решил непременно помочь однокласснице и особо не заморачиваться в выборе способа помощи. В классном кабинете в дальнем углу стояла спинка от деревянной парты – дощечка шириной около 15 сантиметров. Дежурные по классу иногда всовывали ее в дверную ручку – скобу изнутри, чтобы никто не мог войти в класс, пока они занимаются уборкой.

На следующее утро, примерно за час до начала уроков, я подошел к школе и спрятал в кустах свой портфель. Затем незаметно прошмыгнул мимо технички в свой класс, заблокировал изнутри доской дверь кабинета и через окно по водосточной трубе слез со второго этажа. Потом забрал свой портфель, отошел на квартал от школы и с другими учениками вернулся в родную альма матер.

У класса уже стояло несколько учеников. Когда народу стало больше, обратились к техничке. Бедная бабулька судорожно совала в замочную скважину поочередно каждый ключ из огромной связки, но незапертый замок двери не открывался. Когда подошла учительница географии, техничка стала ей растерянно объяснять, что она дверь не заперла, а почему та не открывается, понять никак не может. Училка сначала попробовала пошурудить ключом в замке, но скоро бросила это занятие, по-видимому, осознав: «А оно мне надо?»

На следующей стадии разблокирования учебного кабинета появился сам директор школы – крепкий 45-летний мужчина. Павел Николаевич (фамилию не помню) сначала выслушал объяснения технички и учительницы, затем взял связку ключей, повертел ее в руках, вернул бабушке, видимо, сообразив, что филигранная техника взломщика сейфов здесь не поможет, и стал дергать на себя ручку двери. А времечко-то шло. Уже минут 25 безвозвратно уплыли в историю, а дверь и не собиралась пропускать учеников в помещение. Наконец, еще минут через десять, после настойчивой силовой «просьбы» главного школьного администратора внутренняя ручка вместе с шурупами выскочила из дверной плоти, и створка распахнулась. Деревянная спинка парты, просунутая в рамку дверной ручки, валялась на полу. Контрольная работа по географии, естественно, после всего этого не проводилась.

Ну а что же Наташа? Полюбила ли она меня после этого?

По данному факту, как написали бы в милицейском протоколе, в школе проводилась проверка. Я хоть и не был паинькой, но и обормотом также не считался, поэтому на меня никто из проверяющих учителей не подумал. Выходит, правду говорят: в тихом омуте черти водятся.

Только Наташа, когда мы сели за парты, надменно произнесла:

– Ну и зачем ты это сделал?

Я, конечно, был ошарашен таким вопросом, но все же нашелся, что ответить ей.

– С чего ты взяла, что это я?

Та лишь кокетливо приподняла плечико и усмехнулась.

«Вот те на... – подумалось мне. – Я, как Геракл, героически совершаю подвиг, а надо мной так насмеваются. Получается, подвиг-то бесполезный». Впрочем, немного поостыв, я успокоил себя тем, что и Геракл, кроме расчистки Авгиевых конюшен, тоже ничего полезного для родной Эллады своими подвигами не совершил.

Ну и разлюбил ли я после этого Наташу? Пока нет. Это случилось через три недели, когда мою любовь разоблачила Клара Аврамовна Розенфельд. Мы тогда должны были ехать классом на какую-то экскурсию. Родители купили мне моднячий в то время красный шарф. И, естественно, на экскурсию я собрался именно в этом шарфе. Клара Аврамовна, увидев меня в новом прикиде, нагнулась к моему уху и доверительно прошептала:

– Ну, сегодня ты наконец сразишь Наташу!

Я еще раз поразился пронительности этой женщины. Ведь она наверняка давно подметила мое «неровное дыхание» в отношении одноклассницы и наблюдала за развитием событий.

Если бы вы знали, как меня это уязвило! Я таил свою любовь даже от себя и еще не совсем понимал, что же это такое происходит со мной, когда я начинаю заглядываться на девчонку и ревновать ее к другим. Я, конечно, пусть полуосознанно, но пытался обратить на себя Наташино внимание. А тут – полный расклад. В порыве – не знаю, какого чувства – я посчитал для себя все это унижительным, снял шарф, засунул его в карман и... разлюбил Наташку.

Так я дошел до того момента, когда осознал, что созрел для осмысления слов, сказанных Владимиром Владимировичем (это который Маяковский, а не тот другой): «Когда я итожу то, что прожил, и роюсь в днях – ярчайший где?» Потом я приплюсовал к этим словам смысл вышесказанного уже мной и понял, что к отроческому возрасту у меня сложились некоторые предпосылки для литературного творчества. За плечами были определенные жизненные наблюдения, появились основательные познания в школьных дисциплинах. Я бывал свидетелем и даже участником (то есть ощутил все это на себе) почти классических трагедий, драм и комедий в быту. Прошел через неразделенную любовь и совершал подвиги во имя этой любви. Так что, если в свое время Ленин сказал про царскую Россию, что она беременна революцией, то я в указанный момент, можно сказать, «отяжелел бременем творчества» и не мог не родиться им. Какие при этом получились «детки», судить не мне.

Анкета «Советской Эстонии»

1. «Зрелище жизни великого человека, — писал В. Г. Белинский, — есть всегда прекрасное зрелище: оно возвышает душу... возбуждает деятельность». Кто он, ваш любимый герой! И почему именно он!

2. Известно, что самая большая школа воспитания есть школа жизни. Люди будущего живут среди нас. Это не столько те, кто обязательно переступит порог третьего тысячелетия, это прежде всего те, кто уже сейчас в большой степени несет в себе черты будущего человека. Встретился ли такой человек на вашем жизненном пути! Чем он вас привлёк!

3. Какой эпизод вашей жизни сыграл наибольшую роль в становлении характера, выработке жизненной позиции!

4. Процесс самовоспитания всегда связан с преодолением собственных недостатков и слабостей. Удалось ли вам в чем-то побороть себя!

Человеку нужен идеал

Сегодня на вопросы анкеты отвечает старший инспектор уголовного розыска Морского РОВД, капитан милиции Евгений Смирнов.

1.

Меня привлекают люди долга, те, кого никогда не покидает чувство ответственности. Одним из таких людей, мужественных и в то же время добрых и человечных, был Антон Семенович Макаренко. Рыцарем коммунизма назвал его один из современников, и это очень точное определение. Ведь именно таким вырисовывается Макаренко при чтении его книг, при чтении воспоминаний о нем его коллег, его бывших воспитанников. Он умел ценить счастье и не боялся горечи. Он умел сделать счастливыми детей, которых воспитывал. Так и видишь незабываемый макаренковский коллектив: ребят здоровых, веселых, смелых, брызжащих жизненной силой, и рядом с ними, среди них — педагога в са-

участка, своего станка, своей семьи, а умел видеть и дела окружающих людей, их жизнь, их поведение, умел прийти им на помощь не только словом, но и делом, даже если для этого нужно пожертвовать частью личного покоя». Сам Макаренко был именно таким человеком. Его авторитет основывался и на его светлом разуме, и на его таланте, и на его исключительном трудолюбии. Но не только на этом. Он каждому из своих воспитанников искренне хотел добра и потому был их настоящим, подлинным другом.

2.

Конечно, встретился. И не один. К примеру, мой первый наставник, старший collega по работе в уголовном розыске в городе Рыбинске Иван Гаврилович Цветков. Человек предельно скромный — больших должностей не занимал — он в то же время пользовался и пользуется заслуженным уважением и среди соратников, и среди жителей города, и, представьте себе, среди тех, кого доводилось ему отправлять, как говорится, в места не столь отдаленные. Разговаривая с преступником, он никогда не забывает, что перед ним человек, хоть и морально опустившийся. И потому он никогда не идет на то, чтобы любой ценой «выжать» показания. Он терпеливо и заинтересованно говорит с опустившимся, пытается докопаться до самых глубинных корней, до самых первопричинных истоков преступления.

Этот человеческий подход почти всегда оправдывает себя. И мне известны случаи, когда, отбыв наказание, люди приходили к

ЧЕЛОВЕКУ НУЖЕН ИДЕАЛ

На вопросы анкеты «Советской Эстонии» отвечает старший инспектор уголовного розыска Морского РОВД, капитан милиции Евгений Смирнов.

«Советская Эстония», 03.09.1983

Зрелище жизни великого человека, писал В. Г. Белинский, есть всегда прекрасное зрелище: оно возвышает душу [...], возбуждает деятельность. Кто он, ваш любимый герой? И почему именно он?

Меня привлекают люди долга, те, кого никогда не покидает чувство ответственности. Одним таких людей, мужественных и в то же время добрых и человечных, был Антон Семенович Макаренко. Рыцарем коммунизма назвал его один из современников, и это очень точное определение. Ведь именно таким вырисовывается Макаренко при чтении его книг, воспоминаний о нем его коллег, его бывших воспитанников. Он умел ценить счастье и не боялся горечи. Он умел сделать счастливыми детей, которых воспитывал. Так и видишь незабываемый макаренковский коллектив – ребят здоровых, веселых, смысленных, брызжущих жизненной силой, и рядом с ними, среди них – педагога в самом высоком смысле этого слова: тонкого психолога, покорявшего своих коммунаров смелостью ума и чистотой души, верившего в человека и ни перед чем не отступавшего в борьбе за этого человека.

Макаренко создал опытный участок педагогической практики, но проверял он свою теорию не в оранжерейно-лабораторных условиях, не под прикрытием директивы, а в сложной реальной жизни, в напряженной борьбе, преодолевая и теоретические споры, и материальные затруднения.

В каждом воспитаннике, даже в самом «плохом», умел он найти зерно хорошего, доброго, умел замечать то положительное, что бывает не столь очевидным, как человеческие безобразия. И не только замечать, но активизировать это положительное и им же одолевать отрицательное. Антон Семенович говорил, что у человека должна быть единственная специальность – он должен быть настоящим человеком.

Сам Макаренко в совершенстве владел этой «специальностью» и делал все, чтобы ею овладели его воспитанники.

Читая книги Макаренко, читая книги о нем, убеждаешься: он был неутомимым тружеником, самоотверженно отдававшимся любимому делу, которое заполняло всю его жизнь, было его радостью и счастьем. Макаренко относился к долгу как к добровольно принятому обязательству, и это делало для него педагогический труд внутренней потребностью. При этом сам он подчеркивал, что для педагога мало одной только любви к детям. Ему надо еще любить работу с детьми. Только тогда учительский труд становится радостным.

«Педагогическая поэма» Макаренко дорога мне не только как увлекательное художественное произведение, но и как книга глубоко философская. Вот что там написано: «Человек не может жить на свете, если у него нет впереди ничего радостного. Истинным стимулом человеческой жизни является завтрашняя радость. Воспитать человека – значит, воспитать у него перспективные пути, по которым располагается его завтрашняя радость. Можно написать целую методику этой важной работы. Она заключается в организации новых перспектив, в использовании уже имеющихся, в постепенной подстановке более ценных. Начинать можно и с хорошего обеда, и с похода в цирк, и с очистки пруда, но надо всегда возбуждать к жизни и постепенно расширять перспективы целого коллектива, доводить их до перспектив всего Союза».

Время стремительно движется вперед, ставит перед нами новые проблемы, актуальные, требующие неотложного решения задачи. Но взгляды Макаренко, его педагогические воззрения, его выводы и практические советы удивительно современны, необходимы нам и сегодня, сейчас. Его основным принципом всегда было: как можно больше требования к человеку, но вместе с тем и как можно больше уважения к нему. Этот принцип нам удивительно подходит и сегодня.

Далее. Макаренко говорил о решающей в деле воспитания роли коллектива. А роль хозрасчета, который, по словам Макаренко, является замечательным педагогом. А роль дисциплины, которую он понимал очень широко, как результат всей воспитательной работы. Он писал о дисциплине: «Мы всегда требуем от нашего гражданина, чтобы он никогда не ограничивался только узким кругом своего дела, своего участка, своего станка, своей семьи, а умел видеть и дела окружающих людей, их жизнь, их поведение, умел прийти им на помощь не только словом, но и делом, даже если для этого нужно пожертвовать частью личного покоя». Сам Макаренко был именно таким человеком. Его авторитет основывался и на его светлом разуме, и на его таланте, и на его исключительном трудолюбии. Но не только на этом. Он каждому из своих воспитанников искренне хотел добра и потому был их настоящим, подлинным другом.

Известно, что самая большая школа воспитания есть школа жизни. Люди будущего живут среди нас. Это не столько те, кто обязательно переступит порог третьего тысячелетия, это прежде всего те, кто уже сейчас в большой степени несет в себе черты будущего человека. Встретился ли такой человек на вашем жизненном пути? Чем он вас привлек?

Конечно, встретился. И не один. К примеру, мой первый наставник, старший коллега по работе в уголовном розыске в городе Рыбинске Иван Гаврилович Цветков. Человек предельно скромный – больших должностей не занимал, он в то же время пользовался и пользуется заслуженным уважением и среди соратников, и среди жителей города, и, представьте себе, среди тех, кого доводилось ему отправлять, как говорится, в места не столь отдаленные. Разговаривая с преступником, он никогда не забывает, что перед ним человек, хоть и морально опустившийся. И потому он никогда не идет на то, чтобы любой ценой «выжать» показания. Он терпеливо и заинтересованно говорит с оступившимся, пытаюсь докопаться до самых глубинных корней, до первопричинных истоков преступления.

Этот человеческий подход почти всегда оправдывается. И мне известны случаи, когда, отбыв наказание, люди приходили к нему, инспектору уголовного розыска, потолковать о жизни, посоветоваться, рассказать о своих мыслях, своих планах.

Но Иван Гаврилович – не добренький дядюшка, который любезничает с преступниками и уговаривает их быть добропорядочными и честными гражданами. Он – человек действия, и его доброжелательность сочетается с требовательностью и принципиальностью. Помню, как в Рыбинске произошла серия дерзких краж, взбудораживших весь город. Преступники (или преступник?) использовали и подбор ключей, и проникновение в квартиры через окно.

Во всех случаях почерк был разным, но опыт и чутье подсказывали Цветкову, что тут замешано одно действующее лицо. И правда, кражи совершал некто Кинжалов, выведенный работниками милиции на чистую воду. А ядром раскрытия преступления был Иван Гаврилович Цветков.

Какой эпизод вашей жизни сыграл наибольшую роль в становлении характера, выработке жизненной позиции?

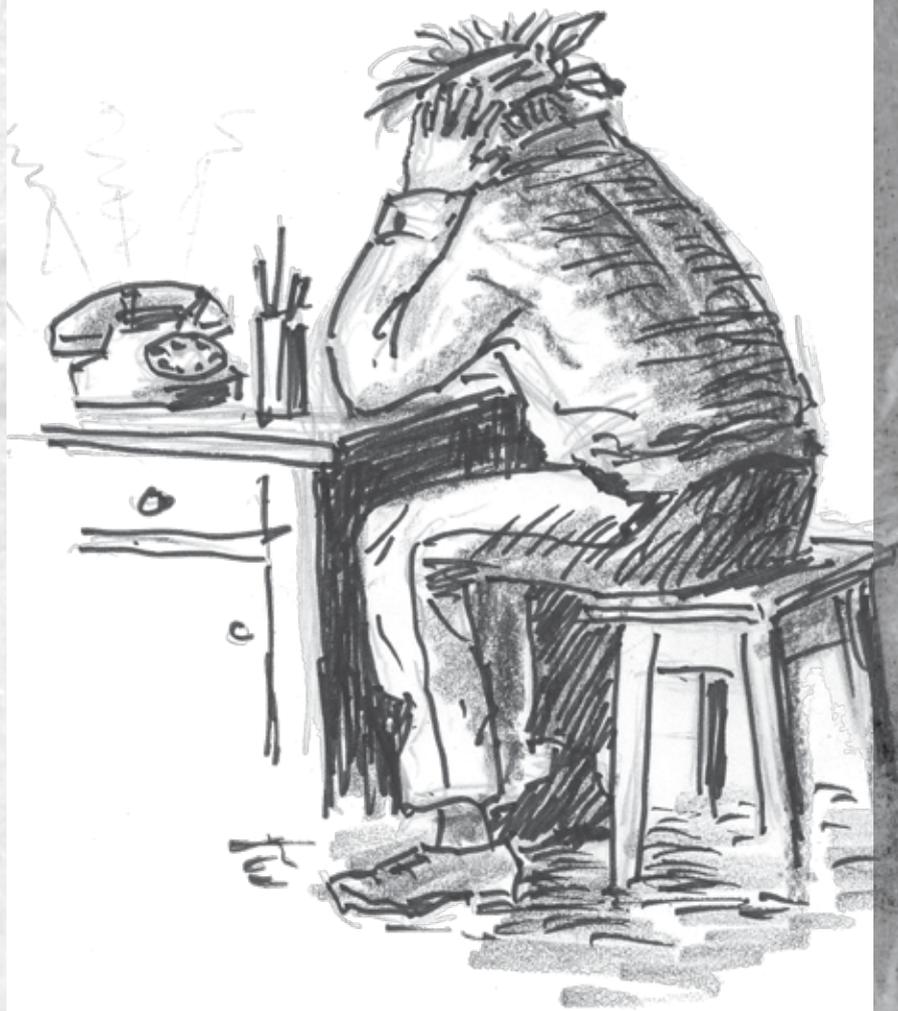
Такого отдельного эпизода я бы, пожалуй, не назвал. Потому что вся моя предшествующая жизнь постепенно, шаг за шагом, подводила меня к тому, что я есть сегодня, к моему нынешнему мироощущению.

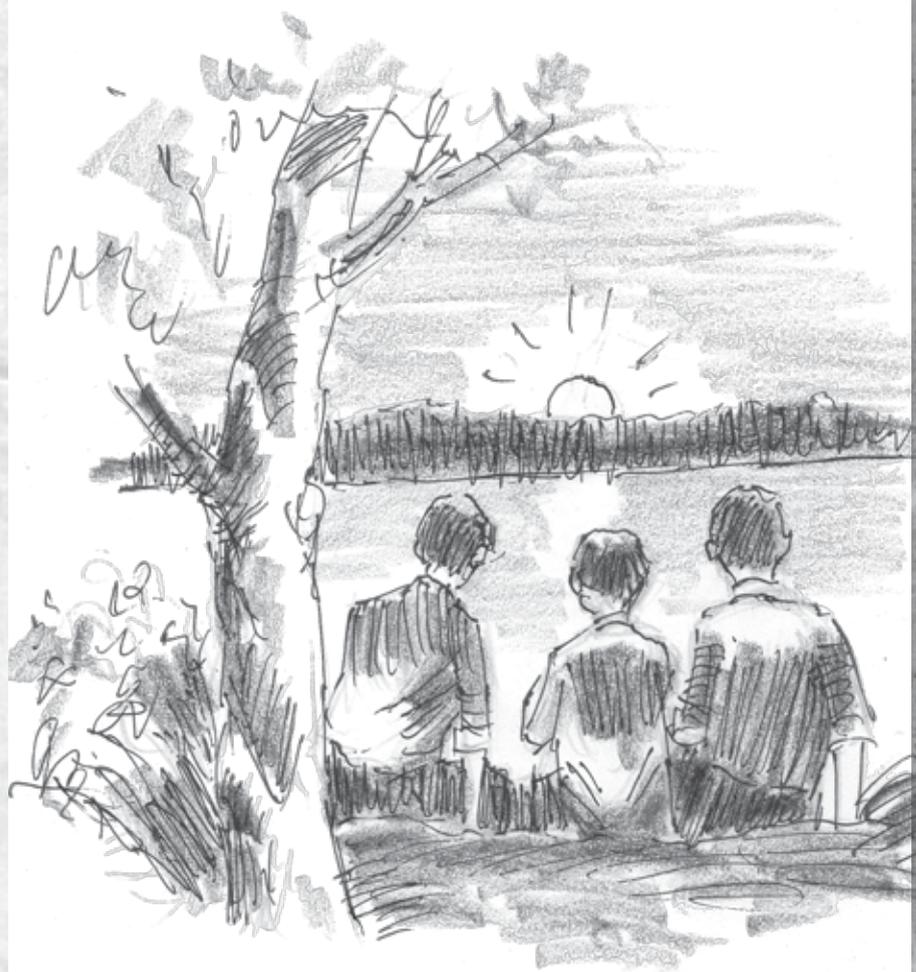
В милицию я попал далеко не сразу. Окончив восемь классов, поступил в техническое училище, где выучился на слесаря-ремонтника. Потом сдавал вступительные экзамены в педагогический институт, а тут как раз служба в армии подоспела, и пришлось мне сесть за баранку. После армии работал шофером и одновременно учился на подготовительных курсах в авиационно-технологическом институте. А вскоре по совету товарища и вместе с ним поступил учиться в Таллиннскую школу милиции. Как видите, к профессии своей подходил методом проб и исканий. Но время поисков не считаю потерянным. Многочисленные встречи с людьми, контакты, жизненный опыт – все это пошло на пользу, пригодилось в теперешней работе. Конечно, приди я в милицию пораньше, может, и звание у меня было бы другое, да ведь не в звании, не в должности счастье.

Процесс самовоспитания всегда связан с преодолением собственных недостатков и слабостей. Удалось ли вам в чем-то побороть себя?

В чем-то мне удалось побороть себя, в чем-то не удалось. В юности не мог видеть раны, кровь, увечья. Со временем это в себе преодолел. Переживаю неудачи в работе. Волнуюсь, настроение портится. Вот задумался сейчас: а может, с таким волнением и не надо бороться? Ведь оно – признак заинтересованности в работе, в результатах труда.

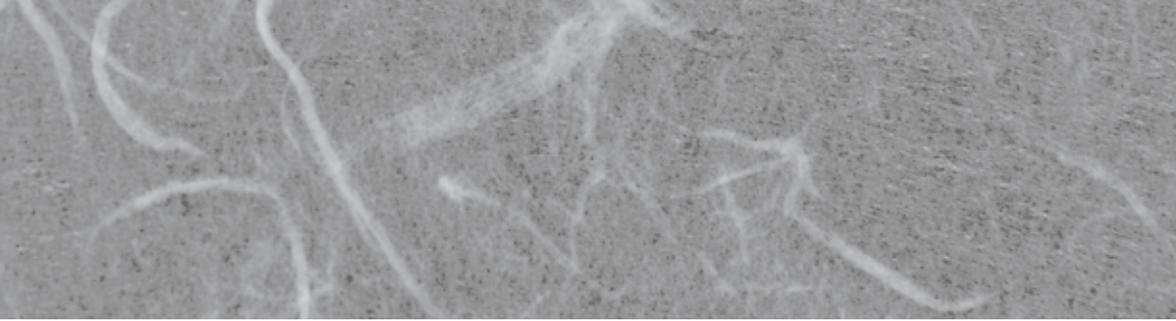
Еще один момент. Среди людей, с которыми приходится постоянно сталкиваться – свидетелей, подозреваемых, потерпевших, встречаются такие, которые всем своим видом и поведением производят очень неблагоприятное впечатление. Вот у этого впечатления ни в коем случае нельзя идти на поводу, ибо эмоции в нашем деле отнюдь не всегда служат верным компасом. А вообще-то самовоспитанием, борьбой с собственными слабостями и недостатками надо, наверное, заниматься всю жизнь.

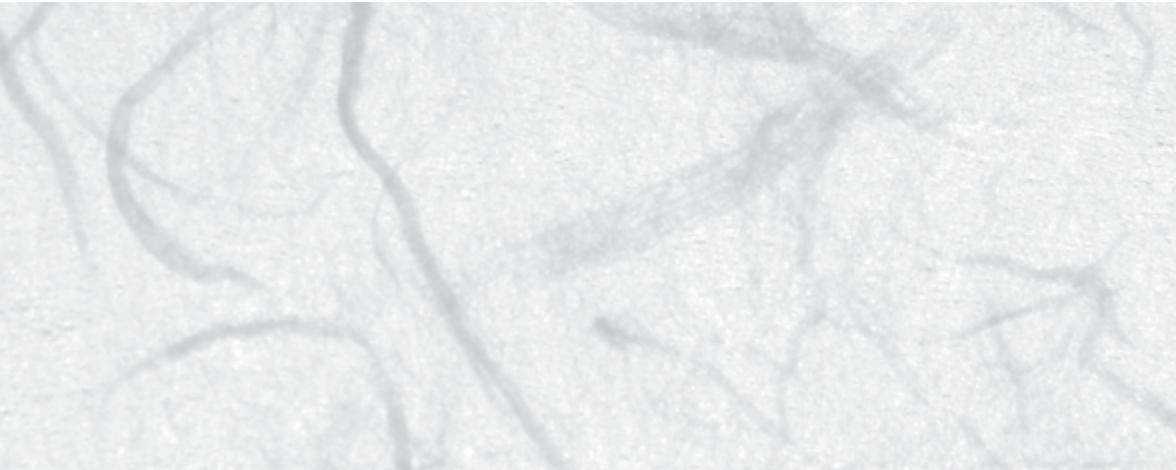

ПОЭЗИЯ

- Поэмы (незаконченные)
- Ей и только ей
- Семейное
- Лирическое
- Студенческие страдания
- Старые песни по-новому
- Пародии и хохмы

ПОЭМЫ
(НЕЗАКОНЧЕННЫЕ)

Голос из прошлого

Заполнен солнцем в летнем баре зал.
Мы с другом ждем такси и пивом коротаем время.
Вдруг снова в прошлое меня позвал
Знакомый женский голос, произнесший: «Женя».

О боже, боже! Милый этот звук
Я б отыскал в многоголосом хоре.
С ним были связаны и радости, и боли,
Надежды, гнев, ревнивый сердца стук.

Чуть вздрогнув, посмотрел – конечно же, она!
И словно время нас не разлучало.
За столиком сидела у окна,
И вновь, как прежде, сердце застучало.

Почти три года не был дома я,
А с ней не виделся, наверное, лет восемь.
И вот сейчас, волненья не тая,
Встречаю вновь весну, когда за дверью осень.

Стараясь выглядеть свободней и смелей,
С улыбкой подхожу: «Ну, здравствуй.
Года идут, а ты еще милей.
И, видно, время над тобой не властно».

Улыбкой также мой отмечен комплимент.
«Ты, право, льстишь, не для меня награда.
Но как бы ни было, прекрасен сей момент,
И искренне, поверь, я очень встрече рада.

И рада очень твоему успеху.
Слыхала, ты почти что генерал». –
«Да кто ж тебя слушком таким потешил?»
И сам я от души захохотал.

«Прости мне этот смех. Он явно не впопад.
Я в звании майор. Мой чин довольно скромн.
Живу неплохо, хоть и небогат,
Но участью своей вполне доволен.

А ты, надеюсь я, купаешься в достатке,
Блистаешь красотой и покоряешь свет». –
«Не смейся надо мной. Жизнь не бывает гладкой».
И замолчала, задержав ответ.

«Евгений, шевелись! Нам подана карета», –
Бесцеремонно друг наш диалог прервал,
Недобро посмотрев на женщину при этом,
Стал торопить быстрее покинуть зал.

«А знаешь, едем с нами на пикник!
Там будут лишь друзья по институту». –
«Я б с радостью, но день забит впритык,
Сама подругу жду с минуты на минуту.

Возьми мой телефон. Желанье если будет,
Созвонимся до твоего отъезда.
Без спешки дома посидим, как люди...
Ступай, тебя зовут. Я жду звонка с надеждой».

Глаза ее печально провожали,
Когда с оглядкой шел я через зал.
В мгновенной встрече мы недосказали,
А друг ревниво у такси стоял.

«Давно ты с ней знаком?» – «Давно, росли мы вместе.
Есть что-то у тебя о ней сказать?» –
«Конечно, есть. Слов не отнять от песни». –
«Ну а точнее?» – «Изысканная бл*дь».

Не то что весть ножом по сердцу полоснула...
В конце концов у каждого свой путь.
Я прошлым не больной, но словно захлебнулась
Глухой досадой сдавленная грудь.

Как будто кто-то грязною рукою
Заляпал изумительный пейзаж,
Что раньше волновал и не давал покоя,
И был до этого момента только наш.

Вдруг вспомнился закат на пестром небе,
Июньский день устало угасал.
Как слушал я ее беспечный щебет
И слушал, слушал, слушал и молчал.

О чем-то листья меж собой шептались,
И Волгу шарфиком окутал лунный свет.
А мы о нашем будущем мечтали,
И верилось – мечты реальней нет.

Но вскоре, утонув в других воспоминаньях,
В кругу веселых взбалмошных друзей
Я оградил и чувства, и вниманье
От осознанья памяти о ней.

Потом сестру как будто ненароком
Спросил: «А как живет она?»
Та фыркнула, встав недовольно боком:
«Что, головная боль опять нужна?

Иль прошлое ручонкой помахало?
Вновь свяжешься – учти: обижусь сразу.
Вот этого лишь только не хватало,
Чтоб ты домой в семью завез заразу».

Ужели так она поплыла по рукам,
Что ограждают, как от прокаженной?
Не верится. Хочу узнать все сам.
Рука коснулась трубки телефона.

Зачем сюда пришел? На это нет ответа.
Уж лучше б встретиться не здесь и не теперь.
Копаться в прожитом у меня желанья нету,
Но все ж звоню в указанную дверь.

И странно – ни волненья, ни влеченья.
И означают только этикет
Учтивые мужские обольщенья –
Вино, цветы, коробочка конфет.

Открылась дверь. И снова на пороге
Знакомый с юности веселой силуэт.
Уютно в тапочки утопленные ноги,
На пафос иль игру намека вроде нет.

С какой-то девственной влагой на глазах
Легонько лилии к груди прижала,
Поправила заколку в волосах
И, улыбнувшись, почему-то прошептала:

«Все это для меня?» – «Да нет, домашней кошке». –
«Прости, не верилось, что все же ты придешь.
И потому растеряна немножко,
Но очень тронута. Входи, чего ж ты ждешь?»

Опрятно прибраны две комнаты хрущевки,
Порядок, чистота, все на своих местах.
От слов приятеля вдруг сделалось неловко,
Сказавшего, что здесь – притон, бардак.

Зато окрепла зыбкая надежда,
Что все совсем не так, как говорят друзья.
И вновь повеяло забытым чувством прежним,
Которое перечеркнуть нельзя.

«Вот тут я и живу. Как видишь, не хоромы». –
«Не скромничай! Не этим быт хорош.
Здесь чувствуется вкус хозяйки дома». –
«А ты, как прежде, комплимент ввернешь».

На столике – цветы, а в вазочке – баранки.
И нет примет, что здесь кого-то ждут.
Но вдруг раскрылась скатерть-самобранка,
Стал стол накрыт за несколько минут.

«От этих яств аж глазки цепенеют.
Не стою вовсе я таких хлопот!» –
«Позволь же мне принять, как я умею,
Кого хочу принять не первый год.

Ну а тебе спасибо за вниманье,
Какого я не видела давно.
Любимые цветы, что в дни свиданий,
Любимое токайское вино...

Спасибо, что ты помнишь даже это,
Что и сама я стала забывать». –
«Хоть и приятны мне твои «сонеты»,
Ну а к столу ты будешь приглашать?»

Глаза в глаза – надежда и тревога.
Черты лица слегка напряжены.
И что сказать? Чего не нужно трогать?
Какие откровенья нам нужны?

Какое слово, чувство будет кстати?
Иль, может, это лишнее уже?
Пришел я не ласкаться с ней в кровати,
А что-то успокоить на душе.

Вино желтеет в факелах бокалов,
Как память нами прожитых страстей.
Но вот не все, как видно, отпылало,
Коль чувствуем волнение мы с ней.

Вино расслабило и сняло напряженье.
И нет желанья думать о плохом.
Да и имеет ли какое-то значенье,
Кем стали мы в блуждании лихом?

Закралась мысль – расстаться малой кровью,
Не трогать прошлое, покой не ворошить,
В шуточный вечер обратить застолье
И легкой ностальгией завершить.

Но появилась странная обида
От слов сестры и искренних друзей,
Контрастом ставших с тем, что я увидел
И что наговорили мне о ней.

И легкий тон начала разговора
Уперся в камень, спрятанный в груди.
И не убрать его. И словно гору
Хоть сто умов имей – не обойти.

«А что не спросишь, как жила все годы,
Что было в моей ветреной судьбе?» –
«Да я не любопытен от природы». –
«Ах, не лукавь, ты держишь все в себе.

Боишься что-то горькое услышать?
Не бойся. Явь не более страшна,
Чем капля, павшая за ворот с крыши,
Чем молчаливой неприязни тишина.

Дружочек твой, наверное, поведал
Про жизнь мою. Мне тон его знаком.
Он, не добившись надо мной победы,
С тех пор, как баба, чешет языком.

Познала я коварство мелкой злобы.
Могу представить бред, что он наплел.
Так вымажут, что негде ставить пробы.
Тем паче радостно, что все же ты пришел.

А значит, клевете не хочешь верить.
На то надеялась, испытывая страх.
И слушала шаги, что приближались к двери,
И торопила стрелки на часах».

«На этом и основано сомненье
В моем приходе? Вот что я скажу.
Поскольку что-то значит мое мнение,
Пока не знаю точно – не сужу.

Мне дорого, что связано с тобою,
И важен каждый штрих в твоей судьбе.
И горько было слышать, я не скрою,
Рассказ не очень лестный о тебе.

Другое дело – не принял на веру
И усомнился в искренности слов
Отвергнутого дамой кавалера,
Спектакль которого, как этот мир, не нов».

«А знаешь, мя не трогает, что кто-то
Не очень лестно скажет про меня.
Есть в жизни боле важные заботы,
Чем вся эта мышинная возня.

Но стало б у меня на сердце горько,
Когда б уехал ты, поверив слухам,
Что опустилась в жизни я настолько,
И в памяти твоей осталась шлюхой.

И все же в жизни всякое бывало.
Порою даже стыдно вспоминать.
Для сплетен поводы не раз давала,
Но было мне на это наплевать.

А вот живет в душе глубокая досада,
Что очень дорогой мне человек,
Помочь готовый мне хоть в бездне ада,
Но все же дважды он меня отверг».

«Каков пассаж! Мне странно слышать это.
Привык отвергнутым тобой себя считать.
Иль, может, нет единого ответа,
Как наши отношенья понимать?

В них было все – и непорочность чувства,
И нежной близости сжигающая страсть.
Но черной магией коварного искусства
Нас разводила неосознанная власть.

Но это лирика. А если быть реальным
И не раскладывать пасьянсы на столе,
То нет претензий к силам виртуальным,
Все наши беды с нами – на земле.

Настолько ясно вижу те мгновенья.
Когда едва мундир солдатский снял,
То встретил девушку другого поколения,
Которую девчушкою звал.

Ну а себя считал не то что старым,
Но взрослым по сравнению с ней.
Казалось мне, гуляя с ней на пару,
Я – не поклонник, опекун скорей».

«Ну а папаней ты себя не чуял
При нашей разнице лишь в пять неполных лет?
Ужель не видел ты, чего хочу я?
В моих вопросах был один ответ.

Ответ был – ты..» – «Прости, дай мысль закончу.
Ты зрела, быстро дамой становясь.
И в наших отношениях все громче
Звучал твой голос, крепла твоя власть.

Я не противился такому становленью,
Был увлечен тобой, как карточный игрок,
И с умилением заветному плененью
Себя без колебания обрек.

Тебе, наверное, такого было мало.
Твой интерес ко мне заметно слаб.
Ты круг поклонников игриво расширяла.
И стал я, верно, пройденный этап».

«Ну как ты можешь?! Я же не скрывала
Друзей-сокурсников. И ты их лично знал.
Тебя на наши встречи приглашала,
Но ты обычно это избегал.

Обида в сердце до сих пор не стерта,
И непонятен мне сегодняшний укор.
Ты утонул тогда в своем бездушном спорте,
Который ненавижу я с тех пор».

В ресторане

Не представилось прежде нам встретиться.
В этом мире случайностей нет.
В звездном мареве все еще светится
Прошлых дней угасающий свет.

Поутихли и боль, и досада.
Но хлестнет вдруг по ранам вина,
И щадящая сердце прохлада
Будет таять в стакане вина.

Ничего не желая заранее,
Я лишь к Вакху пришел в этот зал.
Не в награду и не в наказание
Неслучайно тебя повстречал.

Сквозь хмельной полумрак ресторана
Через столик направленный взгляд
Лишь скользнул вдоль меня как-то странно
И вернулся к хозяйке назад,

К милой даме – меня помоложе.
Только важно ли это сейчас?
Возраст так же морщинки наложил
В уголках чуть подкрашенных глаз.

Впрочем, мне все равно. Я не клеюсь.
И не стану растрачивать пыл.
И, читая меню, разумею:
Не такой Блок свой стих посвятил.

И сидит как-то скованно, боком –
То ль надменность, то ль злобы печать.
Вроде все ж не из тех одиноких,
Что приходят кого-то снимать.

Только все здесь – пустая забава,
Да и мысли тут лезут не те:
Эх, потешить бы душу на славу
И пролить ей вино в декольте.

Ты прости, незнакомая дама,
У меня – свой критический день.
Обижать я, конечно, не стану.
Просто нынче мозги набекрень.

Наконец появился «кормилец» –
Думал, жду эту сволочь сто лет!
«Двести водки, котлету в гарнире». –
«Ну а даме?» – «Ах, даме? Конфет».

Улыбнулась словам диалога.
Шарфик змейкой скользнул по плечу.
Спохватилась и вновь стала строгой:
«Успокойтесь. Сама я плачу».

«Что? Вы платите? Я понял верно? –
Слог поймал, как арканом коня. –
Я согласен, хоть чуточку скверно,
Что спонсирует леди меня».

Вновь улыбка в устах пробежала
И уже не исчезла бесследно.
Иронично взглянув на нахала,
Вразумила: «Мечтать ведь не вредно».

Вот и женщина чуточку рада.
Все логично – закон общения.
Недоверия тает преграда,
Так валяй же, гребни по течению.

Стол накрыт, мыслей кончилась нега.
И соседка заждалась, похоже.
Двести грамм заказал для разбега,
Ну а дальше – как бог положит.

«Будьте здоровы!» – «И вам только блага!»
Без жеманства меня поддержала.
Звон стекла. И пьянящая влага
Кольхнула в воронках бокалов.

Стало вроде свободней дыханье,
Взгляд светлей у моей незнакомки.
Знать, не частый клиент в ресторане
Эта дамочка в джемпере тонком.

Аккуратно свернула салфетку
По-домашнему легким движеньем
И, вздохнув, как не могут кокетки,
Объяснила свое положение:

«Здесь я нынче впервые вообще-то.
Заманила подруга неожиданно,
А самой до сих пор что-то нету.
Муж, наверно, порушил все планы».

«Ну а вы своего воспитали
В духе зрелого матриархата?» –
«А вы – язва, но не угадали.
Я свободна от вашего брата.

Завтра скажет она, что случилось.
Ну а мне-то какая беда?
Но, по правде, сама б не решилась
В одиночку прийти сюда.

Вот сижу, незнакомые люди...
И хотела уйти – все не так.
Но махнула рукой: будь что будет!
В кои веки попала в кабак».

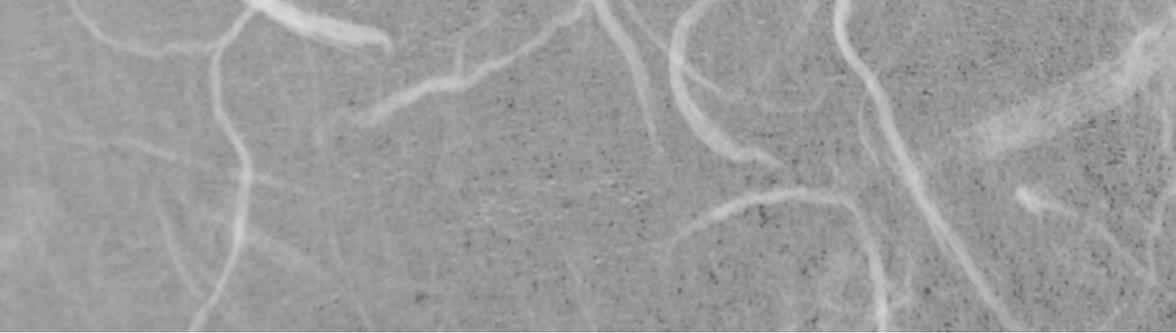
«Только что же такое здесь будет,
Чтобы ручкой, как саблей, махнуть?» –
«Где мне знать? От меня не убудет.
И сама хоть развеюсь чуть-чуть».

Замолчала, вздохнув неглубоко.
Видно, мысли витают не здесь.
Но ритмичной мелодии рокот
Смел с лица повседневную спесь.

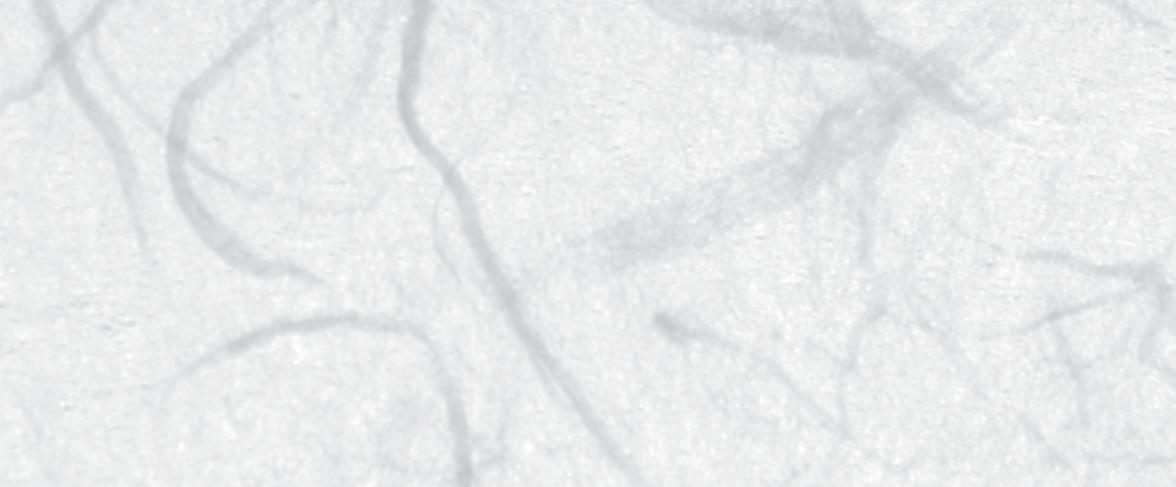
Напряженность ушла, слава богу.
Улыбнулась, что солнце в пурге.
«Вы танцуете?» – «Так, немного,
Вальс «Бостон» на одной ноге».

В шторме музыки, в молниях вспышек
Синевой отражают глаза.
Стала женщина краше и выше,
Словно юность вернулась назад.

Отдаваясь чарующей пластике,
Из движений слагается стих.
Будний день обернулся вдруг праздником,
Непохожим на сотни других.

ЕЙ И ТОЛЬКО ЕЙ

Что пожелать, не повторяясь,
В кругу словесной суеты?
Всех самых лучших благ желая,
Хочу, чтоб улыбалась ты.

Чтоб и в обыденную дату
Нагужным не казался день:
С зарею – свежесть, сон – к закату,
В досуг – томительная лень.

Чтоб ты горела новой целью,
Когда исполнятся мечты.
Уют с согретою постелью,
Шарм без салона красоты.

И еще многое другое,
Что наполняет жизнь мечтой,
Когда за близких ты в покое,
Когда в согласии с собой.

Когда и в час после работы
Уставшей от мирских забот
Тобою восхитился кто-то:
«Какая женщина идет!»

Чтоб этот признак обаяния,
Как код, заложенный судьбой,
Был без прикрас и подражания.
Был только твой. Был только твой.

Она играла на рояле
Не для кого-то – для себя.
Казалось, звук в пустынном зале
Рождался из небытия,

Взлетев в порыве упоенья
Над плотью в трепетную высь.
И там, вверху, ее виденья
С небесной музыкой слились.

Все чувства негою объята,
А руки сами по себе
Играют «Лунную сонату»
Как предсказание в судьбе.

И пальцы клавиши ласкали,
Как птицы сказочной крыло,
Чтоб звуки томные искали
В каморках душ людских тепло.

Но зал был пуст. В бессилье звуки,
Как птицы, бились о стекло,
Скользили по роялю руки,
И время нехотя текло.

Но было ей не одиноко,
На миг от суеты уйдя.
Ведь с легкой грусти поволокой
Она играла для себя.

По гулкой улице столицы
Спокойна, сдержанна, стройна
Ступает деловая львица,
В свой четкий мир погружена.

Чуть холодна, но не надменна,
Достойна, знает себе цену.
И в этот мир любой кумир
Не проберется в ее мир.

Здесь мир иной. Москва забыта.
У озера в сосновой куще
Стоит очаровашка Рита,
Внимает плеску волн бегущих.

Прохладной негой манят волны,
И взгляд ее, надежды полный,
В даль неизвестную стремится.
Что ждет она? Бродягу-принца?

Но грусть покорно отступает,
И взор ее не так глубок.
И в Маргариту расцветает
Очаровательный цветок.

Глаза блестят, и жжет улыбка,
И стройный стан соблазном гибким
Возьмет любого принца в плен –
Нет, не Ассоль она – Кармен.

А синий сумрак ниже, ниже,
И в томной глубине аллей
Марго из светского Парижа
Чарует тайною своей.

В глазах ее – уже загадка.
И шустрый франт, до женщин падкий,
Застыл, не разгадав вопрос,
Как будто прытью в землю врос.

Она же – незнакомка Блока.
Весной иль осенью далекой
До наших дней за сотню лет
Крамской писал ее портрет.

Меня не трогают ни идолы, ни фетиш,
И звездным символам лишь романтично рад.
Но все меняется, когда однажды встретишь
Тот женский мягкий, ироничный взгляд.

Вот так и здесь – как добрая примета,
Как добрый знак на весь грядущий день,
Воспринимается при встрече наша Света,
И растворяются тоска, хандра и лень.

И право, хочется загадывать желанья
И позабыть обиды всякий раз,
Когда ты удостоишься вниманья
Ее приветливых и чуть лукавых глаз.

Но где взяла ты этот взгляд, улыбку,
Что жгут, как на Азовском берегу?
Ужели вышла с географией ошибка
В чудской глуши в январскую пургу?

Тогда блестели инеем березы,
Кружила вальс под окнами метель.
Но в этот день, в крещенские морозы,
Согрелась Светой детская постель.

И лишь теплело сердце в злую пору,
Когда и кошку не пускали за порог.
А сердцу в такт в заоблачных просторах
Отстукивал копытом Козерог.

За годы сердце холодней не стало.
И оттого желаю всей душой,
Чтобы все те, кого оно касалось,
Всем отвечали той же теплотой.

А право – странная картина:
То ль радость чуешь, то ли страх,
Когда увидишь лик Ирины
С лукавой тайной на устах.

Улыбкой томной Моны Лизы
Как будто говорит с тобой:
«Тебя насквозь, голубчик, вижу,
Пой свою песню, пташка, пой!»

И не понять, корит иль манит
С кокетством ироничный взгляд.
Надежду шлет или обманет?
Но всюду смысл – не наугад.

Расчетлива иль осторожна?
В застолье – с краешка всегда.
И догадаться невозможно,
На сердце радость иль беда.

Движенья плавны, что у киски,
Ступает мягко, как в песок.
И кажется, он близко-близко –
Мурлыкающий голосок.

И манит он, что свет в окошке,
Соблазном милого общенья.
Похожа дева на ту кошку,
Что горделиво, без смущенья,
Порой наперекор судьбе
Сама гуляет по себе.

Я, как Эдип пред сфинксом древним,
Ответ пытаюсь получить:
Кому улыбка Иры внемлет?
Что обещают глаз лучи?

И даже чувственная лира
Не помогла раскрыть секрет.
Нет, ты не Ира – Мона Ира.
Так будь такою много лет!

Во всем пригожа наша Люба!
Степенно павой подойдет,
Словечко не проронит грубо,
Но чем-то за душу берет.

Едва смущенная улыбка
Не опьяняет, а манит.
Мутит сознание негой зыбкой
Румянец ласковых ланит.

И кроткий взгляд стрелой не колет,
А как-то исподволь, шутя
Берет тебя в свою неволю,
Как неразумное дитя.

Создание северной природы –
В ней тот же сдержанный завет.
Туманом личной непогоды
Не опечалить белый свет.

Цвети, былинная Любава!
Пускай пошлет тебе Перун
В семью – доход, друзьям – забаву,
На сердце – звуки нежных струн.

Скучая в болдинской глуши,
Изрек поэт в момент порыва:
«Ей-ей, не жаль отдать души
За взгляд красотки чернобровый».

И впрямь хотя с поры туманной
Промчалось много бурных лет,
Но встретишь взгляд хохлушки Ганны
И убедишься: прав поэт.

Заслышишь смех дивчины гарной,
Что звон серебряных монет,
Ослепнешь в блеске глаз коварных,
И точно – блекнет белый свет.

Знал, что сказать, повеса пылкий,
Ценитель тонкий женских чар.
От Ганны, словно от горилки
В душе взгорается пожар.

И затаишься думкой странной,
Такой, хоть ляг и помирай:
Как заманить ее, кохану,
Хоть на минутку ночью в гай.

Когда в веселую хвылыну
Она спивает песню-быль,
Почуешь, как на Украине
В степях колышется ковыль.

Наверно, это добрая примета,
Когда уже прожив немало лет,
Встречаешь молодость, которой имя Света,
И снова ищешь жизненный совет.

В веселой и чарующей улыбке,
Не изменившейся за этот срок,
Вдруг высветились все свои ошибки,
Которых раньше разглядеть не смог.

Все это просто, и сложнее не бывает,
И не спасают здесь ни знанья, ни года.
В сиянье глаз твоих все напрочь забываешь.
Возможно, это и блаженство, и беда.

Цветущая июльская природа
Тебе оставила все лучшие черты.
Поэтому в любую непогоду
Так греть улыбкой можешь только ты.

Судьба строга. Вновь не простит ошибки.
И я боюсь нечаянной рукой
Поколебать твой непростой и зыбкий,
Но все же устоявшийся покой.

И если в наши общие мгновенья
Я был излишне тороплив и смел,
Хочу за это попросить прощенья,
Пока тебе вконец не надоел.

Пусть эта присказка, как божий свет, не нова,
Когда лукавый бес разит бока.
Но как бы ни было, прими признание снова
От бесшабашного седого дурака.

А в заключение без пафоса и лести
И искренне, как на большом суде,
Я пожелаю чувствами из песни
«Всего того, что вы желаете себе».

Сиротливо ждут на ветках
В старом дядином саду
Яблоки подругу Светку,
Колыхаясь на ветру.

Это я, не сознавая,
Натворил нелепых дел:
Вместо сбора урожая
Шел с подругой в «Бельведер».

Лишь потом пришло прозреньё:
Ну какой я идиот!
Помешал сварить варенье,
Сладкий яблочный компот.

Стыдно, стыдно мне, Светлана,
Но, поверь, готов я сам
Быть тем яблочком румяным,
Что прильнет к твоим губам.

Как слепой, блуждаю в чаще.
Видно, счастья не дано.
Ты сама хмельней и слаще,
Чем из яблоков вино.

В снежном мареве за Волгой,
Где закат в лесу потух,
Залился призывной, долгой
Трелью радостной петух.

Обезумел, что ли, к ночи?
Рад, что в ощи́п не попал?
Нет. Тебе поведать хочет
То, что год его настал.

Снег, кружась ночью птицей,
Весть донес до всех сторон,
Что монарх-петух садится
В Новый год на царский трон.

Точно так же дальним летом,
Гимн торжественный трубя,
Алый кочет пред рассветом
Спел впервые для тебя.

Празднуя твоё рожденье
Шумом крыльев, звоном шпор,
Ярко-красным опереньем
Запалил небес простор.

Он огонь твоей улыбке
Подарил от жарких крыл
И задором первой скрипки
При рожденье одарил.

Он презрел и мрак, и тени,
Когда ночью пожелал,
Чтобы в год его правленья
Твой счастливый год настал.

Потому с того рассвета
Твой задорный пыл не стих.
Ты сейчас не просто Света,
А Светлее всех других.

P.S.

Может, я того не стою,
Только брежу, как во сне,
Чтоб ты нежное, родное
«Прокудахтала» и мне.

И все ж на сердце – терпкая обида.
Я говорю об этом, не тая.
Ну почему ты, дорогая Лида,
Покинула родимые края?

Наверно, дома что-то не хватает..
И вот идешь ты сквозь туманный плен.
Тебя заметив, чинно окликает
Глухим набатом долговязый Бен.

Там, в деловом круговороте Сити,
По шумной улице спешит наоборот
С прической прибранной и гладенько побритый
Левосторонний аглицкий народ.

Устои местные тебе уже не дики,
Привычки стойкие их дедов и отцов.
Не растворись же ты в толпе безликой,
Знакомое славянское лицо.

А дни идут своим походным маршем
То не спеша, то в суете большой.
Но я надеюсь, даже за Ла-Маншем
Останешься ты с русскою душой.

Скрыл туман пеленою просторы,
Улетели последние птицы.
В неприметную тихую пору
Довелось тебе, Тоня, родиться.

Только тихую жизнь не бывает.
То маня, то судьбою гоня,
Словно птиц перелетную стаю,
Нас уносит в чужие края.

Но всегда что судьба ни назначит,
Будь любых обстоятельств сильней.
Чтоб с тобой оставалась удача
И любовь, и здоровье детей.

Пусть в душе твоей чувственно дремлет,
Отзываясь в положенный срок,
И пригорок любимой деревни,
И речной пароходный гудок.

Хоть назад не вернуться, как птицам,
Но как родины милый намек,
Пусть встречаются добрые лица,
Те, что волжский занес ветерок.

Услышав раньше имя Галя,
Мне было как-то все равно:
Ни радости и ни печали
С собою не несло оно.

Вдруг величаво, как из замка,
С улыбкой, полною тепла,
Вошла полесская славянка
И тихо имя назвала.

Как песнь небесного хорала,
Как шелест девственных лесов,
Так имя это прозвучало,
Затмив игру лукавых слов.

В сиянье глаз ее я понял:
На все последние года
Есть на вечернем небосклоне
Моя закатная звезда.

Как песни, имена звучали.
Со мной осталось навсегда
Звезды полесской имя Галя.
«Гори, сияй, моя звезда».

Жизнь – лукавый маскарад:
Под личиной в зале
Далеко не каждый рад,
Чтоб его узнали.

Заводной калейдоскоп
В элитарном свете.
Среди масок, сисек, жоп
Кто гусар, а кто холоп
В этом винегрете?

Может, и не их вина,
В том, что прячут рожки.
Только Золушка одна,
Императрица – тоже.

И, как в любые времена,
Под триумфальной аркой
Быть скромной Золушка должна,
Императрица – яркой.

Не с яркой маской на лице –
Ведь Золушка и Прима
В своем естественном венце
Суть образ неделимый.

Но будет образ неделим
При торжестве искусства,
Лишь сохранив среди личин
Непорочность чувства.

Желаю и в твоей судьбе,
Императрица бала,
Чтоб трепет девственный в себе
И ты не растеряла.

Чтоб чувства эти, не глуша,
(Прости меня за советы)
Светили, коль горит душа
И коль зовешься Света.

Летит наездница лихая –
 в глазах огонь.
Копытом искры высекает
 ретивый конь.
Летит за новой удачей –
 аркан в руке.
Вновь цель заветная маячит
 там, вдалеке.

Легко Фортуна не сдается.
 Но не впервой
Дары свои достать придется
 из кладовой.
Держи сильней свою удачу –
 наверняка,
Она не любит тех, кто плачет.
 Дрожит рука.

Паденья, слезы, боль, измены
 познала ты.
Твой конь блестит от пота, пены,
 грызет узды.
Но твой удел – азарт погони,
 твой хлеб и соль.
И снова к цели мчатся кони,
 не чуя боль.

Лишь добрых чувств в погоне этой
 не растеряй.
Смешаются все гаммы цвета,
 и ад, и рай.
Остынь немного в день весенний,
 сойди с седла.
Земля готовится к цветенью,
 и ночь светла.

В один такой же день погожий
из прошлых лет
Явилась ты по воле божьей
на белый свет.
Не льщу и в пожеланьях краток:
Да будь с тобой
В груди – азарт, в дому – достаток,
в душе – покой.

Нам каждый год в одну и ту же дату –
Другого просто в жизни не дано –
Судьба подносит, как медаль солдат,у,
В бокале горько-сладкое вино.

Держа его невидимой рукою,
Коснется губ узорчатым стеклом.
А в том вине – вкус страсти и покоя,
Измена с верностью тем впитаны вином.

В нем – пряность опыта и терпкий мед удачи,
И горечь стойкая от болей и обид.
И сердце от него и хочет петь, и плачет,
Вновь возвращаясь в прожитые дни.

Хоть не всегда тот вкус меняем сами
В смешенье поводов от радостей до тризн,
Но пусть твое вино горит, как пламя,
В бокале тонком под названьем жизнь.

А это значит, как бы жизнь ни била,
Гнала иль шла дорогой не спеша,
Кипеть в бокале будет с новой силой
Твоя неугомонная душа.

Останется такой же молодою.
И через годы в новый юбилей
Бокал поднимешь твердою рукою:
«Эй, не скупись судьба, еще налей!»

Как сквозь метель, ты смотришь ровным взглядом.
Улыбку чуткую сковал холодный сон.
Хочу приблизиться и быть с тобою рядом,
Но ты скрываешься в тумане снежных волн.

Идешь по улице ты Снежной королевой
С душой, застывшею от суетных хлопот.
Остановись же, ледяная дева,
Заметь того, кто вслед тебе идет.

Позволь обнять тебя, согреть своею лаской,
Позволь согреть тебя теплом заветных слов.
Но смотришь ты назад с прохладною опаской,
Закрывшись панцирем из чувственных оков.

Что ж, видно, нет во мне таких лучей горячих,
Что сгонят лед тревог и снег обид с души.
Явись же тот, с кем будет все иначе,
Кто все твои проблемы разрешит.

Чтоб ты оттаяла, о, королева снега,
Чтоб смыло боль твою, как талою водой.
Но где бы ни был я, ты знай, и с кем бы ни был,
Я счастлив был и тем, что виделся с тобой.

Словно сказочный принц, заступивший на трон,
Бал давал величавый июнь.
В окружении юных цветущих персон
Сам был весел, игрив и юн.

В нежном кружеве красок в сверкающий день,
Когда вишню сжигали цветы
И бурлящею пеной кипела сирень,
Появилась на свете и ты.

Ах, как был расточителен юный монарх,
Одарив тебя щедрой рукой!
Все, что лучшего было в цветущих садах,
Его Светлость оставил с тобой.

И скользя в синеве, опадают цветы,
Пред тобой проходя в менюэте.
И приветствуя их, улыбаешься ты
Лучезарной зарей на рассвете.

Яркой летней улыбки лазурный рассвет
И задор возрожденной природы
Даришь щедро и ты, словно свежий букет,
Не увядший за долгие годы.

Я желаю тебе, чтоб не раз и не два
От любви и вина кровь кипела,
После бала кружилась твоя голова
И душа ни о чем не жалела.

И побольше удачи в капризной судьбе.
Только как бы она ни давила,
Знаю я: ты – сильней. Изначальна в тебе
Восходящего лета сила.

Ах, объясните в день Святого Валентина
Застывшему в понятиях невежде,
Ну почему из троицы единой
Со мною остается лишь Надежда?

Живу, как в чарах сказочной химеры.
Тут здравый смысл к себе на помощь не зови.
Ну почему же нет Любви без Веры,
Хоть Вера может обходиться без Любви?

Уж последний месяц лета
Прозвенел и укатил
В позолоченной карете
Под прощальный посвист крыл,

Оставляя за собою
Мутный след осенних слез
Да уныние немое
Увядающих берез.

Что-то кончилось на свете...
Тихо блекнущая синь
Разметала миф о лете
Средь испуганных осин.

Охраняя эту память
От нахлынувших страстей,
Я невольно буду таять
Даже в зимнюю метель.

Потому во мне до боли
В пьяный вой февральских вьюг
Память ласковая – Оля –
Будет согревать досуг.

Ум, обаяние, страсти, интриги,
Труд, темперамент и хладный расчет –
Все в тебе есть, как в классической книге,
Все в ход пошло, чтоб судьбе сдать зачет.

Вместе с судьбой ты умеешь меняться,
На неудачах не ставя зарок.
Можешь выигрывать и ошибаться,
Можешь от старых грехов очищаться,
Чтобы назавтра усвоить урок.

Ты на меже меж святым и греховным
Переступаешь нередко ту грань.
Все перед выгодой в жизни условно –
Платишь оброк иль берешь свою дань.

Кто-то завидует, кто-то бранится.
Против их воли сказать ты смогла:
«Ни перед кем я не стану виниться.
Так уж сама я себя создала».

От всей души, и сердца, и сознания —
Достатка, лада, радости в твой дом!
Конечно, не благие пожеланья
Меняют жизнь. Мое ж желанье в том

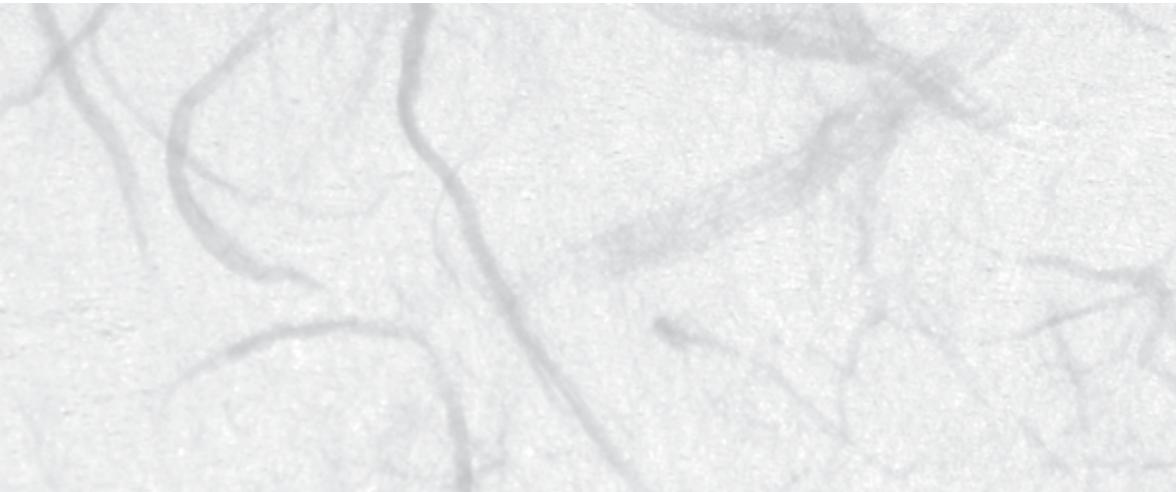
Чтобы снежинкой с высоты слетая,
Частичкой нежности тебя коснулся стих
И в этот миг душа твоя, оттаяв,
Ответной нежностью коснулась и других.

Чтоб стало сердцу легче и светлее,
А новогодней сказочной порой
Запело так, как петь оно умеет,
Когда с тобою радость и покой.

Ну а когда, раздав очарованье,
Ночь превратится в утреннюю гладь,
Пускай останется с тобою как признание:
Есть кто-то в многолюдном океане,
Кем можешь ты всегда располагать.

СЕМЕЙНОЕ

Лизе

Задушевна октябрьская прелесть,
Кроток влагой наполненный взгляд.
Но сегодня деревья оделись
В честь тебя в самый лучший наряд.

В облаках перелетные стаи,
В дальний край пролагая маршрут,
С днем рожденья тебя поздравляют
И, курлыча, приветствия шлют.

И в вечерней туманности сизой,
Где пролег их загадочный путь,
Ты услышишь: «Будь счастлива Лиза,
В жизни стойкой, уверенной будь!»

Осень землю листвою засыпает.
Сбрось и ты прошлой грусти печать,
Чтоб как вдалеке улетающей стае,
В жизни цели своей не терять.

*

Октябрь холодными слезами
Несет унынье и смятенье.
Но нам не грустно: ведь у мамы
В ненастье это – день рожденья.

И пусть стучится в окна слякоть,
Пусть лужи на аллеях зыбких,
Но солнца луч не даст заплакать,
А цвет листвы пошлет улыбки.

И струны веток ветр осенний
Перстами чуткими колышет,
Он шлет для мамы поздравленья
От папы, Тошика, Аришы.

Желаем, чтоб была счастлива,
Чтоб обошли тебя невзгоды.
А если вдруг и загрустила,
То только из-за непогоды.

Аришеньке

Земля в ночи устало дышит,
Уснувший мир покой хранит.
Угомонилась и Ариша,
Курносым носиком сопит.

Разлиты волосы, как волны,
В глубокий сон погружена.
Ей шлет видений, сказок полных,
С небес волшебница Луна.

Но разгорается над крышей
Румянощекая заря
И будит спящую Аришу
Лучами цвета янтаря.

Как из фонтана, солнце льется,
Весельем заразило всех.
Девчонка бегает, смеется,
Как колокольчик, раздается
С веселым переливом смех.

Но день устал. Все тише-тише
Его беспечный перезвон.
Пора в кроватку и Арише
Досматривать вчерашний сон.

Как вынести твою улыбку?
Как выдержать нескромный взгляд?
Как вытерпеть соблазна пытку?
Как чар твоих развеять яд?

Но все сложнее скрывать желанья,
Труднее взглядов избегать
И на истомное дыханье
Спокойством ложным отвечать.

От одного прикосновенья
В сознанье – сладостный туман.
Боишься, хоть и ждешь мгновенье,
Когда игра и искушенье
В тугой завяжутся роман.

От роковой не скрыться даты.
И все сомненья прекратив,
Гипнозом трепетным объятый,
Идешь на чувственный порыв.

Сплетенья чувственных узоров
Подвластны логике своей.
И большим кажется позором
Отвергнуть мед хмельных страстей,

Чем грешной покорившись власти,
Забывать торжественный обет.
И меркнет перед вспышкой страсти
Мерцающий семейный свет.

Мы с тобой станцуем в этот вечер
Так, как танцевали в первый раз.
Пусть сегодня трепетные свечи
Вновь мерцают только лишь для нас.

И давай забудем все плохое,
Что с тобой пришлось преодолеть.
Знаем мы об этом только двое,
А сегодня сердце хочет петь.

Били нас соблазны и тревоги,
И обид сжигающая ржа.
Мы смогли осилить все дороги,
Только лишь друг другом дорожа.

Мне твое желанье разгадать бы
И твоей мечты увидеть след,
Чтобы серебром от нашей свадьбы
Осветить их путь на много лет.

И опять сегодня станем юными,
Хоть и дочь – как мы в те дни с тобой.
Так давай же чувственными струнами
Разметим привычный наш покой.

Как тогда, станцуем в этот вечер,
Я к тебе прижмусь, как в первый раз.
Пусть мерцают трепетные свечи
Лишь для нас и только лишь для нас.

И вновь скандал. К чему все это?
Ведь ты опять пошла вразнос.
Мы в сваре не найдем ответа
На зацепивший нас вопрос.

Согласен я с тобой авансом,
Пусть будет так, как ты решишь.
Но, словно в ритуальном танце,
Средь кухонных кастрюль кружишь.

Уймись, остынь. Глянь, я спокоен.
А впрочем, продолжай парад.
Так, видимо, наш быт устроен,
Что кто-то в доме виноват

За то, что не было иль было,
За то, что будет или нет,
За то, что денег не хватило,
За то, что дождь, за то, что снег...

«Жрать будешь?» – «Нет, спасибо. Сытый». –
«Кто ж накормил?» – «Пошел я спать». –
«И для такого паразита
Я свежую стелю кровать!

Ты скажешь, что пришел с работы?» –
«Считай, что да, коль ты так хошь». –
«Плети соседке анекдоты!» –
«А это мысль, ядрена вошь!

Доставили меня твои упреки.
Я не верблюду, не бегемоту.
Хоть кажется мне ненароком,
Что сзади горб уже растет».

«Не горб, а рожки. В самом деле
Спишь, морду отвернув к стене,
Ты три последние недели.
И что прикажешь делать мне?»

«Во поворот! Вот ум у бабы!
Впрямь – кружева твои слова.
Но к истине пришла хотя бы.
И тут ты тоже не права.

Летишь на крыльях, как к невесте,
А в лоб – упрек». – «И что теперь?» –
«Да как серпом сгибает место,
Что первым проскочило в дверь».

К стеклянной свадьбе друзей

«Что-то к свадьбе стеклянной поблекло стекло,
Я опять не нашла в нашем доме утехи.
И в глазах у тебя не мороз, не тепло.
На кобыле хромой не подъехать.

Эх, махну я на все и подам на развод.
Я же тоже хочу быть хоть чуточку дамой!
Только что-то решиться никак не дает,
И мне слышится голос мамы.

Строго глядя в глаза, говорила мне мать:
Ну не будь ты наивной девчонкой!
То на то поменять – только время терять,
Там у всех не мошна, а мошонка».

«Все идет кувырком, в горле кость то ли ком,
И по кухне ты ходишь тигрицей.
Я хочу ущипнуть, поласкать где-нибудь,
Но с какой стороны подступить?»

Эх, махну я на все и подам на развод.
Этой пляске не видно конца.
Только что-то решиться никак не дает,
И мне слышится голос отца.

Он меня наставлял: повторяю опять,
Ну не будь ты наивным, сынок.
То на то поменять – только время терять,
Нет из них ни одной поперек».

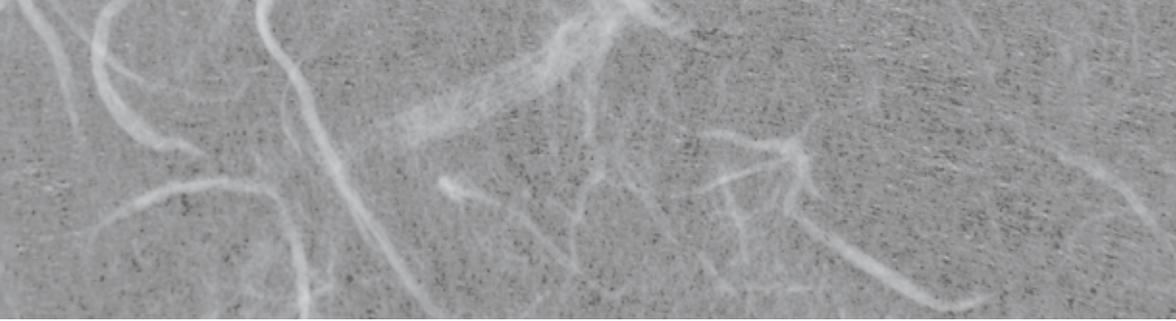
Пусть неровно порой ваша лодка плывет,
Есть на каждой реке свои мели.
Я хочу, чтобы вместе гребли вы вперед,
Сообща одолеть их сумели.

Чтобы были прозрачны сердца, как стекло,
И друг к другу чутки, словно стенки бокалов,
Чтобы грела любовь, сколько б лет ни прошло,
И улыбка почаще на лицах сияла.

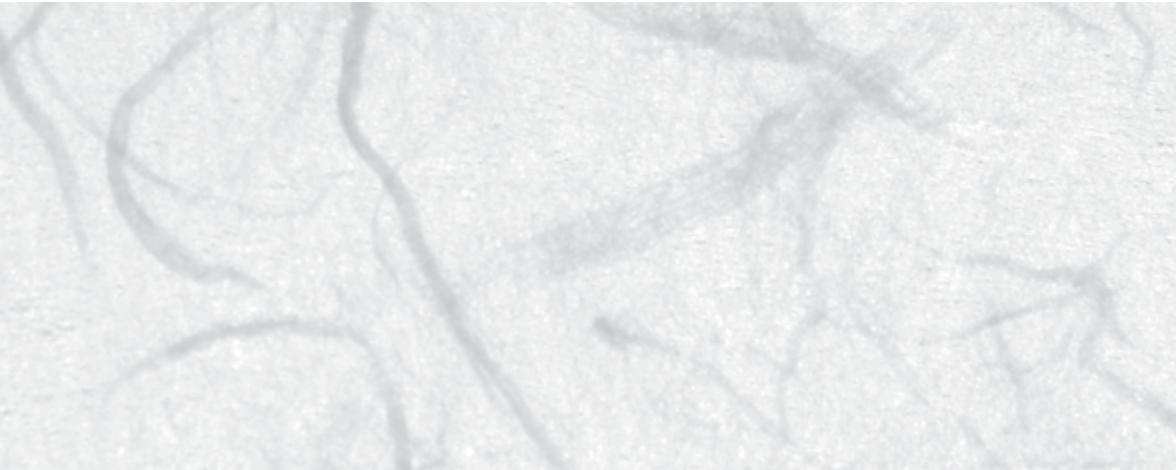
Обними горячей и скажи: «Дорогой,
Слышишь – ветер на улице свищет.
Все обиды пройдут, мне не нужен другой.
Все равно же мы слаще друг друга не сыщем».

«Дорогая, и я ни на что не сержусь.
Мне б улыбки твоей ну хоть самую малость.
Я в лепешку тогда для тебя расшибусь,
Починю даже то, что вообще не ломалось».

То на то поменять – только время терять.
Этот бартер для вас не годится.
Вы стеклянную свадьбу сумели сыграть,
Так к серебряной надо стремиться!

ЛИРИЧЕСКОЕ

Вновь весна стучится в душу
Журавлиным звонким криком.
Стало сердце непослушным,
Стало легким, стало диким.

Я ловлю бродягу-ветер,
Я сую его в карманы.
Мне не отрезветь вовеки
От весеннего дурмана.

И опять ночами шляюсь
Где угодно, с кем попало.
И пускай меня ругают –
Юность в сеть весне попала.

Хохочи, красotka, громче,
Трепещи губною краской!
Не до сна нам этой ночью,
Мы пьяны весенней сказкой.

Пусть свет окон разольется,
Как листва из почек клейких,
Тишина пусть разобьется,
Словно хрупкий лед апрельский.

Я ловлю бродягу-ветер,
Я сую его в карманы.
Мне не отрезветь вовеки
От весеннего дурмана.

Так что же было, что же это было?
Была любовь иль просто дивный сон?
Веселым цветом солнышко светило,
Играя с синевою лазурных волн.

Бежит река потоком быстротечным.
Немое ожидание тоски.
Ничто под нашею луной не вечно,
Лишь вечны бликов желтые мазки.

Вот и осень уж. Грустным волнением
Потревожено что-то в груди.
Время летних ушло приключений,
Озорной бесшабашной любви.

Той, что с летним теплом улетела
В невозвратную светлую даль.
Лист багряный, слетая несмело,
Бьется робко об ветхий сарай.

Нудно шлепая, дождик осенний
По прокисшей дороге бредет.
Не уснуть, как котяткам на сене,
И фуфайка уже не спасет.

На душе все остыло, завяло.
То, что ждали с тобой, не пришло.
Память шарит по датам устало,
Ищет встречи прошедшей число.

Мы встретились нечаянно, неожиданно.
В холодный серый день стекала с крыш вода.
Тебя я не искал, и ты меня желанным
Не называла также никогда.

А были трогательны сдержанные встречи.
Как хочешь их сегодня назови.
И, может быть, в один наш общий вечер
Стояли мы в полшаге от любви.

Но чувствовался горький вкус печали
С фатальной неизбежностью разлук
В том, что друг друга мы тогда держали
На расстоянье вытянутых рук.

Не был я робким, но с тобою рядом
Держал в узде и страсти, и мечту
И не пытался даже кротким взглядом
Переступить незримую черту.

Возможно, сдержанность посеяла обиду,
Хоть сердце возносило до небес.
Я в наших отношениях увидел
Игру. И из твоей судьбы исчез.

Без объяснений, без порывов страсти.
Как будто бы в небытии пропал.
Не выпивая, расколол на части,
С невызревшим вином любви бокал.

Не ведал я тогда, спеша с любовью,
Не выпуская чувственную плеть:
Чтоб новое начать, то старой болью
Тебе необходимо отболеть.

Три года, словно переменный ветер,
Промчались в разношерстной суете,
Когда в весенний день тебя я встретил
Лицом к лицу в большой людской толпе.

Расстегнут плащ, до запахов знакомый,
Играет шарфиком веселый ветерок.
Как будто вновь ко мне идешь из дома,
Легко скользя через людской поток.

Рукой едва ее руки коснулся.
И встала, будто этого ждала.
Не знаю, хмур я был иль улыбнулся,
Но ты своей руки не отняла.

Все так же сдержанны твои манеры,
Скромна косметика и трогателен взгляд.
Чуть улыбнувшись, ты спросила первой,
Чтобы сердца не возвращать назад.

«Смотрю, женат». – «Да вот, почти два года». –
«Я рада, поздравляю...» – «Было б с чем!
Неугомонная моя природа
Опять загнала в круг тугих проблем».

Подумал так, не выдавив ни звука,
Глядя взволнованно в знакомые черты.
Ну а в ответ, не выпуская руку,
Нелепо как-то произнес: «А ты?»

«А я? Ты знаешь, мне одной спокойно.
И, право, не хочу покой терять».
Что ж, встретив прошлое, ты держишься достойно,
Но твой прием нетрудно разгадать.

Не верю, нет. Покой твой ложный, зыбкий.
Я ощущаю дрожь в твоей руке.
И выдала смущенная улыбка,
Что чувства не остались вдалеке.

Понятен мне твой каждый жест и слово,
Понятен блеск спокойных умных глаз.
И ожиданьем нежным полон снова,
И вновь есть что-то общее у нас.

Мне хочется сказать тебе так много,
Но в горле словно горькая вода.
И наползает на сердце тревога,
Что в этот раз разлука навсегда.

«Как мне найти тебя?» – «А ты считаешь, надо?» –
«Зачем же очевидное скрывать?» –
«Не стану лгать, тебя я видеть рада,
Но стоит ли обжитым рисковать?»

А впрочем, встретиться всегда желала.
Но сам решай. Тебе в сто раз сложнее.
Прости, опаздываю. Адрес не меняла».
И растворилась в толчее людей.

Я к тебе постучаться хочу
Тихим утром в ненастную пору,
Когда дождик скользит по плечу
И на сердце немые запоры.

Когда осень уже проплыла
По ухабистым нашим дорогам
И сырая туманная мгла
Затаилась в молчании строгом.

Когда серый неласковый день
Стынет, кутаясь шалью тумана,
А зимы неотступная тень
Уже бродит ночным хулиганом.

Петуха монотонная трель,
Сонный всхлип встрепенувшейся птицы...
Тихо скрипнет дремавшая дверь,
Заблестят голубые зарницы.

Зори чувств прикоснутся к плечу,
Открывая немые запоры.
Я к тебе постучу, постучу
Тихим утром в ненастную пору.

Так что же нужно нам от встречи?
Зачем молчим мы в этот час?
Вернуть далекий лунный вечер,
Когда молчали, как сейчас?

Тогда, сочувствуя молчанью,
Нам парк таинственно внимал.
А от свиданья до свиданья
Я умирал и воскресал.

Не объяснить теперь нам чувства.
Волнений прежних в сердце нет.
Немного тягостно и грустно,
Но ни к чему искать ответ.

Забить бы все – так было б проще,
И жить, как будто вновь рожден.
Но растеряла тайны роща,
А лунный свет сечет дождем.

Оставим так, как все сложилось,
Не поворотишь время вспять.
И нет у нас ни чувств, ни силы,
Чтоб русло жизни поменять.

Так что же нужно нам от встречи?
Зачем молчим мы в этот час?
Лишь с грустью вспомнить лунный вечер,
Когда молчали, как сейчас.

Когда-нибудь за дальним поворотом,
Когда в пыли растает юный след
И станет жизнь, как выпитые соты,
Я с нежной грустью вспомню о тебе.

И что-то позабытое коснется
Рукою мягкой до моей груди,
И то, давно уснувшее, проснется,
И высохшее сердце защежит.

И вдаль помчится, тишину пугая,
Будя при встрече версты сонных лет,
Усталая, но вечно молодая
С печалью память полетит к тебе.

Когда-нибудь за жизни поворотом
Я вспомню все прошедшее, скорбя.
Ну а сейчас судьбы водовороты
Несут меня все дальше от тебя.

Где та истина зарыта,
Что собака под мостом?
Думал – все: прошло, забыто,
Чувства спят покойным сном.

Только жив еще курилка!
И лишь встретив вновь твой взгляд,
Застучало сердце пылко,
Как десяток лет назад.

Значит, хворост чувств остылых
Не истлел – подсох скорей,
Разгорелся с новой силой
От невидимых лучей.

Даже если ненадолго.
Что ж с того – бери, что есть.
Может, завтра смоет Волга
С сердца трепетную спесь.

Эх, гульнем, как было раньше!
Сила есть, душа поет.
Не приемлет сердце фальши,
Когда страсть к себе зовет.

Где та трепетная сила,
Что бросала сердце в дрожь?
Может, старость подкатила,
Коли чувств не наберешь.

Те ж глаза, что южный вечер,
И морщинок нет почти.
Но не в радость как-то встреча,
Хоть и мимо не пройти.

«Как живешь?» – «Хотел бы лучше.
Ну а ты?» – «Куда ни шло».
Голос сдержанней и суше –
Все ж пятнадцать лет прошло.

«Вижу, выглядишь нехило», –
Задаю игривый тон.
«Брось ты эти байки, милый.
У природы строг закон.

Не уйти от общих правил,
Не воссоздать жизни цвет,
Даже чтобы нам исправить
Глупости ушедших лет».

«Ну не надо так уныло,
Не веди обидам счет.
То, что между нами было,
Даже черт не разберет.

Плюнь на все. Дыши ровнее.
Посидим часок-другой
И с улыбкою сумеем
Вспомнить прошлое с тобой».

Весеннее настроение

Когда метели колкие
 Ломились за порог,
Плясали ножки бойкие
 Морозный казачок.

Душа была закована,
 Как в ледяной броне,
А я, разочарованный,
 С пургой наедине.

Но вот рукой весеннею
 Под небом голубым
Чарующим цветением
 Укутались сады.

Когда метет черемуха
 На землю пряный снег,
То ты тогда попробуй-ка
 Не вспомни обо мне.

Весна пришла. Апрель игривый
Смеется смехом солнечным до слез.
Звонками ручейков встревожил мир унылый,
Прогнал печаль с растрепанных берез.

Обвисший тополь к дому жметесь зябко.
Не верит он, что кончилась метель.
А в вышине, в его ветвей охапке,
Бужит уже нахальный воробей.

Мир полон свежих ощущений,
Всему, что ни стрясется, рад.
Долой замерзшее смятенье –
Я улыбаюсь всем подряд.

Весна бурлит, несчастное все стерто.
Готов обвислый тополь целовать.
Готов любить и ангела, и черта
И воробьям на тополе внимать.

Все грустное осталось где-то в марте,
Купаюсь в струях свежего огня.
А в зеркалах на выбитом асфальте
Я нынче вижу нового себя.

В затерянном краю

Ливень летний что есть мочи
По дороге несется лесной,
То притихнет, то снова хохочет
Вперемешку с веселой грозой.

Утоляя живую водою
Средь лесов затерявшийся край,
Он занялся и нашей судьбою
И загнал в полутемный сарай.

Мятно веет от свежего сена.
Ты, как нимфа лесная, со мной,
Ласка груди, сверканье колена,
Взрывы чувства и страсти прибор.

Рада этому ты и не рада.
С тела сыплется мелкая дрожь,
Губы шепчут: «Не надо, не надо...»
Только что с безрассудства возьмешь?

Дождик кончился, капли устало
Вниз сползают с промокших дерев.
Уж заря заиграла на травах,
Будто птица на землю слетев.

По размякшей от ливня дороге
Мы тихонько к деревне бредем,
Позабыв про промокшие ноги,
Размышляя о чем-то своем.

Почти то же самое о том же самом, но позже

Пьяный ветер гуляет в аллеях раздетых,
Бесшабашно швыряясь опавшей октябрьской листвой.
Будто не было лета, вовсе не было лета,
Будто не было вовсе и встречи с тобой.

Будто не было вовсе от ливня погони,
Не скрывал нас ладонями ветхий навес
И в лесу на заброшенном старом кордоне
Не молили у грозной природы чудес.

В пене брызг дождевых на поляне, водою залитой,
Освещенная сполохом синих небесных огней,
Ты из мифа предстала лесной Афродитой,
Выбрав местом рождения глушь средь лесов и полей.

Зевс-отец тебя кликал раскатами грома,
Умоляя скорее явиться в пенаты свои.
В темных нишах пустых одичавшего дома
Смертным грешным теплом согревал я богиню любви.

Нас рассвет возвратил из волшебного плена,
Озорно подмигнув на прощанье последней звездой.
Мы вернулись к своим наболевшим проблемам,
С грузом прежних забот побрели по дороге домой.

Ты в привычном кругу средь друзей ленинградских,
Я привычно живу в облюбованном волжском краю.
Лето нам рассказало отрывок из чувственной сказки,
Не успев завершить окончаньем со словом «люблю».

Пусть сейчас это сказка из древней причуды
Иль Морфеем навеянный вычурный сон.
С нежной грустью в душе вспоминать ее буду,
Но и ты, я прошу, не забудь лучезарный сезон.

С детства милая сторонка –
Русская равнина.
Вот стоит на ножке тонкой
Робкая рябина.

Три березоньки-подруги,
Словно в хороводе,
Плавно шествуют по кругу
При честном народе.

А народ – леса густые
Чинно расступились,
И красавицы лесные
Лихо в пляс пустились.

Вот два молодца – два клена,
От подруг чтоб не отстать,
В такт тряхнув кудрявой кроной,
Стали «русского» плясать.

Старый дуб – могучий витязь,
Встал, как было в старину:
«Эй, народ, посторонитесь,
Дайте мне, а то помру».

Блеклый день. Парк почти незаметен.
Сброшен с плеч обветшалый наряд.
Добросовестный дворник-ветер
Разметает обрывки заплат,

Дальше-дальше с газонов уносит.
Кончен бал. Убран праздничный стол.
И последнюю гостью – осень
Я домой проводить пришел.

Словно женщину – чуткую, скромную,
Утомленную грузом забот,
Провожу я аллеей укромною
До узорных резных ворот.

За воротами просветом сини
Улыбнется, чуть высветив даль,
Растворится средь уличных линий,
Уходя, зябко кутаясь в шаль.

Хруст листвы лишь коснется слуха.
Здесь тропинке, как девушке, рад.
И каким-то языческим духом
Полон мир, словно эру назад.

А грустится совсем не очень,
Да и вовсе не стоит тужить.
Просто тихо уходит осень,
И я вышел ее проводить.

Люблю я пасмурные дни,
Когда печальная природа
О лете, что прошло, грустит
И ждет со страхом непогоду.

Затихло все в молчанье скорбном,
Померкли шумные леса.
Река в страдании покорном,
Как тусклой ленты полоса.

Нет блеска на воде безмолвной,
Чуть виден с берега камыш,
Не нарушают плеском волны
Сырую призрачную тишь.

Укрыл туман своей косынкой
Дорог изъезженный настил,
Вдали клубится мутной дымкой,
Средь крыш сереющих застыл.

Все слилось в восковом тумане:
И хмурый, почерневший лес,
Поля на выбритом кургане
И матовая гладь небес.

Осенний рассвет лишь глаза протирает,
Не выпавшись, солнце над миром встает,
И медленно-медленно день оживает,
По белому инею робко ползет.

Лучи не играют с лесным перезвоном,
А зябко скользят по опавшей листве.
И странно, и гулко, подобные стомам,
Случайные звуки мелькнут в тишине.

Падает снег и ложится на землю,
Нехотя к бурой земле пристаёт.
Лес в заколдованном сумраке дремлет,
Поле притихло, река что-то ждёт.

Волк, на холодную выйдя поляну,
Вытянул к небу зубастую пасть.
И разлетается гулко и странно
Вой, будто стон, в этот призрачный час.

Путник в час этот пристанища ищет,
Псы забиваются в угол глухой.
Страшно и жутко, хоть ветер не свищет,
Только лишь хлупает грязь под ногой.

Чудится путнику, что у дороги
Видит он волчьих зрачков огоньки.
И все быстрее поднимает он ноги,
Вот уж бегом, задыхаясь, бежит.

Чувствует сзади голодные пасти,
Думает: «Только бы мне не упасть!»
Молит: «Приди хоть на миг ко мне, счастье!»
Но запинается, падает в грязь...

Снег застилает полосу дороги,
Тает у странника в волосах.
Тот приподнялся, чуть двигая ноги,
Тихо побрел, забывая про страх.

Крик ворон, словно скорбь по деревьям,
Лес притих в ожидании стужи.
То ли думает он, то ли дремлет,
Никому он сегодня не нужен.

Отзвенел, отшумел, затерялся
В тишине среди тусклой равнины,
С чем-то буйным, веселым расстался,
И вдруг понял, что гол он и стынет.

Стон ворон болью сердце тревожит,
Будто колокол звон рассыпает.
Отзвенел, отшумел и не может
Даже крикнуть «прощай!», угасая.

Осень голые ветки омоет,
И пурга отпоет панихиду.
Скажет тихо зима: «Мир с тобою»,
И луна на прощание выйдет.

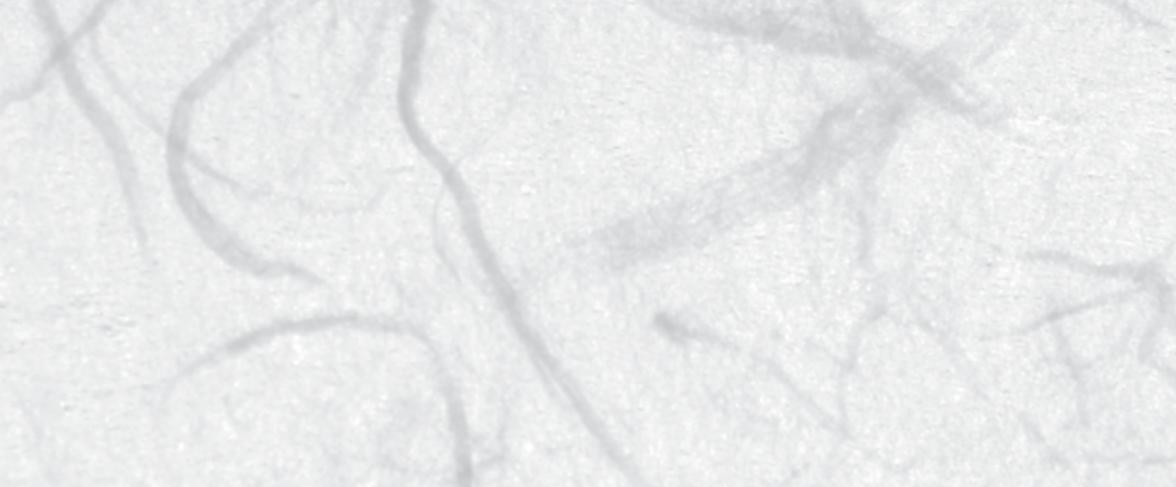

Эх ты, поле-поле, снежная равнина,
Лес на косогоре да голые кусты!
Разбежались кони по бескрайней сини,
Крутит вихрь-поземка белые усы.

Скалит зубы ветер, весело играя,
Уцепилась удаль в гриву воронца.
Зазвенела песня в нашем диком крае,
Гонит сон февральский с белого лица.

СТУДЕНЧЕСКИЕ
СТРАДАНИЯ

Страдания на семинаре

Как спартанский илот, я с утра сам не свой.
Словно пес, пострадавший от драки.
Я блевал за углом не картошкой гнилой,
А законом царя Хаммурапи.

Голова так трещит, словно били ее
Отягчившим вину обстоятельством.
И за партой уснуть злая мысль не дает
От свершенного другом предательства.

На занятия меня, как к зубному врачу,
Он привел, попирая законы.
Глаз за глаз, зуб за зуб – я ему отомщу
Злобным принципом талиона.

Эх, сожрал бы я все, что ползет иль летит,
Все, что в землю с хвостом зарывается.
Только кодекс семейный отбил аппетит,
И статьями живот отрыгается.

А от права земельного – страшный понос,
И чихаю жилищными нормами.
А гражданские сделки пролезли сквозь нос,
Рот зловонит виновности формами.

Ух, я волком бы выгрыз науки гранит,
Я бы трахнул старушку-историю!
Только стерлись клыки и «пенис» не стоит
На всю эту аудиторию.

Мне б винишка галлон, мне бы пива баррель,
Мне б в беседе похмельной забыться..
Но попал, как кастрат в первоклассный бордель,
Где мадам предлагает девицу.

Здесь – не актовый зал, а сырой каземат
И за кафедрой – поп в чем-то белом.
Суд меня осудил за вчерашний разврат
К десяти урокам расстрела.

Несостоявшийся наследник

Я был подобран в дождь скучающим в канаве,
Куда меня контролеры ссадили из авто.
И благодарен стал той благородной даме
На синих жигулях в малиновом манто.

Мне, право, начихать, что вам на вид полвека
И вашего сынка я б «дядей» называл,
За то, что вы нашли в студенте человека,
Вас в дряблую щеку я вскользь поцеловал.

И расцвела мадам, что мухомор в лукошке,
И шея подняла шиньон до потолка,
И вновь воскресли в ней манеры блудной кошки,
А на мое бедро легла ее рука.

А вот и дом ее. И домик впрямь нехилый:
Большой фасад с венцом, сад, с банею подвал.
Но стало жутко мне от слов: «Смелее, милый!»
Шагая за порог, я мысленно дрожал.

Дрожал от мысли той, что с антикварной бабой
Придется переспать. Нет! Лучше – в водоем!
Нет! Лучше уж лежать с сырой болотной жабой –
Там хоть надежда есть проснуться королем.

След грязных башмаков на восковом паркете
Вписался в интерьер. И я в момент прозрел:
Блин! Лохом буду я, последней вшой на свете,
Коль это не приму в свой родовой удел.

Краснел бокал с вином от пурпура помады.
Такой же пошлый штамп и на носу моем.
Шептала жарко ты: «Вы разве мне не рады?
Ну разве я плохой устроила прием?»

Просила: «Поцелуй!» Я жмурился со страху.
Согласен: чмокну в лоб, но дальше не шагну.
Годитесь в жены вы последнему монарху,
Что пущен был в расход в Гражданскую войну.

Но ты вела в постель, что школяра за парту.
Мня прошиб озноб, душил холодный пот.
И чтобы избежать ненужного инфаркта,
Ей на лицо и грудь покчал «Советский спорт».

«Люби меня, люби! – гнусавила зазноба. –
Ну что же ты молчишь? Не скажешь ничего?» –
«Люблю тебя, люблю. Одну люблю до гроба».
А в мыслях добавлял: до гроба твоего.

Насчет семейных уз ты грубо намекала,
Мол, в ЗАГСе наш союз надежно закрепим.
А мне «до борозды» – студенту дела мало,
Мне лишь бы стать скорей наследником твоим.

И стал понятен мне тот тезка мой – Евгений,
Кто черта вызывал, чтоб дядюшку всучить.
Не изменился мир за много поколений,
В котором хочешь жить – красиво хочешь жить.

Живу, как в масле сыр, как сало в морозилке.
Накормлен и одет, и личный есть бюджет.
Из-за кордона мне доставлены ботинки.
И вот пришла пора меня представить в свет.

Торжественно пришли на «светопредставление»
Солидный демагог с подругой без груди,
Имевшая на все особенное мнение
Мадам лет сорока, не знавшая мужей,

Профессор-музыкант с женой страшной могилы.
Как фыркала она, дрожала, что в мороз,
Когда меня звала моя особа «Милый»,
А я, чтоб не заржать, в ладонях прятал нос.

Солидный воду лил, упрямо убеждая:
Хозяйка – божий дар, и горд он за меня,
Что гармонично мы друг друга дополняем,
Что создана у нас «здоровая семья».

И что-то предлагал профессор от органа...
Меня же в этот миг схватил блевотный спазм.
Я искренне считал при этом, как ни странно,
Он степень получил, исследуя оргазм.

Очистив свой живот от мучившего хлама,
Я в ванную прошел, стараясь не упасть.
Там шпаклевала лоб нетоптанная дама,
И овладела мной невиданная страсть.

Я предложил пощупать непорочной деве
Известный инструмент, что у мужчины есть.
Как вспыхнула она и в благородном гневе
Пыталась отстоять приличие и честь.

Не знаю, стал бы я у этой дамы первым,
Но искренне считал: ей сделал комплимент.
А на пороге вдруг нарисовалась стерва –
Профессора жена – в ответственный момент.

Какой же был скандал в изысканной семейке!
Я ж мирно задремал и в свару не полез.
Очнулся лишь под ночь на парковой скамейке,
Противный нудный дождь крошил из-под небес.

А я уже считал себя наследным принцем,
И королеву-мать отправил на покой.
Но прокололся. И с наклейкой проходимца
Был выброшен за дверь безжалостной рукой.

С тяжелою душой вернулся я в общагу.
Просроченным пивком приятель угостил.
«Меня не кантовать, я на денек прилягу».
И рухнул, сняв пальто, на выцветший настил.

Но в жизни есть и свет – не только мрак полночный.
Фортуна – тоже баба, ее ль не соблазнять?
Мне принесли конверт от девы непорочной,
И завтра в шесть часов иду ее встречать.

Живу друзья, живу. И на последнем курсе
Не вырыт для меня могильный водоем.
Ей с чувством передам любовные ресурсы,
А денежный ресурс добуду у нее.

Коварная измена

Столетник чахнет на окошке,
Из крана капает вода,
На улице скандалят кошки...
Все, как обычно, как всегда.

Привычные, родные звуки.
Лишь я, как килька под ногой.
В коленях – дрожь, немеют руки.
Хоть мордой в унитаз и вой.

Спят на учебниках ребята,
Научный познают трактат.
А у меня от сопромата
В мозгах остался только мат.

Из «мать ю в мать». Прости мня, Боже!
Ну, не везет, не катит масть!
Зазноба – ни станка, ни рожи,
И та к таджику подалась.

С ней познакомился в столовой,
Где брал копеечный обед.
В ответ на комплимент дешевый
Она добавила котлет.

Довольный, радостный и сытый
К ней благодарно воспылаал
И королеву общепита
К себе на рандеву позвал.

У друга началась икота.
Ее увидев, он спросил:
«В каком реликтовом болоте
Водился этот крокодил?»

Что смыслит в дамах мелкий живчик?
Дурна – зато не отобьют,
Зато на грудях ее лифчик
С двойной десантный парашют.

Ему секрет открыл, как брату:
«Не смейся, а скажи, как есть:
Смогу ль я с этим экспонатом
В рекорды Гиннеса пролезть?»

Взглянув на деву осторожно,
Тот шепчет: «В генах слабоват.
Пролезть туда, конечно, можно,
Но кем ты вылезешь назад?»

Спроси такого попугая,
Потом не оберешься бед:
На извращенье намекает
Его безграмотный ответ.

Попутать Гиннеса и гены
Способен только идиот.
Но, поразмыслив откровенно,
Я не решился на рекорд.

А голос внутренний советом
Вполне разумно дал понять,
Что лучше даром есть котлеты,
Чем натошак в мечтах витать.

Вкусны халявные обеды,
Приятен праздник живота,
Умны застольные беседы,
Мил сон довольного кота.

Жизнь шлет не только комплименты.
И вот в паскудный день один
Увел из стойла у студента
Овцу кочевник-бедуин.

Коварство злобных азиатов
Известно миру с древних пор,
А формула «Все люди – братья» –
Вранье, утопия и вздор.

Как снюхался верблюду пустыни
С овцой из северной глуши?
Не вразумить мене доньне,
Хоть бейся лбом, хоть зад чеши.

Он даже – гнусный сын шайтана! –
Законом пренебрег святым,
Не выполнил завет Корана:
Не внес за девушку калым.

Простить такое святотатство
Не позволяли долг и честь.
И порешило наше братство
Исполнить праведную месть.

В зловонном каземате склада
Средь овощных гниющих груд
Вершили мы над мерзким гадом
Законный справедливый суд.

«О, жалкий отпрыск Овощторга!
Ты сознаешь, бесплодный мул,
Трусливый беженец от долга,
На что ты нынче посягнул?!»

Он взвыл: «Я вас не понимаю.
О, благоверный Магомед,
Уйми ничтожных, умоляю,
Пока не натворили бед».

И в угол полз, как вошь по пузу,
Где к стенке телефон приник.
Пришлось ему гнилым арбузом
Подпортить на башке парик.

Вмиг вникло в суть дитя порока:
«Аллах велик, Аллах акбар,
Любовь к гостям – завет пророка,
Прошу отведать божий дар».

Нет, что ни говори, а водка
Воссоздает интимный фон:
Когда летит за стопкой стопка,
Глаголешь, словно Цицерон.

«Ты оцени, мой брат молочный, –
Гнусавил я, глотая плов: –
Лишь ради братской дружбы прочной
Я в жертву приношу любовь».

«Она ж – мой свет, верблюд в пустыне,
Пришедший с курдюком воды.
Подумаю – и сердце стынет,
Что путеводной нет звезды.

А ты скандалишь из-за денег
И в том не чувствуешь вины.
Ужель душа твоя не внемлет,
Что этой деве нет цены».

«Вы, отроки, умом богаты,
Познанием цель озарена.
Она ж тупая, как лопата.
Зачем вам, отроки, она?»

«Ваах, что несет ишак безродный,
Адепт потусторонних сект!
Рискни обнять у девы бедра –
Весь не охватишь интеллект.

Как на старуху есть проруха,
Как на безрыбье рыба – рак,
Так нам она – серьга на ухо
И на похмельный день – пятак.

О, да завянут мои уши,
Да сплющат твой язык клюкой.
Для нас она – бальзам на души.
Ну а тебе она на кой?»

Он усмехнулся, плут восточный,
Погладив выперший живот.
«Знай, брат, щадит пустыня точных.
Я все считаю наперед.

Вот с ней не сгину в мрак дорожный.
Коль не растет в барханах лес,
Из лифчика ее несложно
Построить солнечный навес.

Ну а когда в пути далеком
Застигнет злобный суховей,
Спасет от знойного сирокко
Оазис из ее грудей».

Как ни крути, а довод веский.
Ведь пропадет бабай один.
И отступился от невесты
Мягкосердечный славянин.

Так за жаркое из барана,
За плов и водку с шашлыком
Стал соплеменник Тамерлана
Правопреемным женихом.

Сон голодного студента

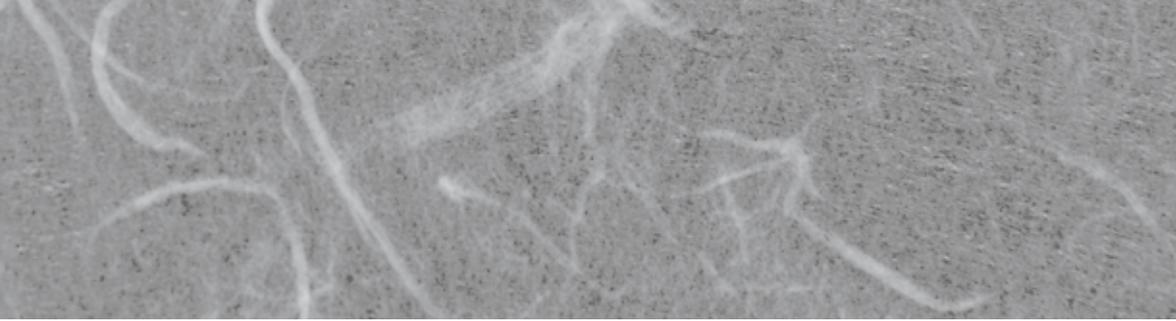
Я заснул на занятиях и вижу – продторг,
Где котенок за мышкою гонится.
Вижу глаз его плоски. И сам он весь взмок,
Ну а мышь все никак не ловится.

Ух, я тоже хотел бы поймать мыша,
Заловить и сдавить ручищею.
Только ловкости нет у меня ни шиша,
Да и мало мыша для пищи.

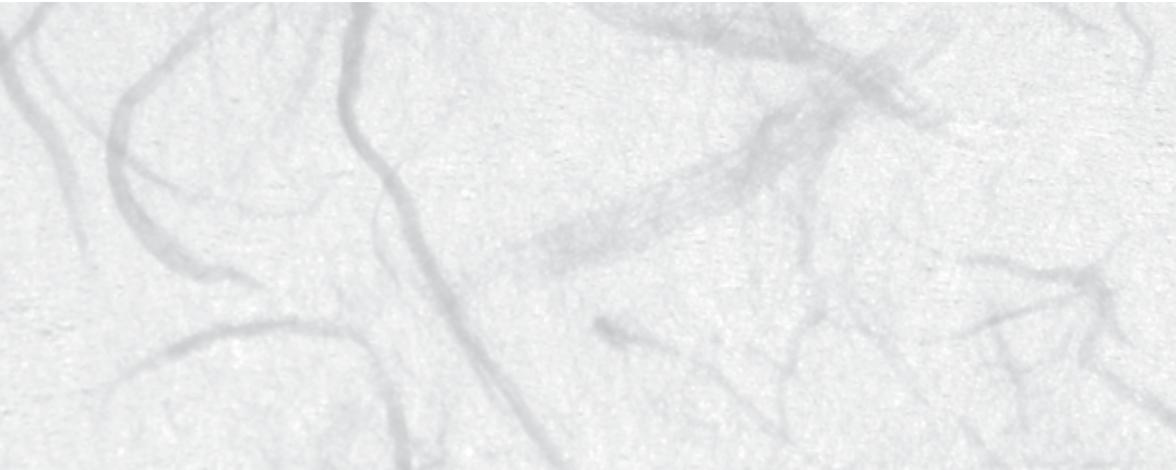
Что ж, проворна та мышь, и прилавки пусты,
И нажраться уже не мечтаю.
Стал, как схимник пустынный, – сплошные посты!
Я себя аж к святым причисляю.

Оттого и душа в безутешной тоске,
Хоть и полон желудок песен.
Оттого голова словно сжата в песке,
Видно, нимб стал от святости тесен.

Я от святости этой готов на разбой.
Эх, как Стенька, возьмусь за дубину!
Только силушки хватит лишь топнуть ногой
И взмахнуть вместо сабли лучиной.

СТАРЫЕ ПЕСНИ
ПО-НОВОМУ

Потому, потому, что я аптекарь

Верочке Н., самому востребованному аптекарю Таллинна

«Первым делом – самолеты». Из кинофильма «Небесный тихоход».

Муз. В. Соловьева-Седого

Я, друзья, – перелетная птица,
Хоть заранее не знаю маршрут.
Не успею на месте прижиться,
Как на новое место зовут.

Потому, потому, что я аптекарь
И в своем ремесле познала толк.
Как бальзам на душу, я для человека,
Ну, а хворям и недугам – брянский волк.

Я могу препарат любой состряпать,
Научу, как его применять.
Дам вам капли, чтоб мужьям на мозги капать,
Дам вам мазь – женам мозги втирать.

Потому, потому, что я провизор
И лекарств намешала уйму проб.
Всякий вирус вижу я, как в телевизор,
И в лицо знаю каждый микроб.

Я, друзья, нарасхват, хоть ты лопни.
Вот опять занесло меня вдаль:
Копли, Маарду, Ласнамяэ, снова Копли.
Между ними еще – «Магистраль».

Потому, что во мне такая сила,
И как сладить с ней, не ведаю сама.
Я пол-Таллина улыбкой излечила,
Ну а в Маарду одного свела с ума.

У тебя

Свете Т., самой гостеприимной хозяйке

«Для тебя». Из кинофильма «Когда наступает сентябрь». Муз. Я. Френкеля

У тебя, у тебя, у тебя
Мне прекраснее хочется быть.
Мудрость Рейки постичь и массаж получить,
Пьявки аж на язык посадить.

У тебя, ты поверь, ты поверь,
Не лукавлю я и не шучу,
Твоей ауры дух чую я через дверь
И слова, словно мантру, шепчу.

Будто снова слышу плач гитары
И мурлычу твой мотивчик старый.
Снова слезы льются через силу,
Хоть сама ты тот мотив забыла.

У тебя, у тебя, у тебя
Лучшим гостем мне хочется быть,
Самый яркий презент возле ног положить,
Тупеваре твою всю скупить.

Ты поверь, ты поверь, ты поверь,
Я б один слопал весь твой пирог,
Вкус салатов познал и мясное умял,
Сладким морсом запить все бы смог.

Будет радость в этот день рожденья.
И не злыми поутру похмелья.
Сколько было у меня банкетов,
Но не будет лучше, чем у Светы.

Изгиб гитары желтой ты протираешь тряпкой

Свете Т., чтобы ее гитара вновь смеялась и плакала

«Изгиб гитары желтой». Авт. О. Митяев

Изгиб гитары желтой ты протираешь тряпкой,
Струна в руке провисла веревкой бельевой.
И шепчет дека хрипло, с тревогой и опаской:
«Ах, что же, друг Светлана, ты делаешь со мной?»

Не отблеск от заката – свет ресторанный брызжет,
А барабанный топот здесь глушит песнь струны.
Ужель твоей гитаре одно осталось в жизни –
Пылиться над кроватью на краешке стены?

И все же с болью в горле мы дни былые помним,
Когда гитары звуки терзали неба высь.
Тогда в лихом застолье никто не мог промолвить:
«Как здорово, что все мы здесь сегодня нажрались».

Услышь же, друг Светлана, ты стон гитары робкий,
Чтоб снова пальцы с грифом в гармонию сплелись,
И чтоб друзья сказали за чаем иль за стопкой:
«Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались».

В виртуальном пространстве

«Одинокая гармонь». Муз. Б. Мокроусова

Снова замерло все до рассвета,
Но не гаснет один монитор.
Это дама опять в Интернете
Бороздит виртуальный простор.

То пойдет к молодым, одиноким,
То к сеньорам вернется опять.
Ищут чувств сообщения строки
И не могут опять отыскать.

Интернету весь мир – не преграда,
Каждый парень – почти что жених.
Но поди разберись, кто те надо,
Кто маньяк, а кто ангел из них.

Может, радость твоя недалеко.
Только лапоть по карте живет.
Может, так же сидит одиноко,
Наугад свои весточки шлет.

Что ж ты, суженый мой

Что ж ты, суженый мой, тих и мрачен, как тень?
Что ж улыбка не правит устами?
Иль обидела чем, что обнять меня лень?
Иль сходил за советами к маме?

Знай, на каждый роток не накинешь платок.
Ты пойми меня правильно, милый:
Я свободна душой, а тебя за собой
Под венец не тащу – не тащила.

Закадычный твой друг, с кем вода не разлей,
Кому веришь всех больше на свете,
Сладко песни поет да за спинкой твоей
Сам давно в женихи мои метит.

Знай, на каждый роток не накинешь платок.
Пред тобою мне не в чем виниться.
Я всегда на виду – в том ты видишь беду,
Я ж – не в клетке серебряной птица.

А людская молва судит всех обо всем.
Но учти: что бы там ни гадали,
И ни мама твоя, и никто с фонарем
За кроватью моей не стояли.

Знай, на каждый роток не накинешь платок.
Думай, милый, своей головою.
Иль хоть с горькой слезой,
Но поверь – пред тобой
Навсегда свои двери закрою.

Коварная

Взгляд колет, что иголки,
Огнем улыбка жжет.
И вкрадчивый, и звонкий
Твой голос, как ребенка,
Ворожит и влечет.

Ты шепчешь мне: «Пропаций»,
Мне говоришь: «Пропаций,
Иди ко мне, пропаций,
Знать, в чарах ты увяз».
И я на зов манящий,
Иду, блуждая в чаще,
Слепой блуждаю в чаще
Твоих дремучих глаз.

Обидишь – греешь лаской,
Зовешь, когда уйду.
И чувствую с опаской,
Что ты, как фея в сказке,
Вершишь мою судьбу.

Зовешь к себе: «Пропаций,
Ну где же ты, пропаций?
Иди ко мне, пропаций,
Знай, в чарах ты увяз».
И я на зов манящий
Иду, блуждая в чаще,
Слепой блуждаю в чаще
Твоих дремучих глаз.

Лукавым поцелуем
Легко взяла ты в плен.
Но знай: уйду, сбегу я,
От чар твоих сбегу я,
Коварная Кармен.

Но вновь твердишь: «Пропаций»,
Вновь говоришь: «Пропаций,
Иди ко мне, пропаций,
Знать, в чарах ты увяз».
И я на зов манящий
Иду, блуждая в чаще,
Слепой блуждаю в чаще
Твоих дремучих глаз.

Власть глаз твоих дремучих
Пытаюсь разорвать.
Огонь улыбки жгучей
Залить водой из тучи.
Но где ту тучу взять?

Так, значит, быть пропащим,
От губ твоих пропащим,
От шепота пропащим.
И вновь в который раз
Ловлю твой зов манящий,
Слепой блуждаю в чаще,
Томлюсь, блуждая в чаще
Твоих дремучих глаз.

А мы – назло: и вкривь, и вкось

Косят бабы нам вослед, про нас слагая повести,
Когда при всех целуемся, встречаясь у ворот:
«Совсем сорвались с тормозов, ну ни стыда не совести!
Куда кривая вывезет, куда их занесет?»

Припев:

Пускай беду нам кликают в лесу дремучем вороны,
Пускай река озлобленно грызет песок волной.
Пусть вверх и вниз, и вниз и вверх, и на четыре стороны,
И вкривь и вкось, и вкось и вкривь заносит нас с тобой.

Куда ни кинь, везде свой нос сует наш сельский люд.
Не спрятаться от зорких глаз ни в зарослях, ни в поле.
Перебивают косточки: «Пустились в грех и блуд!»
И уверяют, что дитя я (мы?) принесу (сем?) в подоле.

Припев:

И солнце шепчется с луной о наших похождениях,
И мамка грозная моя (твоя?) с колом встречает нас.
«Где шляешься, бесстыжая, ты знаешь, сколько времени?»
А мы гуляли, где Макар телят своих не пас.

Припев:

Романс

Ах, не хвалите, я того не стою.
Мы о грядущем вместе не мечтали.
Хотя, быть может, вижуь Вам героем,
Но не развеять Вам моей печали.

И не томитесь, чувства напрягая.
Не вправе я воспринимать их пыл,
Хотя, быть может, ни одна другая
Не воскресит того, что я забыл.

Вы мне простите сдержанность сухую,
Чем между нами ставлю интервал,
Хотя, быть может, ни одну другую
Я даже в мыслях так не обожал.

Да, Вы способны растопить и камень.
Да, Вы способны воскресить и пепел.
Хотя, быть может, оба мы лукавим.
Нас держат врозь невидимые цепи.

Остынет сердце, бившееся страстно,
И будет меркнуть дней минувших пламя.
Хотя, быть может, и судьба не властна
Стереть все то, что не случилось с нами.

Тихо женщины поют

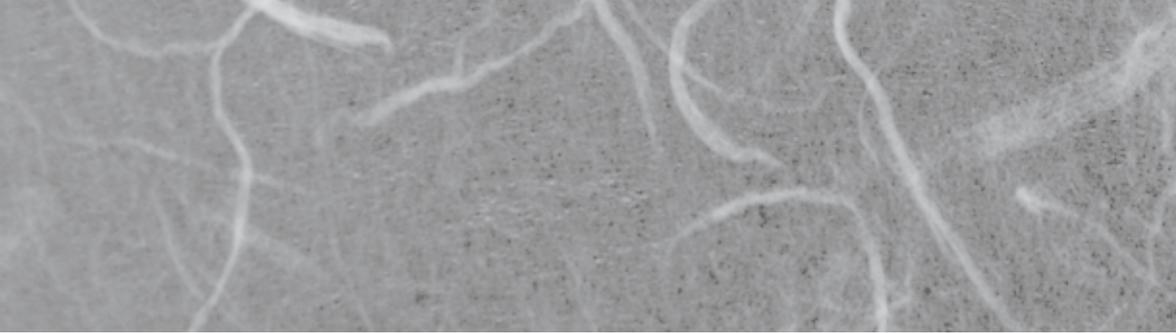
Даже если в сердце вьюга
И опять не повезло,
Соберутся две подруги
И споют судьбе назло.

Превратится в лунный берег
Скромный кухонный уют,
Где, прикрыв плотнее двери,
Тихо женщины поют.

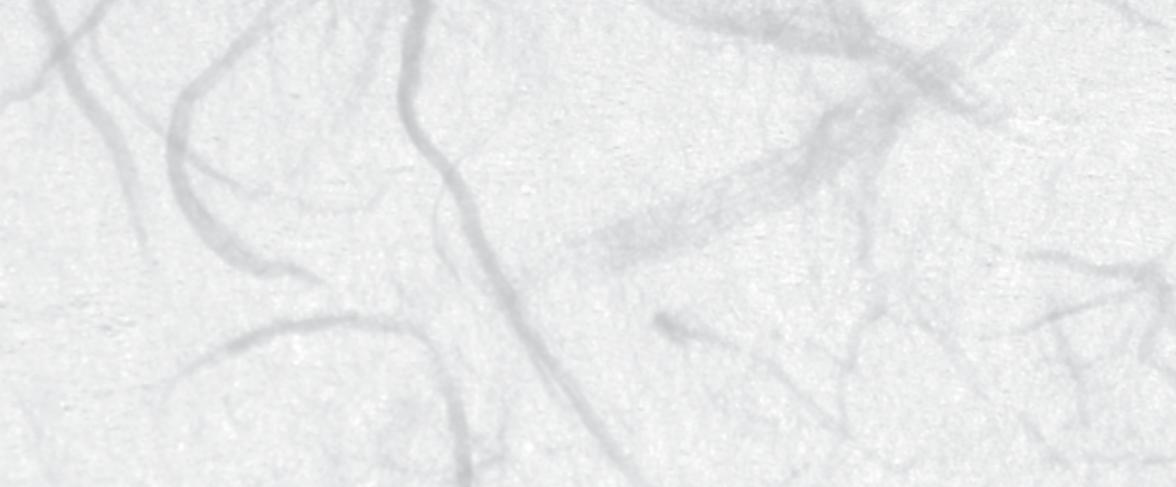
Про закаты над рекою,
Звезд сгоревших тонкий след,
Тайну ту, что знали двое
И которой больше нет.

Про любовь и про измену,
Сердца робкую мечту
Все расскажут откровенно,
Глядя в неба пустоту.

Даже если в сердце вьюга
И опять не повезло,
Соберутся две подруги
И споют судьбе назло.

ПАРОДИИ И ХОХМЫ

Другу Саше Т., начинающему коммерсанту

Глядя в твою глубокую натуру,
Тебе б, наверное, сказал Остап:
«Вы начинаете всерьез, товарищ Шура,
Сегодня новый жизненный этап».

Твои года – пока что не богатство,
А первый старт пришпоренных коней,
Чтоб в мыле-пене покорять пространства
Некошенных коммерческих полей.

Я знаю способы, как заработать «тонны»,
И там не надо день и ночь корпеть.
Но вот конфуз: они все незаконны.
А по закону как разбогатеть?

Уверуй в необузданную силу
Своих амбиций. Не гаси их пыл.
Тогда ты гордо скажешь: «Подфартило!»
А не промямлишь сдержанно: «Приплыл...»

Учти, Фортуна – взбалмошная баба.
А впрочем, баб иных на свете нет.
Чтоб как-то приглянуться ей хотя бы,
У Бендера в запасе есть совет.

Чтоб все усилия были не напрасны
И ты сумел удачу приласкать,
Знай: женщины повязаны негласно,
Не забывай супругу ублажать.

Да. Чти жену, как кодекс уголовный.
На нас Фортуна зрит из-под небес.
Нельзя прогневать вольно иль неволью
Ее капризный женский интерес.

Я пью за то, чтоб грубая щетина
Не затянула паутиной рот.
Чтоб каждая седая волосина
Была не зря, а значила доход.

Чтоб зов жены звучал милее трели,
От лампочки сгоревшей лился свет,
И даже на неприбранной постели
У вас всегда был лад и педсовет.

Вновь повторяю: чти кодекс уголовный,
Не пей из крана и учи латынь,
Чтоб мог, как папа с римского балкона,
Сказать всем неприятностям – аминь.

Чтоб жизнь слагалась по твоим канонам,
И с этим согласилась вся семья.
А ты изрек резонно и законно:
«Командовать парадом буду я!»

Ответ высокоинтеллектуалке от кандидата на ее благосклонность

Я с детства все подряд читал –
Шишков, Есенин, Пушкин, Гашек...
Скажите, по стандартам Вашим
Я тоже интеллектуал?

И школы всякие прошел,
Учтив и не плюю на пол,
Сморкаюсь только лишь в платок,
Постиран штопаный носок,
Есть в арсенале нож и вилка,
Открыта штопором бутылка,

Есть под шампанское фужер,
Есть даже блюдечко под кашу.
Дурных не ведаю манер,
(В хороших тоже не замечен).
Могу ль я все же быть отмечен
Моим соперникам в пример?
Ведь выдержал стандарты Ваши
Почти что светский кавалер.

**Той же высокоинтеллектуалке, немного подумав
и устыдившись самовосхваления**

За мыслями я не следил,
Они рождались хаотично.
Словами истины хулил,
Колочим словом неэтичным.

Отчет поступкам не давал,
Влезал в безудержные стычки.
На те же грабли наступал
И нажил вредные привычки.

А от привычек – ой-ёй-ёй!
С натурой справиться не в силах.
Так, может, встретимся с тобой,
Чтоб жизнь мою не заносило?

Шоферам-дальнобойщикам

Жизнь дорог навязала сети.
И с тех пор, как придуман мотор,
Появился на белом свете
Удивительный парень – шофер.

Мне мила эта дружная братия
За безумный бродяжий накал.
И кого ж ветер вас не оплакивал,
По кому же буран не стонал?

Кто ж отчаяньем не задыхался
И в осеннюю серую грязь
Не рыдал средь глуши, не ругался,
На мотор, как на бога, молясь?

Кто ж февральской колючей порою
Под метельные жуткие писки
Не плевался в стекло лобовое,
Проклиная удел свой и близких?

День и ночь – монотонная карта,
Сыплет дождь или вьюжит пух.
Ну а кто ж на изъезженных трактах
Не сажал на машину шлюх?

И порой под медовыми липами
Укатившего шофера вдаль
Награждала веселеньким триппером
По дороге случайная тварь.

Но, наверное, в кровь эту въелась,
Просочилась с калымным вином
Удалая дорожная прелесть
Под неясности пестрым костром.

Леди из Интернета под ником «Душевное Равновесие»

По миру обошел почти все веся я
И всякой всячины на свете повидал,
Душевного лишь только Равновесия
Я на просторах дальних не встречал.

Встречал я и Сердечные Страдания,
И Муки Творческие в юбках повидал.
И даже Феминистку в наказание
За тяжкие грехи Господь послал.

Зубная Боль мя страстно обнимала.
Знавал таких, в ком не рождаются шутки.
Красоток Честных, что еврей-меняла,
И дам, чье имя – Язва На Желудке.

Душа моя качалась, как качели.
Встречал не то, куда бы ни пошел.
Года, как мухи, роем пролетели,
К Душе лишь Равновесия не нашел.

Вот наконец забрезжил свет в оконце:
На всенародном сайте для мечты
Меня как будто озарило солнце.
Ведь там на сайте улыбалась Ты.

Не признаю ни чванства и не спеси я
И чувством сокровенным дорожу.
Коль без Души я встретил Равновесие,
То Душу Ровную в него свою вложу.

Пародии на стихи Елены Бах-ной

*Неважно, что в висках уж седина,
Но бес в ребро не раз еще нам вскочит
И понесет куда-то среди ночи,
Чтоб посидеть с друзьями до утра.
А мне чертовски приятно узнать,
Что я оставлю свой скромный след
Не только там, где стоит кровать,
Но там, где мебели вовсе нет.*

Вообще-то бес в ребре – конечно, Дама.
Творец в предании Еву сотворил
Без экстази из ребрышка Адама.
С тех пор терпеть Адаму нету сил.

И удержать не в силах седина,
Когда лукавый бес опять вдруг вскочит
И понесет туда промозглой ночью,
Где в спальне только голая стена.

И женщинам полезно было б знать –
Бывает в вашем доме чертовщина:
В местах, где вовсе не стоит кровать,
Оставит скромный след фантом мужчины.

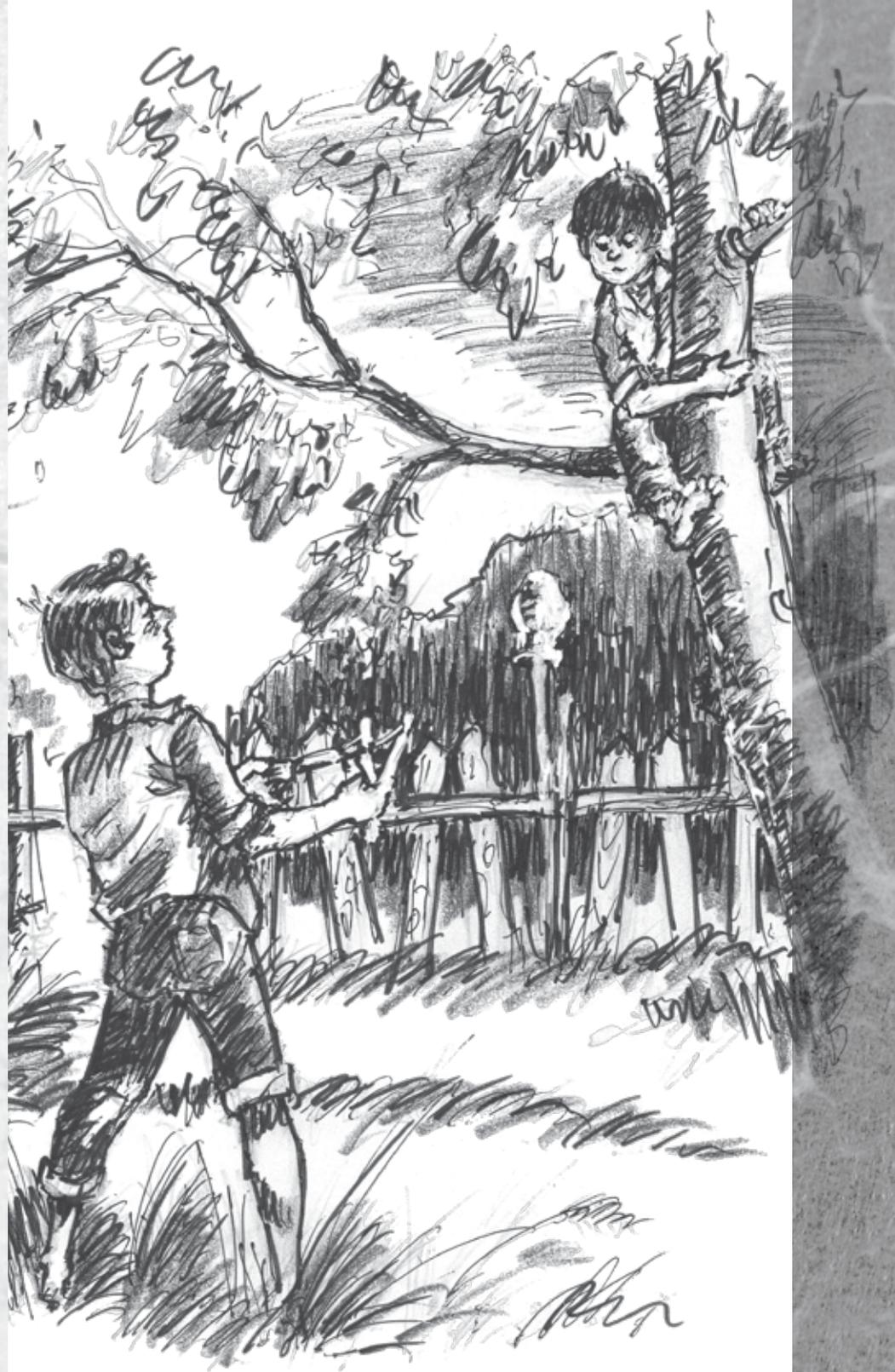
*Мужчина – как платье.
Вроде красивое, вроде по мне.
Но на какой-то сударыне
Я его уже видела.*

И вспоминая суть минут,
Счастливых, искренних мгновений,
Мы сердцем чувствуем: он тут
Как символ вечных измерений.

Мужик – что ношеное платье,
Что символ вечных измерений.
А мне же он – лишь свежий, кстати,
Как суть первичных ощущений.

Я сердцем чувствую: он тут –
Здоровый, стройный и красивый.
Его по мне в салоне шьют
Индивидуального пошива.

Лишь новый мне под стать прикид.
И восхитится всяк прохожий:
«Смотри, как монумент, стоит!»
Да и лежит, наверно, тоже.

ПРОЗА

- Неосторожное убийство
- Валентина
- Оперативная командировка
- Налетчик
- Аннушка
- Боевое крещение
- Насильник Кузя
- Кот мясом не торгует
- Неожиданное знакомство
- Почти коммунистический субботник
- Флюорография демократа
- Сон в летний день,
или Видения президента России после одобрения
бомбардировок американской авиацией иракского
научного центра в 1993 году
- Астрологический прогноз на март

НЕОСТОРОЖНОЕ УБИЙСТВО

Повесть

Открывая дверь кабинета, начальник уголовного розыска услышал настойчивый звонок телефона.

– Слушаю. Щипалов, – произнес он дежурное выражение.

– Рокотов здесь, – раздалось в трубке.

– Да, Анатолий Александрович, слушаю вас.

– В общем так, Саша. Сегодня прямо с утра передашь свою машину в распоряжение Лещева. У следаков завал, а их машина в ремонте.

– Ну что ж, хотя и у нас далеко до марафета, но раз надо, значит, надо, товарищ подполковник. А на какое время?

– Скорее всего на один день. В крайнем случае завтра до обеда они обещали закончить все свои неотложные следственные мероприятия. Должны справиться.

– Все понял.

– Спасибо, Саша, – вежливо закончил разговор начальник отдела милиции.

На разводе Щипалов объяснил ситуацию водителю автомашины, закрепленной за сыщиками.

– Максим, сегодня и, возможно, завтра до обеда ты работаешь со следователями. Прямо сейчас отправляйся к Лещеву.

– А как же стрельбы, Александр Иванович? Ведь зачет-то мне надо обязательно сдать.

– Ах ты, мама родная, а я об этом-то и не подумал. Ладно, получай оружие и ступай к Володе Лещеву. Я позвоню ему, чтобы отпустил тебя, а в тире отстреляешься в первой очереди.

Начальник следственного отделения Владимир Лещев совсем не походил на сухого законника. Добродушный, непоседливый, пухленький интеллигент, он, казалось, всегда готов был заулыбаться.

– Прибыл, Греков? Ну как, готов к бою?

– Как пионер, всегда готов.

– Тогда слушай, пионер, задачу. Прямо с утра поедешь с Юрой Карнауховым в район, село Фроловское. Это где-то километров 30–35 по старому Глебовскому шоссе. Юра знает. Там работы немного. Произ-

вести выемку корреспонденции на местной почте. Формальности. По дороге туда или на обратном пути заедете в прокуратуру и отдадите в секретариат эту папку. Ну а после обеда с Людой Хоменко поедете уточнять показания обвиняемого на месте происшествия. Там с вами будут конвойные на своей машине. Сколько времени это займет, трудно сказать, но все-таки надеюсь, что Люда успеет предъявить обвинение в следственном изоляторе еще одному человеку. Куда ты ее отвезешь, естественно. Так что день насыщенный, забит полностью, но тебе это будет полезно. Насколько я знаю, ты заочно учишься в юридическом институте.

– Да, второй курс заканчиваю. Первый учился очно, но когда женился, пришлось перевестись. Ребенок скоро будет.

– Похвально, похвально, очень похвально. А в милиции сколько работаешь?

– Если не считать полгода учебки, то полных четыре месяца.

– Значит, в институт ты поступал еще до работы в милиции?

– Ну конечно. Даже два раза поступал. В первый раз не прошел по конкурсу.

– Похвально, похвально, очень похвально. В юридический всегда очень солидный конкурс, и поступить туда с гражданки ой как непросто. Наши-то поступают обычно вне конкурса как работающие по профилю учебы. Хотя, по правде говоря, количество таких льготников я бы сильно урезал, будь моя воля. Ну что ж, после второго курса можно идти на офицерскую должность. Пиши рапорт, я лично за тебя буду ходатайствовать. А в перспективе с удовольствием возьму в следствие. Вижу, парень ты грамотный и инициативный.

– Мне, по правде говоря, больше по душе уголовный розыск.

– Понимаю, понимаю. В следственной работе, конечно, меньше романтики, согласен. Но зато это основа для любой юридической деятельности. Освоишься в ней, нахватаешься навыков, и не будет особых проблем перейти на любую другую подобную службу, во всяком случае быстрее можно будет освоиться и прижиться. Ну да ладно, это дело времени, но подумать об этом стоит уже сейчас.

– Ясно, подумаю. Только у меня, Владимир Петрович, есть две проблемы на данный момент. Во-первых, стрельбы...

– Об этом я в курсе. Пистолет взял?

– Да, получил.

– Тогда в этом проблем нет. Вместе со следователем сразу же отстреляетесь и в путь.

– Ну а вторая проблема – вчера вечером я проколол колесо и поставил запаску. Но в таком положении ехать за город небезопасно.

– И что же ты предлагаешь?

- Надо ехать в автохозяйство.
- Сколько времени это займет?

– Если есть подмена, то заменю пробитое колесо на целое сразу же. А если нет, то придется ждать около часа. Это при условии, что не будет никого впереди меня. Впрочем, Владимир Петрович, я придумал. Заеду домой и возьму запаску с машины отца, он все равно пока не ездит на ней, готовит к покраске. А когда сделают проколотое, то и заменю обратно.

– Вот это уже теплее. Действуй. Только если поедешь в автохозяйство, то захвати туда Тимохина Славу, нашего водителя. Пусть там помогает слесарям.

- Ясно.

Максиму было очень лестно узнать, что на него обратил внимание начальник следственного отделения, которого высоко ценили как специалиста и руководителя и уважали как порядочного человека. Это стимулировало не только к добросовестному отношению к нынешней работе, но и подогревало интерес к освоению практического опыта у будущих коллег из уголовного розыска или следствия. Хотя к работе следователя у него пока душа не лежала. Уж больно канцелярской казалась ему эта служба, слишком привязанной к кабинету. Дать правильную оценку действий всех лиц, имеющих отношение к уже раскрытому преступлению, юридически обосновать вину или невиновность человека и сделать заключение для суда, излагая его в основном стереотипным профессиональным языком, казалось Максиму делом скучноватым. Для этого достаточно, как он полагал, юридической грамотности, а также таких качеств, свойственных прежде всего женщинам, как усидчивость и аккуратность. К тому же уж слишком регламентирован каждый шаг, каждое действие следователя, да и жесткие сроки рассмотрения материалов пугали его. Хотя ко всему этому можно привыкнуть и втянуться. Но самое главное, что смущало Максима в следственной работе, это отсутствие свойственной розыску романтики и захватывающей интриги игры с неведомым преступником. Хотя, если послушать опытных сыщиков, то в основном их работа сводится к тем же стереотипам и к общеизвестным привычным приемам.

«Ладно, проживем – увидим», – подытожил свои мысленные рассуждения Максим. – Неизвестно, что будет завтра».

– Слава, – обратился Максим к Тимохину, когда тот сел к нему в машину, – я ненадолго заеду домой, заберу колесо, а затем подкину тебя в автохозяйство.

- Как по мне, так можешь вообще туда не ездить.
- Что так?

– Ты что, думаешь, я буду там торчать с этими алкашами, в машине копать? Куплю им пару бутылок пива, так они в случае необходимости всегда подтвердят, что я все время был там и даже на обед не уходил.

– Дело твое, конечно, но я думаю, что если хочешь спокойно ездить, то не мешает помочь и проконтролировать, да и машину быстрее на линию выгонят.

– А мне спешить некуда. До пенсии еще далеко. Да я и не собираюсь всю жизнь водилой работать. Если в этом году не разрешат поступать в высшую школу – я еще трех лет в милиции не проработал, то на следующий год все равно добьюсь своего или поступлю на заочное отделение в ваш институт.

Максим остановил машину у одноэтажного кирпичного дома с высокой мансардой.

– Это ваши хоромы?

– Да. Нравится?

– А почему одна половина здания оштукатурена, а вторая – нет? Не успели еще или так оригинальной?

– Оригинального тут ничего нет. Как всегда, денег не хватает. Шестой год стройку ведем. Сейчас внутри все в принципе готово. Осталось только фасад да гараж до ума довести. Слава, помоги запаску из гаража вытащить, а то мы с отцом машину в сервис отогнали, там и кузовные работы и покраска, а сиденья и остальное барахло второпях в кучу свалили.

– Пошли, конечно.

Гараж располагался метрах в десяти от дома. Одна стена его была границей с соседним участком, на котором высился красивый двухэтажный кирпичный дом. Здание гаража, как и дом семьи Максима, было недостроено. В проеме вместо ворот висели временные створки, сколоченные из досок; одно окно было застеклено, а другое без рамы затянуто целлофановой пленкой. Максим перенес из груды автомобильного оборудования два кресла, а затем попросил приятеля:

– Слава, приподними это сиденье, я из-под него запаску вытащу.

Максим нагнулся, но висевшая спереди на брючном ремне кобура с пистолетом мешала движению. Он вытащил из кобуры оружие, переложил его в карман, а затем достал нужную вещь. Перед тем как положить пистолет обратно в кобуру, Максим повертел его в руках.

– Новый, муха не сидела, но сегодня на стрельбах обновлю.

– А давай сейчас обновим, – предложил товарищ. – У меня патроны есть. Посмотрим, как бьет.

– А где ты взял патроны?

– Начальство вчера стреляло. Сначала сдавали зачеты, а затем и просто устроили соревнования. Я тоже поучаствовал. А потом смотрю, они патроны совсем не считают, ну я и приватизировал полпачечки.

– Нет, Слава, здесь и стрелять-то негде, кругом дома. Если только в гараже. Но там стены повредишь. Отец будет ругаться.

– Почему это негде? Вон те шпалы вам нужны?

В дальнем углу гаража вдоль стены лежали две целые шпалы с прибитыми на концах металлическими площадками, опорами под рельсы, и еще одна, обрезанная на треть.

– Вообще-то нет. Отец хотел их куда то приспособить, но, наверное, передумал. На дрова их тоже не пустишь, сильно просмоленные. Так и валяются уже не первый год.

– Да с твоими шпалами ничего страшного не произойдет. И со стенами ничего не случится, ведь пули-то застрянут в дереве.

За годы армейской службы Максим неплохо освоил автомат Калашникова, но вот пистолет применять по назначению ему еще не доводилось. Он ждал предстоящих стрельб, а тут такой соблазн – стрелнуть без регламента. Но привыкший к порядку и не одобрявший самовольства, он стоял в нерешительности, обдумывая, как поступить.

– Ну чего ты боишься? Знаешь, у следователей реже проводятся стрельбы. Там же большинство бабье. Они не очень-то любят это мероприятие, и многие отлынивают по разным причинам. А патроны-то остаются неизрасходованными. Но по приказу каждый сотрудник обязан проходить служебную подготовку в полном объеме. Не знаю, как там Лещев отчитывается об этой подготовке на бумаге, а с патронами проще. Желающие под его руководством едут в песчаный карьер и пуляют там в свое удовольствие, пока все неотстрелянные патроны не израсходуют.

– Но ведь там – под руководством Владимира Петровича и с его разрешения.

– Ну, не хочешь, как хочешь.

– Ладно, – наконец согласился Максим и даже ощутил какую-то свободу на душе от осознания того, что, переступая служебные границы, он становится полноценным сотрудником, способным на самостоятельный поступок. – Выстрелим по паре патронов, и ехать нужно.

Парни поставили на попа в углу помещения две целые шпалы, сдвинув их вплотную друг к другу. Затем Слава осколком кирпича нацарапал на куске потемневшей фанеры несколько белесых кругов и «яблочко». Получилась настоящая мишень, которая была установлена на торец обрезанной шпалы, приставленной спереди. Исходную позицию для стрельбы парни вынесли за ворота гаража. Так как время поджимало, они договорились сделать по три выстрела. Тимохин вынул из пистолета Максима обойму, разрядил ее, вытащив патроны родной партии, и вставил шесть штук своих.

– Ну, что, Макс, начинай!

– Нет, давай ты, у тебя опыта больше.

Первые два выстрела, сделанные Тимохиным, легли почти в «яблочко», рядом друг с другом.

– А что, нормально пристреляно оружие, – оценил пистолет стрелок. – Только спуск туговатый, но это потом можно отрегулировать. На, стреляй теперь ты, а я потом шестым патроном точку поставлю.

Стрелять приходилось не перпендикулярно к плоскости мишени, а немного под углом. Поэтому после первых выстрелов фанера сместилась вправо. Максим, испытывая небольшое волнение, взял в руки оружие и встал на изготовку, обхватив рукоятку двумя руками – по-американски.

– Подожди, Макс, – остановил его приятель. – Если стреляешь таким способом, то наружную ладонь располагай немного ниже, чтобы после окончания стрельбы, когда откидывается затвор, не повредить ее.

– Ясно, спасибо.

Парень, задержав дыхание, надавил пальцем на спусковой крючок. Спуск на самом деле был туговат, поэтому стрелок усилил давление. Выстрел получился неожиданным. Вслед за хлопком Максим услышал звук касания пули о металл. Он посмотрел внимательнее на мишень. Пуля прошла правее самого большого круга и, по-видимому, угодила в металлическую площадку на шпале. «Куда же она срикошетила?» – подумал он. Касания стены слышно не было. Парни заметили, что в проеме стены на целлофане появилось небольшое отверстие.

– Эх ты, снайпер! – пожурил стрелка Вячеслав. – Ну, ничего, какие твои годы, научись.

У Максима же тревожно екнуло сердце. Он положил пистолет на табуретку и выскочил на улицу. Еще направляясь в гараж, он обратил внимание, что на соседнем огороде копалась соседка Таисия Демидовна – бабка Тася, а неподалеку от гаража на расстеленном одеяле играл ее четырехлетний правнук. Никакого забора между участками не было, и Максим увидел, что малыш лежит на одеяле.

Тревожное беспокойство парня усилилось. Ведь еще несколько минут назад ребенок оживленно забавлялся с игрушкой. В мгновение ока через свежевскопаные грядки он подбежал к этому месту.

Лицо мальчика было спокойным. Оно не выражало ни боли, ни страха, ни удивления, просто было спокойным, как у безмятежно спящего. Малыш прикрыл глазки и приложил левое ушко к одеялу, словно принимая тепло земли, согретой ласковым весенним солнышком.

«Сереженька», – мысленно произнес Максим и хотел дотронуться до мальчика, но застыл на полпути в полупоклоне с вытянутой вперед рукой. Из-под правого, приложенного к одеялу виска вытекала струй-

ка необычно красной и даже, как показалось парню, фосфоресцирующе алого цвета крови.

Максим понял непоправимость случившегося. Цепenea от ужаса, он еще раз пристально посмотрел на лицо ребенка. Тихо, покорно, не осуждая и не виня никого из живущих, принял смерть это маленькое безгрешное существо. Тысячи и тысячи острых игл ужаса пронзили сознание Максима. Этот ужас усиливался при каждом взгляде на блаженный сон невинного создания.

Нет, нет, нет! Это неправда! Этого не может быть, это противоестественно. Ведь он, Максим, при каждой встрече любовался этим ребенком, расцветал доброй улыбкой, замечая его веселый взгляд. Ведь он, Максим, так любит детей и сам с нетерпением ждет своего первенца, который должен появиться на свет через два месяца. Нет, это несправедливо. Жизнь, где твоя справедливость? Ведь ребенок покинул тебя, не вкусив твоих радостей, не почувствовав твоих невзгод, не осознав и не поняв твоей сути и не дав продолжение тебе же самой. Где твоя справедливость, жизнь?!

Таисия Демидовна копошилась на грядке, готовя ее под посадку. Когда раздались два первых хлопка выстрелов, она обратила на них внимание, поскольку они выделялись из общего звукового фона. Улица интенсивно застраивалась, и механические звуки не были редкостью. Она лишь взглянула в сторону правнука и, убедившись, что с ним все в порядке, продолжила свое дело. На третий выстрел она вообще не прореагировала и лишь спустя минуты две-три подняла голову и увидела, что около ребенка стоит соседский парень. Старуха встала на ноги, стряхнула землю с передника и направилась в их сторону. Парень заметил, что она идет к нему, резко повернулся и убежал в гараж.

– Славка, я, кажется убил мальчика, ребенка! – Руки Максима дрожали, он взволнованно показывал в сторону закрытого целлофаном оконного проема. – Туда... рикошет... пуля... – сквозь слезы бормотал он.

– Ты что, сдурел?

– Да-да, Слава. Убил, убил. Убил...

Максим уткнулся лицом в ладони и, прислонившись к стене, зарыдал. Вячеслав на мгновение выскочил из гаража и, увидев, что бабка пошла к лежащему ребенку, вновь забежал в гараж. Он быстро достал из обоймы свои патроны и вставил туда извлеченные ранее боеприпасы.

– Ну, быстро поехали в отдел! Дай мне ключи от машины.

– Там мальчик... Сережа...

– Он на самом деле мертв?

– Да, пуля попала в висок. Он мертвый, я пойду туда...

– Куда туда? Ты что, вообще не соображаешь? Тебя же разорвут на части!

Вячеслав достал из кармана куртки Максима ключи от машины, схватил его самого за локоть и потащил из гаража. Когда они подошли к машине, Таисия Демидовна уже голосила на всю улицу, прижав мертвое тело малыша к груди. Было что-то жуткое в этом истошном отчаянном вопле. И даже Вячеславу, трезво осознававшему ситуацию и просчитывавшему ходы, чтобы как можно благополучнее выйти из положения, стало не по себе. Он втолкнул приятеля в салон машины и завел мотор. Проехав несколько улиц, он остановился у тротуара.

– Слушай, Макс. То, что случилось, все равно уже не скроешь. Я прошу тебя, не подписывай меня на это. Скажи, что патроны были твои и стрелял ты один. На твое положение это не повлияет, а так и меня тоже потащишь... А, Макс?

Максим тупо смотрел в лобовое стекло и, соглашаясь с товарищем, утвердительно кивал головой. Но Вячеслав понимал, что Максим давал эти обещания скорее подсознательно и впоследствии может даже не вспомнить про это. Поэтому он с силой тряхнул его за плечо.

– Максим, Максим, Макс, ты понимаешь, о чем я говорю?

– Да, да, Слава, понимаю. Я все равно не стал бы говорить про тебя. Мне не это страшно. Я ребенка, малыша убил.

– Ладно, поехали. Надо успеть самим доложить о случившемся, пока старуха не дозвонилась. А то могут решить, что с места происшествия скрылись.

Лещев поджидал машину на улице у отдела. Тимохин подъехал прямо к нему и, выскочив из-за руля, побежал к начальнику.

– Владимир Петрович, беда! Максим мальчика застрелил!

– Что-о-о?! Когда?

– Только что.

– Где?

– Понимаете, Владимир Петрович, он хотел проверить пистолет, как он бьет. И у себя в гараже стрелял по шпале. А там пуля попала в железяку и срикошетила через окно на улицу. А там, а там... этот пацаненок играл... и ему прямо в голову...

– Вы уверены, что он убит?

– Я-то не знаю, не подходил к нему. Вот он...

Максим уже стоял рядом, низко опустив голову.

– Как же так, Максим? Вот уж никогда бы не подумал. Я был уверен в тебе на все сто.

Парень еще ниже опустил голову.

– Мальчик точно мертв?

– Да.

– А где ты взял патроны?

– Остались от стрельб.

– Что ты мне врешь? Какие стрельбы? За время твоей работы в милиции сегодняшние стрельбы должны быть первыми.

Растерянное молчание. Лещев перевел взгляд на Тимохина. Было видно, что тот напряженно ждет ответа товарища.

– Остались с учебки, от учебных курсов, – наконец выдавил из себя Максим.

– Свежо предание. Ты и сейчас неспособен это сделать, а тогда, уверен, у тебя и понятия такого не было. Тимохин, сколько у тебя осталось боеприпасов? Давай их все сюда! – потребовал он вдруг у Вячеслава.

– Нет у меня ничего! Там в машине пистолет Максима. Он стрелял три раза другими, своими.

– Мне, что, обыскивать тебя? – напирал Лещев. – Если сейчас же не отдашь, запру в камеру и тоже будешь под следствием. Не верю, что у тебя было всего три патрона. Если стрелял только Максим, то наверняка готовился и ты. Ну, долго мы будем раздумывать? Времени нет.

Лещев говорил с таким напором и уверенностью, что Вячеслав вконец растерялся.

– Они остались там, в гараже...

– Что-о-о?!

– Я их сунул за спинку автомобильного кресла.

– Ты не только идиот, дурак! Ты же подставляешь парня еще под одну статью! Быстро ко мне в кабинет!

По пути к себе Лещев заглянул в кабинет начальника уголовного розыска.

– Саша, зайди, пожалуйста, ко мне, срочно.

– Что-то случилось?

– Да случилось. Давай быстрее.

Узнав о случившемся, Щипалов матерно выругался.

– Ну, Греков, подвел ты всех под монастырь! Член до колен, а в голове детство.

Лещев отозвал его в угол кабинета и что-то вполголоса объяснил.

– Да-да, это, пожалуй, наилучший вариант, – согласился с ним Щипалов, а затем приказал Тимохину: – Поехали со мной!

Еще до их ухода Владимир Петрович вытащил из обоймы оружия Максима три патрона и сурово обратился к стрелкам:

– Слушай меня, Максим, и ты слушай. Будешь говорить, что израсходовал три патрона из своего штатного боекомплекта. Никаких других патронов у вас не было. Компенсировать этот расход намеревался, оставив такое же количество патронов во время сегодняшних стрельб. Все поняли?

– Да, я понял.

– Понял.

Сделав это разъяснение, Лещев начал докладывать о случившемся по инстанции. Вскоре в отдел милиции позвонили из больницы скорой помощи и сообщили, что на улице Зеленый бугорок, 76 убит четырехлетний ребенок. Причина смерти – пулевое ранение в область правого виска. Через 25 минут на место происшествия прибыла оперативная группа, вместе с которой выехал и начальник РОВД подполковник Рокотов.

Наталья Лоладзе узнала о смерти сына по возвращении домой минут через двадцать после случившегося. Еще на улице через открытую дверь она услышала причитания бабушки:

– О, Господи, но почему ты забрал не меня? О, Господи, ты подарил мне радость в конце жизни и отнял ее, но почему?! Почему не в меня попала эта пуля?..

Бабушка, волевая сильная женщина, привыкшая за свою долгую жизнь сдерживать эмоции, рыдала отчаянно, безутешно, словно выворачивая наружу всю свою душу, выдавливая из себя всю боль, накопившуюся в ней за годы суровой жизни. Наташа вбежала в комнату и застыла на месте: на столе лежал ее сын, ее радость и надежда.

– Что, что, бабушка? Сереженька, мальчик мой! Что случилось, ба-а-бушка-а-а?..

Таисия Демидовна стиснула зубы и ничего не ответила. Наталья ринулась к ребенку, обняла его и, окончательно убедившись, что он мертв, уткнулась лицом в бездыханное тельце и заголосила так же истошно и отчаянно, как до этого рыдала бабушка.

– Бабушка, кто?! Зачем?! Ба-а-бууушка-а-а?.. – спрашивала она сквозь рыдания, не поднимая головы.

– Сосед милиционер за-а-астрелил... – так же сквозь рыдания выдавила из себя Таисия Демидовна.

Эти слова поразили молодую женщину почти так же, как и сама гибель сына. Она резко подняла голову и непонимающе уставилась в широкое окно, которое, словно рама картины, обрамляло панораму соседского дома, и ничего не могла понять. Даже предположение о том, что Сереженьку мог убить соседский парень Максим, было за гранью ее понимания. Такого она не могла предположить даже в самых жутких теориях о своем будущем. Максим был ей симпатичен. Всегда вежливый, доброжелательный, аккуратный. Она втайне мечтала воспитать и сына похожим на него. И вообще, вся соседская семья производила на нее самое благоприятное впечатление. Мысли наслаивались одна на другую. Женщина тряхнула головой, как бы сбрасывая паутину недоумения. Лицо ее стало суровым и злобным, словно у раненого зверя, готового к продолжению смертельной схватки.

– Как это случилось? Как, баба?

Старуха проглотила слезу и тоже вмиг посуровела.

– Забавлялись с наганом, наверное. Там, у ихнего гаража. И вот оно как. – Затем, взглянув на ребенка, вновь расслабилась и зарыдала: – Господи, ну почему не в меня ты направил эту пулю, почему не в меня, Господи?

Наталья чувствовала, что наполняется необузданной злобой и ненавистью к убийце. Насколько еще утром он был ей симпатичен, настолько сейчас чувства с противоположной окраской захлестнули ее. В процессе общения с Максимом она сознавала, что ее симпатия к нему не имеет ничего общего с любовным влечением, и его отношение к ней, вероятно, было равнозначным. Каким-то общим интуитивным взаимопониманием они были близки друг другу. И вот теперь он становится для Наташи убийцей вдвойне. Своей преступной беспечностью, которой она от него никак не могла ожидать, Максим не только стал убийцей, но и предал ее, поставив под сомнение саму возможность доверять людям, видеть перед собой нравственный ориентир.

Цену беспечности Наталья усвоила на себе, на своем горьком опыте. Еще девочкой, когда только начинала ходить на танцы и встречаться с ребятами, она даже в самые лютые морозы одевалась легко, боясь показаться толстой и несовременной. Мать, которая после смерти отца занималась в основном собой, мало обращала на это внимания. «Ах, да что я за ней следом ходить, что ли, буду, сама должна уже соображать», – отвечала она на упреки свекрови. И только Таисия Демидовна настойчиво убеждала и заставляла внучку быть благоразумной. А та, лишь выйдя за порог, снимала с себя теплые рейтузы, другую дополнительную одежду, складывала ее в пакет или проделывала то же самое, забежав к подругам. В результате – сильное воспаление, поставившее под вопрос полноценность Наташи как женщины, то есть возможность быть матерью.

Почти семь лет после замужества она не могла родить. Выкидыши, бесконечное лечение, обнадеживающие анализы и опять разочарования, ссоры и почти развод с мужем, новое лечение и обнадеживающие заключения медиков... И сквозь всю эту гирлянду событий, словно крепкая связующая нить, не дающая разорвать эту гирлянду на части, – нежное и жесткое, бережное и безжалостно требовательное участие бабушки Таисии Демидовны. Если бы не ее советы, народные средства, массажи, успокаивающие слова без сюсюканья, доходившие до сердца и сознания, и суровый лечебный режим, то Наташа, наверное, никогда не почувствовала бы радости материнства. Но для чего все это было нужно, если сейчас в один миг рухнуло все, что составляло саму основу, смысл ее жизни? Комок злобы, обиды, безысходности, всех горчайших

чувств и ощущений распирал ее изнутри. Она не находила объект, на который могла бы выплеснуть всю эту боль и гнев.

– Баба, баба, а где же ты была, когда стреляли в Сереженьку, почему не защитила его, почему-у-у?

Острым ножом полоснули эти слова по сердцу Таисии Демидовны. Она сама не могла себе простить, что не уберегла ребенка, но услышать такой упрек от внучки во сто крат больнее. Старая женщина еще больше сникла и, прислонившись к стене, беззвучно заплакала.

Наталья вдруг сорвалась с места и метнулась на второй этаж. Через мгновение она уже неслась вниз с охотничьим ружьем в руках.

– Убью, перестреляю их всех...

Таисия Демидовна, несмотря на то, что сама пребывала в горестном тумане, вмиг отреагировала на безумие внучки и встала на ее пути:

– Куда, девка? Не дури! Отдай мне ружье.

Наталья попыталась отстранить бабушку, но та уперлась и, чтобы сковать движения внучки, схватила ее за блузку повыше локтей.

– Не умножай греха, дочка, не надо, успокойся! Ты слышишь меня? Наташа немного обмякла, но все же продолжала напирать.

Резо, муж Наташи, вошел в дом, когда бабушка удерживала его супругу за руки. Сразу оценив ситуацию, он подбежал к жене и вырвал из ее рук ружье.

– Не надо, родная, не надо. Не женское дело – мстить.

Женщина обессиленно опустила на стул.

Минут двадцать назад Резо вернулся в кафе из продовольственной базы, где делал заказ на продукты. Бухгалтер Инна Леонидовна сказала, чтобы он срочно позвонил домой. Когда телефонные номера соединились, молодой человек услышал в трубке лишь сухое хриплое дыхание, словно абонент никак не решается начать разговор. Эти тяжкие вздохи, издаваемые бабушкой, а Резо сразу понял, что это она, были явно недобрим предвестием.

– Бабушка, бабушка, Таисия Демидовна, почему ты молчишь?

– Резо, сынок, приезжай быстрее домой... – Опять тяжелое дыхание. – Приезжай быстрее. Сереженьку убили...

– Что-о-о?.. Как?!

Таисия Демидовна уже более твердым голосом вкратце объяснила, что произошло. Это сообщение настолько шокировало молодого крепкого мужчину, что он едва не потерял сознание. Когда он пришел в себя, то первой мыслью было взять пистолет, незаконно приобретенный им полтора года назад и хранившийся в тайнике, и пристрелить соседа-убийцу, а там будь что будет. Но вскоре он остыл, оставив намерение отомстить на то время, как разберется в ситуации полностью. Быстро отдав распоряжения о работе кафе на вечер, он выехал домой.

Следователь прокуратуры Центрального района города Вениамин Пластов, начальник РОВД Анатолий Рокотов и два эксперта, постучавшись, вошли в дом, когда Резо стоял с охотничьим ружьем, только что отобранном у жены. На эту сцену правовые работники не могли не обратить внимания. У Рокотова тут же возникла мысль проверить разрешение на оружие и изъять его от греха подальше. Но, подумав, он отказался от действий, которые в этой щекотливой ситуации могут быть истолкованы как давление на потерпевшую сторону. К тому же он вспомнил, что года полтора назад подписывал разрешение на гладкоствольное оружие владельцу с грузинской фамилией. Вполне вероятно, что тот владелец и этот Резо Лоладзе – одно и то же лицо. Но все же он обратил внимание следователя на это обстоятельство. Резо поздоровался с вошедшими и, не дожидаясь начала их действий, понес оружие наверх.

– Здравствуйте. Я – следователь прокуратуры Центрального района Вениамин Пластов, – представился молодой человек в гражданском костюме. – Примите наши самые искренние соболезнования и поверьте: мы не менее вас возмущены поступком работника милиции.

Гробовое молчание и недружелюбные ответные взгляды женщин.

Неловкую паузу вновь прервал голос следователя:

– Скажите, пожалуйста, кто из вас видел, как все это произошло.

– Я, – сухо ответила Таисия Демидовна.

– Покажите, пожалуйста, на месте, как было дело.

– Пойдемте.

Наташа тоже хотела пойти с ними, но у нее не хватило сил даже подняться с места. Ей было просто страшно идти туда. Резо молча спустился вниз и вышел на улицу.

Анатолий Рокотов в душе был благодарен Пластову за то, что тот избавил его от процедуры приносить официальное извинение. Сейчас, сразу же после произошедшей трагедии, оправдательные слова непосредственного начальника убийцы, рассуждал он мысленно, могут быть восприняты как кощунство. Ребенка уже не воскресишь, а родных не только не успокоишь, а скорее, наоборот, обозлишь. После случившегося любое упоминание о Грекове, да, по-видимому, и о любом другом работнике милиции, будет вызывать у них раздражение. Но все-таки это не только обязательная процедура, но и дело совести.

Щипалов с Тимохиным приехали на место происшествия раньше оперативной группы. Официальным объяснением этого было обеспечение сохранности обстановки. Вячеслав достал спрятанные в автомобильном кресле патроны и рассказал об обстоятельствах события, ничего не утаивая. Максима привезли отдельно от оперативной группы несколько позже. Следователь, помня про охотничье ружье в руках отца погибшего ребенка, решил не испытывать судьбу и осмотр места про-

исшествия проводил с начальником РОВД, а виновный находился в машине. К счастью для Максима, никого из его семьи в это время дома не было – родители на работе, сестренка в школе, а жена Вика в больнице. Однако, выстроившись вдоль забора, за осмотром наблюдало с десятков любопытствующих.

Наташа из окна видела, что следователь, выполняя свои действия, обращается не к Максиму, а к какому-то другому, незнакомому ей милиционеру, поясняющему, как происходили события.

Так, может, и не Максим убил Сережу, мелькнула у нее первая в течение последнего часа немрачная мысль. Однако перед отъездом следователь подтвердил, что пуля, убившая ее сына, была отстрелена именно Грековым. Еще он сообщил о своем намерении назначить судебно-медицинскую экспертизу. То есть будет произведено вскрытие трупа ребенка, поскольку необходимо извлечь пулю и подтвердить, что она была выпущена из штатного пистолета Максима Грекова.

После допроса Максим был водворен в изолятор временного содержания. Ранее он неоднократно бывал здесь. Сюда с оперативниками привозил задержанных, забирал их отсюда, присутствовал при допросах. А теперь сам оказался в положении этих задержанных.

Еще утром эта непростая жизнь была тем не менее для него достаточно радостной и интересной. И не только его личными успехами и желанными перспективами на будущее, но и повседневными хлопотами и заботами, и даже тяжелыми периодами, которые приходилось преодолевать. Это была его жизнь, жизнь, по которой он шел вместе с другими людьми и был кому-то нужен и полезен. И вдруг всего этого не стало. Словно кончился интересный фильм, который он больше никогда не увидит, и в зале его бытия наступил мрак.

Максим тяжело переживал смерть ребенка, но помимо этого ему было мучительно стыдно перед всеми людьми, с которыми он общался, которые доверяли ему, рассчитывали на него. Он предал их всех своим поступком. Как переживут все это родители, сестренка и особенно жена Вика, которая была на седьмом месяце беременности? Что она скажет об отце будущему малышу и будет ли вообще этот ребенок? Может, одним выстрелом он убил двоих детей?..

Немного отойдя от первого шока и обдумав положение, в котором оказался, Максим предположил, что уголовное дело будет возбуждено скорее всего по факту неосторожного убийства. Он не помнил, какое наказание предусматривает эта статья, но знал, что оно довольно незначительное. Однако услышав от следователя подтверждение своего предположения и осознав, что его скорее всего ждет максимальный срок наказания в три года лишения свободы, он внутренне невольно

содрогнулся. Три года? Да что значат три года? Три года назад он в первый раз поступал в юридический институт и не прошел по конкурсу. И кажется, это было только вчера. Дни, месяцы, годы проскочили, словно вагоны на железнодорожном переезде. Подобное осознание нисколько не обрадовало Максима. Он ждал и даже желал более длительного заключения для себя, которое считал более справедливым. Он ловил себя на мысли, что ему будет страшно выходить на свободу. И страшно не за свою жизнь, а страшно и стыдно жить среди людей.

Максим лег на матрас и попытался заснуть. Глаза мальчика, сверкающие глаза, озорной лукавый взгляд и ослепительно красивая улыбка с поразительной четкостью тут же возникли в его сознании. Он испугался этого, обвел взглядом сумрачную камеру, а затем вновь попытался заснуть. Видение ребенка исчезло, но вместо него он увидел лицо Наташи, матери убитого малыша. Она смотрела на Максима совсем не зло, словно успокаивала его, и от этого становилось еще стыднее и неудобнее. Парень встал, прошелся несколько раз от стены к стене и снова сел, подперев голову руками. Стены, эти жуткие стены этой жуткой камеры, схватили его за горло своими грубыми шершавыми ладонями. Максиму стало тяжело дышать. Он опять встал. Нет, это невыносимо. У него нет больше сил находиться здесь. Пресс страха уже раздавил его сознание и сейчас раздавит физически. Но он знает, что надо сделать, чтобы избавиться от этой жути.

Выходя из морга, куда привезли сына, Резо злобно прошипел: «Они за тебя дорого заплатят, сынок». Наташа вздрогнула, услышав шипящий шепот мужа, а взглянув на него, испугалась выражения его лица. Резо никогда не жил на Кавказе. И мать, и бабушка его были славянки, поэтому черты лица его были мягкими, европейскими. Но сейчас в нем словно проснулся дикий горец. Плотно сжатые зубы резче очертили скулы, на которых отчетливее проявилась грубая щетина. Глаза неподвижно застыли в какой-то фанатичной молитвенной клятве.

Наташа молча села в машину. Казалось, горе утраты полностью заполнило ее сознание, но эти новые, ранее не известные черты в облике мужа внесли в сознание еще одно страшное тревожное предчувствие. Еще час назад она сама была готова расправиться не только с самим убийцей, но и с его близкими. Но это был мгновенный порыв ослепления отчаянием. Вряд ли она бы выстрелила, даже если бы ей тогда не воспрепятствовали. Но здесь совсем другое дело. Резо явно задумал или покушение на Максима, или еще что-то трагически мстительное. Что это – кровная месть? Новое беспокойство усилило ее удрученность.

– Куда тебя отвезти? – неожиданно спокойно и мягко спросил Резо.

– А ты куда?

– В кафе. Завтра придется мотаться по городу, оформлять все эти похоронные процедуры, поэтому подготовлю все на работе, чтобы там не было накладок.

– Я поеду с тобой. Не хочу быть дома. На почту также заехать нужно. Телеграмму дать. И я выпила бы что-нибудь. Нервы на пределе.

– Выпивкой ничего не изменишь и от того, что случилось, не уйдешь.

– Не беспокойся об этом. Ты же знаешь, что мне совсем немного нужно. Просто голова разболелась, да и уснуть легче будет.

Имя Резо было в городе, как говорится, на слуху. Еще в советское время он одним из первых открыл кооперативное кафе в помещении столовой приборостроительного завода, которой ранее заведовал, а затем – магазин. Посетителей у него всегда хватало. Вот и сейчас не успел он зайти в кабинет, как в дверь постучали. У Резо не было желания разговаривать с кем-либо из посторонних, тем более что он собирался обсудить текущие вопросы с бухгалтером и поварами, но все же по привычке произнес:

– Входите.

В помещение вошел представительный мужчина лет сорока пяти.

– Здравствуйте, Резо Александрович. Можно к вам?

– Проходите.

– Меня зовут Шелковский Игорь Станиславович. Еще два года назад я работал заместителем начальника городского управления милиции, но вынужден был уйти, не по собственной воле, кстати. Вынужден был уйти в знак протеста против утвердившихся правил, поскольку изменить что-либо фактически в одиночку я не мог, а быть невольным соучастником царящего в органах произвола не позволяла совесть.

– Ну а от меня-то вы что хотите? – недоброжелательно спросил хозяин кабинета, услышав упоминание о милиции.

– Во-первых, я глубоко скорблю по поводу ничем не восполнимой для вас утраты – смерти сына. Я, как и вы, полон негодования от очередного преступления наших доблестных милиционеров. Примите мои соболезнования.

– Спасибо за сочувствие. Но, извините, у меня нет времени.

– Да, понимаю, Резо Александрович. Я хочу вот на что обратить ваше внимание. Менее трех месяцев назад в медвытрезвителе погиб человек...

– Послушайте, мне-то что до этого?

– Да, да, я понимаю, понимаю. У вас своего горя хватает.

«Ты смотри, – настороженно подумал Резо, – еще родные не в курсе, а этот уже здесь с сочувствием». Он вознамерился как можно тактичнее выпроводить гостя, но тот продолжал говорить.

– Ведь вся проблема в том, что за то преступление никто так и не был наказан. Дежурный вытрезвителя отделался выговором, а дело прикрыли. Оно было прекращено за отсутствием в действиях работников милиции состава преступления. И прокурор с этим решением согласился.

– Вы хотите сказать, что и сейчас такое может произойти?

– В том-то и загвоздка. Как мне сейчас сообщили, уголовное дело будет возбуждено по статье за убийство по неосторожности, а наказание такая статья предусматривает максимум три года лишения свободы. Но это не все. По закону есть обстоятельства, применяя которые срок наказания может быть сокращен вплоть до испуга, образно говоря. Подогнать такие обстоятельства под личность – дело техники. И надо сказать, что хорошие техники в этом отношении в милиции имеются. Вот и посудите: за кражу стоптанных ботинок можно больше получить, чем за убийство невинного ребенка.

Резо взглянул на жену. Та, прислонившись к шкафу, внимательно слушала рассказчика. И, по-видимому, его слова были для нее открытием. Сам Резо вновь удивился оперативности получения информации этим человеком, а известие о мизерном сроке наказания просто резануло по сердцу.

– А ведь по сути убийство совершено не при смягчающих, а при отягчающих обстоятельствах. Все началось с чистой воды хулиганки, хулиганских действий, которые закономерно закончились убийством. Заметьте, Резо Александрович, здесь в преступном деянии нет смягчающих факторов, нет неосторожности. Это даже не простое умышленное убийство, а именно убийство, совершенное при отягчающих вину обстоятельствах. Санкция, верхний предел ее здесь действительно верхний – расстрел, а не какие-то три года.

Рассказчик замолчал, видимо, оценивая, какое впечатление произвели его слова на слушателей.

– Да я сам тогда придушу его, пристрелю, прирежу. Не дожидаясь государственного расстрела, – зло прохрипел Резо.

– Но кому и что вы этим докажете? Ну, уберете исполнителя, а сами, вероятно, угодите в тюрьму. А тут все останется по-прежнему. Поймите: и милиция, и прокуратура, и суд в значительной мере – это все оплот старой партийной номенклатуры. Они неспособны ничего изменить в лучшую сторону. Их нужно попросту вышвырнуть оттуда.

– Что-то вы вдруг обозлились на бывших коллег.

– Совсем не вдруг. Совсем не вдруг. Я уже говорил вам, что как мог боролся с порядками, сложившимися в милицейской системе, будучи в должности заместителя начальника управления, и что из этого вышло, также говорил. Но я не собираюсь бороться с какими-то кон-

кретными личностями, даже если они – мои обидчики. Дело не просто в них.

– Ну а ко мне-то с какой целью пришли? Чем я могу вам помочь?

– А цели такие. Во-первых, уважаемый Резо Александрович, я хочу, чтобы в данном случае восторжествовал принцип неотвратимости и справедливости наказания, а не победила опять фикция этого наказания. И уверяю вас, что использую для этого все свои возможности. И потом, пора, давно пора обратить внимание общественности, каждого порядочного человека на порочность системы, сложившейся не только в правоохранительных органах, но и вообще во властных структурах города. Неужели нужно ждать новых трагедий? Засевшие там партийные выдвиженцы никогда не пойдут в ногу со временем. Да, мы проводим разъяснительную работу, задействуем и средства массовой информации, но наши возможности пока ограничены. Например, в случае со смертью в медвытрезвителе люди собрались на митинг, и мы поддержали их. Он был, был. Не такой, правда, массовый, как хотелось бы, но был. Сейчас пока немногие знают об убийстве вашего ребенка. Но те, кто узнал об этом, возмущены до глубины души. Я боюсь, что власти спровоцируют какой-нибудь пьяный бунт, используя возмущение людей. А люди свой протест обязательно выразят, уверяю вас. Необходимо, чтобы мероприятие прошло организовано, чтобы ни шествие, ни митинг, которые мы готовим, не дали повода властям обвинить организаторов в противоправных действиях.

– А от нас-то вы что хотите?

– Резо, можно я вас так буду называть? Без отчества, наверное, будет удобнее.

– Пожалуйста, если вам так удобнее.

– Так вот, Резо, я сегодня разговаривал с родственниками мужчины, погибшего в медицинском вытрезвителе. Они охотно согласились выступить на митинге. Придут туда и люди, несправедливо пострадавшие от непрофессионально рассмотренных или попросту сфабрикованных уголовных дел, потерпевшие, дела которых волокитятся на протяжении долгого времени. Было бы очень хорошо, чтобы и вы выступили на этом митинге. Ваше слово будет много значить для людей.

– Для собравшихся людей или для вас? Мне только этого еще не хватало! У вас там свои разборки, а у меня горе, личное горе.

– Поймите, ваше горе уже не только ваше. Необходимо разорвать стабильную цепь преступлений, совершаемых людьми в милицейской форме. Иначе каждый из нас фактически становится потенциальной жертвой...

Речь говорившего лилась гладко, была аргументирована. Видимо, публичные выступления были для него делом привычным. Он мно-

венно реагировал на короткие замечания Резо и логично опровергал их скептицизм.

– Значит, вы желаете, чтобы я рассказал собравшимся людям, как мразь в милицмейской форме, развлекаясь с оружием, застрелила ребенка, моего сына? Мне от этого не полегчает, а разобраться с убийцей я и так найду способы.

– Резо Александрович, я еще раз повторяю, что дело не столько в парне, нажавшем на курок пистолета. Он наверняка не хотел никого убивать. Дело в сложившейся системе, допускающей такие возможности. Дело больше в руководстве наших правоохранительных органов, в принципах его работы. Вы думаете, что они, манипулируя Уголовным кодексом, хотят просто облегчить участь своего молодого коллеги? Им в принципе он безразличен. Они хотят, простите за выражение, прикрыть свою задницу, сохранить видимую чистоту мундира, который носят, остаться у власти. Мы же не можем взять автомат и отстреливать каждого подонка при форме! Нас не поймут и осудят, как осудят и тебя, простите, вас, если вы по-своему начнете мстить убийце. Меньше года осталось до следующих муниципальных выборов...

– Понятно, – перебил его Резо. – Значит, вы, используя все это, хотите прийти к власти и когда будете при должности, ну если не мэра, то хотя бы начальника милиции, то все повернется к лучшему?

Шелковский глубоко вздохнул, как бы обижаясь на непонимание его мысли собеседником, а затем, отчетливо произнося каждую фразу, продолжил:

– Уважаемый Резо Александрович! Суть не в моей личности. Безусловно, я буду стараться, но быстрого переворота никто гарантировать не может. Нужен глубокий переворот в сознании людей. Вот вы – представитель нового поколения. Молодой перспективный предприниматель. Кстати, – он многозначительно поднял к виску указательный палец, – у меня есть к вам несколько реальных выгодных деловых предложений, но это потом, отдельно можно будет обсудить. А сейчас поймите, что именно вам и идти во власть, именно с такими, как вы, и будут связываться надежды людей, за вами перспектива и у вас есть солидная поддержка. Но для этого необходимо разъяснить людям, что к чему. Я понимаю, что сейчас мое появление здесь совсем неуместно. Извините. Но налицо очередной вопиющий случай, и мириться с этим никак нельзя. – Шелковский замолчал, прикусил губу и, как бы размышляя, медленно продолжил: – Еще один совет, Резо. Я считаю, что вам необходим хороший адвокат. Нельзя допустить, чтобы опять торжествовала несправедливость. Я могу порекомендовать вам несколько высококвалифицированных юристов. Встретитесь, поговорите и решите, с кем вам будет удобнее работать.

– Спасибо. У меня уже есть договоренность с адвокатом. А что касается коммерческих предложений, то во всяком случае на ближайшей неделе я не готов их обсуждать.

– Да, да, конечно, конечно. Но если вы не против, то обсудим эти вопросы в более удобное для вас время.

– Хорошо.

– Всего доброго, держитесь. До свидания Наташа, до свидания Резо.

Женщина удивленно вскинула брови, услышав от незнакомого человека свое имя. Вообще-то ей не понравился этот лощеный посетитель. Что-то предосудительное скрывалось за выверенным смыслом сказанных им слов. Но в одном она была с ним полностью согласна – Резо необходимо выкинуть из головы всякие мысли о мести Максиму. А что касается поразившего ее маленького срока наказания за убийство, то она попросту еще не готова понять и выразить отношение к этому, – законен такой срок или нет, хорошо это или плохо. Но в том, что такое наказание несправедливо, она была уверена.

Домой приехали, когда уже смеркалось. Поздний майский закат красками потемневшего небосклона дополнил расцветку помещений большого дома. Супруги застали бабушку молящейся перед поставленной на стул иконой. Заметив вошедших, она встала с колен и, прижав образ к груди, медленно прошла в свою комнату. Шаркающая походка, опущенные плечи, откуда-то появившаяся сутулость вдруг превратили еще вчера кряжистую, не поддающуюся жизненным невзгодам женщину в смиренную со своей участью старуху, ждущую только своего смертного часа. Наталья не могла не заметить резкой перемены в ее облике и не на шутку испугалась за здоровье самого близкого и верного ей человека на земле.

Только войдя в дом, мать по-настоящему почувствовала отсутствие сына.словно большая часть и ее самой, составляющая основу, смысл всей жизни, ушла вместе с ребенком. А тут еще бабушка. Много лет она заменяла внучке и мать, и отца, и сестру, а зачастую – и подругу. Много лет она была для нее не только опорой, но и надеждой, и гарантом на будущее. А если и она покинет ее... Тягостные мысли Натальи перебила та же Таисия Демидовна.

– Приходила мать с Сонькой. Спрашивали, чем могут помочь. Я сказала, что завтра им делать нечего, скулить только будут да душу травить. Без них справимся. Резо звонила Светлана Викторовна. Я объяснила ей все. Отец сразу же поехал за билетами на поезд. Послезавтра утром родители будут у нас. Да, чуть не забыла, Светлана еще просила, как только вы появитесь, чтобы оба обязательно позвонили, обязательно позвонили. Так, что я еще хотела?.. Есть будете?

Оба отказались. Сдавив виски ладонями, Таисия Демидовна прошла в свою комнату.

– Баба, я тебе сейчас таблетку принесу, – крикнула ей вслед внучка, заметив ее состояние.

– Не надо, дочка, не надо. Я уже травки выпила.

После телефонных переговоров с родителями Резо Наташа пришла к бабушке. Обнявшись в полутемной комнате, словно две задушевные подруги, ведущие беседу на языке слез, они проплакали почти час. Когда к ним подошел Резо, Таисия Демидовна обняла их обоих за плечи.

– Детки мои, прошу вас, держитесь друг друга. Сейчас с горя много глупостей можно натворить. Вы молодые, будут у вас еще дети, я знаю. Только сердцем не ожесточитесь. А за меня не беспокойтесь. Сколько смогу – проживу. Обузой не буду. У меня ж кроме твоего отца Олежки, Наташа, был еще первенец – Федя. До сих пор не знаю, то ли я тогда его простудила, то ли зараза какая была, но умер он, еще и годика не было. Но все равно потом, как вы знаете, троих вырастила. Да, как раз вот о них заговорили, и вспомнила. Семен-то ногу сломал, в больнице лежит. Проститься прийти не сможет. А Валька опять в командировке. Уже сорок бабе, а замуж все не вышла. Не уродина вроде и образованная. Ну да дело ее. Ладно, дети, идите спать. Завтра день хлопотный.

Она поцеловала супругов и медленно пошла умываться.

Начальник городского управления внутренних дел Марьян Свердел собирался уходить на обед. Он запер сейф и уже на ходу положил ключи в карман плаща. Телефонный звонок заставил его остановиться. Он несколько секунд раздумывал, брать трубку или не брать, а затем все-таки подошел к аппарату.

– Да, слушаю вас.

– Марьян Степанович, – Свердел узнал голос прокурора города Филиппова, – у тебя в ближайший час есть неотложные дела?

– Именно в ближайший час собираюсь перекусить. А что, есть другие предложения?

– Тогда подъезжай ко мне, пожалуйста. Здесь в нашей столовой и перекусишь, готовят хорошо, как ты знаешь. Ну и разговор есть. Если Рокотов в здании, захвати и его с собой.

Через полчаса начальник городского УВД и начальник Кировского районного отдела милиции были у прокурора.

– Не читали вот это сегодня? – В руках у Филиппова была газета «Новая мысль», издаваемая довольно аморфной, еще не до конца сложившейся организацией «Народный союз за демократическое обновление». Газета пыталась набрать популярность за счет агрессивной оппозиции городской власти, описаний жутких историй из недавнего

прошлого и перепечаток из столичной прессы. Особой популярностью в городе издание не пользовалось, однако тираж его неуклонно рос.

– Да нет, Виктор Артемович. Нет желания тратить время еще и на это, безразлично как-то.

– Я тоже не удосужился, – произнес в унисон Рокотов.

– Вот и я, как и вы, в принципе не интересуюсь этой газетенкой. Разве только тогда, когда публикации бывают, как говорится, на грани фола и приходится реагировать на сигналы обиженных. Но не в этом дело. Сегодня оперативно, по горячим следам напечатана статья «Законенный беспредел». Слушайте. – Филиппов стал зачитывать выделенные им строки: – «Город в очередной раз потрясло страшное событие – убийство. И вновь убийцей стал работник милиции. В отличие от трагического происшествия трехмесячной давности, когда в застенках медвытрезвителя погиб крепкий трудоспособный мужчина, нынешний случай ужасает своей нелепостью, бессмысленной трагичностью. Ведь от пули убийцы в форме пал четырехлетний ребенок. Малыш, который в своей короткой жизни никому не причинил зла, который радовал своим существованием родителей, с наслаждением впитывал саму жизнь и сам радовался каждому новому дню, стал жертвой. И чьей жертвой! В очередной раз тот, кто должен оберегать нас от преступников, сам стал преступником. Но что интересно: смерть в медвытрезвителе уже была воспринята горожанами как само собой разумеющаяся и не вызвала сколько-нибудь широкого резонанса. Вот к чему подведена психология обывателя. Но вчерашний изуверский случай заставил не только содрогнуться души горожан, но и разбудил их от многолетнего летаргического сна стагнации, когда люди привыкли к тому, что ничего нельзя изменить к лучшему. Эти два преступных акта едины не только тем, что их совершили работники милиции. Они едины и в причинно-следственных связях, приведших к этим событиям. То есть в силу сложившихся порядков во властных структурах города и, в частности, в городских правоохранительных органах они не могли не произойти, они закономерно подготовлены такими порядками. Засевшие в этих органах начальники РОВД, УВД, да можно сказать и прокуратуры, выдвиженцы прежней партийной номенклатуры. Они не хотят, да и не способны менять что-либо к лучшему в руководимых ими подразделениях. Уголовное дело, возбужденное по факту смерти мужчины в медвытрезвителе, было прекращено за отсутствием в рукоприкладстве доблестных служителей «трезвяка» состава преступления, то есть били они человека с божьего и государственного позволения. Вот и соображайте. А самое суровое наказание понес дежурный этого учреждения – очередное «китайское предупреждение», то есть строгий выговор. Нынешнее же уголовное дело возбуждено по статье Уголовного кодекса, которая

предусматривает, безусловно, более суровую кару убийце – аж до 3 лет лишения свободы. Словно здесь была заурядная кража картофеля из подвала, а не лишение жизни младенца. Но, безусловно, судьбе придется учитывать и личность подсудимого, ибо наверняка в деле будет документ, характеризующий его как святого мученика, а это, по закону, смягчающее вину (и ответственность, естественно), обстоятельство. Так что и 3 лет лишения свободы он сможет избежать. Я не подвергаю сомнению справедливость установленной законодателем санкции за неосторожное убийство (именно так квалифицированы следователем прокуратуры действия милиционера-убийцы), она, безусловно, обоснована. Но я ответственно утверждаю, что прокуратура умышленно неправильно квалифицировала преступное деяние по более мягкой статье. Как видите, у этих двух «близнецов-братьев» незаконных действий не только общие последствия – смерть невинных людей, но и общие истоки, общие корни, а именно: произвол, вседозволенность, уверенность в безнаказанности. Где твоя логика, Закон? Спи спокойно, малыш. Пусть земля будет тебе пухом. И прости меня за пафосные слова, которые я еще хочу добавить. Невольно ты свою чистую ангельскую жизнь принес на алтарь борьбы за справедливость и порядок. А вы, взрослые люди, пробудитесь! Ведь именно вы своим молчанием способствуете тому, что за ваше благополучие гибнут невинные создания. Где твоя логика, Жизнь? Подумайте, люди, кого на следующих выборах вы будете приводить во власть. Иначе все мы станем потенциальными жертвами блюстителей порядка, или точнее порядков, старых порядков. Думайте!» И подпись: Лев Буров, почти Гуров. – Прокурор оторвался от газеты. – Ну, что скажете господа-товарищи?

– Ну что я могу сказать, – начал Свердел. – Талантливый демагог, подлая игра на чувствах людей, спекуляция на смерти ребенка. Да и авторство нетрудно установить. Никакой это не Буров, а наверняка Игорь Шелковский, мой бывший зам по политико-воспитательной работе. Он не был бы самим собой, если бы не воспользовался таким подарком. На носу муниципальные выборы и переизбрание мэра. Так что это по сути предвыборная агитация, и господа получили хорошую фору для ее начала под предлогом борьбы за справедливость. Раньше времени сорвались со старта, и вроде бы придрачься не к чему. Но, с другой стороны, обратите внимание, что в обоих случаях имеет место наше нарушение должностных инструкций. И результат – трагедия. Нельзя не согласиться с Шелковским, что такой результат в какой-то мере запрограммирован. Так что причинно-следственная связь имеет место быть. Но связь не с порядками, якобы царящими в милиции, как тот пишет, а с разгильдяйством отдельных работников. Отлучилась из медвытрезвителя фельдшер на 30 минут по своим делам. Ведь весь день до этого она

была практически без дела. И именно в эти какие-то 30 минут доставили человека. Дежурный наряд в отсутствии медика некачественно осмотрел или вообще не осматривал доставленного, уложил его для вытрезвления и забыл до поры до времени. Даже явные телесные повреждения на лице не зафиксировали. А доставленный и не протестовал, поскольку у него была травма черепа. Кто ему эту травму нанес? Вот и доказывай, что ты не верблюд. Хорошо, что с потерпевшим привезли еще двоих его собутыльников, которые впоследствии и подтвердили непричастность милиционеров к причинению травмы. Хотя противоположный слухок среди населения остался и, как мы видим, старательно подогревается. Вот оно вроде бы малозначительное нарушение инструкции. Наверняка такие нарушения бывали и ранее, но проходили без последствий. Ну что им стоило соблюсти необходимые правила осмотра? Тогда, возможно, и человек остался бы жив, и сами без греха. Вроде и контроль довольно жесткий, и инструктируют постоянно. Ну а сейчас вообще ни в какие рамки не лезет. Квалификация этого преступления, безусловно, правильная. Но вот сердцем я не могу согласиться с санкцией. Человек, вооруженный на законном основании, осознающий, что он делает, тем не менее незаконно применяет оружие и из защитника людей становится носителем повышенной опасности для них. И следствие этого – убийство. И за такой проступок, повлекший смерть, отделяется всего лишь тремя годами лишения свободы. Такие «неосторожные» убийцы должны нести более суровое наказание, поскольку уже само нарушение должностного предписания, а тем более правил применения оружия, уже содержит в себе преступные начала. То есть, по своей сути, это уже покушение на преступление. Кроме того, этот разгильдяй в форме подставил и милицию, да и прокуратуру тоже, дал повод таким подонкам, как Шелковский, извлекать выгоду из создавшейся ситуации. Уже сейчас ходят по городу слухи один ужаснее другого.

Свердел озлобленно махнул рукой и замолчал.

– Ну а вы что скажите, Анатолий Александрович? – обратился к Рокотову прокурор. – Ведь убийца – ваш непосредственный подчиненный.

– Ну здесь много чего приходит на ум. Ясно, что публикация – это и попытка оказать давление на следствие, заставить следователя инкриминировать виновному убийство при отягчающих обстоятельствах. Возможно, уже предприняты усилия, чтобы подтолкнуть в этом направлении и потерпевшую сторону. Конечно, родителей погибшего ребенка можно понять. Их наверняка оскорбит известие о том, что виновному за это убийство грозит столь скромное наказание. Но очевидно и совсем другое. Цель статьи далека от сочувствия родственникам погибшего младенца. Это борьба за власть. Лица, стоящие за этой публикацией, получили бесприкрытый вариант: виновный осужден

на законные три года, сразу вступает в действие вопль – посмотрите, что творят власти, они плюют на всех! Завтра и вы будете в положении жертвы, а если не хотите такого, то сплывайте вокруг нас. А если допустить, что парня привлекут по 100-й статье, то тут сразу другой торжествующий вопль – вот видите, благодаря нам, благодаря тому, что вы нас поддержали, мы добились справедливости. Оставайтесь с нами и не пропадете. И что еще характерно: они играют на опережение, предвосхищая, к примеру, мои действия как начальника винного. Дескать преступнику все равно дадут положительную характеристику, а она может повлиять на судебное решение в его пользу. Но ведь до этого случая парень был действительно на хорошем счету, и я, естественно, не буду подписывать необъективную характеристику в угоду кому-либо.

– Вы, безусловно, правы Анатолий Александрович. Игра идет на опережение. И автор статьи знает внутреннюю ситуацию в органах не понаслышке, – поддержал сказанное прокурор. – А ты что замечтался, Марьян Степанович, ведь в статье есть намеки конкретно на тебя?

Филиппов и Свердел как давние знакомые были на «ты».

– Чую, чую – «партийная номенклатура». Я действительно после института работал некоторое время в Пролетарском райкоме партии инструктором. Но ведь пришел в милицию добровольно и не на теплое местечко, а на собачью должность, в уголовный розыск. Прошел все ступени, добросовестно работал, добивался всего сам. А тот же Шелковский значительно дольше меня работал в партаппарате. Когда понял, что должность заместителя начальника отдела в горкоме ему не светит, добился того, чтобы его направили на работу в милицию на более или менее спокойную должность. И стал замполитом райотдела. Причем стаж его партийной работы вошел в стаж работы в милиции. Затем благодаря тещиной протекции – вы же помните Мигунову, секретаря горисполкома? – был назначен уже замполитом в УВД. И даже попытался стать начальником управления. Столько интриг напел! Разбирались аж в министерстве. Благо, что разобрались и уволили. А сейчас он это использует в свою пользу. Короче, проститутка. Мне не в чем оправдываться и нечего стыдиться. У меня другое на душе. Вот дорвутся такие шелковские до власти, а в нынешнее время это более чем реально, тогда станут и милиция, и прокуратура разменной картой в их руках. Начнут использовать органы в своих целях – для сведения счетов, поиска компромата на неугодных. А на должности будут назначаться не специалисты, знающие свое дело и готовые честно служить, а свои люди. Что же касается способных и честолобивых работников, то у них возникнет дилемма: или продолжать служить, подчиняясь только закону, и зная, что мало до чего дослужишься, или идти в услужение. Вот что меня бес-

покоит. Не пропаду. Да и 25 лет уже выслужил. Свой пенсионный кусок могу хоть сейчас получить.

– В том-то и проблема, мои дорогие коллеги, – вновь вступил в разговор прокурор. – Но это еще не все. Как мне сообщили из Москвы, в одной из столичных газет, названия не запомнил, их сейчас много развелось, появилась статья на нашу тему. Ясно, что из того же источника информация, и ясно, какой направленности. Вероятно, эта тематика пройдет и по областной прессе. Так что наступление идет по широкому фронту. Сидеть сложа руки, когда оплевывают, тоже негоже, тем более что дело касается не просто личностей руководителей. Я возьму на себя правовую оценку этого «произведения», а ты, Марьян Степанович, подготовь выступление по областному телевидению. Поторопись. Уже завтра вечером предоставлено эфирное время. Во сколько именно, уточнишь по этому телефону. А вы, Анатолий Александрович, займитесь городскими средствами информации. Объясните людям истинную ситуацию, подготовьте статистические данные, ведь работает-то милиция наша очень даже неплохо. Хотя что я объясняю? Вы и без меня знаете, что говорить. И еще один момент. Когда похороны ребенка?

– Послезавтра.

– Подготовьтесь и к этому дню. Во время мероприятия увеличьте количество мобильных патрулей, но только так, чтобы не дефилировали на виду у процессии. Направьте машину для сопровождения. Это оправдано и понятно всем. Да и людей в штатском не мешало бы направлять. Но так, чтобы не рисовались, не выделялись из числа других, поскольку ажиотаж в городе по этому поводу уже нагнетается и замышляется что-то вроде митинга. Официального запроса на митинг пока никто не подавал, но они могут устроить его и прямо на кладбище. Надо подстраховаться, как бы не возникли противоправные инциденты. Не исключено, что в процессии или поблизости от нее могут кучковаться асоциалы или иные провокаторы. Проинструктируйте своих людей, чтобы были корректны и выдержаны ко всем участникам похоронной процессии, но в то же время требовательны в рамках закона к тем, кто, воспользовавшись этим случаем, попытается нарушить общественный порядок. В любом случае ваше присутствие и ваши действия должны быть такими, чтобы расценивались родными и близкими погибшего как помощь им в обеспечении нормального проведения обряда. Извините меня. Может показаться, что я превышаю свои полномочия и вмешиваюсь в оперативное управление милицией. Это просто мои соображения по конкретному вопросу, касающемуся всех нас.

– Ну что ты, Виктор Артемович, – перебил его Свердел, – мы уже обмозговали этот вопрос и принесли примерный план. И он, кстати, в принципе совпадает с твоими соображениями.

– Тогда считайте, что наши совместные действия согласованы. Есть еще какие-то неясности?

– У меня одно соображение, Виктор Артемович. Может, это и не совсем корректно, поскольку никто не имеет права вмешиваться в процессуальную деятельность следователя. Но все же прошу обратить внимание, что, по нашему мнению, мерой пресечения Грекову должно быть содержание под стражей. Хоть парень никуда не денется, в этом есть абсолютная уверенность, но очень вероятно попытка расправы.

– Это, мой милый, и козе понятно. Точно такого же мнения придерживаются и Пластов, и районный прокурор. Ну, тогда все утрамбовано. Теперь пойдем перекусим, что ли?

– Не откажусь. А ты как, Анатолий, пойдешь?

– Что ж, можно. Не службой единой сыт милиционер.

Помощник дежурного по изолятору временного содержания Вадим Серебряков открыл камеру, где содержался Максим. Они были друзьями с детства. К тому же продолжительное время играют в футбол в одной команде.

– Макс, ты что ничего не съел? – На тумбочке лежали нетронутыми как паек, так и аппетитный кусок жареной рыбы, который добавил от себя Вадим. – Ты давай перекуси. Я понимаю, что тебе тяжело, но жизнь не кончилась.

– Не хочу, – махнул рукой арестант, – ничего не хочу.

– Не дури. Статья у тебя не такая страшная. Три года – не десять.

– Разве только в этом дело, Вадя...

– Оставь хотя бы рыбу с хлебом. Потом поешь.

– Нет, уноси.

– А кофе будешь? Мы только что заварили. Ладно, Макс. Я принесу, а там как знаешь.

Вскоре Вадим принес в большой фарфоровой кружке горячий кофе и два бутерброда с сыром. Минут через 12–15 резкий дверной звонок оторвал дежурный наряд ИВС от приятного занятия – распития кофе.

– Серебряков! – окликнул Вадима дежурный, старший лейтенант Молчанов. – Ты кружку не забрал у Грекова?

– Так он, наверное, еще не выпил.

– Какая разница, выпил или не выпил? Вполне вероятно, до него идут, а там кружка фарфоровая. Тебе, может, выговор и до фонаря, а мне такой штампик совсем не нужен. Бегом заberi.

Вадим открыл дверь камеры и в первое мгновение оторопел: Максима в помещении не было. Внимательнее присмотревшись, он увидел, что парень как-то неестественно присел в углу под зарешеченным окном. Вадим сразу же понял, что произошло. Он вскочил на нары и бро-

сил к Грекову, который висел на милицейской рубашке, привязанной одним концом к решетке окна. Помощник дежурного приподнял приятеля и, ослабив петлю, снял ее с шеи.

– Макс, Макс, Максим! – похлопал он его по щекам. – Ты жив?

Парень зашевелился. Оставив его, Вадим соскочил с нар, сунул в карман нетронутые бутерброды и, поставив под матрас кружку с кофе, бегом выскочил из камеры, даже не заперев дверь. В комнате дежурного посторонних не было. Звонившего в дверь следователя Молчанов попросил подождать несколько минут, сославшись на то, что прием пищи у задержанных не закончен.

– Николай! – взволнованно обратился помощник дежурного к старшему лейтенанту: – Там в камере Макс Греков, Максим, пытался повеситься. Я снял его.

– Вот черт! Мне только этого не хватало! Так и капитана никогда не получишь. Он хоть жив еще?

– Да вроде бы. Шевелился, когда снял.

Когда дежурный наряд ввалился в камеру, Максим лежал, приподнявшись на одном локте. Широкий мягкий материал петли и короткое время пребывания в ней спасли парня не только от смерти, но и от телесных повреждений.

Увидев, что задержанный жив, Молчанов сначала облегченно вздохнул и тут же, поняв, что с самоубийцей ничего не случилось, направился к нему с намерением отвесить хорошую оплеуху. Вадим мгновенно сориентировался в ситуации и встал между ними.

– Не надо, Коля, ему и так тошно, прошу тебя.

Дежурный матерно выругался и зло прошипел:

– Паскудник! Мало того, что вчера натворил, так ты и сегодня хотел товарищам поднасрать. Вот выйдешь отсюда и хоть травись, хоть давься!

Он еще раз матерно выругался и, резко повернувшись, вышел из камеры. Вслед за ним камеру покинул и третий милиционер из дежурного наряда.

Вадим достал из-под матраса кружку с кофе.

– На, попей, успокойся. – Максим виновато посмотрел на товарища, молча взял кружку и жадно стал пить. – Бутерброд будешь?

– Нет, – чуть слышно прозвучал ответ.

Максиму стало совсем невыносимо. К тому ужасу и позору, что лежали на душе со вчерашнего дня, прибавился еще и жгучий стыд за неудавшуюся попытку самоубийства и за те неблагоприятные последствия для коллег, которые могли бы последовать после его смерти. Он, не стыдясь друга, заплакал.

– Успокойся. Если хочешь хоть как-то загладить вину, то надо жить. Ты ж не трус, Макс. Держись. Когда все успокоится, я к тебе загляну.

Он крепко пожал руку товарищу и вышел из камеры.

После недолгого совещания дежурный сообщил о происшествии по инстанции. Вскоре Максима осмотрел врач, а затем его направили на обследование в психиатрическую больницу.

Полдня Наташа и Резо мотались по городу, оформляя похоронные документы и заказывая все необходимое для процессии и поминок. В машине почти не разговаривали. Один раз заехали домой, привезли венки. Когда уезжали, Резо заметил, что из дома Грековых на улицу вышла беременная жена Максима Вика. Он со злобой отвел от нее взгляд, резко врубил скорость и, не посмотрев по сторонам, чего раньше не допускал, почти вдавил в пол педаль газа. Резкий, неприятный визг тормозов заставил Наташу вздрогнуть и съежиться. «Что он на девчонку-то так бесится?» – с тревогой подумала она, но ни о чем не стала спрашивать мужа. Около двух часов дня подъехали к кафе, где Резо договорился встретиться с адвокатом. Из стоявшего неподалеку от здания белого «Форда» вышел Шелковский и направился в их сторону.

– Здравствуйте, Наташа, здравствуйте, Резо! – обратился он к ним и, получив ответное приветствие, спросил: – Резо, минут через 20–30 вы будете здесь?

– Буду, ко мне должен подъехать адвокат.

– Белецкий Давид Ильич. Да, да, я в курсе.

Молодой человек не мог не отметить осведомленность бывшего работника милиции, видимо, связи у него действительно немалые.

– Тогда я подъеду. У меня для вас с Белецким есть необходимая информация. Ну и если будет интерес, еще кое о чем поговорим.

– Хорошо.

На входе в кафе супругов встречал Генка Молев, а в постоянном общении просто Моль. Генка имел за спиной несколько судимостей. В кафе он выполнял функции вышибалы-охранника и нередко – грузчика. Но так как среди жулья он пользовался определенным авторитетом, хозяин держал его прежде всего за это. После того как Резо дважды сдал милиции прибалтанный молодняк, пытавшийся организовать здесь свои тусовки, на него наехали с угрозами. При помощи Генки и его связей удалось быстро поставить их на место.

С тех пор подрастающая братва, более всего беспокоившая хозяйина, если и приходила сюда, то вела себя достаточно прилично, в соответствии со статусом заведения. Резо не давал Молеву каких-либо серьезных поручений и был вполне доволен им, поскольку обходилось ему такое «сотрудничество» совсем не дорого. Ну а Моль, сытый, пьяный и нос в табаке, на свою судьбу не жаловался и на большее не претендовал.

– Как дела? – привычно сухо спросил Резо. – Меня никто не искал?

– Да был тут один, мент бывший, как его... Шелковский.

– А ты его откуда знаешь?

– Как же не знать. Лет пять назад таскали меня в ментовку опера, так он мне там пару раз по морде заехал. Хотя, сволочь, к операм-то никакого отношения не имел. А сейчас так культурненько подошел, руку подал. Говорит, дело у него к тебе есть, какое, правда, не сказал. Еще он знаешь что сказал...

– Что?

– Эта тварь, мент, который Сережку убил... – Проходившая мимо Наталья, услышав, что речь идет об убийстве сына, остановилась и повернулась в сторону мужчин, – вздернулся в камере...

Это известие стало для Резо еще одной неожиданностью. Оно каким-то образом меняло его намерения.

С одной стороны, подумал он, есть справедливость на свете, Бог подыскал заслуженную кару. А с другой – его охватила досада от не реализованной ненависти, накопившейся ко всему семейству убийцы. Слишком легко отделался. Получается, что эти две смерти совсем не равнозначны. Месть осталась неудовлетворенной.

Наташе же после такой новости почему-то стало до глубины души жаль убийцу своего ребенка. Наверное, потому, что, зная его, она понимала, что останься Максим жив, он при всех обстоятельствах попытался бы искупить свою вину и реализовать себя как порядочного человека. Сразу после гибели сына она в порыве ярости готова была растерзать злодея самым изощренным способом. Но позже, подсознательно пропуская через себя в десятый или сотый раз обстоятельства случившегося, она все больше склонялась к мысли, что убийца должен искупить вину, живя с пользой для людей. Если разобраться по справедливости, то убийство произошло по воле невообразимого случая. Наташа была почти убеждена, что если бы Максиму дали оружие, предоставив альтернативу – убить ребенка (неважно какого, ее сына или нет) или себя, то он наверняка выстрелил бы в себя. И самоубийство, по ее мнению, подтверждает эту страшную мысленную гипотезу.

Молев, осознанно или нет, сделал паузу в докладе, что дало возможность супругам осознать и прочувствовать смысл сказанного, а затем продолжил:

– Так ведь суку вытащили из петли. Он сейчас в психушке, значит, целехонек. Понимаешь, Резо, он может прикинуться, что крыша поехала. Скорее всего сами менты концерт устроили: чуть подергался – и тут же сняли. Ну, ничего, даже если выскочит, все равно никуда не денется.

Резо насупившись встал. Последние слова отодвинули размышления о том, как отнестись к самоубийству, на задний план. Уверенность,

что виновного спасают от наказания, овладела им. Наташа тоже не знала, как реагировать на эти слова. Она презирала Молева, но он излагал факт. Мгновением раньше она сожалела о смерти Максима и желала, чтобы тот искупил вину, живя и принося пользу людям. Однако уточнение, что самоубийство не доведено до конца, совсем не удовлетворило ее. Уж больно неприглядной выглядела вырисовывающаяся картина о попытке убийцы избежать даже такого несоответствующего причиненному горю наказания. Это в корне меняло все ее отношение к парню.

Моль взглянул на женщину и, взяв под локоть хозяина, отошел с ним на несколько шагов в сторону.

– Слышь, Резо, в психушку подход имеется. Там два санитара свои. Если захочешь, достать эту тварь и там можно. А то если на ментовскую зону пойдет – не укусишь.

– Постой, насколько я понял из твоих слов, он может совсем избежать наказания. Но если его отмажут, то на воле разберемся. Ведь на старую службу его уже не возьмут.

– Может, да, а может, нет, это все еще только догадки.

– Ладно, ладно, хорошо. Подумаю. – Он откинул руку Молева, державшую его локоть, и подошел к жене. – Пойдем перекусим, ты же есть хотела. Я тоже проголодался.

Наташа пошла за мужем, хотя аппетит уже пропал.

Значит, терзалась она, муж на самом деле может планировать расправу. К боли от потери сына присоединилось уже не смутное предчувствие, а реальное, не менее болезненное ощущение новой непоправимой беды. Если Резо осуществит задуманную месть, то она потеряет его как близкого человека, как мужа. Или его посадят, или, что еще хуже, если он останется недостижим для закона, то она попросту не в силах будет жить с ним после этого.

Они доедали шницель, когда в кабинет вошел Молев.

– Резо, там адвокат тебя спрашивает.

– Гена, усади его за наш столик и принеси, что закажет, а я подойду через пару минут.

– А зачем ты нанял адвоката? – спросила вдруг Наташа. Она отлично понимала, зачем, но ей хотелось услышать от мужа не сдержанно-вежливые обращения к ней и не утешения, которые он произносил в последние два дня, а нормальные слова, убеждающие ее, что он согласовывает с ней свои намерения, касающиеся непосредственно семьи.

– Ната, ты извини меня, но я чувствую, что скоро разорвусь изнутри. Погиб наш сын. Мы ждали его две вечности. А тут какая-то сволочь ни за что ни про что, просто так, играючи... Раз – и нет его. И через три года убийца будет снова дома, жить рядом с нами, забавляться со своим ребенком, почти таким же, как наш, убитый. Нет, за три года моя злость

не пройдет. Мне что, убивать его дитя, чтобы быть в квитых, или его самого? Я наверняка с ним разделаюсь, если он вновь появится здесь всего через три года. Я сам готов сидеть и 10, и 20 лет, зная, что мой ребенок живет и здоровствует, а он – три года! Нет, он должен торчать там дольше, пока мой гнев хоть немного не уляжется, а то я возьму грех на душу. – Он перевел дыхание и, вдохнув побольше воздуха, уже мягче закончил: – Извини и пойми меня правильно.

– Успокойся. Я не в силах с тобой спорить на эту тему, но думаю, что время все расставит по справедливости. Принеси мне, пожалуйста, кофе сюда, я не хочу к девчонкам идти, заставят расплакаться.

– Прости, но я тоже не хочу идти на кухню. В шкафу есть растворимый и печенье. Сделай сама.

– Здравствуйте, Давид Ильич, извините, что вам пришлось ждать.

– Ну что ты, Резо, – отставил чашку с чаем и газету адвокат, – я пока с прессой ознакомился. Я прямо из прокуратуры, разговаривал со следователем Пластовым. Нового он мне ничего, конечно, не сообщил. Он убежден в правильности квалификации преступных действий арестованного. Я хотел выяснить у него некоторые аспекты дела, которые могут повлиять на квалификацию, но он лишь в общих чертах обрисовал картину преступного события. Да, в своих ответах он ограничился лишь такой информацией, заверив при этом, что все необходимые следственные действия будут выполнены. Оно и понятно. Мне было трудно настаивать на большем, поскольку договор между нами не заключен и формально я действовал лишь как частное любопытствующее лицо, на вопросы которого можно и не отвечать. Ну да ладно, время есть.

– За договором дело не станет Давид Ильич, – уверил его Резо.

– Вопрос не в этом, пока не в этом. Понятно одно: для следователя ситуация представляется предельно ясной, уже расфасованной по ящичкам. Вам же наверняка прежде всего интересно знать, имеет ли перспективу быть реализованным ваше желание как можно строже наказать преступника. Однозначно сказать не могу. Но если быть до конца откровенным, то процентов на семьдесят – нет. Понимаете, для вменения преступнику умышленного убийства необходимо доказать в действиях милиционеров наличие хулиганских побуждений. Иные квалифицирующие признаки здесь не подходят. У меня пока мало информации. Если вы не против, давайте договоримся так. Пока о деньгах речь не ведем...

– Знаете что, уважаемый Давид Ильич, я доверяю вам и уверен, что вы честно сделаете все возможное, чтобы убийца получил по справедливости. Я понимаю, сложностей много, но вы работаете, и работа должна оплачиваться...

В этот момент к столику подошел Шелковский.

– Еще раз здравствуй, Резо! – поздоровался он на «ты», вероятно, давая понять адвокату, что он здесь если не свой, то почти свой. – Добрый день, Давид Ильич.

– Добрый, добрый, – без эмоций ответил Белецкий.

Шелковский без предисловий придвинул стул и сел рядом.

– Извините, что прерываю ваш диалог, – хоть и с извинений, но так же бесцеремонно начал новый собеседник, – но поскольку я догадываюсь о предмете вашего разговора, а времени у меня немного, хочу сразу же начать с нужной информации по теме. Вы не против?

Резо посмотрел на адвоката.

– Пожалуйста, пожалуйста, – разрешил тот.

– Так вот, Давид Ильич, обратите внимание на то, что в гараже во время стрельбы было два человека, два работника милиции – Тимохин и Греков. Тимохин вроде бы и ни при чем, но его, по моим сведениям, увольняют из органов. Почему бы это? Отсюда – стреляли двое, но для более мягкой статьи удобнее иметь одного стрелка, одного подозреваемого. Дальше. Поверьте моему ментовскому опыту, ни один милиционер не будет так запросто расходовать штатные патроны, не зная, как за них потом отчитаться. Голову даю на отсечение, что у них были принесенные с собой боеприпасы, а не только те, что получали в отделе. Давид Ильич, вам необходимо указать следователю, пусть сличит изъятые на месте преступления гильзы с теми, что хранятся в оружейке в обойме Грекова. Они должны быть одной партии изготовления.

– Ясно, ясно, – кивнул Белецкий.

– А что это даст? – поинтересовался Резо.

– Во-первых, – начал разъяснение адвокат, – при таком раскладе вступает в действие еще одна статья Уголовного кодекса – незаконное приобретение и хранение боеприпасов. Но это не главное, оно может и не изменить величину наказания. Зато по совокупности с другими обстоятельствами появляется возможность доказать хулиганскую направленность действий этих стрелков.

– Кроме того, – прервал объяснение адвоката Шелковский, – необходимо, чтобы место происшествия фигурировало не как частная территория, а как общественное место. Гараж-то ведь – недостроенное здание и фактически частным строением не является. Я думаю, с вашим опытом не составит большого труда осуществить такое «превращение». А это сильно увеличит вероятность переквалификации.

– Я не маг и «превращать» не научен. Но, с другой стороны, если бы парни устроили подобный тир, допустим, на проспекте Серова или на набережной, то проблема с желаемой квалификацией не возникла бы.

– Вот это я и имею в виду. Думаю, что для начала работы информации достаточно. Я еще переговорю с Тимохиным, постараюсь убедить его сознаться, что патроны принес с собой Греков. Ну а если еще что новенькое появится, сразу же сообщу. Извините, мне сейчас необходимо уехать. Резо, можно тебя на минутку?

Шелковский встал из-за стола и попросил собеседника отойти с ним в сторону.

– Ты меня извини, может, сейчас это и не совсем уместно, но у меня к тебе есть очень перспективное коммерческое предложение. Возможности эти появились только вчера, и действовать необходимо быстро. Как говорится, куй железо, пока горячо. Перспективы потрясающие, связанные с металлом. Все на законных основаниях, ничего даже намекающего на криминал я не допускаю. Первоначальные вложения минимальные. У меня хорошие связи на соответствующих заводах, и уже завтра можно устроить встречу с необходимыми людьми. Нужно лишь твое принципиальное согласие.

– Простите, Игорь Станиславович, но я пока просто не в силах сосредоточиться ни на чем ином, кроме сегодняшних проблем.

– Да, я понимаю. Но если ты не против, то после встречи я свяжусь с тобой.

– Хорошо.

Шелковский развернулся и быстрым шагом направился к выходу, около которого остановился и еще минуты три-четыре разговаривал с Молевым. Резо хотел подробнее поговорить с Шелковским о попытке самоубийства Грекова, но в суете разговора упустил это, а когда вспомнил, то информатор уже садился в машину. А тот, по-видимому, не считал этот момент достойным подробного обсуждения.

– Ну что, Резо, – продолжил разговор Белецкий, когда хозяин вернулся к столику, – в принципе Игорь Станиславович изложил именно то, с чего я намеревался начать работу. Информация его, конечно, более подробная, чем та, которой владел я. Для следователя Пластова ориентация только на одну версию выгодна, поскольку в этом случае дело не представляет особой сложности и может быть закончено довольно быстро. К скорейшему направлению дела в суд подталкивает и широкая огласка преступления в городе. Поэтому понятно его желание поскорее избавиться от хлопотного материала. Там же он укажет на выявленные недостатки в работе органов внутренних дел, способствовавшие совершению преступления, может быть, вынесет представление по этому поводу. Ну а во всех тонкостях пускай разбирается суд. Я полагаю, что необходимо как можно скорее прояснить момент с нумерацией партии боеприпасов. Сами мы этот технический вопрос решить не имеем возможности, да и права у нас такого нет. Еще один

момент. Сегодня при мне Пластову доставили фотографии, сделанные на месте происшествия. Зная мое несогласие с квалификацией, следователь показал мне фото, явно пытаясь убедить, что милиционеры сделали все возможное для безопасной стрельбы. Иначе говоря, в действиях виновного отсутствует хулиганская направленность. Но я обратил внимание на самодельную мишень. Так вот, на ней ясно видно, что две пули легли кучно, рядышком, почти в «яблочко», а третья, роковая, ушла далеко вправо – вверх. Отсюда становится понятно, что стреляли два человека. Один – опытный стрелок, второй – мазила. Тогда возникает вопрос: зачем врать, утверждая, что стрелял один? Выгородить второго стрелка? Разумно. Однако при данном раскладе, когда дело возбуждено по 105-й статье, в действиях второго нет состава преступления. Тогда, может, это попытка не допустить увольнения парня из органов? Возможно. Но его, со слов Шелковского, все равно увольняют. Из всего вышесказанного я смею предположить, что искажение действительных событий пошло из милицейских стен. Там отлично разобрались, кто в чем виновен, и сделали соответствующие выводы: ты, дружок, поступай вот таким образом, и тебе будет максимально суровое наказание – три года. А ты, паренек, моли бога, чтобы эта статья не была изменена на более строгую, иначе и твои действия охватятся Уголовным кодексом. И чтобы этого не было, говори вот так. Но поскольку ты грубо нарушил служебную дисциплину, а именно – суровые правила применения оружия, оставить тебя работать в милиции мы не можем. Пиши заявление по собственному желанию и скажи спасибо, что так все обошлось. Конечно, само по себе участие в стрельбе двух человек – еще не доказательство хулиганских признаков, да и наши сомнения в правдивости показаний можно опровергнуть, но тем не менее противоречия налицо, и работать есть над чем. Вот что, Резо. У Шелковского свои люди в милиции, сообщите ему о мишени. В разговоре с Тимохиным пусть использует это в первую очередь. Он отсюда так стремительно сорвался, что я не успел ничего ни спросить, ни сообщить. Теперь наши конкретные действия. Завтра я намереваюсь передать наши претензии по делу лично прокурору города. Соответствующий документ сегодня подготавливаю. Конечно, его можно передать и прямо следователю, но лучше будет, если бумага спустится через вышестоящего прокурора. Все, что можно использовать в период следствия, мы, конечно, используем, но кое-какие зацепки надо оставить и на суд. Значит, завтра... – Адвокат немного помолчал, а затем, сменив тон разговора, нерешительно продолжил: – Позвольте вас спросить по теме, не относящейся к нашей проблеме.

– Пожалуйста, конечно.

– У вас с Шелковским какие-то общие дела?

– Нет. Он просто сам нашел меня и предложил свои услуги. Желает торжества справедливости, как он выразился.

– Да, да. Конечно, конечно. Я, конечно, не вправе давать вам советы по этому поводу. Я уверен, вы – человек порядочный. Но учтите, Шелковский никогда не делает услуги просто так, не имея в виду какой-то благоприятной перспективы. Будьте осторожны с ним. И последнее. Когда вы будете хоронить малыша?

– Послезавтра, полпервого, от нашего дома. Давид Ильич, у меня к вам также вопрос.

– Да, пожалуйста.

– Во сколько вы завтра поедете в прокуратуру?

– В четырнадцать ноль-ноль нужно быть там.

– Я бы хотел пойти с вами. В это время я буду свободен.

– Ради бога. Никаких проблем. Тогда там на месте и составим договор.

Рано утром на вокзале встречали родителей Резо. На перроне все вели себя сдержанно. Поздоровались, расцеловались, произнесли короткие фразы поддержки. Каждый боялся сорваться. И лишь в машине Наташа и Светлана Викторовна, севшие на заднее сиденье, словно по команде расплакались. Мужчины не успокаивали их. За квартал до дома Резо остановил машину.

– Мама, Ната, успокойтесь, пожалуйста. Успеете еще заплакаться.

Бабушка встретила приехавших в гостиную. Обнимая Светлану Викторовну, она сквозь слезы пожаловалась ей:

– Ох, если бы ты знала, как больно мне... Сама умереть хочу.

– Держись, милая, держись, Таисия Демидовна. Нельзя тебе уходить. Боюсь, без тебя молодые столько глупостей могут наделать.

– И я этого боюсь.

Александр Вахтангович тоже обнял бабушку и хотел сказать ей что-то нежное, но комок в горле не позволил этого сделать. Он лишь расцеловал ее, ласково похлопал по плечу и отвернувшись отошел. Бабушка дала Резо список продуктов, которые необходимо было докупить, и вскоре он с отцом уехал.

Ближе к полудню пришла Наташина тетя Софья Федоровна. До ее прихода погруженные в работу женщины почти не вспоминали о трагедии и разговаривали в основном о повседневных бытовых заботах. Однако хлопотливая тетя Соня принесла с собой не только помощь в работе. Она никогда не была замужем и, казалось, всю свою жизнь только тем и занималась, что изучала похоронные ритуалы и правила. Не прерывая чистку картошки, она заунывно объясняла женщинам, что и как делается в таких случаях, в каком порядке исполняется. Приво-

дила бесконечные примеры. К тому же всякий раз проходя мимо племянницы, постоянно пыталась успокаивать ее. Это нудное просвещение раздражало женщин. Наконец бабушка не выдержала и резко оборвала тетю Сою. Та обиженно замолчала, и работа продолжилась молча. Лишь изредка тишину нарушали распоряжения бабушки. Подъехавший вскоре Александр Вахтангович несколько разрядил обстановку.

После обеда пришла мать Наташи. Она первым делом подошла к сватье.

– Вот видишь, Света, как встречаться приходится. А ведь дети планировали собрать всех вместе на новоселье. Вот так в жизни-то бывает, – сделала она глубокомысленное заключение.

Наташе было стыдно за мать. Пятидесятилетняя женщина из кожи лезла вон, чтобы выглядеть моложе, но получался скорее обратный эффект. Вульгарно наложенная яркая косметика, тонкие карандашные дуги на месте выщипанных бровей придавали ее еще привлекательному лицу потасканный вид. Под стать Полине Федоровне был и ее новый муж Ромик – 38-летний альфонс со слезящимися глазами и нелепой извиняющейся улыбкой.

– Тьфу ты, сучка старая! – шепотом выругалась Таисия Демидовна. – Хоть бы сейчас не смешила людей. Да еще этого кобеля с собой приволокла.

Полина Федоровна подошла к дочери и ласково, покровительственно положила руку ей на плечо:

– Держись, девочка моя.

Все это выглядело фальшиво и неуклюже. Наташа как можно корректнее сняла ее руку с плеча и тихо произнесла:

– Садитесь за стол. Сейчас чай пить будем.

Через час приехал Резо, а уже через пятнадцать минут повез родителей повидаться с их старыми друзьями. После их отъезда в доме вновь воцарилась тоскливая атмосфера. Сестры завели какой-то беспросветно-ленивый скулеж, разрывая на части и без того истерзанную душу. Наташа убирала со стола и не могла избежать этих разговоров. Наконец, когда Ромик вышел покурить, бабушка решительно сменила пластинку.

– Послушай, Полинка, ты хотя бы завтра этого кота общипанного с собой не приводи. Побойся Бога! Да и харю свою отстирай. Просто срам перед людьми. Бабе под сраку лет, а она все из себя молодуху корчит.

– Не надо меня учить. А Ромик тоже должен проводить внука.

Наташу взбесило новоявленное родство, и она готова была ринуться в ссору, но, встретив строгий взгляд Таисии Демидовны, сдержалась.

– Правда, Полина, – поддержала бабушку тетя Соня, – что ты его, как кошелку, таскаешь? Было бы чего показывать.

– Уж ты-то помолчала бы! Всю жизнь никому не нужна была.

– Полинка! – вскипела бабушка.

– Да уж лучше одной жить, чем с таким сопливым тараканом. Я еще себя уважаю, – успела достойно закончить ссору сестра, когда в комнату возвратился Ромик.

– Ладно, нам пора уходить, – как ни в чем не бывало подытожила дискуссию мать. – Наташа, мама, может, завтра чем помочь?

– Да иди ты, помощница! – махнула на нее рукой бабушка.

После их ухода Наташе стало совсем не по себе. Она слонялась по комнатам, не зная, что делать. Бабушка разговаривала с тетей Соней, и подходить к ним не хотелось. Мысли о Сереже овладели ею полностью. Минут через двадцать ей стало казаться, что она сходит с ума. Наташа подошла к столу. Таисия Демидовна как-то механически лугала семечки, аккуратно складывая очистки в кучку на газету, а тетушка чуть слышно жужжала свои погребальные истории.

– Баба, не могу я больше, плохо мне.

Бабушка, как некогда в младенчестве, ласково прижала голову внучки к груди и нежно погладила по волосам.

– Успокойся, доченька. С тем, что случилось, придется смириться.

– А ты поплачь, поплачь. Полегчает, – сунулась со своим коронным советом тетушка.

– Да погоди ты со своими слезами! И так мокро. Сходи-ка ты или к Римке своей, или к Тамаре. Посидишь у подруг, а там и Света с Сашей подойдут, и Резо подъедет. Делать сегодня уже все равно ничего не нужно. Да, они же сегодня уже приходили утром. Справлялись, может помочь чем. Ну да ладно. Сходи сама.

Наташа позвонила подруге еще со времен медицинского училища Тамаре. Поднявшая трубку ее десятилетняя дочка Алеся сообщила, что мать ушла к тете Римме, и, немного помолчав, тихо и нерешительно спросила:

– Тетя Наташа...

– Что, Алесенька?

– А у вас Сереженьку убили?..

– Да, моя хорошая. Умер мой сыночек. – Наташа тяжело вздохнула и положила трубку, а затем набрала номер второй подруги. Но там трубку никто не взял. «Наверное, отключила телефон, – поняла женщина. Римма имела привычку отключать телефон, когда собирались подруги. – Ладно, пойду тогда в кафе и позвоню оттуда или попрошу Резо привезти девочонок», – решила она.

На улице Наташа встретилась с Викой, женой Максима. Вика, не ожидавшая этой встречи, растерялась, а затем почти беззвучно произнесла:

– Здравствуйте. – И кивнула белокурой головкой.

– Здравствуй, Викуля, – со вздохом ответила Наталья. Девушка уже повернулась к калитке своего участка и с опущенной головой открыла ее. Наташе было искренне жаль Вику. Судьба ей также преподнесла суровое испытание, какого никому не пожелаешь, тем более перед самыми родами. А ведь эта совсем еще юная женщина, как и ее Сереженька, ни в чем не провинилась перед людьми. «Дай бог тебе счастья», – мысленно благословила соседку Наташа и вспомнила, как, кажется, совсем недавно сама с нетерпением ожидала первенца и неотступная тревога за благополучный исход родов не покидала ее до самого рождения сына.

Войдя в кафе, Наташа сразу же зашла в закуток, где во времена столовой располагался гардероб. Широкую нишу отделял от остального зала длинный ряд густых искусственных цветов на приставленных друг к другу тумбах. В этом достаточно укромном уголке хозяин кафе обычно обсуждал деловые проблемы или просто встречался с друзьями. Сквозь листья цветов женщина увидела за столиком мужа, Геннадия и еще одного мужчину, сидевшего к ней спиной. Она хотела постучать по тумбе, чтобы обратить на себя внимание, но обронила носовой платок, которым до этого периодически вытирала выступающие слезы.

– Я вот что предлагаю, Резо, – услышала Наташа, нагнувшись за платком. Говорил Геннадий. – Замочить ментика пока нет возможности, а что будет через три и тем более через десяток лет, никто знать не может. Ты, наверное, и сам передумал, успокойсь.

– Нет, пока не поквитаясь, покоя не будет.

– Вот я и говорю, чтобы поквитаться. Если даже удастся грохнуть его сейчас, на тебя на первого пальцем будут показывать. А тут другое дело, как раз почти квиты. Баба-то его на сносях. Врубаешься? Выходит, допустим, она из троллейбуса, легкий толчок под зад – и выbleдок уже не жилец. Есть люди знающие, как надо сделать. И никакого криминала. А когда ментик сам объявится, все равно с ним будем разбираться.

Наталья не поверила своим ушам. Она встала в полный рост. Резо молча сидел, словно обдумывая услышанное предложение. Ей даже показалось, что он кивнул в знак согласия. Гнев и обида захлестнули ее сознание.

– Ах ты, урод, сволочь, недоносок! – почти закричала Наташа. Не помня себя, она выскочила из-за цветов и в бешенстве несколько раз ударила ладонями Молева по лицу и по голове. – Я тебе покажу толчок под зад, задушу гадину! – Она ногтями вцепилась в его впалые щеки. – Сволочь поганая!..

Нападение было столь неожиданным, что мужчины сначала не поняли, что же такое происходит, и застыли в оцепенении. Первым очнул-

ся Резо. Он схватил жену за предплечье, а другой рукой успел остановить ответный удар Геннадия.

– Отпусти меня, отпусти, негодяй!

Крепко сжимая руку жены, Резо дотащил ее до туалета и, войдя с ней туда, запер за собой дверь. Наталья в истерике рыдала навзрыд.

– Вот что ты замышляешь! Ты такая же мразь, как и твой Молев. Только троньте девчонку, тогда вам придется и меня убить, иначе я сама вас разорву или заявлю в милицию.

Женщина прислонилась к стене и рыдала, не имея возможности внятно произносить слова. Резо, не зная, как успокоить супругу, растерянно положил ей руку на плечо, но она резко сбросила ее своей рукой:

– Уй... уй... уйди от меня...

– Прекрати, пожалуйста, истерику, – наконец произнес он. – Никто эту девушку и пальцем не тронет. Она совсем ни при чем.

– А кто при чем – тронете, да? Запомни, я никогда не буду жить с убийцей.

Мужчина молчал, ища оправдательный ответ.

– Я даже до конца и не понял, о чем Генка говорил. У самого в голове туман. Да и мало ли что придет на ум пьяному, чтобы услужить.

– Резо, лучше помолчи. Не надо врать мне. Не пьяный твой Молев да и не дурак совсем. Ты же и сам думаешь сейчас, как пострашнее отомстить. Я же чувствую это, догадываюсь. Откажись от этой затеи, если хоть немного любишь меня. Не вернешь нашего сына, только больнее будет.

Мужчина не захотел или не нашел, что ответить, и поэтому, немного помолчав, сменил тему.

– А ты что вдруг надумала сюда прийти?

– Тошно мне дома, с ума схожу, да и девчонки должны подойти.

– Ты договаривалась с ними?

– Нет, я им из дома звонила, но не дозвонилась. Хотела отсюда перезвонить.

– Давай я съезжу за ними.

– Не знаю, мне уже ничего не хочется.

– Ладно, умойся пока. А мама с отцом еще не вернулись?

– Нет, я бы не ушла, если бы они были дома. Но, видимо, судьба так решила...

Резо ушел и через пару минут вернулся с полотенцем.

– Приведи себя в порядок и садись туда в угол. Там уже никого нет. Сейчас Ирина подойдет, обслужит тебя, а я скоро вернусь.

После скандала, после выплеснутого наружу гнева Наталье вроде бы даже полегчало. Во всяком случае на душе стало спокойнее. Возможно, это было осознанием того, что отведена угроза от Вики. Она успела

только пару раз пригубить бокал с коньяком, как муж привез подруг. Женщины прихватили с собой начатую бутылку ликера, которую распивали дома, скорбя по поводу трагедии. Резо принес им еще коньяка, кофе, бутерброды и конфеты. Приехавшие запротестовали, но хозяин кафе оборвал их протесты:

– Сидите. Если что-то еще будет нужно, зовете Ирину. А мне некогда.

Подруги пригубили бокалы, всплакнули, немного помолчали, не решаясь начать разговор.

– Знаешь, Наташа, – промокнув салфеткой слезу, наконец начала Тамара, – говорят, плохая примета примерять на себя чужое горе, но я не представляю, как бы пережила, случись такое с Алесью. Но жизнь-то продолжается. Я в семье самая младшая – шестая. А до нас шестерых было еще двое старших детей – Кира и Вася. Но они погибли, когда им было по девять лет. Провалились под лед. Выкарабкались, но пока добились до дома, оба замерзли. Так вот после них мама еще нас шестерых нарожала, хотя до этого случая больше детей не хотела. А тебе только 31. Сумела одного, будет и второй. Ты обеспечена, чего же не рожать.

– Обеспечена... – Наталья как-то иронично повторила это слово.

– А что, не так?

– Да все так, так, так, – многозначительно протянула она. – Только не в это дело, Тома. Я уверена, что сейчас здорова. Но боюсь рожать, боюсь, что не перенесу переживаний за ребенка, страха, что потеряю его. Это чувство не покидает меня. И если такое повторится, тогда уж точно жизнь моя будет кончена. А сейчас я с удовольствием пожила бы одна в бабушкином деревенском доме. Как когда-то зимой или осенью заберешься на теплую печку, кругом непогода, ведьмы в трубе воют, а на печи уютно, спокойно и совсем не страшно.

– А я уже нажилась в одиночестве и свободой насытилась, – перебила ее подруга. – Хочется о ком-то заботиться и чтобы тебя ждали дома. А так коснись чего, так и полку для телефона повесить некому.

– Да брось ты, Римка, – вновь вступила в разговор Тамара. – Живешь с дочкой и живи спокойно. Не уродина. Приспичило – нашла себе мужичка на время, чтобы тебе полку повесил или еще что-нибудь. То к себе приведешь, когда можно, то к нему наведаешься. В барчик-ресторанчик пусть время от времени сводит, по дому поможет. Только упаси бог себя привязывать к нему серьезно и тем более расписываться. А что-то не пошло – давай, милый, сунь себе перышко в одно место и лети по ветру.

Эмоциональная подруга впервые за эти дни заставила Наталью улыбнуться.

– Вот хорошо, Тамара, ты такая: где надо, ты и без мыла влезешь, а чуть чего, все пофиг, раз – и отрезала. А я вот сильно привязываюсь к человеку. Все на хорошее надеешься, да и жалко как-то бывает.

– Так что мне, Римка, каждому кобелю дорожку стелить, что ли? Конечно, если видишь, что мужик стоящий, так и сама не отпустишь, всем хочется любви и стабильности. А где их взять-то? Вспомните девки, как я с Шуриком бородастым жила.

– А что, нормальный парень. Всегда вежливый, обходительный такой. И я, по правде говоря, была огорчена, когда вы расстались, – высказала свое мнение Наталья.

– Мне он тоже нравился, – поддержала ее третья подруга.

– Так чего же вы молчали тогда? Я бы вам его за так отдала. Упаковала бы в подарочную бумагу, ленточкой перевязала да еще ликер с кофе поставила бы. – Женщины сдержанно засмеялись.

– Смех-то смехом. Хорошо со стороны говорить. Так вот он почти полгода нигде не работал. Все мозги пудрил, то это не так, то другое. А жрать садился и на сигареты просил. Устроился наконец. Все-таки образование высшее, да и руки неплохие. Думаю, заживем. Получил он денежки, подсчитал, сколько поел за последний месяц, и рассчитался, как в столовой-забегаловке. Мне до того обидно стало. Я не собиралась у него требовать всю зарплату и даже не спрашивала, сколько получил, но ведь жили-то, считай, в одной семье. Говорю ему прямо: «Давай, Саша, или по-семейному, или вон порог».

– Ну и как? Дошло до него?

– Дошло? Это до меня дошло, что у него легче гланды через зад вырвать, чем рубль из кармана. Нет, думаю, такой гала-концерт мне не нужен. Да еще на Алеську стал прикрикивать. Собрала его пожитки в кучку. Пришел он с работы, и бороденка затряслась. Ну что, говорю, Будулай, забирай свой скарб и поворачивай оглобли своей кибитки в другой табор.

Углубившись в общебабские проблемы, подруги отвлекли Наталью от горьких мыслей. Слегка захмелев, они даже хотели потихоньку запеть какую-нибудь грустную песню, как делали обычно, когда собирались без мужчин у кого-либо из них дома, но вовремя спохватились, дабы не ставить в неловкое положение хозяина. Когда долгий майский день уже терял свою яркость, супруги, развезя подруг, вернулись домой.

Как и было условлено, днем в 14.00 Резо приехал в городскую прокуратуру, Белецкий был уже там. Он достал из папки подготовленный документ. Резо, почти не вникая в содержание, прочитал примерно половину текста и вернул его адвокату.

– Извините, Давид Ильич, я сейчас не в состоянии соображать, читая такой рассказ. Я верю вам.

– Ну, хорошо, совсем не обязательно перечитывать его, поскольку все моменты мы вчера обсудили. Надеюсь, прокурор пойдет на дискуссию по содержанию документа.

Прокурор встретил адвоката как старого хорошего знакомого. Он вышел из-за стола и поздоровался с вошедшими за руку, а затем усадил их на диван и придвинул свой стул, создав тем самым неофициальную обстановку. Вскоре секретарша принесла три чашки чая. Так что внешне можно было предположить, что собрались три единомышленника.

– Виктор Артемович, – начал адвокат, – цель нашего визита я объяснил вам по телефону.

– Ну, конечно, я помню. И в чем конкретно проблема?

– Проблема в следующем. Уголовное дело по факту убийства ребенка возбуждено по статье 105 УК РСФСР, то есть убийство по неосторожности. Следователь строго придерживается этой версии. Круг участников невелик, и формально вроде все ясно. Дело, насколько я знаю, будет без промедления направлено в суд. Однако не все так просто. Уже сейчас на поверхность всплыло немало вопросов, которые требуют обязательного пояснения. Но они, как ни странно, оставлены без внимания. Мне как бывшему следователю понятна позиция Вадима Пластова – поскорее обосновать свою версию и отправить дело в суд. Поскольку от ажиотажа от этого события уже сейчас хлопот невпроворот.

– Давид Ильич, – перебил его Филиппов, – вы не согласны с квалификацией? Я вас правильно понял?

– Именно так, Виктор Артемович. Так вот, я продолжу свою мысль. Вокруг этого, безусловно, вопиющего случая нагнетается нездоровый ажиотаж. Поверьте, этому нагнетанию обстановки может быть дан новый импульс, если из суда дело будет возвращено на дослед. Такой оборот дела не доставит радости ни следствию, ни родителям погибшего малыша, на свежую рану которых будет сыпаться новая соль.

– Мне лестно, Давид Ильич, ваша забота об авторитете прокуратуры, – тактично сыронизировал прокурор.

– Что ж, если, решая свои проблемы, мы будем способствовать и этому, то тем более пойдем друг друга.

– Так что же это за вопросы, всплывшие на поверхность?

– Вот здесь изложены наши претензии и предложения по поводу следственной позиции.

– Так и направили бы их в прокуратуру Центрального района, по подследственности.

– Понимаете, мы полагаем, что если у вас не будет возможности нас выслушать, то все равно вы ознакомитесь с нашим взглядом на проблему из первоисточника, а не в интерпретации следователя.

– Но я не вправе вмешиваться в компетенцию следователя и тем более давить на него.

– Боже мой, Виктор Артемович, у меня и мысли такой не могло возникнуть. Просто следователь, принимая решение, будет знать, что

с этим документом ознакомился прокурор города. Мы хотели просить, так сказать, аудиенции у прокурора Центрального района, но он же на больничном.

– Вы, Давид Ильич, не только адвокат, но и дипломат. Тактический ход мне понятен. Он правомерен, и я готов выслушать вас.

– Виктор Артемович, по уголовному делу проходит один подозреваемый, простите, я не совсем точно выразился, один фигурант, производивший выстрелы из пистолета в неполюженном для стрельбы месте. Но стреляли-то двое, и это косвенно подтверждают некоторые детали происшествия.

– Какие именно?

– Ну, например, самодельная мишень. Она так и осталась в гараже. И со слов следователя я понял, что она осталась пока не исследованной.

– И что интересного вы нашли в этой мишени?

– Обратите внимание, – начал объяснение Белецкий, нарисовав для наглядности в блокноте мишень с отметками пулевых пробоин, – вот эти две пули пронзили мишень в районе «девятки» и, заметьте, легли рядышком. А третья, роковая, вон куда угодила и рикошетом вылетела в окно. Отсюда естественное предположение, что стреляли двое. Один имеет неплохую стрелковую подготовку, о чем говорит и кучность, и меткость стрельбы, а второй в этом деле слабоват. Вероятно, новоиспеченный милиционер, то есть наш подозреваемый.

– Согласен с вами. Безусловно, естественно вытекающее предположение. Хотя и здесь имеются варианты толкования. Думаю, что следователь в любом случае обратил бы на этот момент внимание. Но суть не в этом. Квалификация преступления не изменится. Не усматривается в действиях стрелков хулиганских побуждений.

– Хорошо, пойдём дальше. В этом эпизоде, если его взять локально, хулиганские действия доказать трудно. Но давайте свяжем его с другими аргументами. Возьмем патроны, которые парни использовали. Подозреваемый божится, что расстреливал штатный боекомплект, полученный в отделе. Но это противоречит всякой логике, здравому смыслу, да и всей милицейской практике нарушений правил применения огнестрельного оружия. Молодой человек, связывающий свою судьбу со службой в правоохранительных органах, вдруг, за полчаса до официальных стрельб, принимает безрассудное решение израсходовать часть боеприпасов, восполнить которые и отчитаться за них впоследствии достаточно сложно. И, естественно, сознавая, что за такое нарушение самый благоприятный исход – увольнение из органов. Что это? Глупость? Нет, это уверенность в том, что нарушение останется незамеченным, поскольку патроны у них были свои. Отсюда резюме – патроны были приобретены незаконно, для незаконного применения и были

использованы с хулиганским безрассудством. Проверить этот момент несложно. Насколько я знаю, в штатном боекомплекте патроны обычно одной партии изготовления. Следовательно, для очистки совести желательно сличить маркировку на отстрелянных гильзах и в обойме Грекова в Центральном РОВД.

– Что ж, ваши предположения логичны, и я допускаю такое развитие событий. Объяснимо, что подозреваемый старается не запятнать товарища. Возможно, и патроны были со стороны. Тогда здесь появляется вторая статья – незаконное приобретение и хранение боеприпасов. Но она по суровости санкции охватывается основным составом. А где же хулиганство? Опять не вижу его признаков. Ведь виновный или виновные стреляли в помещении, стены которого пуля пробить не может. Сам гараж является личной собственностью семьи подозреваемого. Молодые люди, вероятнее всего, предполагали, что выполнили все действия, чтобы стрельба была безопасна для третьих лиц.

– Я так не считаю. Если вы под мерами предосторожности имеете в виду две шпалы, то это лишь приспособление для наглядности, чтобы были видны результаты пальбы.

– В таком случае при рикошете они рисковали и своим здоровьем или жизнями.

– А классический хулиган, затевая драку, разве не рискует своей бесшабашной головой? Ведь на кого нарвешься. Давайте перенесем эти приспособления для тира в другое место города, допустим, на улицу Луначарского. И там пуля сразила бы кого-то или на улице, или в квартире многоэтажки. Уверен, в этом случае хулиганские признаки не вызвали бы у вас такого возражения. Хотя парни не палили по воробьям, но ведь и не отстреливали взбесившуюся собаку и не преследовали убегающего преступника. А улица Бугорок и улица Луначарского являются улицами одного большого города, так сказать, общественными местами. А тот огород, где погиб ребенок, вообще принадлежит другой семье.

– Что ж, мне ясна ваша мысль, уважаемый Давид Ильич, хотя вы отлично понимаете, что такая позиция достаточно уязвима. Безусловно, в основе ваших доводов лежит не только сухая юриспруденция, но и чувственная логика справедливости, и вы ее юридически обосновываете. Вчера в разговоре с начальником УВД мы непосредственно обсуждали эту проблему. И он высказал такой тезис: вооруженный на законном основании работник должен нести большую ответственность за нерегламентированное применение оружия. Уже само по себе такое применение должно рассматриваться как покушение на преступление независимо от последствий. Только вот покушение на какое преступление? А если в результате неправомерного применения оружия таким работником произошла трагедия, то ответственность должна

быть более суровой, нежели та, что заложена в санкции нашей статьи. Это было бы справедливо, и я с этим согласен. Но закон есть закон. Хотя единицу измерения этой справедливости установить невозможно. Но, тем не менее, закон отстаивает справедливость только через логику доказательств. В идеале они должны совпадать. В сущности это прописные истины. Но вы, наверное, не все свои карты выложили, а раскрыли лишь то, что сами не можете или не имеете право выявлять. Документ ваш не позднее чем завтра получит следователь, и все ваши замечания будут рассмотрены.

Прокурор замолчал на несколько секунд, а затем обратился к Резо:

– А вы, как я понимаю, отец погибшего мальчика?

– Да.

– Примите мои самые искренние соболезнования. И поверьте, что ни я как прокурор, ни руководство милиции не имеют ни малейшего намерения хоть как-то выгородить преступника.

– Надеюсь, что это так.

Резо вышел из прокуратуры с непонятным ощущением. Он остался, безусловно, доволен приемом. Интересный, доброжелательно-дискуссионный тон разговора и учтливое отношение оставили благоприятное впечатление. А вот слова Белецкого о том, что вокруг смерти ребенка ведется какая-то грязная возня, смутили. Почему он не сказал это ему раньше, прямо в глаза? Может, посчитал, что так прозвучит убедительнее? Но об этом он еще переговорит с адвокатом. А вот с Шелковским нужно действительно быть более осмотрительным, хотя коммерческие намеки бывшего милицейского функционера интриговали.

Белецкий, комментируя прошедшую беседу, сказал, что и не рассчитывал переубедить прокурора: «Это понятно. Ему по штату не положено». Но в суде, по его мнению, будет другая обстановка. Суд, в составе которого обязательно будет женщина, сочувственнее отнесется к «логике справедливости», как выразился Филиппов.

– В принципе, основная цель сегодняшнего визита достигнута, – задумчиво произнес адвокат расставаясь. – Указанные нами моменты, несомненно, будут проверяться, и отношение следователя к фигурантам должно быть более требовательным.

Ни Наташа, ни Резо не ожидали, что попрощаться с их сыном придет так много народу. Улица, на которой они жили, была сравнительно новая. Застраиваться индивидуальными домами она стала всего десять лет назад. Хозяева домов заселялись зачастую еще до полного завершения строительства, доводя до ума свои жилища уже проживая в них. Занятые своими проблемами соседи мало общались друг с другом. Однако известие о трагедии отозвалось в их сердцах.

Гроб с телом малыша стоял в гостиной. Люди молча подходили, клали цветы, выражали соболезнования. Минут за пятнадцать до приезда катафалка в помещение в черных траурных платках прошли мать Максима, его жена Вика и младшая сестренка – двенадцатилетняя Машутка. У гроба в тот момент находились лишь родные погибшего мальчика и их близкие друзья.

Не все знали, кто эти вошедшие люди, зато знавших их это появление заинтриговало по-разному. Мать Натальи, увидев родственников убийцы, повернула голову к стоявшей рядом Таисии Демидовне и стала что-то возмущенно ей объяснять. Но та в ответ резко дернула сноху за блузку и сквозь зубы злобно прошептала: «Заткнись». Полина Федоровна, словно не расслышав этого, повернулась к сестре и стала нашептывать ей. Женщины-соседки прошли вокруг стола с гробом, остановились у изголовья и, вытирая слезы, положили цветы. Последней шла Машутка. Она дотронулась ручкой до щеки малыша. «Прости нас, Сереженька», – чуть слышно произнесла девочка и, заплакав, вышла.

Эта сцена так растрогала Наташу, что она не заметила, как из едва просохших глаз вновь потоком полились слезы. Даже Резо отвернулся и, стесняясь своей слабости, украдкой утер слезу. Полина Федоровна не обратила внимания на этот момент и что-то отрывисто продолжала шептать не желавшей ее слушать сестре.

Как только соседи ушли, бабушка зло схватила ее за руку и вывела в другую комнату.

– Ты что себе позволяешь, бесстыдница?!

– А что я себе позволяю? В дом приходят убийцы, а ты на меня накинулась. У них совести хватает сюда притащиться, а я виновата.

– Заткнись, дура! У них действительно хватает совести, потому что она у них есть. А вот ты окончательно очерствела и оглупела. Слушай, Полина, ты лучше придержи свой поганый язык, иначе я тебе так съезжу, что мало не покажется. Ты меня знаешь.

В день похорон резко похолодало. После ставшего уже привычным почти летнего тепла ветреная прохлада казалась даже более колючей и обжигающей, нежели зимой. Наташа и Резо, разогретые в теплых помещениях дома, церкви и в автобусе, выйдя на открытое место, сразу же почувствовали озлобленность весенней стужи. Однако несмотря на холод, на предкладбищенской площади стояла группа незнакомых мужчин, около двадцати человек. «Кого-то еще хоронят», – подумала Наташа. Однако при выходе из автобуса она изменила свое мнение, поскольку эта группа обратила на них заинтересованное внимание. «Значит, они нас ожидают», – решила она.

Такая же мысль возникла и у Резо. В дальнем конце площади у ограды среди припаркованных машин он заметил иномарку стального цвета,

похожую на автомашину Шелковского, и желтый жигуленок-«копейку», как у Геннадия. От всего этого на сердце супругов остался неприятный осадок. Дополнительное беспокойство терзало и без того издерганное сознание.

Наташа сдерживала себя до того момента, пока не подошла в последний раз проститься с сыном. Опустившись на колени, она обняла его тельце, зарыдала и словно погрузилась в сплошной холодный, мутный снегопад. Она не помнила, как подруги и муж подняли ее на ноги и отвели в сторону, и пришла в себя только тогда, когда Тамара поднесла к ее носу тампон, смоченный нашатырным спиртом. Резо тоже сдерживал себя при прощании, однако когда встал с колен, почувствовал, как слезы, не подчиняясь его воле, скользят по щекам, и уже не стеснялся их. «Я все же отомщу за тебя, сынок!» – мысленно повторил он суровую клятву, от которой уже стал остывать.

Когда родные и близкие высказали прощальные чувства, из-за спины собравшихся вышел Шелковский и подошел к могиле. Для съемок похорон Резо пригласил приятеля-фотографа, но еще у дома он заметил второго фотографа, незнакомого ему молодого человека. А здесь на кладбище появился еще и мужчина с кинокамерой. Когда для прощального слова подошел Шелковский, они тут же приблизились к нему. Бывший милицейский чиновник расстегнул плащ, сдержанно кашлянул в кулак и приглушенным голосом начал:

– Легенда гласит, что когда рождается человек, на небе загорается звезда, сопровождающая его всю жизнь. И когда умирает этот человек, его звезда срывается с небосклона и в отчаянной скорби сгорает, стремительно спеша к земле. Милый мальчик, ты ярко вспыхнул в этом мире, но недолго тешил своей жизнерадостностью родных и близких. Ты ушел от нас, но, в отличие от звезды, ты не перестал существовать в сердцах людей. Своей короткой жизнью и трагической кончиной ты открыл глаза многим людям и зажег их сердца. Твой убийца не сознавал, что делает, и, наверное, не желал твоей смерти. Но его рука с оружием давно уже была направлена в твою сторону и в сторону других ни в чем не повинных людей. И направили ее другие люди. Эти настоящие убийцы не считают жертвы. Они для них – просто статистические данные...

До Наташи, словно сквозь стену, с трудом просачивались выражения оратора и невнятно осознавался их смысл. Она постепенно приходила в себя и недоуменно поглядывала на свекровь, державшую ее за талию. «Кто это?» – растерянно спросила Светлана Викторовна. Наташа узнала говорившего, но язык словно окаменел.

Оратор продолжал развивать тему, а фотограф и мужчина с кинокамерой не переставали снимать его на фоне похоронной процессии. Резо недовольно поводил плечами. Ему было очень неудобно перед людьми

и в первую очередь – перед женой, которая знала Шелковского как его знакомого и могла решить, что он здесь именно по его воле. А что скажут родители, бабушка, что они об этом подумают? Необходимо было вмешаться, но ноги не двигались, и он терпеливо продолжал выслушивать говорившего.

Первой, как всегда, нашлась Таисия Демидовна.

– Милок, ты куда пришел? – негромко, но сурово спросила она Шелковского.

– Что? Простите... – как бы не расслышав, мягко переспросил тот.

– Уважаемый, вы не на митинге. Проводите ваши разборки где-нибудь в другом месте, – ответил за бабушку отец Резо Александр Вахтангович.

– Хорошо, хорошо, извините. Я не хотел ничего дурного. – Шелковский вежливо кивнул головой и закончил выступление словами: – Пусть земля тебе будет пухом, милое дитя!

Он перекрестился и неспешно растворился в толпе.

Уже на выезде участники похоронной процессии с удивлением наблюдали, как группа людей на прикладбищенской площади, состоящая в основном из мужчин, продолжала оживленно то ли дискутировать, то ли ругаться, а фотограф и кинооператор усердно фиксировали эту сцену.

Около семи часов вечера Игорь Шелковский даже не вбежал, а влетел в свою квартиру. На ходу расстегивая плащ и не сняв обуви, он проскочил в большую комнату и включил телевизор. В программе новостей местного телевидения шел сюжет о похоронах ребенка, убитого работником милиции, и о протесте по поводу этого убийства городской общественности. Игорь Станиславович мог со стороны полюбоваться своим выступлением у могилы. Правда, эпизод, где речь его была прервана, оператор опустил. Затем шли кадры «стихийно возникшего митинга». Слова митингующих прерывал комментарий диктора: «...не все в порядке в «датском королевстве» городского управления внутренних дел. Участвовавшие случаи чрезвычайных происшествий со смертельным исходом в его подразделениях говорят о серьезных недостатках в работе местной милиции, о неспособности руководства контролировать ситуацию и вообще справляться со своими обязанностями...» Оператор умело снял сцену митинга на фоне двух больших автобусов и легковых машин. Создавалось впечатление значительного скопления людей.

– Игорь, поимей совесть! – В комнату вошла возмущенная жена. – Мы с дочерью вылизывали ковер, а он проперся по нему в грязной обуви. Хоть немного уважай наш труд.

– Да подожди ты, Аня, уберу я все за собой, не беспокойся.

Когда он вновь переключил внимание на телевизор, в программе уже показывали автодорожное происшествие. «Вот дура! – мысленно выругал он супругу. – Вечно сунется, когда не нужно». Он снял ботинки, взял их в руки и в носках вышел в прихожую. Несмотря на обиду за то, что не смог полностью просмотреть подготовленную им передачу, он тем не менее отметил про себя: «По-видимому, все же удалось направить интерес горожан к трагическому случаю по нужному руслу, и есть надежда на действительно массовое скопление людей на намеченном через три дня митинге. Думаю, необходимость заманивать горожан водкой, как было сегодня, отпала. Народ уже достаточно взбудоражен случившимся, и должны прийти нормальные люди. А Молев, надо отдать ему должное, справился с заданием. Молодец. Подумаю, как его отблагодарить для стимула. Хотя он наверняка сам себя отблагодарил. Не поверю, что он всю водку этому быдлу раздал. А работать-то он будет, никуда не денется».

Наскоро перекусив, Шелковский с чашкой чая вновь вернулся к телевизору. «Боже праведный, да это же наш Свердел! – удивился он, увидев на экране начальника городского управления внутренних дел. – Ну и ну. Засуетились, почувствовали, что в задницу колет». Начальник УВД объяснял ведущей, что трагедия с ребенком является не следствием плохой организации работы, а локальным случаем нарушения служебной дисциплины. По словам полковника, один-два случая разгильдяйства могут испортить общую картину несомненно неплохой работы городской милиции. Слушая в основном оправдательную речь бывшего коллеги, Игорь Станиславович снисходительно улыбался: «Мели, мели, кто тебе поверит». Однако следующая мысль говорившего заставила его посерьезнеть:

– И еще один момент негативных последствий ненадлежащего исполнения служебных обязанностей. Создались благоприятные возможности для проходимцев, пытающихся использовать трагедию в своих корыстных целях. Взять, к примеру, только что показанный телевизионный сюжет в ваших новостях по этому поводу. Это явно тенденциозная подборка информации, даже более того, это сознательное наглое искажение фактов. Здесь не только клевета на работников милиции, но и кощунственное отношение к гибели ребенка и его близким, жесточайшее оскорбление искренних чувств людей, подлая спекуляция на этих чувствах. У нас нет ни малейшего намерения выгородить убийцу...

– Марьян Степанович, – перебила его ведущая, – но у нас, слава богу, свобода слова, и люди вправе излагать свое видение ситуации.

– Уважаемая Нина Анатольевна, если бы люди, создавшие этот «фильм ужасов», поддавшись эмоциям, не разобрались в ситуации и выплеснули на телевизионный экран лишь свой чувственный порыв, то

есть не ведали, что творят, если бы все это было на уровне слухов и народной молвы, это было бы еще полбеды. Можно просто объяснить народу, что к чему. Но ведь идет грязная политическая игра. По существу, это борьба за власть. Людям, начавшим ее, ситуация отлично ясна. Они все просчитали и используют любую возможность. Поэтому ни сострадание к близким погибшего мальчика, ни чистота милицейских кадров, ни качество работы правоохранительных органов для них не имеют никакого значения...

Шелковский усмехнулся: «Ты посмотри, что-то дошло и до них. Жизнь заставляет учиться и этих замшелых пней. Даже интервью грамотно втиснули после сюжета о похоронах, удобнее доказывать свою правоту. Но все равно не на ту лошадку ты поставил, голубчик».

На следующий день вечером родные Наташи и Резо собрались на прощальный ужин по поводу отъезда Светланы Викторовны и Александра Вахтанговича, которые утром должны были уехать. Ничто не предвещало скандала. Родственники вели застольную беседу, ненавязчиво успокаивая убитых горем супругов, подчеркивая при этом, что им необходимо быть вместе, что они еще молодые и дети у них будут. Впрочем, убеждать их в этом было совсем не обязательно. Их чувства друг к другу были достаточно сильными, чтобы вместе пережить горе. Единственным неприятным моментом было то, что Полина Федоровна опять пришла со своим Ромиком. Впрочем, тот никому не мешал. Попивая водочку практически в одиночку, он, по-видимому, был вполне доволен своим положением. И его как-то не замечали.

Вскоре разговор из обязательно траурной темы перешел на другие житейские проблемы. Наташа и Резо внешне были спокойны и расслаблены. Сознанием они хоть и смирились со своей участью, но накопившийся за последние дни сгусток напряжения мог взорваться в любой момент. Огонь к фитилю этого взрывоопасного сгустка поднесла Полина Федоровна. Она увидела в окно родителей Максима. Отец вставлял в проем гаражного окна раму, а мать поддерживала ее, пока он крепил.

– Ты только посмотри, делают свои дела, будто ничего не произошло.

– Так что же им, по-твоему, и на улицу не выходить? И при чем тут они? – недоуменно возразила сестра.

– При чем, при чем! Вот при чем – всего через три года убийца будет спокойненько жить-поживать рядышком как ни в чем не бывало, – без всякой злобной интонации в голосе, как бы между прочим, закончила женщина.

– Я так и сделаю, – вырвалось у Резо чуть слышно, но достаточно громко, чтобы его слышали сидевшие рядом жена и мать.

Бабушка не слышала слов зятя, но озлобленно накинулась на сноху.

– Что ты несешь, что мелешь! Помолчи лучше, если сказать нечего.

Наташа, услышав из уст мужа подтверждение его намерения, соскочила со стула и решительно посмотрела ему в глаза.

– Повтори, повтори, что ты сказал! Ну, что молчишь? Язык проглотил?

– Я все равно его прибью, – скрипя зубами, выдавил из себя Резо. – Удовлетворена?

– Так что же ты своего уголовника, своего Молева не прибьешь? Он тоже собирается убить.

– Он никого не убивал, а за то, что совершил, отсидел свой срок. К тому же мне нет дела до чужих проблем.

– Да он хуже, чем убийца! Погибло наше дитя. Навсегда рана на сердце осталась. Но мы один раз похоронили его. А твой дружок изнасиловал малолетнюю девочку, и она сошла с ума. Мы один раз схоронили, а ее родители каждый раз по-новому переживают это убийство. Скажи, кто твой друг... Ты и держишь его для этого при себе. Я же слышала, как он предлагал ударить беременную Вику, чтобы у нее случился выкидыш или родился мертвый ребенок.

– Это правда, Резо? – схватилась за сердце Светлана Викторовна.

– Мама, да мало ли кто чего скажет. Я лично никого не собираюсь убивать.

– Конечно, лично сам ты никого убивать не будешь, – поймала его на слове Наталья, – хочешь чистеньким остаться! Уголовничков наймешь. Их руками замочишь. Запомни: сделаешь такое – сам таким же станешь, а я никогда не буду жить с убийцей, как бы ни любила тебя. Возьму свои шмотки и уйду. Ты богатый, привлекательный. Найдешь себе достаточно таких, которые во всем с тобой будут согласны. Но запомни: если убьете этого парня, вам придется убить и меня, потому что я молчать не буду.

Женщина выплеснула весь свой гнев и, разрыдавшись, уткнулась в плечо свекрови.

– Мама, прости меня, что не сдержалась. Не нужно было это говорить при вас, прости, пожалуйста.

– Нет, дочка, не за что тебе извиняться, – встал со стула Александр Вахтангович. – Наоборот, спасибо, что просветила, лучше пусть будет сразу все ясно. – Он подошел к сыну и с силой сжал его плечо. – Как это все понимать, сынок?

Резо скинул руку отца, залпом выпил рюмку водки и выскочил на улицу. Отец отправился за ним. Из окна было видно, что он успел сесть вслед за сыном в машину, которая тут же сорвалась с места. В комнате наступила тягостная тишина.

– Конечно, убивать-то человека не нужно, еще посадят за это, – нарушила молчание Полина Федоровна. – Но отомстить-то как-нибудь надо. Что ж это, убийца будет жить рядом, и молча любоваться им?

– Замолчи, мама, замолчи ты, провокаторша! – закричала Наташа сквозь слезные всхлипы.

– Это я-то? Это так ты родную мать называешь? Расти, воспитывай, а потом вот получай такое за все хорошее. Ну, спасибо, дочка.

– Воспитывай! Да не растила ты и не воспитывала. Сколько я себя помню, бабушка и папа всегда были со мной, а ты порхала, как бабочка. Мамаша.

– Наталья, перестань, – одернула ее Таисия Демидовна.

– А что перестань, баба? Не так, что ли, было, не правда, что ли?

– Ну, спасибо, дочурка, ну, спасибо, дочурка. Ноги моей больше здесь не будет.

«Да катись ты побыстрее, воздух чище будет. Одни только скандалы от тебя», – подумала дочь.

– Пойдем, Ромик, пойдем быстрее отсюда. – Женщина дернула за рукав мужа, опрокидывающего в этот момент в рот очередную стопку водки, отчего тот поперхнулся и закашлялся. Удаляясь от стола, он с сожалением смотрел на недопитую стопку. Но как только Полина Федоровна отпустила его рукав, он метнулся к столу, опорожнил ее, прихватил бутерброд и поспешил к ожидавшей его супруге.

– Спасибо, до свидания, – со стеснительной вежливостью попрощался он, пятясь назад.

– До свидания, – вторила ему жена, – до свидания, Светлана, спасибо вам доехать. Как видишь, я вынуждена уйти. Видишь, что доченька-то вытворяет.

Схватив под мышку Ромика, она с достоинством удалилась.

– Скатертью дорога, – вполголоса благословила ее сестра.

Светлана Викторовна подошла к снохе и прижала ее к себе.

– Успокойся, Наташенька. Все уладится. Иначе я просто прокляну и родного сына. Он же никогда таким не был. По-видимому, просто ослеп, обозлился от горя. Это должно пройти. Если хочешь, я задержусь еще у вас. Саше-то нужно на работу, а я пока свободна. Думаю, сейчас я здесь нужнее.

– Да, я очень хочу, чтобы ты осталась.

– Тогда договорились. Успокойся.

– Разрешите, Владимир Петрович? – Тимохин нерешительно прошел в кабинет начальника следственного отделения и остановился у стола.

– Что, Слава, рапорт на увольнение принес?

– Да. – Вошедший понуро опустил голову.

– Ну, давай его сюда.

Лещев взял рапорт, прочитал его и пристально посмотрел на парня. Ему стало жалко его, жалко выгонять с работы и коверкать жизненные планы молодого человека. Он поскреб пальцем щеку и задумался.

– Владимир Петрович... – нарушил молчание Тимохин.

– Да, слушаю.

– Сегодня утром ко мне домой приезжал Шелковский.

– Кто?

– Ну, бывший замполит из УВД Игорь Станиславович.

– Ах, вон кто. Что это он до рядового милиционера снизошел? И что ему от тебя надо?

– Он сказал, будто знает, что стреляли мы оба и патроны использовали свои, а не те, которые Максим получал в оружейке. Якобы следователь сравнивал гильзы, изъятые в гараже, и в магазине пистолета, и вина наша доказана. Поэтому он предлагал мне написать чистосердечное признание и показать на Максима как на владельца этих боеприпасов.

– Вот оно что... – усмехнулся Лещев. – Но не волнуйся. Он просто пытается взять тебя на испуг.

– Я так и понял.

– Ну и что ты ему ответил?

– Ответил, что стрелял Максим один. Стрелял патронами, которые были у него в обойме. А какие это патроны, понятия не имею.

– Больше он тебя ни о чем не просил?

– Да, он еще обещал заступиться за меня, если будут преследовать «за правду», и хорошо заплатить. А также уверял, что скоро будет начальником УВД и восстановит меня на работе, даже на офицерскую должность назначит.

– Эвон куда замахнулся – на должность начальника управления. Понятна его суета. Ну, тебя пока никто не увольнял, чтобы восстанавливать. А насчет офицерской должности... Как будет соответствующее образование, тогда об этом и можно будет разговаривать. Ладно, большое спасибо за информацию. Но об этом больше никому.

– Понятно и без напоминания.

– Ну раз понятно, тогда можешь быть свободен, но чтобы завтра не опаздывал на работу.

– Куда? На работу?

– Да, на работу. А то сегодня пришлось снимать водителя с патрульной машины. Следствие обслуживать некому. Дошло?

После ухода водителя Лещев позвонил Щипалову.

– Саша, заскочи ко мне, пожалуйста.

В кабинете он поведал начальнику розыска о рассказе Тимохина.

– Вот что, Саша. Ты те патроны, что забрал у нашего стрелка, не уничтожил?

– Все целы.

– Тогда сравни в оружейке маркировку патронов Грекова, и если она не совпадает, то замени на те, которыми стреляли. Если уж мы изменили картину, то должно все быть в соответствии.

– Ясенько, займись сейчас же.

– Да, и еще. Я решил оставить Тимохина. Пусть работает. Не такой уж он плохой парень. Думаю, этот случай послужит ему хорошим уроком.

– Ну и правильно сделал.

Следователь прокуратуры Пластов поднял телефонную трубку.

– Алло, слушаю вас.

– Это Вениамин Константинович?

– Да.

– Вас беспокоит Наталья Лоладзе, мама убитого ребенка.

– Слушаю вас.

– Вениамин Константинович, вы в течение часа будете еще у себя в кабинете?

– Буду.

– Можно мне подойти к вам сейчас?

– Ну, конечно же, пожалуйста, мой кабинет 216.

Наталья не без труда нашла кабинет в старинном здании с запутанными коридорами.

– Вениамин Константинович, мне очень нужно видеть Максима Грекова. Очень нужно.

– Что за спешка такая?

– Понимаете... – Женщина взволнованно объяснила причину несколько необычной просьбы и, закончив, с нетерпением ожидала ответа.

Пластов немного подумал, а затем спросил:

– У вас паспорт с собой?

– Да, с собой.

– Тогда проблем нет.

Длинные сводчатые коридоры следственного изолятора, располагавшегося в здании бывшего монастыря, гулко озвучивали шаги, известная обитателей о приближении людей. Максим за два дня пребывания в тюрьме успел освоить азы азбуки шагов и теперь по цоканью каблучков и частоте звучания определил, что среди идущих двух человек – одна женщина в туфельках. Скорее всего следователь или адвокат.

Пластов провел Наташу до конца длинного коридора, где рядом с небольшим застекленным помещением контролера располагались ком-

наты для проведения следственных действий. Открыв взятым у дежурного ключом одну из них, он пригласил Наталью туда. Женщина скромно присела на боковую скамейку, но Пластов попросил ее пересесть за письменный стол.

Охранник ввел Максима в комнату и удалился. Увидев соседку, мать убитого им ребенка, арестант застыл как вкопанный от неожиданной встречи и широко раскрыл глаза.

– Наташа, ты... вы... – почти шепотом произнес он и замолчал.

Пластов понял, что никаких нежелательных эксцессов здесь не будет, и негромко сказал Наташе:

– Побеседуйте без меня, а я пока удалюсь. Если раньше закончите, позвоните дежурному. Это прямой телефон.

Следователь ушел, а Максим продолжал стоять, не решаясь что-либо спросить.

– Ну что ты молчишь, язык проглотил? – не выдержала женщина.

– О чем говорить? Я не знаю, зачем вы пришли.

– Что говорить, не знаешь. Хоть бы прощения попросил.

– Разве можно простить такое? – Голос Максима звучал глухо и неуверенно.

– Можно ли простить, не знаю. А вот попросить прощения все же необходимо.

Максим больше всего боялся встречи с этой женщиной, боялся взглянуть в ее глаза. Едкий стыд сжимал его сознание.

– Прости хоть чуточку, если сможешь. Я готов на коленях умолять тебя, только что это изменит? По правде, я мечтаю, чтобы меня убили. Сам на себя я не смогу уже руку поднять. И самому позорно, и других подведу, да и родным сделаю еще больнее. – Он замолчал, тяжело вздохнул и продолжил: – Мне страшно представить, что когда-нибудь я освобожусь и буду жить рядом с вашей семьей, встречаться с вами. Не знаю, но мне, наверное, не вынести этого. Если буду жив и Вика согласится остаться со мной, то, скорее всего, буду искать другое жилье или вообще уеду из города.

Идя на встречу, Наталья намеревалась разговаривать как можно тверже, жестче, но как только произнесла первые фразы, почувствовала, что не в силах постоянно поддерживать такой тон. А когда Максим замолчал после своего откровения, сама готова была расплакаться. Она выдержала паузу, чтобы успокоиться, но все же опасалась, что не сможет говорить без слез и всхлипов.

– Не нужно тебе умирать. Тебе есть ради кого жить. Дочка у тебя родилась сегодня ночью. Моя подруга роды принимала.

– Так ведь семь месяцев только... – Максим вторично за последние минуты удивленно расширил глаза и замер в этом положении.

– Ну так что из этого? Такие случаи совсем не редкость. – Наташа тяжело вздохнула, а затем чуть слышно закончила: – Чувствуют они себя нормально.

– Наташа, Наташенька... Ты же должна ненавидеть меня, а ты спасаешь! – Парень схватил ее ладони и прижал к лицу, а затем стал судорожно целовать их, смачивая слезами. Непосвященный, увидев такую сцену вне стен тюрьмы, мог решить, что это пылкий влюбленный, долго добивавшийся сердца подруги, наконец получил добро.

– Пусть живет твоя дочурка, как в песне поется, «за себя и за того парня». Может, мой Сереженька – несостоявшийся жених твоей девочки...

Она замолчала и, резко опустив руку на стол, машинально, не желая того, нажала, почти ударила по кнопке звонка вызова дежурного. Но тут же осознав свои действия, встала и, прислонясь к шершавой холодной стене, стала вытирать мокрое лицо.

– Что-то случилось? – спросил ее вошедший контролер, неодобрительно посмотрев на Максима.

– Нет-нет, все хорошо, все нормально, – сообщила она дежурному, сняв трубку телефона. – Скажите, пожалуйста, следователю Пластову, что мы закончили беседу.

Максим стоял с каким-то растерянным видом, еще не до конца поверив в свалившуюся вдруг на него радость, менявшую весь смысл его существования. «Наташа, Наташенька, я никогда не забуду твоего благородства, – мысленно обращался он к женщине. – Если бы я был верующим, то день и ночь молился бы за тебя».

Наталья немного успокоилась, а при выходе, вспомнив что-то, остановилась.

– Еще, Максим. Пластов разрешил написать письмо родным. Передашь ему, а я потом отнесу.

– Спасибо, Наташа, спасибо, дорогая.

Пластов не мог не оценить и не восхититься поступком этой красивой во всех отношениях молодой женщины, а увидев покрасневшее от слез ее лицо, сам растрогался.

– Вас, может, подвезти? Скажите, куда.

– У вас есть возможность проехать по Первомайской улице?

– Ну конечно же.

– Кафе «Уют» знаете?

– Знаю, знаю.

– Высадите меня там, пожалуйста.

– Хорошо.

Утром, предварительно созвонившись, Белецкий приехал в кафе. Он нашел своего клиента в кабинете. Мрачное, осунувшееся лицо говорило о

психической и физической усталости молодого мужчины. Адвокат уже пожалел, что приехал не вовремя. Он выдержал небольшую паузу, а затем все-таки решился.

– Извините, Резо, может, перенесем встречу на другое время?

– Нет, нет, именно сейчас вы мне и нужны.

– Тогда приступим. Примерно через неделю Пластов будет знакомить нас с материалами дела...

– Давид Ильич, – перебил его Резо, – скажите, сколько я должен вам за помощь?

Адвокат недоуменно посмотрел на говорившего, словно не поняв смысла сказанного. Затем не спеша снял очки, протер их и так же не спеша снова надел.

– Я так понял, что клиент недоволен мною как адвокатом и в моих услугах больше не нуждается. Это так?

– Ну что вы, Давид Ильич, совсем наоборот! Я очень вам благодарен и вашей работой вполне удовлетворен. Более того, вы мне открыли глаза на некоторые явления, которые я или не замечал, или даже не догадывался, что такое может происходить.

– Тогда что же? Вы решили не оспаривать оценку следствием действий виновного? Так получается? Пусть все остается так, как есть?

– Да, именно так. Вы меня правильно поняли.

– Тогда я весьма доволен этим здравым решением. Надо иметь мужество, чтобы перешагнуть через эту боль и обиду.

– Вы не ответили на мой вопрос, Давид Ильич. Сколько я вам должен?

– Ну что вы, Резо, какие деньги? Ведь договор-то мы с вами так и не заключили. Да и времени на вас я совсем немного потратил.

– Нет, мне так неудобно.

– Хорошо, компенсируйте мне издержки на бензин. Где-то литров 10–15 я израсходовал, работая на вас.

– Давид Ильич, можно задать вам еще вопрос?

– Да, пожалуйста. Он еще разрешения спрашивает!

– Вы знаете подробности смерти мужчины в медвытрезвителе три месяца назад? Что там было? Убийство?

– Да бросьте, там криминалом и не пахло. Обыкновенная расхлябанность работников. Подобрали пьяного с травмой головы. Не осмотрели как следует и, следовательно, не зафиксировали телесные повреждения и не оказали медицинскую помощь. А человек от этих повреждений скончался. Конечно, эти действия сотрудников также на грани криминала. И статья соответствующая есть, но умысла в неоказании помощи здесь, конечно же, не усматривается. Молва преподнесла эту весть как убийство, совершенное распоясавшейся милицией, а отсутствие привлекаемых к уголовной ответственности – как выгоражи-

вание преступников. Я не склонен оправдывать кого-либо, просто констатирую факт как он есть.

– Тогда мне окончательно понятно, что к чему.

– Я понял, что вы имеете в виду. И мой вам совет: держитесь подальше от этого Шелковского. Он – существо без совести и однажды так подставит, что не выкарабкаетесь. Вы не смотрели вчерашние областные новости?

– Нет, но мне сегодня рассказали.

– Тогда, надеюсь, комментарии излишни.

– Давид Ильич, если у меня возникнет необходимость, я смогу рассчитывать на вас?

– Ну какой разговор, Резо! Безусловно. Во-первых, это мой хлеб, а во-вторых, всегда буду рад помочь именно вам. Ну что, до свидания. Держись, парень!

Минут через пятнадцать в кабинете появился Шелковский.

– Мне сказали, что ты искал меня.

– Игорь Станиславович, я прошу вас и требую не затрагивать факт смерти моего сына на ваших политических мероприятиях. Он ни в чем не провинился ни перед вами, ни перед кем-либо другим. И, пожалуйста, прекратите свое расследование по моей проблеме. Мне это не нужно.

– Не понял. Ведь ты же сам хотел изменить статью уголовного дела и собирался выступить на митинге.

– Не скрою, я хотел, чтобы убийца получил больший срок, да и сейчас желаю этого. Пускай будет все так, как оно есть. Во всяком случае, это по закону, хотя и далеко не справедливо. Я уже отказался от услуг адвоката. А что до вашего митинга, то ни сном ни духом я не собирался в нем участвовать. Но если вы все-таки будете продолжать спекулировать на моей трагедии, то адвокат мне снова потребуется, а для чего – вы сами отлично понимаете. Меня оскорбляет ваша возня.

– Ах, вот оно что... Ну-ну. Давай-давай. Только не ошибись, парень, сжигая мосты. Ну-ну. Давай-давай.

– Это что, угроза, Игорь Станиславович?

– Понимай как хочешь.

Шелковский вскочил со стула и выскочил из кабинета, едва не сбив с ног входившую Наталью.

– Что это он как ошпаренный от тебя выскочил?

– Да так. Кажется, ему не понравилось здесь что-то. А ты откуда? Из дома?

– Нет, не из дома. Не хотела говорить тебе откуда, но сейчас решила рассказать. Надеюсь, поймешь.

– Пойму, обязательно пойму.

ВАЛЕНТИНА

Повесть

Валентина с вялой улыбкой мельком взглянула на себя в зеркало и, устало поправив прядь волос, стала переодеваться. «Ох, наконец-то закончилась эта смена», – облегченно вздохнула она. Рабочий день затянулся более чем на два часа. Уже в конце дежурства скорая помощь доставила в больницу четырех пострадавших в автомобильной аварии. Поэтому Валиной бригаде пришлось задержаться, чтобы помочь сменщикам сделать срочные операции. Когда она спустилась в холл, там ее уже ждали хирург и вторая медсестра.

– Ну что, Валюша, пойдем вместе до троллейбуса, а там – по разным направлениям, – предложил хирург. – Я сегодня без машины, она в ремонте. Подвезти, как сама понимаешь, не смогу. Зато вместе веселее.

Валя представила, что в этом случае ей придется идти в противоположном от дома направлении, а потом еще делать пересадку на транспорте. Зато по привычному для нее маршруту, напрямик, через десять минут ускоренной ходьбы спокойно дойдешь до остановки прямого автобуса. Поэтому она решительно отказалась от предложения.

– Нет, Игорь, вы уж идите с Викой без меня. Мне тут прямиком несколько минут прогуляться по свежему воздуху через кладбище, и я почти дома. Устала я сегодня и хочу поскорее в люлю.

– Слушай, Валька, как ты не боишься в темень ходить одна через кладбище? Я бы, наверное, умерла со страха.

– Надеюсь, Викуля, мертвецы меня не тронут, а живые в это время должны уже все дома быть. Пока, ребята!

Идти предстояло через старое Покровское кладбище, хоронить на котором перестали, наверное, еще до войны. Заросшее высокими деревьями и кустарником, оно больше воспринималось как лесопарк, чем место погребения усопших. Через его территорию от больницы, где работала Валя, была проложена освещенная асфальтированная дорожка, выходящая как раз к автобусной остановке. Это было очень удобно для нее. Если позволяло время, она с интересом прохаживалась мимо старинных надгробных плит, вникая в выбитые на них надписи и даты. Какой-то несуетливый покой овладевал ею в эти минуты. Становилось немного грустно, но зато легко думалось и дышалось. Она внутренне

успокаивалась и даже расслаблялась. И все терзающие ее беспокойства и заботы покорно уходили в тень, смиряясь со своей временной несущественностью.

Сейчас же было совсем не до прогулок. Женщина, перекинув через плечо сумочку, быстрым шагом двигалась к автобусной остановке. Разогретая за день земля отдавала свое тепло, и было даже немного душновато. Стоявшие вдоль дорожки высокие деревья своими кронами, подсвеченными фонарями, почти закрывали небо, и создавалось впечатление, что идешь по крытой галерее.

Человеческая тень появилась, откуда-то сзади, слева. Валя сначала даже не оглянулась и не испугалась – мало ли кто еще кроме нее может проходить здесь. Однако тень догоняла ее.

– Эй, подруга, подожди минуточку. Разговор есть, – услышала она мужской хриловатый голос.

Это уже не на шутку встревожило женщину, и она ускорила шаги. Шаги сзади также ускорились. Сознывая реальную опасность, Валентина побежала что было сил. Мужчина тоже перешел на бег. Валя оглянулась и увидела метрах в четырех от себя бегущего молодого человека. Она попыталась бежать еще быстрее, но правая нога соскочила с асфальта, босоножка каблуком провалилась в рыхлую землю, теряя равновесие, женщина по инерции сделала еще несколько шагов, пока не упала под куст метрах в трех от дорожки. Она попыталась вскочить, полагая, что так ей легче будет оказать сопротивление, но успела только опереться на колено. Преследователь стоял перед ней. Сквозь листья и ветки акации пробивался свет фонаря, и Валя разглядела его. Это был молодой человек, лет 25–28, коренастый, короткая стрижка «ежилом». Одет в клетчатую рубашку, на которой преобладал красный свет. На запястье левой руки она разглядела татуировку в виде какой-то извилистой узкой полоски. Женщина сжалась, внутренне напряглась. Ничего хорошего эта ситуация ей не предвещала. Все же она постаралась собраться с мыслями и зло спросила:

– Что тебе надо?

– Вот это уже начало разговора. – Голос парня звучал мягко, без издевки. – Слушай меня, красавица. Мне не нужны ни твои деньги, ни твоя жизнь. Я не грабитель и не маньяк. Но я шесть лет не был близок с женщиной. Я хочу прижаться к женскому телу. Давай договоримся по-доброму, по-хорошему. Я не причиню тебе боли. Ты же не маленькая девочка, мы понимаем друг друга. Я тебя долго не задержу, и ты скоро пойдешь своей дорогой.

Валя почти пришла в себя и лихорадочно искала выход, чтобы как-то избавиться от парня. Он не был уродом, но никакой мысли о связи с ним она даже не допускала. К тому же сейчас она почувствовала, как

сильно устала за день. Поэтому на возможность спасительного побега, особенно после недавнего «кросса», сил у нее уже практически не было. На чью-то случайную помощь в это время тоже трудно было рассчитывать. Но что-то надо было придумать.

– Я не могу быть сейчас с тобой. Не могу, понимаешь? – тихо произнесла она, чтобы не обозлить парня.

– Это почему же? – так же мягко спросил он.

– Месячные у меня начались.

– Что?..

– Ну, менструация. Я же женщина. Дошло? – Валя хотела оттянуть время и убедить парня, что она якобы не против встречи с ним в будущем. Но он был другого мнения.

– Ничего страшного. Мне надоел петушатник, голубые. Я хочу женщину. Понимаешь, женщину! – Он явно возбуждался и начинал выходить из себя.

«Значит, он педараст, может быть, и вынужденный, но гомосексуалист», – подумала она. Ей стало до того омерзительно это, что даже само прикосновение к такому человеку, а не то что близость с ним, могло вызвать тошноту. Но она понимала и то, что парень от нее не отстанет и деваться ей некуда. Надо что-то решать.

– Подожди немного, я подотрюсь.

Никакой менструации у нее не было, но это все же последняя попытка, чтобы хоть как-то оттянуть время. Она достала из кармана сумочки бинт и оторвала полоску. Парень встал перед нею на колени и ласково положил на плечо руку. Кладя бинт обратно в сумочку, Валя уперлась пальцами в завернутый в такую же бинтовую полоску хирургический скальпель. Она совсем забыла про это. Уже неделю носила она в сумочке два списанных скальпеля, намереваясь передать их брату, делающему из них резак для резьбы по дереву. Что же делать? Нет, намерения нанести им удар незнакомцу у нее не возникло. Наоборот, в тот момент у нее вообще пропала какая-либо мотивация к действиям. Как будто все происходило помимо ее сознания.

Парень между тем медленно приближался лицом к женщине, видимо, для поцелуя.

Скальпель вошел в тело, словно нож в масло, не задев даже ребер. Вале показалось, что через металл кончиками пальцев она ощутила, как вздрогнул от неожиданного удара приготовившийся к ласке самый важный и чувственный человеческий орган – сердце. Парень широко раскрыл глаза, с ужасом и недоумением посмотрел на оцепеневшую женщину и стал медленно заваливаться на правый бок.

– Су-у-ука, ма... – успел прошептать он и затих, свернувшись на земле калачиком.

Увидев это, Валя словно очнулась от какого-то потустороннего забытья. До сознания дошло, что она натворила. Сдержанный крик вырвался из ее груди. Она прикрыла рот рукой, вскочила на ноги и, не замечая ничего перед собой, помчалась на свет оживленной улицы.

Начальник уголовного розыска районного отдела милиции Валерий Горский был в этот вечер ответственным дежурным от руководства. Он проверил несение службы уличными патрульными нарядами, нарядами внутренней милицейской охраны в административных учреждениях и вернулся в отдел. Убедившись, что обстановка спокойная, Горский переоделся в гражданскую одежду и ждал в дежурке машину, чтобы уехать домой.

Молодая женщина вбежала в отдел милиции и растерянно остановилась у застекленного проема дежурной комнаты. Ее взволнованный вид и заплаканное лицо говорили о том, что с ней произошло что-то серьезное.

– Что вы хотели, девушка?

Дежурный по отделу открыл маленькое, как в банковской кассе, оконце. Валя подошла к оконцу и, задыхаясь, сквозь слезы выдавила из себя:

– Я... я... я только что убила человека...

Дежурный вмиг посерьезнел от услышанного и сухо и сдержанно пригласил ее пройти в комнату:

– Пройдите сюда, пожалуйста.

Молодой сержантик – помощник дежурного, не слышавший ответа посетительницы, при виде привлекательной дамочки расцвел в улыбку:

– Девушка, вы, наверное, ко мне?..

– Помолчи, Леша! – одернул его дежурный.

В этот момент зазвонил телефон, и тот взял трубку, а затем, оторвав ее от уха, обратился к Горскому, находившемуся рядом и слышавшему его разговор с женщиной:

– Валерий Сергеевич, опроси, пожалуйста, мне нужно передать сведения в управление, а дежурный опер на выезде.

Начальник уголовного розыска пригласил Валентину к столу в углу помещения. Видя ее состояние, он предложил женщине воды, чтобы та немного пришла в себя, и лишь после этого начал разговор.

– Успокойтесь. И постарайтесь понятно объяснить, что у вас случилось. Где? Когда?

Валя сделала несколько глотков воды, глубоко вдохнула и, стараясь излагать как можно внятнее, все же тихо, сквозь слезы выдавила:

– На Покровском кладбище. Минут 15–20 назад...

– Он что, напал на вас?

– Да, я возвращалась с работы. Он.. он сторожил в кустах, наверное...

– Он пытался ограбить вас?

– Нет.

– Изнасиловать?

– Да.

– Он вам знаком?

– Не... не... нет. В первый раз его видела.

– В каком месте кладбища это случилось?

– Я шла со стороны больницы. Он стал преследовать меня метров через сто после мостика. Потом догнал меня. Я упала. А потом... потом он говорил, что хочет со мной... взял меня рукой... и... я... я ударила его...

– Чем же вы ударили его? Палкой, ножом?

Валентина отрицательно покачала головой.

– Ска... скальпелем. У меня был с собой. Старый, списанный. Мне для брата его дали. Он из дерева вырезает.

Женщина разрыдалась, и Горскому пришлось повторно дать ей попить, чтобы та успокоилась и смогла отвечать на вопросы.

– Возьмите платок, утрите и попробуйте успокоиться. А вы уверены, что он мертв?

– Да, мне кажется, что я... я убила его.

– Как ваша фамилия?

– Дробач Валентина Владимировна.

– Дробач? – переспросил Горский.

– Да.

– Редкая для наших мест фамилия. А Дробач Николай Стефанович к вам имеет какое-либо отношение?

– Это мой дядя. Я несколько лет жила у него, когда папа умер, а мама снова вышла замуж.

– Так-так. Вот оно что. Я когда-то работал с ним на авиамоторном заводе. Он, кстати, и направлял меня на службу в милицию.

Горский сознательно сообщил опрашиваемой об этом знакомстве, чтобы попытаться вывести ее из стрессового состояния и облегчить диалог для более ясного установления обстоятельств происшествия. К тому же это не могло не означать намека на то, что она может рассчитывать как минимум на его сочувственное отношение к ней. Валя подняла глаза на милиционера и тут же медленно опустила голову. Она вспомнила его лицо и вроде бы вспомнила, где и когда встречала этого человека.

– Леша, – обратился Горский к помощнику дежурного, – вызывай на место скорую помощь и патрульный экипаж, а также предупреди труповозов, что могут понадобиться, а то их, как правило, не дождешься.

– Александр Иванович, собирай опергруппу. Позвони судмедэксперту, пусть будет наготове. А кто дежурный следователь в прокуратуре?

– Трофимова Тамара.

– Звони и ей сразу же, пусть ждет нас. А дежурная машина где?

– Да зампредседателя райисполкома Лапшина просила подъехать к ее сестре. Там бывший муж скандал учинил. Что-то поделить не могут. И опер, и участковый там.

– Ну ничего себе! А почему спецназ туда не направили? Срочно вызывай по рации, чтобы и машина, и опер немедленно были здесь. Там и участкового много. По дороге пусть заберут и судмедэксперта, и Трофимову. А наш эксперт где?

– Здесь. Сейчас позову.

– Я поднимусь к себе в кабинет, опрошу девушку там. Как с места происшествия сообщат об обстановке, позвонишь мне.

Валя подробно поведала не только о фактических действиях, но и обо всех своих переживаниях за последний час. Возбудив этим себя, она вновь разрыдалась.

– Я же убила, убила его, понимаете, убила! Я же не девочка и замужем побывала. Перетерпела бы это унижение, хоть и противно, но не надо было убивать. Я не хотела этого. Я сейчас уверена, что больше ничего плохого он мне бы не сделал. – Валя раскрыла правую ладонь. – Знаете, у меня такое ощущение, что здесь, в руке, бьется его сердце.

Горский молча выслушал женщину и, когда она замолкла, стал быстро записывать ее показания, по ходу редактируя их, опуская при этом эмоциональную составляющую ее рассказа. Несколько раз он отрывался от письма для уточнения деталей происшествия.

– Валя, – как-то по-отечески строго обратился он к ней, перейдя на «ты», – прочти это внимательно и постарайся хорошо и подробно запомнить.

Валентина читала написанное и иногда отрицательно покачивала головой или вопросительно поднимала на Горского глаза, словно желая спросить что-то, но, встретив его взгляд, тут же опускала их к тексту. Валерий внимательно следил за ней и оторвался лишь на телефонный звонок. Позвонил дежурный и проинформировал об обнаружении потерпевшего. Тот действительно был мертв. Патрульные милиционеры опознали его. Это ранее судимый за грабежи и хулиганство Старков Эдуард, которого они недавно доставляли в отдел за драку. Горскому тоже была хорошо известна эта личность.

– Валерий Сергеевич, – спросила Валентина, прочитав текст, – но он же не бил меня и даже не угрожал. Он скорее уговаривал, упрасивал.

– И о чем же он тебя упрасивал? – переспросил ее Горский. – Может, сходить с ним в кино или в ресторан?

– Нет, конечно.

– Тогда, дорогая, слушай меня внимательно, поскольку у нас нет времени и я не имею возможности разжевать все нюансы этой ситуации. Запомни следующие моменты. На тебя было совершено нападение. Цель нападения не вызывает сомнения. Преступник применил для реализации своей цели не только угрозы расправиться в случае несогласия, но и непосредственное физическое воздействие. То есть сбил с ног, когда догнал, ударил по лицу и хватал за волосы, когда ты была уже на земле, и наконец пытался повалить на спину, чтобы непосредственно начать насильственный половой акт. Далее: ты воспринимала все эти действия как реально направленные против тебя, и избежать насилия иной возможности у тебя не было. Ты была сильно напугана, практически в шоковом состоянии, и не можешь сказать точно, в какую часть тела вонзилось лезвие скальпеля, поскольку не наносила целенаправленного удара, а лишь держала в руке этот скальпель, когда парень навалился на тебя для насилия. А рассуждения о том, что нападавший был почти ангелом и ты уже почти решилась отдаться ему, чтобы избежать больших неприятностей, оставь для себя и больше никому не высказывай. Все усекла?

– Да, поняла. Только это значит, что если я буду говорить иначе, то могу быть судима за убийство? Но искажение событий – это тоже, как я понимаю, нарушение закона. Значит, фактически я в любом случае преступница?

Валерий тяжело вздохнул и задумчиво улыбнулся.

– Дорогая Валюша, я бы не сказал так однозначно. Во-первых, преступник – это тот человек, которого за его поступок или поступки осудил суд в уголовном порядке. С тобой, надеюсь, такого не произойдет. Во-вторых, в твоей ситуации возникают моменты, которые могут изрядно потрепать тебе нервы вследствие субъективного взгляда на одни и те же события разных лиц, например, следователя. А я не хочу, чтобы эти моменты вдруг возникли. Понимаешь, вы были с преступником с глазу на глаз, без свидетелей. И ты оценила ситуацию именно так. А потом, если ты и только ты сама нравственно считаешь себя в юридическом смысле виновной в смерти насильника, то есть превысила пределы необходимой обороны, то пусть твоя законопослушная совесть будет чиста. Ты не обязана в этом случае говорить «правду и только правду», это разрешенный способ твоей защиты. Ну, это для твоего внутреннего самоуспокоения. А на деле все было так, как изложено на бумаге. Подискутировать на эту тему можно и в другой раз, если возникнет интерес, а сейчас напиши вот здесь: «Мною прочитано, с моих слов записано верно» и подпишись. И еще раз повторяю – все было так, как изложено в объяснении.

После этого разговора Валентина несколько остыла от обостренности первоначальных переживаний, связанных со всем случившимся. Однако осознание того, что вольно или невольно она лишила жизни человека, действовало угнетающе. Она считала себя человеком неверующим, но неосознанная надежда на то, что должна существовать какая-то сила, возможно, божественная, как гарант объективной справедливости, заставила ее перекреститься и украдкой поцеловать крестик, который она носила скорее как дань моде, а не как культовый знак.

Следователь прокуратуры Тамара Трофимова, покуривая сигарету, внимательно читала объяснение. За время изучения документа ни один чувственный оттенок не отразился на ее симпатичном лице. Оно оставалось бесстрастным, как у суровой куклы. Даже движения руки с сигаретой от губ до согнутого в локте прямого угла походили на отлаженный неодушевленный механизм, действующий через строго определенные промежутки времени.

Валя стояла рядом и искоса поглядывала на следователя. Эта женщина своей невозмутимой холодностью производила на нее какое-то давящее воздействие. Ей вдруг стало страшнее, чем на кладбище рядом с насильником. Там она защищала свою честь и, возможно, жизнь и действовала (осознанно или нет) честно, как позволяла обстановка. Здесь же придется, отвечая на вопросы, быть не до конца честной. Ожидать от этой женщины такого же сочувственного отношения, какое проявил к ней Горский, судя по всему, не стоит. Валя заранее испугалась разговора со следователем. Она больше всего опасалась того, что, отвечая на вопросы, растеряется, начнет путаться, отойдет от смысла показаний, изложенных в объяснении, и тем самым может в какой-то мере подвести и своего наставника.

Наконец Трофимова прочитала объяснение и положила его вместе с заявлением о происшествии в папку. Затем так же сухо, без чувственной интонации в голосе, спросила:

- Вы где работаете?
 - Медсестрой в больнице речников.
 - Ну, это я вижу из установочных данных. А специализация у вас какая?
 - Хирургия.
 - И как давно вы работаете по этому профилю?
 - Все десять лет после окончания медицинского училища.
 - Хорошо. Теперь поехали на место, – дала наконец она команду.
- Валю еще больше встревожили эти вопросы. Разве есть разница, какую женщину пытались изнасиловать – медсестру из хирургического

отделения или работницу прокуратуры? Суть преступных действий от этого не меняется. Как в правовом смысле нет никакой разницы в том, кто нанес удар для защиты. Что это? Недоверие к изложенному в объяснении?

Горский тоже поехал на место происшествия, что придавало Валентине уверенности и спокойствия. В уазике он сел рядом с ней на заднем сиденье.

– Не волнуйся, все будет нормально, – шепотом успокоил он ее.

Следователь также несколько разрядила обстановку, напомнив Горскому их общие студенческие отношения.

– Валера, помнишь Колю Прилуцкого?

– Коля-Компот, как же не помнить.

– Неделю назад случайно встретила его в Москве на вокзале. Он живет в Белоруссии, в Витебске. Работает в прокуратуре. Старший следователь. Знаешь, я только позавчера узнала, что Володя Карасев погиб.

– Да, три месяца назад. Мы ездили к нему на похороны в Ярославль.

– Что же меня-то никто не предупредил? До чего обидно. Я бы тоже поехала.

– Я думал, ты знала. Организовывал все Селиванов, а у него были все твои координаты.

Эти воспоминания однокурсников немного ослабили Валину нервозность и вселили надежду на более благосклонное отношение к ней со стороны следователя.

Первым на месте происшествия взялся за дело эксперт-криминалист. Он сфотографировал с нескольких позиций положение трупа на момент обнаружения. Затем труп перевернули на спину, и эксперт зафиксировал его уже в анфас с вонзенным в тело скальпелем.

Освещенное ярким светом автомобильных фар, застывшее в последней предсмертной гримасе лицо убитого выражало и недоумение, и обиду. Какой-то мистический страх овладел Валентиной, когда она подошла к нему. Она вдруг ощутила на себе давящий взгляд его широко раскрытых глаз. Этот взгляд укорял женщину. Его сила, живая сила действовала на нее. И вновь правой ладонью Валя ощутила последний удар умирающего сердца насильника.

«О, Господи, – подумала женщина, – может, душа этого парня витает где-то рядом и терзает меня? О, Господи, прости, прости меня!» Она еще раз украдкой перекрестилась и поцеловала крестик.

За годы работы в хирургическом отделении Валентина не раз и не два наблюдала угасание жизни пациента. А вид и запах человеческой крови, ампутированных и поврежденных конечностей, вырезанных органов, ощущение раздвигающейся под лезвием скальпеля, словно земли

под лемехом плуга, человеческой ткани и даже аллергический скрежет перепиливаемой кости стали для нее обычным профессиональным явлением, вызывающим лишь чувство жалости и сострадания к пациенту, но никак не отвращения и мистического страха. А вот сейчас, отвечая на вопросы следователя и объясняя свои действия во время происшествия, она боялась. Боялась не только и не столько того, что настоящие показания могут не совпасть с теми, что написаны на бумаге, а боялась подходить к трупу убитого – обычному для ее профессии объекту. Ей казалось, что он следит за ней, внимает ее словам и оценивает их. Валентина реально понимала свое состояние. В больнице ею руководят обязанность выполнять свою работу и желание помочь людям, а здесь мучает сознание вины перед еще недавно живым существом – молодым мужчиной, которого она лишила права этого существования среди людей.

Из оцепенения женщину вывел голос Горского. Он сначала громко крикнул водителю патрульной машины, чтобы тот не уезжал еще минут десять, намереваясь уехать вместе с ними домой, а затем попросил Валентину показать примерное место, откуда вышел нападавший.

– Не кори себя понапрасну, – убеждал ее по дороге Горский, – ты поступила единственно правильно в твоём положении.

Он походил с фонариком по месту, которое указала женщина, но ничего относящегося к происшествию не обнаружил.

Когда Валя вернулась, над трупом уже деловито колдовал, не выпуская папиросу изо рта, судебно-медицинский эксперт. Невысокого роста, сухой, морщинистый пожилой мужчина, он сам казался пришельцем из потустороннего мира.

– Так, Тamarочка, записывай. Проникающее ножевое ранение в область левой половины груди...

– Это я и без вас вижу, Георгий Дмитриевич.

– Глубина проникновения, судя по скальпелю и отпечаткам крови, примерно 10–12 сантиметров. Смерть наступила недавно, в районе часа с небольшим. Потерпевший, скорее всего, умер почти мгновенно, не мучаясь. Да, дорогуша, если бы я не знал обстоятельств случившегося, то для себя мог бы сделать вывод, что удар нанес матерый преступник, профессионал, а не милая законопослушная дамочка. Скальпель горизонтально прошел через межреберное пространство прямо в сердце. Даже кость, по-видимому, не задета...

– А здесь, Георгий Дмитриевич, нечему удивляться. Удар нанесла хирургическая медсестра, своего рода тоже профессионал в этом деле.

– Нет, дорогуша, ты не равняй работу скальпелем на хирургическом столе и убийство, пусть даже неосторожное и совсем нежелательное для убивающего. Там – попытка спасти человека, а здесь – совсем другой профессионализм, совсем другая мотивация и психо-

логические последствия. Если, конечно, убийца и врач не совмещены в одном лице.

В этом диалоге Валя уловила предубеждение к ней со стороны следователя. А когда Трофимова попросила ее подойти поближе, нервное состояние усилилось.

– Валентина Владимировна, вы говорите, что убитый навалился на вас всем телом и поэтому напоролся на скальпель, который вы держали в руке.

– Да, это так.

– Однако при таком близком контакте тел на вашей блузке нет следов крови.

Валентина растерялась от такой постановки вопроса. «Значит, следователь на самом деле подозревает, что я говорю не совсем так, как было в действительности. Она, наверное, на самом деле думает, что я пытаюсь скрыть поступок, который можно расценить как преступление. И подозрение излагается уже не намеками, а открытым текстом», – промелькнуло в голове у женщины. Она могла бы и с медицинской точки зрения объяснить отсутствие пятен крови на ее одежде, но для этого необходимо успокоиться. Однако растерянность от смысла неожиданно сказанного следователем спровоцировала молчание, что еще больше могло усилить его предубеждение. Валя не находила слов, чтобы начать объяснение.

Но ее выручил судмедэксперт, который, жуя мундштук потухшей папиросы, сипло процедил:

– Ничего удивительного, Тамарочка, в этом нет. Аорта не повреждена. Это видно и по объему кровотечения. А тонкое лезвие инструмента осталось в теле, что тормозило поток крови. Учти также краткосрочность контакта тел, если он вообще был. Так что ничего удивительного, что блузка девушки чиста, в том нет. Вот так-то.

Он как ни в чем не бывало оторвался от трупа, встал на ноги и, чиркнув спичкой, раскурил потухшую папиросу. Зато Трофимова восприняла ответ за опрашиваемую с явным неудовольствием, хотя и промолчала. Это заметил и эксперт. Он подошел к ней и почти шепотом иронично произнес:

– Извини, Тамара, но я не все расслышал и поэтому полагал, что ты спрашиваешь меня.

Следователь ничего не ответила медику и вновь обратилась к Валентине:

– Я хотела уточнить вот какой момент. В милиции дежурному вы сказали, что убили напавшего на вас мужчину, и чуть позже подтвердили свою уверенность в этом. Исходя же из показаний, изложенных в объяснении, вытекает, что вы не могли точно сказать, куда был нанесен удар. Почему тогда такая уверенность в смертельном исходе?

– То, что скальпель попал в область груди с левой стороны, было понятно сразу же. А мне как медику не надо объяснять, что такая рана может быть смертельна.

– Вот именно: вы говорите «может быть смертельна», «в область груди». С одной стороны – предположения, а с другой – уверенность в летальном исходе, – поймала Валентину на словах Трофимова.

Валя хотела рассказать, как почувствовала предсмертный удар сердца потерпевшего, но промолчала, потому что в принципе это догадка на грани мистики. А таким формалистом следователем эти чувственные восприятия будут расценены как плод больного воображения или неуклюжая попытка оправдать свои действия.

Горский, до этого момента молчаливо наблюдавший за сценой осмотра места происшествия, постепенно перераставшей в процедуру проверки и уточнения показаний на месте и допроса подозреваемой, решил вмешаться. Он знал манеру следователя Трофимовой дотошно, въедливо опрашивать всех участников процесса даже в тех случаях, когда наличие состава преступления в действиях условно подозреваемого под сомнением и даже когда имеются все основания в отказе от возбуждения уголовного дела, а не в продолжении дальнейшей проверки. Когда в отделе он инструктировал Валентину, то этот момент просчитал не до конца. Он полагал, что при явных признаках необходимой обороны сокурсница не будет насаждать на нее с уточнением несущественных деталей. Это было упущением опытного юриста. В принципе совсем не обязательно утверждать, что насильник сам напоролся на лезвие. Необходимая оборона сохраняется в случае с Валентиной и при умышленном нанесении ранения нападавшему, ведь предотвратить насилие другой возможности не было. Но в тот момент он опасался, что Валя опять вдруг расчувствуется, начнет корить себя и в какой-то мере оправдывать несостоявшегося насильника. А если она без купюр расскажет о своих словах и действиях до момента нанесения удара скальпелем, то при буквальном рассмотрении ситуации может возникнуть предположение о превышении пределов необходимой обороны. Ведь женщина вроде бы согласилась на половой контакт, успокоила парня, а затем, воспользовавшись его расслабленностью, вдруг передумала и нанесла смертельный удар.

– Тамара, брось терроризировать дамочку, – вмешался он в опрос довольно развязно, каким-то панибратским тоном. – Ей и так тошно. И без слов понятно ее психическое состояние. Женщине, никогда не бывавшей в такой экстремальной ситуации, фактически в шоке, вдруг осознавшей, что нанесла ранение другому человеку в область груди, конечно же, такой удар будет казаться смертельным...

Трофимова вспыхнула, как порох, и не дала Горскому высказаться до конца.

– Уважаемый Валерий Сергеевич! Насколько я понимаю уголовно-процессуальное законодательство, главным действующим лицом на месте совершения преступления является следователь. Именно он руководит всеми процессуальными действиями, и именно ему решать, кого и как опрашивать. Меня интересует мнение конкретного человека по конкретному вопросу, а не разъяснения других людей, даже если они и являются высококлассными специалистами. Я к вам не обращалась за консультацией. Так позвольте выполнить предписанное по закону лично мне, именно мне. – Она обиженно вздохнула, а затем, несколько смягчившись, добавила: – Валера, ты, кажется, собирался ехать домой. Поезжай, пожалуйста. Свою миссию ты выполнил. Большое спасибо. Тебе, по-видимому, утром опять на работу. Иди отдыхать.

Горский предвидел такую реакцию коллеги из прокуратуры, тем более что за период длительного служебного общения ее характер изучил. Но он остался доволен своим провокационным вмешательством в процесс. Ведь главная мысль этого эпизода, которая была предназначена Валентине как руководство к действию, им высказана и услышана. А чтобы немного разрядить обстановку и оправдаться перед Трофимовой, чья профессиональная гордость была задета, подошел к ней, мягко положил руку на ее плечо и негромко извинился:

– Прости, Тамара, на самом деле заработался сегодня. Я не хотел вторгаться в твои прерогативы, как-то машинально выскочило мое мнение.

– Что? Как Шура Балаганов машинально залез в чужой карман? Не уверена что-то в этом. Ну да ладно. Пока, Валера.

Трофимова, получив коалиционное разъяснение обстоятельств убийства от Горского и судмедэксперта, видимо, потеряла интерес к дальнейшей раскрутке Валентины или оставила это дело на потом. Она отошла к машине, где, присев на корточки, при свете фар начала дописывать протокол осмотра места происшествия. Горский, проходя мимо Вали, еще раз подбодрил ее:

– Все будет нормально. Самое страшное позади. Спокойной ночи.

– Валерий Сергеевич, я вам позвоню потом. Можно?

– Да, конечно. Обязательно позвони. И постарайся успокоить себя.

Еще раз – спокойной ночи!

– И вам спокойной ночи. Большое спасибо за все.

– Да не за что, Валюша.

Уже садясь в патрульный жигуленок, Валерий посмотрел в сторону Валентины и помахал ей рукой. Лицо женщины скрывала тень деревьев, но он понял, что она смотрит ему вслед, так как заметил ответное движение рукой.

На следующий день утром Горский уехал в областной центр, где в управлении внутренних дел проводился семинар для руководителей подразделений уголовного розыска. Домой вернулся около восьми часов вечера. Слегка поужинав с бутылкой пива, он упал в кресло к телевизору и без всякого интереса уставился на экран. «Фу, черт! Вроде бы ничего не делал, а устал, словно бревно ворочал. С девяти утра до четырех вечера, – размышляя, вспоминал он прошедший день, – почти не вставать со стула и ничего нового не услышать... Для чего собирались, спрашивается?»

Но вскоре его мысль перескочила на другую тему. «Интересно, вызывала Трофимова Валентину или ограничилась протоколом допроса свидетеля, составленным вчера? Должна была, наверное, вызвать, чтобы расставить хотя бы для себя все точки над «і». До чего нудная дама! Чего она хочет? Довести дело до суда? Для чего? Все равно оно не имеет судебной перспективы. Ей что, других дел мало? Сама же жаловалась, что не успевает разгрести их. Может, хочет показать свой скрупулезный профессионализм? Так в нем и так никто не сомневается. Наверное, все бабы, по разным причинам никогда не заводившие семью, окукливаются в оболочку эгоизма и подозрительности. Надо бы позвонить Вале, выяснить обстановку. А я ведь вспомнил, вспомнил Валюшу. Когда же я ее в последний раз видел? Когда? Да, да, лет пять назад. Я тогда приходил к Николаю Стефановичу, просил выточить пару втулок для крепежа багажника машины. А она была у него и, по-видимому, с мужем. А сейчас, насколько я понял, не замужем. Мда-а... мда-а... – не замужем. А как же я ей позвоню? Ведь домашнего телефона ее я не знаю, если он вообще у нее есть. Может, позвонить дяде? Нет-нет, ни в коем случае. Он, возможно, и не знает про эту историю с племянницей, и не моя обязанность об этом его информировать и, показывая свою осведомленность, расстраивать близких людей. Если Валентина сочтет нужным, сама все расскажет. Можно, конечно, разыскать номер через АТС или больницу, но стоит ли? Не будет ли это выглядеть навязчиво? Впрочем, она сама обещала позвонить мне. Ладно, позвонит или нет, это ее право. Но увидеться, безусловно, надо. Хотя бы для того, чтобы быть уверенным в благоприятном, без дополнительной нервотрепки для нее, исходе этой истории. (Только ли для этого? Мда-а!) Однако психологическую травму Вале в любом случае придется залечивать еще долго-долго».

Горский хотел еще о чем-то порассуждать-помечтать, но нудная усталость уходящего дня сморила его. Позевывая, он выключил телевизор и поплелся к не убираемой несколько дней постели.

Утром, как всегда, примерно за сорок минут до начала оперативки, Валерий Сергеевич был в отделе. Он ознакомился с касающимися его службы материалами. Ничего серьезного за истекшие сутки зарегистри-

ровано не было. Это уже поднимало настроение. В единой книге учета происшествий он обратил внимание на судьбу материала по убийству Старкова. По отметке было видно, что еще вчера он был отправлен в прокуратуру для рассмотрения по подследственности.

Предстоящий день планировался быть не совсем обычным. К этой пятнице сыщики приурочили несколько знаменательных событий. А именно – два дня рождения и два присвоения очередных званий офицерам. Поэтому после обеда в загородную баню, снятую для организации торжеств, Горский распорядился откомандировать троих сотрудников, чтобы протопить ее, приготовить угли к мангалу и вообще подготовить все к банкету. Затем к трем часам должны подкатить остальные, свободные от дежурства и запланированных следственных действий сыщики. Ну а вслед за ними, убедившись, что обстановка в отделе спокойная, к готовому столу и бане приедут Горский, заместитель начальника РОВД по оперативной работе подполковник Цветков и остальные опаздывающие.

Проведя оперативку с сыщиками, Валерий принялся за бумажную работу. Оформляя отчеты, ответы и другую рутину, он не заметил, как прошло время. В кабинет заглянул Цветков.

– Ну ты как, Валера? Готов?

– Да, в принципе готов.

– Тогда собирайся. Я отвезу дам из детской инспекции, заеду на пивзавод за свежим пивком и минут через 25–30 буду здесь.

– Усё понял, шеф.

Разобравшись с бумагами, Валерий взял сумку с банными принадлежностями и вышел из кабинета. По дороге он заглянул в дежурку.

– Александр Иванович, я ушел. Весь ушел, без остатка.

– Где будешь, если что? – спросил дежурный.

– Где? Да нигде. Я умер. Умер до понедельника.

– Ой, не обольщайся. Потребуешься – из могилы откопают. А хотя что я спрашиваю? Желая приятно отдохнуть.

– Спасибо, пока!

Он вышел на улицу. Цветков еще не приехал. Великолепная погода располагала к приятному отдыху. Спускаясь по лестнице главного входа, он заметил вышедшую из тени декоративных кустов девушку. Боже, да это же Валя! Закрутившись, он совсем забыл про нее, ведь перед работой он все-таки намеревался пробить номер ее телефона через АТС.

– Добрый день, Валюша, – как бы извиняясь за свою забывчивость, поздоровался Горский.

– Здравствуйте, Валерий Сергеевич.

– А ты что здесь маскируешься в кустах? Прошла бы в кабинет.

– Я звонила из прокуратуры к вам в кабинет, но никто трубку не брал. Приехала сюда и спросила у дежурного. Он сказал, что вы где-то в доме и должны скоро выйти. Вот я и решила подождать на улице.

– Вообще-то я почти весь день не выходил из кабинета. Но ты, видимо, угадала момент отлучки. Но не в этом дело. Ты давно ждешь?

– Да нет, минут пятнадцать.

– Ну что там, в прокуратуре? Все прошло нормально? Я не стал сегодня интересоваться у Трофимовой твоим вопросом. Это выглядело бы некорректно, что-то вроде давления на следствие. Но в понедельник обязательно навел бы справки.

– Спасибо вам, конечно, большое, но надеюсь, что ваше вмешательство, может, и не потребуется. По правде говоря, я очень боялась идти сегодня в прокуратуру. Мне страшно было встречаться именно с этим следователем. Я и сейчас ее боюсь. Но Тамара Николаевна сегодня ко мне вроде бы и не придиралась. Она спросила меня про работу. Интересовалась, часто ли я хожу этой дорогой через кладбище. Я сказала, что когда светло и хорошая погода, то всегда выбираю этот маршрут. А позавчера не стала обходить по улице Полиграфской и пошла через кладбище, несмотря на темное время, потому что очень устала на работе и хотела скорее быть дома. Спросила она еще про убитого парня, видела ли я его раньше. Потом опять записала мои показания. Я поняла, что свой протокол она писала с вашей бумаги, что ночью вы составляли. Она постоянно заглядывала в нее. Вы, по правде говоря, хотя тоже давали мне тогда ночью прочитать это объяснение, но я ничего из него не запомнила, голова совсем не работала. И если бы вы на кладбище не дублировали вслух его смысл, то не знаю, что я бы говорила следователю. Тамара Николаевна сказала, что у вас практикуется предлагать опрашиваемому собственноручно написать первоначальное объяснение о происшествии, и спросила, предлагали ли это сделать мне. Я сказала, что предлагали, но я в тот момент была не в состоянии изложить что-либо вразумительное на бумаге. У меня и в голове все помутилось, и руки тряслись. Что вообще-то так и было.

– Ну и ладушки. В принципе, или точнее по совести, так оно и должно трактоваться. Главное, что все должно обойтись без дальнейших потрясений для тебя. Постой, постой. А что это у тебя глазки на мокром месте? Ты чего скисла?

– Чему радоваться? Ведь я убила человека. Валерий Сергеевич, он снился мне сегодня... – Она согнула в локте правую руку и разжала ладонь. – Я помню, как бьется его сердце... – И слеза, уже не таясь, заскользила по щеке женщины.

«Этого мне только не хватало», – подумал Горский и украдкой посмотрел назад. Ни машины Цветкова, ни кого-то из коллег рядом не было.

– А ну прекрати немедленно! Хватит истерики! – искренне возмутился он. – Ты что, прыщавая воспитанница института благородных девиц? Хотя в твоём благородстве я нисколько не сомневаюсь.

– Но я убила, убила...

– Хватит, Валентина! Конечно, для каждого нормального человека страшно осознавать, что ты совершил убийство подобного тебе человека. Это все понятно. Но ты осознай и другое. Ты сделала все правильно и законно. И не просто правильно и законно в твоей ситуации, а единственно верно.

– Как это?

– Ты что, сожалешь, что не отдалась ему?

– Да вы что, Валерий Сергеевич! Нет, нет. Смысл не в этом. Да, я была бы унижена, но была бы сохранена жизнь, жизнь. Она же не возобновляется.

– Чья жизнь? Старкова? А других?

– Не понимаю.

– Тогда слушай и не перебивай. Представь, что ты ему уступила. Уступила его «просьбе», если по твоим рассуждениям можно так называть его притязания. Что дальше? Ты думаешь, что, войдя в раж, изголовавшийся кобель не потребовал бы от тебя большего удовлетворения своих страстей, похоти? Я в этом совсем не уверен. Ты что, согласилась бы?

– Нет, нет, конечно...

– Я убежден, что ты не отделалась бы одним неприятным половым сношением. Я неплохо знаю этого парня. Сажал его. Эгоист. Циник, не привыкший сдерживать свои желания. Даже если допустить, что с тобой все обошлось бы, как говорится, малой кровью. Что тогда? Получилось у него один раз. Ты думаешь, он бы остановился? Уверен, что нет. Видимо, постоянной партнерши у него не было, я уж не говорю о любимой женщине. Кто был бы следующей его жертвой – зрелая дама или малолетняя девчушка? А если кто-то из них оказал бы сопротивление? Что было бы с этой женщиной? Не догадываешься? Подумай над этим.

Валентина молча слушала эмоциональные доводы. Видимо, до ее сознания доходило, что все эти чувственно-мистические переживания о содеянном не могут устоять перед логикой закона и справедливости, которую излагал Валерий Горский, и она не должна так корить себя и терзать.

– И еще одно из той же «оперы». Как я понял из твоих слов, Старков сказал тебе, что он гомосексуалист.

– Ну да. Он обмолвился об этом.

– Само по себе сексуальное общение с носителем такого противоположного влечения по меньшей мере брезгливо. А где гарантия, что

он не инфицирован СПИДом или не заражен венерическим заболеванием? Наверное, тебе как медику не нужно объяснять, что такая зараза встречается среди гомиков наиболее часто. Ладно, хватит читать тебе прописные истины. Если ты воспримешь мои слова хотя бы как успокоительную пилюлю, то и это уже неплохо. Пойми, ты своим самобичеванием придаешь нападению насильника какой-то оттенок нравственности, а свою законную защиту ставишь в безнравственное положение. Так получается.

Женщина медленно подняла опущенную голову и посмотрела в глаза Валеры. Его эмоционально возбужденное лицо заметно подурмянилось. Ей показалось, что образ справедливого и сильного законника-защитника, окруженного аурой авторитетной недостижимости, вдруг растворился или отошел в тень на далекий задний план. А на месте того человека-монумента она увидела приятного молодого мужчину, доступного и реального, но с которым ей может быть спокойнее или, во всяком случае, теплее.

– Спасибо тебе... Простите, вам...

– Ну почему же «вам»? – иронично улыбнулся Валерий. – Ведь мы вроде бы старые знакомые. Или я не прав?

– Прав, конечно. Я вас... тебя то есть, тогда... там, в милиции, почти сразу узнала.

– Ну а я, к сожалению, «почти» не сразу узнал. Наверное, с возрастом память притупляется.

– Ну не надо, Валерий Сергеевич, – улыбнулась Валентина, не заметив, как перешла на кокетливый тон. – Какие ваши годы! Между нами не более шести-семи лет.

– О, девушка, да ты мне льстишь. Этой зимой сороковник разменял. Значит, между нами, дочка, уже с десяток годиков разница.

– Ну что вы, то есть ты так беспокоишься? Для такого «папаши» это совсем юный возраст.

– Спасибо, успокоила.

Валя вдруг снова стала серьезной.

– А вообще-то, Валерий Сергеевич, мне было очень страшно. И сейчас страшно. Я всего боялась. И покойника, и следователя, и стыдно было, что говорила неправду, и боялась тебя подвести. И самое страшное – мне не с кем было посоветоваться. Маме и брату мои проблемы неинтересны, они давно отделились от меня. Дядю Колю не хотела расстраивать, у него и так здоровье не идеальное. Подругам попросту стыдно рассказывать, да и разнесут на весь белый свет. Вчера хотела позвонить сюда, но как-то постеснялась отрывать тебя от дел. Сегодня думала, если не увижу тебя, то в церковь схожу, может, полегчает. Хотя никогда не молилась перед иконами.

– Я думаю, хуже бы не было от этого. А что касается меня, то стесняться здесь нечего. Только меня вчера весь день не было в городе. Вернулся поздно. И, по правде, сам хотел разыскать тебя, узнать, как дела, самочувствие.

– На самом деле?

– Да, на самом что ни на есть деле.

– Вы знаете, – перешла она опять на «вы», – мне и сегодня после следователя не полегчало. И мне была очень, очень нужна поддержка. То, что ты говорил про необходимую оборону, для меня не было открытием. Но твоя поддержка и убеждение, что я на самом деле поступила правильно, очень для меня важно, очень. Спасибо тебе за все.

– Ну, брось ты петь эти дифирамбы, я ничего особенного не сделал. Но глядя вчера на тебя, мне было страшновато за твое психическое состояние. Очень рад, что приходишь в себя.

– У меня еще вопрос.

– Ну, спрашивай.

– Если допустить, что я повела бы себя по-другому – поддалась бы отчаянию, жалости, говорила бы то, что при первом разговоре с тобой после убийства... Короче, если бы ты не принял участие в разборке этой ситуации до вхождения в процесс Трофимовой, тогда что, меня могли бы посадить?

– Нет, конечно. Однозначно нет. Любой нормальный адвокат установил бы в твоих действиях наличие необходимой обороны, что исключает привлечение к уголовной ответственности. Но сколько нервов тебе бы это стоило! Понимаешь, дело здесь в том, что я достаточно хорошо знаю старшего следователя прокуратуры Трофимову. Она очень грамотный, высококвалифицированный юрист. Очень добросовестна и щепетильна в работе. Но у нее есть какое-то свое почти убеждение, что в более чем 70 процентах случаев, когда женщины обращаются в милицию об изнасиловании или попытке изнасилования в отношении их, виноваты они сами. По этому ее мнению, они сами или спровоцировали своим поведением на активные действия насильника, или за этими заявлениями скрывается совсем другое. Откуда она взяла этот процент, я не знаю. По-видимому, и ты изначально уже была занесена ею в семьдесят процентов таких заявительниц. Она отчасти права. Сплошь и рядом девушка, женщина идет, не зная, куда, не зная, с кем, или, наоборот, знает, с кем идет, и знает, куда она может попасть. Но даже в тех случаях, когда именно женское, скажем так – провокационное поведение вызвало активные сексуальные домогательства, пусть и не дошедшие до прямого изнасилования, все равно по закону они должны трактоваться как попытки изнасилования. Здесь, исходя и из буквы, и из смысла закона, должно быть согласие. А согласие, по мудрому выражению электри-

ка Мечникова, как ты должна помнить, есть «продукт непротивления сторон». – Валерий едва заметно улыбнулся, процитировав известный персонаж, а затем опять серьезно продолжил: – Если, конечно, в действиях женщины не усматривается свой умысел – сознательно подвести мужчину под это преступление. Вот и в твоих действиях Трофимова пытаются выяснить моменты сознательного обмана насильника. Вдруг ты согласилась на близость с ним, успокоила, расслабила его и, опять же сознательно, убила. Зачем ей это нужно, не знаю. Здесь отдаленно похоже на превышение пределов необходимой обороны, но все равно это правомерный способ защиты. Такая позиция Тамары имеет свои корни. Когда-то ее парня незаконно обвинили в изнасиловании и осудили. А точнее квалифицированно подставили. И суд вынес реальный срок. Когда он вышел на свободу, Тамара уже работала следователем милиции. И то ли разлюбила его, то ли испугалась, что общение с бывшим зэком может помешать ее карьерному росту, но перестала с ним общаться. И, может быть, поэтому ее профессиональная реакция на такие заявления такая сухая, вьедливая и, похоже, с каким-то предубеждением. Так что, милая Валентина Владимировна, ты попала в «нежные ручки» юриста с таким запрограммированным правовым стереотипом. И представь, как она может оценить твои плаксивые рассуждения.

– Валерий, то, что ты говоришь, может, и логично с точки зрения закона, хотя в отношении меня достаточно цинично. Ведь у меня не плаксивые рассуждения. Это мои чувства, моя боль, моя реакция на то, что произошло. Будут меня судить или нет, это все равно останется моей болью.

– Прости, я не хотел тебя обидеть. Я только хочу тебе показать, пусть даже и утрировано, как можно оценить чувственное восприятие события, раскладывая его по полочкам состава преступления. Шла милая молодая дамочка по ночному парку. Вдруг встретила случайного прохожего – тоже молодого мужчину, который хотел у нее что-то спросить. Но женщина испугалась, побежала и вскоре упала. Мужчина как истинный кавалер подошел к ней и мягко и спокойно (это по твоим словам) стал спрашивать ее о чем-то и даже положил руку на плечо (может, хотел помочь). Это объективная сторона состава преступления. Но женщина, не разобравшись, вдруг достала скальпель и ударила им в грудь мужчине. Тот на месте скончался. А поскольку женщина – порядочный законопослушный человек, никогда не совершавшая дурных поступков, то, естественно, была шокирована случившимся и на эмоциях как на духу выложила, что погибший ей ничего плохого не сделал, был с ней обходителен, а она убила его и очень сожалеет об этом. Вот и субъективная сторона при таком раскладе. Что получается? Умышленное убийство или убийство при превышении пределов необходимой

обороны. Ударила ты вполне осознанно, пусть и не разобравшись в ситуации. И нанесла удар целенаправленно, поскольку ты медик и тебе не нужно показывать слабые места человеческого тела. Да, такой вывод и утрирован, и циничен, и до такого у тебя бы не дошло. Но при дотошном рассмотрении твоих чувственных откровений нашим следователем невротрепки у чувственной девушки было бы гораздо больше.

Он замолчал в раздумье, но вскоре женщина негромко спросила:

– Валерий, а ты тоже считаешь, что в семидесяти процентах изнасилований виноваты сами женщины?

– Знаешь, Валюша, вопрос поставлен несколько некорректно. Мы не знаем всего количества совершенных изнасилований. Коже понятно, что предание огласке такого случая для потерпевшей чаще всего нежелательно. Я могу судить только по заявлениям, написанным потерпевшими или их представителями, или по фактам изнасилований, выявленных в процессе оперативных и следственных действий. Их не так много в объеме всех преступлений. Но я обтекаемо-дипломатично осмелюсь предположить, что примерно половины таких случаев можно было бы избежать, если бы женщины вели себя более благоразумно. У тебя, конечно, совсем другая ситуация, и следователь изначально могла бы вести себя существенно мягче.

Наступила небольшая пауза.

– Да, Валерий, чуть не забыла, – словно очнулась Валентина, – вот твой платок. Большое спасибо. Я постирала его.

– Очень жаль, что постирала. Ведь на него капали твои слезы, а это так трогательно.

Женщина кокетливо улыbnулась.

– Мне очень приятно это слышать. Я же впервые услышала от тебя не отеческие или учительские наставления, а что-то похожее на комплимент. Но на платке, к сожалению, оставались не только слезы, но и косметика.

– Почему, к сожалению? Тогда эта трогательность была бы еще более яркой.

Но едва начавшийся сентиментальный диалог неожиданно был прерван, а законный владелец не успел получить свою вещь назад. Подъехала машина Цветкова. Сам Цветков побежал в сторону отдела, а из машины высунулся его водитель, пожилой милиционер Виктор Петрович.

– Сергеич, давай загружайся, там ждут давно.

– Да, сейчас. Одну минуточку.

Валерий хотел еще что-то сказать Вале, но на этот раз его перебил Цветков.

– Ты там долго еще будешь стоять? Забирай девушку и поехали. Все уже готово.

– Вот видишь, нас вместе приглашают на банкет. Мы сегодня в бане звания двум сыщикам обмываем и два дня рождения заодно.

– Валера, – Валя впервые решила назвать Горского без всякой официальности, – вот ты сейчас приглашаешь меня поехать в баню. А если я поеду с вами, то это будет благоразумный женский поступок или он вошел бы в 70 процентов опрометчивых?

– О-о-о, Валюша, я очень, очень, очень рад. Ты уже склонна иронизировать, шутить. Конечно, если ты поедешь, то это будет наиболее благоразумный поступок, во всяком случае, для меня.

– Увы, Валерий Сергеевич, Валера. Но даже на этот благоразумный поступок я пойти не могу. Я попросилась отработать с 20.00, чтобы не оставаться ночью дома одной. Все не могу прийти в себя. Как-нибудь в следующий раз, если пригласишь.

– Ну куда ж я денусь. Обязательно найду повод, чтобы пригласить.

– Впрочем, у меня к тебе есть еще один вопрос. Но, наверное, сейчас некогда?

– Нет уж, говори, раз заинтриговала.

– Вот если бы на моем месте была другая женщина, ты бы так же отнесся к ее проблеме, даже идя, как я понимаю, на нарушение служебной этики? Или это только исключение для племянницы уважаемого тобой человека?

– Интересный вопрос. Так сходу и не ответишь. Хотя почему не ответишь?

– Горский, ну скоро ты? – донеслось из машины.

– Иду, иду. Знаешь что, Валюша, если ты не против, позволь мне ответить на твой вопрос в другое удобное для тебя время.

– Ну конечно. Беги, беги. Тебя ждут, – улынулась она.

Уже садясь в машину, Валерий помахал Вале рукой. В ответ на ветерке заколыхался зажатый женскими пальчиками постиранный носовой платок.

ОПЕРАТИВНАЯ КОМАНДИРОВКА

Повесть

– Так, Быков, а теперь по твоей краже с бетонного завода... – обратился начальник уголовного розыска к оперуполномоченному Быкову на вечерней летучке.

– Я ничего с бетонного завода не крал.

– Слушай и не умничай, а то на неприятности нарвешься. Этот материал в понедельник должен быть в следствии. А сегодня какой день? Помнишь, умник?

– С утра, кажись, четверг был. А вообще-то, Сан Саныч, я материал хоть сейчас передам. Но там необходимо опросить свидетеля, «химика», как его... Изотова, а он в бегах. Без его показаний дело можно считать наполовину темным. Я только минут пятнадцать назад звонил в спецкомендатуру, Изотова нет.

– Не перебивай, лезешь вперед батьки! Я и имею в виду этого «условника». Только он не в бегах, а в законном отпуске, хотя еще вчера был здесь. А ты не удосужился поговорить с ним вовремя. Плохо выясняешь обстановку, паренек. Пока делаю только устное замечание. А по-сему, если не доходит через голову, дойдет через ноги. Поедешь завтра же в Заозёрский район.

– Сан Саныч, так, может, позвонить туда, пусть сам завтра приедет. Время-то еще есть.

– Я сказал, поедешь сам. Начальник спецкомендатуры просил не укорачивать отпуск Изотова. У него там семейные проблемы. Он – парень нормальный и скоро досрочно освобождается. Я думаю, что каких-либо накладок с его допросом быть не должно. Завтра утром в 6.30 садишься на электричку и через час с небольшим прибываешь в Заозёрск. Знаешь такой городок?

– Знать-то знаю, только ни разу не бывал.

– Ничего страшного, не заблудишься, там плутать негде. Это будет твоя первая оперативная командировка. Прямо от вокзала пойдешь по самой широкой улице, Корнеева, по-моему, она называется, через два квартала дойдешь до местного отдела милиции. Это двухэтажное блочное здание. Его, как сказал поэт, не спутаешь ни с чем. Как увидишь на торцевой стене дома надпись большими буквами «Вторичные

ресурсы», знай: это и есть Заозёрский отдел внутренних дел. Интересные там люди. Слова из названия бывшей конторы – «Заозёрское отделение объединения» закрасили, а «вторичные ресурсы» оставили. Как прикол, что ли, или информацию для размышления? А может, краску пропили? Не знаю. А теперь бери ручку и записывай. Капитан Потехин Иван Петрович – это заместитель начальника отдела по оперативной работе. И еще один капитан, Вячеслав Коновалов, отчества не знаю, не кликал по отчеству – это начальник уголовного розыска. Обратись к кому-либо из них. Они оба в курсе. Там тебе определят проводника-аборигена. Скорее всего, местного участкового. Он довезет тебя до деревни или села, не знаю, как правильно, Лискино, где ты и переговоришь с Изотовым. А затем проводник отвезет тебя обратно на вокзал. Возьми с собой бланки объяснения и протокол допроса свидетеля. Одно объяснение пусть напишет собственноручно. Если это объяснение будет подробным и достаточно исчерпывающим, то второго писать не нужно. Если нет, то составишь второе объяснение с его слов сам и перепишешь его на протокол допроса свидетеля. Только дату составления и кто составлял протокол на бланке не ставь. Это потом решим со следователем. И не забудь, что на каждом листе протокола он должен расписаться.

Начальник уголовного розыска Сан Саныч Русаков был немного зануда. Он любил разжевывать подчиненным все до мелочей. Однако нередко его занудные речи, украшенные шутивными нотками, воспринимались сыщиками без напряжения.

– Да, чуть не забыл, – продолжил он. – Вот тебе 5 рублей на питание. Это не командировочные деньги, а с оперативного счета. Потом спишешь. Миша Трусов поможет в оформлении этого отчета. Слышь, Трусов, помоги молодому сотруднику!

– Слышу, Саныч, слышу. Ты ему лучше четвертак «нарисуй». А то парень как пришел к нам в отделение, так еще и не проставлялся.

– Цыц, Трусов. Тебе бы только на халяву выпить. Пей на свои. Может, трезвенником станешь.

– Вот именно – и трезвенником, и язвенником. На нашу-то зарплату.

– А всем остальным еще раз напоминаю: завтра пятница. И чтобы следующие за ней выходные были более приятными, завтра же в девять «нуль-нуль» всем быть на стадионе «Молния» со спортивной формой. Там, как вы знаете, будет проводиться ваш любимый кросс. И не вздумайте сачкануть. Кто не придет, пеняйте на себя. Даже если принесете справку, что вам в этот день делали аборт, будете во время отпуска месить ноябрьскую или мартовскую слякоть, а не греть пузо на пляже или даже собирать грибы. Да и плечики будут дольше отдыхать от до-

полнительных звездочек. Если кто умрет во время кросса на дистанции, то обязательно будет причислен к лику святых как погибший на боевом посту. Ну а мы здесь все спишем, согласно теории Чарльза Дарвина, как естественный отбор. В уголовном розыске должны оставаться сильнейшие. Все усекли?

– Сан Саныч, может, я съезжу в Заозёрск? Я там уже бывал и все знаю.

– Вот и хорошо, что бывал и знаешь. Дай и другим побывать там и познакомиться с местными достопримечательностями. Все, уважаемые сыщики. По дамам! До завтра.

– Оперуполномоченный Быков! – представился Александр начальнику уголовного розыска Заозёрского отдела милиции.

– Здравствуй, здравствуй, молодой человек. Поедешь с Михаилом Сафьяновичем. Он – тамошний участковый. Всех знает и поможет, если будет необходимость.

– Мне помощь нужна только с транспортом, а допросить одного человека не проблема.

– Тогда, я думаю, до обеда управисься. Расписание обратных электричек знаешь?

– Да, я записал.

– Вот и отлично.

Вскоре, предварительно постучавшись, в кабинет вошел низкорослый лейтенантик. Серьезное, как у Бонапарта на поле боя, выражение лица вошедшего резко контрастировало с его моложавостью. Глядя на это личико, пареньку нельзя было дать более 18 лет. А когда Коновалов представил его – «Вот это наш Михаил Сафьянович», Александр не сдержался и украдкой улыбнулся. «Мужичок с ноготок», – невольно подумалось ему. Коновалов, наблюдавший эту сцену и, видимо, ожидавший подобную реакцию Быкова, тоже сдержанно заулыбался. Саша подал участковому руку для знакомства.

– Быков, Саша. Александр, – немного неуверенно представился он.

– Ковалев, – твердо отчеканил «мужичок» в ответ и, выдержав небольшую паузу, так же четко добавил: – Михаил Сафьянович. – А затем, еще через паузу, обратился уже к Коновалову: – Можно ехать, Вячеслав Васильевич?

– Поезжайте, счастливого пути! – протянул капитан в ответ.

Ковалев деловито подошел к мотоциклу, отстегнул брезент с коляски и достал оттуда дерматиновую милицейскую куртку.

– На, надень.

– Тепло же. Не замерзну, наверное, – улыбнулся Быков такой внимательности.

– Не замерзнешь, но замараешься. Дорога пыльная. А свою одежду положи сюда. – Он протянул целлофановый пакет для Сашиной светлой куртки.

Село Лискино располагалось в 30 километрах от города. При выезде из Заозёрска еще километров пять тянулась асфальтовая дорога, а затем асфальт резко оборвался, и трасса превратилась из ровной гладильной доски в доску стиральную. Видимо, городские власти асфальтировали этот пятикилометровый участок, чтобы поскорее выпроводить непрошенных гостей, а те, после того как прокатятся по тряской каменке, не захотели бы больше возвращаться сюда.

– Ну и дорожка у вас! Челюсть отвалится.

– Это хорошо.

«Он, кажется, издевается», – подумал Александр, не понимая логики Ковалева, а затем почти прокричал:

– Ты, что, садист?

– Почему садист?

– Так ты же увидел хорошее в том, что кто-то на этой дороге свою челюсть потеряет.

– Нет, просто городские машины реже наезжают. Природу не гадают.

«Похоже, эта дорога вроде танковых заграждений на Курской дуге», – сделал мысленное заключение Саша, а вслух добавил:

– Михаил, а ты случайно в Гринписе не состоишь?

– Где-где?

– В международном обществе защиты природы.

– Нет. Мне недосуг. Работа, хозяйство.

Деловой окающий говорок участкового, его серьезный официальный вид смешили Быкова. А природа действительно была прекрасна. Особенно он оценил это, когда они съехали с каменки на более гладкую проселочную дорогу. После тряски езда по мягкой, укатанной трассе, скользящей между деревьями, полями и кустарниками, воспринималась, пожалуй, приятнее и комфортнее, нежели по асфальту. И даже потревоженная пыль, озлобленно цеплявшаяся за спину, не досаждала городскому пассажиру мотоцикла.

– Здорово у вас здесь! – позавидовал он вслух, заметив в разрывах леса небесный блеск озера. – И рыбалка, наверное, хорошая. Просто рай земной.

– Чево-о-о?

– Да говорю, почти рай у вас.

– Так приезжай, устраивайся. Поросеночка заведешь.

– Ладно, уговорил. Только поросеночка мне бы вместе со свинаркой. А вообще-то стоит подумать на досуге.

Село встретило приезжих тихо, без восторженных эмоций, можно сказать, даже заспанно. И более того – без всякого желания протирать свои заспанные глаза. Это несколько обидело Сашу. Ведь ему мечталось, что, проезжая по селу, он увидит, как встречные доярки и птичницы будут останавливаться, показывать рукой в его сторону и заинтересованно спрашивать друг у друга: «А кто этот молодой симпатичный, что сидит рядом с нашим участковым? Начальник, наверное?» – и тому подобное. Но, увы. Ничего и близко похожего на торжественную встречу и в помине не было. Даже у магазина почти никто не прореагировал на их появление. Михаил остановил мотоцикл с торцевой стороны длинного бревенчатого строения. В этом здании помимо магазина располагались еще контора потребкооперации с общим кабинетом для кассира и заготовителя-учетчика, а также помещение участкового с комнатой-клеткой для задержанных. Точнее, для задержанного, потому как вдвоем там можно находиться лишь стоя или сидя по очереди.

– Ты пока посиди здесь, отдохни, а я схожу за Изотовым, – по-хозяйски распорядился Ковалев.

– Ты его знаешь?

– А то как же! Десять лет в одном классе учились.

– Может, вместе сходим? Я ведь не устал.

– Не стоит. Приготовь пока бумаги, а я летом.

Прошло минут двадцать – двадцать пять. Ковалев не возвращался. От скуки или от любопытства Саша вышел на крыльцо. У входа в магазин, несмотря на то, что до открытия оставалось еще более получаса, собралась толпа, не менее десяти человек. По устоявшейся деревенской традиции, люди подходили сюда гораздо раньше начала работы этой торговой точки. Побросав самые неотложные дела, иногда с дальних полей и лесных делянок, пешим ходом и на транспорте – от телег, велосипедов и машин до тракторов – подтягивались они к этому месту, словно современные киевляне на майдан или былинные новгородцы на вече. И дело здесь вовсе не в том, что люди опасались, будто кому-то не хватит необходимого товара. Необходимого товара (первой необходимости имеется в виду) завозилось всегда достаточно. Просто людям не хватало живого общения. После закрытия клуба только здесь можно было услышать свежую сплетню или новую версию старой, поймать должника, нанять работника, перемыть чьи-то косточки. И вообще узнать много полезного в первую очередь для женской части жителей и гостей этого большого села. Мужчины же толковали в основном о технике, рыбалке и похмелье.

Вот и сейчас чуть в сторонке от основной толпы, удобно прислонясь к толстым стволам берез, прилегли на травке два тракториста. А на обочине дороги недалеке от них, словно два выдрессированных пса,

терпеливо ожидали возвращения своих хозяев два трактора «Беларусь», перетягиваясь между собой невыключенными двигателями. Они, наверное, как и люди, обсуждали свою избитую тему, кто кого повезет сегодня вечером домой: хозяева – собак или наоборот. Так же чуть в сторонке кудахтали две дачницы-москвички чуть выше среднестатистического возраста. Они хоть и пытались всем своим видом подчеркнуть непричастность к деревенским традициям, но все равно уже были втянуты во всеохватывающую деревенскую рутину.

Неподдельное оживление в эту монотонную обстановку ожидания внес участковый уполномоченный Ковалев Михаил Сафьянович. Он с суровым видом шагал посреди дороги с пистолетом Макарова в опущенной руке. А впереди него плелся, постоянно оглядываясь и возмущенно бормоча что-то, длиннющий, на две головы выше конвоирующего милиционера, Юрка Изотов, на руках которого блестели наручники. Все тут же повернули головы в их сторону, позабыв об основной обязанности на текущий момент – первыми ворваться в открывающийся магазин.

– Сафьяныч, за что ты его арестовал? – спрашивали одни и тут же получали «вразумительный» ответ:

– Не ваше дело!

– Наверное, опять натворил что-то, – догадывались другие и сокрушенно добавляли: – Вроде и парень неплохой, а гляди-ко, что вытворяет.

А куда глядеть, чтобы понять, что этот «неплохой» парень вытворяет, никто пока не знал. И тут многие вспомнили про загадочного молодого человека, еще недавно стоявшего на крыльце заготконторы. Не сумев связать между собой эти два события, любопытные сельяне обратили свои взоры на двух независимо стоявших в сторонке мужчин бальзаковского возраста. Одного из них, лысоватого на голове, но заросшего рыжей щетиной на подбородке и груди, все кликали Партия. Официальное его имя Николай. А эту кличку он получил после того, как убедил односельчан, что был когда-то парторгом в каком-то литейном цехе какого-то крупного завода. По словам Партии, его отстранили от этой должности за то, что «лепил в глаза начальству правду-матку». Конечно, к утверждению об отстранении за «правду-матку» земляки отнеслись с недоверием, поскольку не могла «правда-матка» произвести на белый свет такого сынка-вруна. А вот то, что был некогда парторгом, вполне допускали, поскольку болтать-то он был горазд. Хотя на самом деле на общественном поприще Коля Партия выше насильственно навязанной нагрузки профгруппорга бригады формовщиков в том же литейном цехе не поднимался. Но это обстоятельство его нисколько не смущало.

Вторым «независимо стоявшим» был его друг – корешок Леха Щепкин. Местный шалопай, алкаш и брехун. Каждую весну его обяза-

тельно увольняли «по сокращению» (чаще всего он «сокращался» сам) с очередной работы в областном центре. И все лето в Лискино он, по собственному выражению, «набирался творческих сил для грядущих трудовых свершений». Хотя, по мнению сельчан, он все это время болтался по селу, «как говно в проруби». Так вот эта творческая парочка знала в округе про вся и всех. А если чего и не знала, то все равно могла такое про это наговорить, что и не хочешь да поверишь. Неслучайно именно к этим источникам информации и были направлены пытливые взоры лискинцев и прочего люда в этот интригующий момент.

– Слышь, Партия, пошто Юрку-то так заарестовал участковый, не знаешь? – спросил кто-то из мужиков.

– Пошто-пошто, культура первобытная! Я думал, что все уже знают, – начал, передразнивая спросившего, отвечать Коля Партия и многозначительно замолчал.

– А чё знать-то? Чего, чего было-то?

– Смотри, Леха! Нажрут своей сивухи, а ночью хоть шилом в зад коли, ничего не слышат и не чувствуют.

– Да ну их, темень болотная, – не менее интригующе отозвался Щепкин.

– А что, собственно, на самом деле произошло? – громко и внятно спросила одна из женщин.

– Пальба ночью была. Неужели никто из вас не слышал? В леске на тропке, как в Воскресенское идти... – начал вразумлять «темень» Партия.

Наступила напряженная тишина. Более десятка умов переваривали информацию и соображали, как на нее реагировать. С одной стороны, уж очень интересно и необычно... Может, и в самом деле стреляли. А с другой... Верить этим...

Однако интригующая информация камешком заброшена в омут людского любопытства. И от такого камешка никак не могут не пойти круги.

– Да, да. Что-то такое было. Я слышала. Хлопки какие-то раздавались с той стороны. Я и не придавала сначала этому значения, – нашлась вскоре первая «свидетельница», не пожелавшая оставаться «теменью болотной». И сразу же толпа зашевелилась. Со своими «воспоминаниями» готовы были выступить еще несколько «свидетелей». Чаша весов людских интересов явно склонялась в сторону Партии и Щепкина.

– Да что вы слушаете их? Не знаете, что ли, с кем имеее дело? – вдруг раздался спокойный плотный голос уважаемого человека, фельдшера Ирины Константиновны. – Наплетут с три короба, а вы и уши развесили.

Червь сомнения вновь стал вгрызаться в и без того раздвоенное сознание лискинцев.

Неизвестно, сколько бы они терялись в догадках, если бы на крыльце не появилась продавщица.

– Внимание, граждане! Придется подождать еще минут 15–20, – торжественно доложила она. – Отключился свет. Пока торговать не могу.

– Торгуй без света!

– Не могу без света. Весь товар должна через кассу пропускать. Я позвонила монтеру. Обещал в течение двадцати минут разобраться.

– Наталья! – возмутился один из трактористов. – Это же производ получается. У нас рабочий день как-никак. Каждая минута на счету.

– Я смотрю, ты этим минутам уже счет потерял. Думаешь, высоцешь бутылку бормотухи и работать лучше будешь? Все, товарищи. Откроемся минут через двадцать.

Толпа растревоженно загудела. Где двадцать, там и тридцать минут, подумали многие. У каждого сразу же нашлись неотложные дела, но расхотиться никто не спешил: надо ждать, никуда не денешься.

– Иди-иди! – тыча кулаком в спину, загнал Ковалев бывшего одноклассника в кабинет, где расположился Александр. Ковалев отсутствовал почти час. Идя за Изотовым, он отнесся к выполнению задания со всей ответственностью. Чтобы не упустить «преступника», участковый уполномоченный решил подойти к его дому незаметно и стал пробираться задами, по крапиве. Благо, эти растения, в отличие от милиционера, были, можно сказать, «на высоте» и скрывали его вместе с фуражкой. Ожоги на лице и руках Михаил Сафьяныч великодушно списал на издержки оперативной работы и никакого поощрения за эти мучения, конечно же, требовать не будет.

Но как ни старался он подойти скрытно, его засекла Юркина младшая сестра Настёнка.

– Ты к Юрке, Миша? – поднялась она над капустной грядкой. – Так его дома нет, но скоро должен подойти.

– Тьфу ты, дура! – выругался от неожиданности милиционер.

– Может, передать чего?

– Да нет. Я просто мимо проходил, – залегендировался он.

Ну а раз сказал «мимо», то и пришлось идти дальше так же мимо. А это примерно 500 метров по ивняку и крапиве. Зато к дому Изотовых он подошел с другой стороны никем не замеченный. Замаскировавшись за кустом сирени на бревнышке, он имел возможность просматривать все подходы к дому. Наблюдательный пункт или засада были просто идеальны. Участковый чувствовал себя полностью незаметным для посторонних глаз.

Сон, словно неожиданный удар из-за угла по голове, по-подлому свалил Михаила Сафьяновича. Его спина расслабленно откинулась

на бревенчатую стену дома, а согнутые в коленях ноги предательски распрямились и вылезли из-за куста. Поэтому еще издалека, с дороги, стали видны запыленные хромовые сапоги и часть форменных галифе с лампасами. У любого наблюдавшего эту картину могло сложиться мнение, что милиционер или пал смертью храбрых, или набрался на халяву.

Ковалев очнулся оттого, что его трясли за китель.

– Миха, Миха! Ты ищешь меня, что ли? – дошло до его сознания. Он открыл глаза и увидел склонившегося на нем Изотова Юрку.

– Ах, что? – вскочил милиционер на ноги. – Это ты? – Придя полнотью в себя, он резко выхватил пистолет и наставил на Изотова: – А ну, руки вверх!

– Ты что, с дуба рухнул? Убери утюг-то!

Ковалев сообразил, что это на самом деле лишнее, и сунул пистолет в кобуру. А чтобы оправдать свои действия, он решил применить другую военную хитрость, натренированную в домашних условиях.

– А ну-ко покажи свои руки!

Юрка доверчиво сунул под нос участковому выпачканные в земле ладони, и тотчас его запястья были схвачены наручниками.

– Тебя что, сегодня не похмелили?

– Я не пью.

– Сними сейчас же. Не имеешь права!

– А ты воровать и грабить имеешь право?

– Не воровал я и не грабил никого.

– Из города за тобой приехали, безгрешная душа! А он – не воровал, не грабил. Пошли.

– Никуда я не пойду. Сними наручники, тогда пойду.

– Ах, не пойдешь?! – В руке милиционера вновь появился пистолет.

– Слушай, Мишка, мы же выросли вместе. Сними наручники, не позорь. Никуда я не денусь. Не от чего мне бежать.

– Пошли! Слышал я такие песни.

Вот после такой истории и появился свидетель Юрий Изотов в кабинете у Быкова. Саша уже дремал в жестком кресле, когда два бывших одноклассника вошли в помещение.

– Михаил, ты зачем на парня браслеты-то нацепил? Сними. Ни к чему все это, – сказал он, оценив ситуацию. – Зачем обижать хорошего человека, к тому же свидетеля, а не подозреваемого.

– Ну а я почему знал, что свидетель? Ты же мне не говорил. Думал, вдруг драпанет.

– Придурок! – прошипел Юрка, растирая запястья.

– Слышал, Быков, какой наглец? – взорвался Ковалев. – А за придурка еще ответишь.

– Отвечу, отвечу. Именно за придурков и приходится все время отвечать.

– Перестаньте, парни! – попытался успокоить их Александр. Ему не было никакого резона терять контакт со свидетелем, да и действия коллеги были не только неуклюжими, но и попросту незаконными. – Ты, Юра, извини нас за это недоразуменьце, – демократично оправдывался он за обоих сотрудников милиции.

– Ничего себе недоразуменьце! Протащить через все село в наручниках и под дулом пистолета!

Ковалев стоял растерянный, но все же с оттенком горделивой спеси на мальчишеском серьезном лице. Он явно не знал, как ему поступить, чтобы и не унижить свое мнимое достоинство, и хоть как-то оправдаться перед Изотовым за свой глупый поступок.

– Товарищ лейтенант, моя помощь еще нужна? – наконец сухо, негромко и почему-то официально спросил он Быкова.

– Да нет, Сафьяныч. Надеюсь, без тебя справимся. Как ты считаешь, Юра?

– Откуда мне знать, что вы там задумали.

– Вот только если Юрий будет бить меня в отместку за свое унижение, я свисну, и тогда прибегай на выручку, только без оружия, пожалуйста.

Саша и представить себе не мог, насколько пророческими вскоре окажутся его последние слова.

– Тогда я пойду с мотоциклом покопаюсь, – так же сухо и деловито ответил тот, никак не прореагировав на иронию коллеги.

– Ну, что, Юрий Васильевич Изотов? Ты, наверное, уже догадался, зачем я приехал сюда и пригласил тебя на беседу, – начал допрос Быков.

– Приглашение? Пригласили, чтобы на все село опозорить.

– Ладно, извини еще раз и перестань, как барышня, обижаться.

– А зачем вызвали, я и понятия не имею. Вроде ничего дурного не делал.

– Я знаю, что ты ничего противоправного не совершал. Но меня интересует вот что. – Саша начал разговор, используя официальные юридические термины, полагая, что с таким обращением у него будет больше шансов вызвать парня на полную откровенность. – Вспомни, пожалуйста, твой рабочий день 19 мая. Конец вечерней смены...

– Вон вы о чем... Чего тут вспоминать-то? Все было, как всегда в вечернюю смену. Где-то в 10.10 вечера я принял последнюю машину бетона. Разлил его в формы на линии переемычек. Там было всего три замеса. В общем, сделал все, что положено, и около одиннадцати ночи пошли мыться.

– Юра, технология вашего производства, возможно, меня и заинтересует, если турнут с работы в милиции, а пока я хочу узнать о факте кражи с завода железобетонных изделий, которая произошла именно в это время.

– Никакой кражи я не видел.

– Только не надо мне врать, – начал раздражаться Быков.

– Да и не вру я.

– Конечно, не врешь. Только недоговариваешь. Что за машина привезла последнюю порцию бетона?

– Ну, та же самая – четыре топора.

– Что-что? Не понял.

– Да номер ее 77-77, а вот буквы не помню.

– Кто водитель?

– Проценко Игорь. Так это вы могли и без меня узнать. Все же у диспетчера записано.

– Что шофер делал после разгрузки? Где ты видел потом эту машину?

– Как всегда, разгрузился у нас и поехал к гидранту мыть кузов и машину. Как всегда.

– Дальше?..

– Что дальше?

– Что дальше было? Где после мойки ты видел эту машину?

– Видел, стояла она около металлического ангара, а кто и чего там делал, не знаю, не видел.

– С кем был Проценко?

– Не видел.

– Не видел, не знаю! Да все ты видел, парень, и все знаешь, только не хочешь говорить. Скорее всего, боишься их. Слушай, Юра. Ты пока как свидетель будешь предупрежден об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний. Это, конечно, ты и без меня знаешь. Но если ты подпишешься под заведомым враньем, которое ты намереваешься здесь напести, то не видать тебе условно-досрочного освобождения с «химии» как своих ушей. И скорее всего еще что-нибудь к этому приплюсуется.

– Я говорю то, что знаю.

– А самое-то обидное будет в том, что врать и таиться тебе нет никакого смысла. Преступники сами рассказали, как было дело, преступление фактически раскрыто. Вот слушай. – Саша взял объяснение Проценко и стал зачитывать: – «Я, Хомутов и Пыткин погрузили в мой самосвал около 20 рулонов рубероида, около 20 мешков цемента и две двухметровые бобины целлофановой пленки...» И так далее. А вот здесь, смотри, внизу что написано? «Написано собственноручно», и вот

подпись. Аналогичные показания дали Хомутов и Пыткин. Что тут неясного? И зачем врать, создавать себе лишние проблемы?

– Если и так все ясно, то зачем я тогда понадобился?

Александр понял, что Юрий уже (или еще) колеблется и надо его додавить.

– Парень, не будь таким наивным. Ты же не такой. Правда? Во-первых, мы обязаны опросить всех выявленных свидетелей. Во-вторых, а вдруг они и с тобой чем-то из ворованного поделились, чтобы помалкивал.

– Да ты чево?.. – впервые назвал Быкова на «ты» Юрий, коверкая от возмущения слово.

– Чево-чево, да вот чево! Тебе чево, целлофан на огород не нужен или рубероид на крышу сарая? Ладно, успокойся, я знаю, что такого не было. А врать в любом случае для тебя – себе дороже.

– Я и не вру. Я на самом деле не видел, как выносили груз. Своим делом занимался.

– И людей не видел?

– Видел в кабине, когда мимо проезжали.

– А груз-то хоть видел? Ведь машина проезжала у тебя под носом.

– Видел.

– Во сколько это было?

– Где-то в 23.50.

– Так ты же в это время должен уже быть в душе, если не ехать в общагу.

– Я задержался. Вибратор барахлил.

– Машина тоже задерживалась?

– Нет, Проценко, когда помыл машину, то выехал, наверное, через проходную. А потом, когда еще не было одиннадцати, он с Витьком и Романом заехали сзади. Фамилии их я не знаю. Там сзади ремонтируют трассу и разобран пролет бетонного забора. Они, наверное, не знали, что я еще на площадке, наверное, думали, что уже ушел.

– Ну что, сразу нельзя было это сказать?

Изотов сидел молча, опустив голову. Быков дал ему бланк объяснения.

– Напиши здесь собственноручно все, что сейчас мне рассказал, только поподробнее.

После того как свидетель написал собственноручное объяснение, Александр проделал все бумажные процедуры согласно инструкции начальника уголовного розыска. Зачитывая Изотову отрывки из показаний преступников, он ни словом не обмолвился о том, что те решительно отрицают факт взлома ими склада. Ни слова не сказал и про их утверждение, что они якобы лишь взяли груз, оставленный, по их

выражению, разгильдяями-ремонтниками в траншее на ремонтируемой трассе. Но это уже тактические частности производства дознания. И ему, оперуполномоченному уголовного розыска, за такую тактику не стоит упрекать себя в нечестности, поскольку он не обманывал опрашиваемого, а лишь чего-то (впрочем, как и свидетель) недоговаривал. Главное, что цель допроса достигнута, и преступникам не отвертеться от наказания за содеянное. Саша остался доволен собой. Но ему вдруг стало немного жаль хорошего парня Юрку Изотова, которому еще предстоит оправдываться перед односельчанами за свою мнимую преступную деятельность. Он хотел еще раз извиниться перед Юркой и пообещать ему свое содействие в будущем, если он к нему за этим обратится. Но мысль неожиданно переключила внимание на участкового Ковалева, высветив логическое предложение: а не пора ли позвать его, чтобы он отвез меня на вокзал, ведь дело-то сделано. Как утверждает мудрая древняя поговорка, помяни черта...

Дверь помещения вдруг растворилась настезь, и на пороге предстал Михаил Сафьянович Ковалев. Парни не могли понять, что случилось с бравым участковым уполномоченным, еще недавно высокомерно конвоировавшим через весь населенный пункт «вора и грабителя» Юрия Изотова, настолько необычен был его внешний вид: без кителя, одна лямка подтяжек держалась на плече, а вторая свисала вдоль ноги, из расстегнутой ширинки выглядывали трусы светло-коричневого цвета (слава богу, что ничего больше!). Михаил часто-часто мигал глазами и отрешенно переводил взгляд с опера на свидетеля и наоборот. Что же такого могло произойти, чтобы этот несколько заносчивый, ценящий свой авторитет и следящий за своим внешним видом молодой сотрудник милиции вдруг (именно вдруг) стал таким ужасно растерянным и неопрятным? Закономерно возникло предположение, что его только что за какие-то прегрешения (коих можно придумать сколь угодно) пропустила «сквозь строй» толпа у магазина. Саша сразу сообразил, что из троих присутствующих в помещении людей одному на период выяснения обстоятельств случившегося не положено находиться здесь «по штату», и попросил Изотова выйти, но далеко не уходить.

Повисло недоуменное молчание.

– Что случилось, Михаил? Тебя побили?

Молчаливое отрицание головой.

– Тогда что же?

– Пи... пистолет, – чуть не плача выдавил Сафьянович.

– Что пистолет? Отобрали? Потерял?

– Не-е-ет... Понимаешь... Пошел в туалет. Брюки-то спустил, а кобура не застегнута. Он, пистолет-то, туда и бултых. Я и сообразить не успел...

Александр, услышав такое, не просто засмеялся, а заржал, нисколько не сдерживая себя и не обращая внимания на то, что и без того расстроенного человека это обижает еще больше. Он вспомнил недавно сказанные им в шутку слова о том, что позовет Ковалева в определенный момент, но только без оружия. И вот это все свершилось. «Ну, блин, я – телепат и ясновидящий», – мелькнуло в его мозгу, и он еще громче заржал, через не могу.

– Ну, Михаил Сафьянович, ты – артист из погорелого театра. Нырлял бы вслед за пистолетом. В дырку-то наверняка проскочишь, ты же не гигант.

– Вот ты насмехаешься, а мне какво? Выгонят с работы за утрату оружия. А я учиться хотел поступать осенью. Заочно, в юридический институт. Да и здесь проходу не дадут, насмеяться будут. Что делать-то?

– Во-первых, скворечник свой закрой.

– Что?

– Ширинку, говорю, застегни. А то птичка выпорхнет.

Михаил вяло опустил голову.

– А что, я так и шел?

– Не знаю, шел ты или летел. О сем история умалчивает. А китель-то где у тебя?

– Там.

– Где там? Тоже в яме?

– Нет, я снял его. Он висит в туалете.

– А в нем, наверное, и удостоверение осталось? Если и оно пропадет, то тебя не выгонят, а расстреляют и утопят в том же сортире.

– Да хватит тебе!

– Ладно, пойдем на место происшествия. И без всякой паники. Понял?

– Да.

Юра, выходя из кабинета, оставил дверь немного приоткрытой. Опушенный вид участкового одновременно и заинтересовал, и заинтриговал, и обрадовал его. Парню было очень любопытно узнать, что же такое произошло с его обидчиком. Уяснив причину смятения Ковалева, он тоже не смог удержаться от смеха. В перерывах между приступами хохота он весело рассуждал: значит, есть Боженька на свете и шельму все-таки метит.

Услышав, что милиционеры направляются к двери, Изотов вышел на крыльцо, но на улицу спускаться не стал. Уж очень не хотелось ему объяснять сельчанам, почему на него надевали наручники и вели под дулом пистолета. Проходя мимо него, Быков еще раз повторил:

– Юра, не уходи никуда, пожалуйста, ты еще понадобишься. Хорошо?

– Ладно. Только я здесь постою, покурю. А то на улице из-за этих наручников показываться стыдно.

Он посмотрел на одноклассника, а тот смущенно отвел взгляд в сторону.

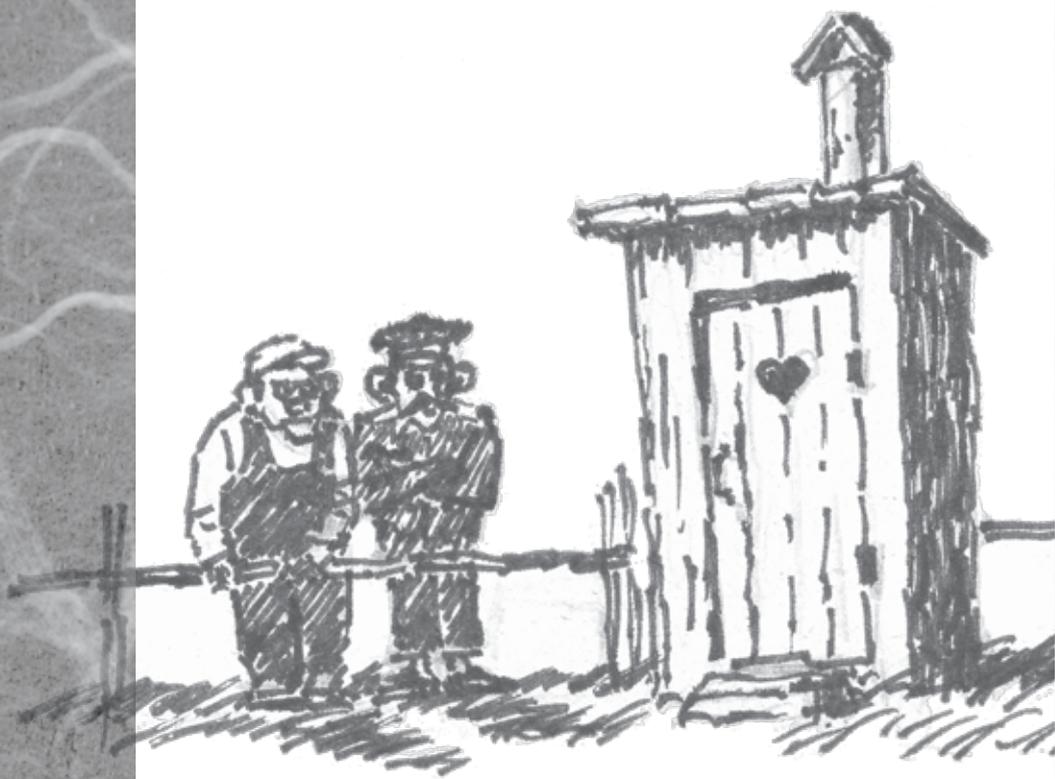
Оценив обстановку в туалете типа сельского сортира (с двумя круглыми амбразурами в настиле) и определив, что поисковые работы нужно производить непосредственно в выгребной яме, милиционеры перешли на тыльную сторону здания. Люди ходили здесь нечасто, и это вселяло надежду, что работы пройдут без посторонних глаз. Ковалев брезгливо открыл сколоченную из деревянных досок прямоугольную крышку ямы. Бетонированная емкость на две трети была заполнена вонючей жижей. Уборной пользовались работники трех расположенных в доме организаций и их клиенты. Кроме того сюда стекала вода из умывальников и посудомойки, выливалась вода после мытья полов. Сюда же нередко выбрасывались и испортившиеся сельхозпродукты, сданные селянами заготовителю. Так что не было ничего удивительного в том, что бассейн был почти заполнен.

Едкий запах ударил в нос, как только приоткрылась крышка. Саша тут же отпрыгнул на несколько шагов назад, а Михаилу пришлось «наслаждаться» ароматом, пока крышка не была зафиксирована в вертикальном положении. Но выполнив эту операцию, он тут же отступил на задние позиции. Встав рядом с Быковым, он растерянно посмотрел на горожанина, словно спрашивая: а что делать дальше?

– Ну и что же мы встали? Вспомни, какие первоначальные действия мы производим на месте происшествия, – начал с ехидцей подталкивать его к активным действиям Александр, взяв на себя роль опытного коллеги-наставника, хотя стаж службы имел гораздо меньший. Участковый брезгливо-нерешительно отмалчивался. – Все правильно, – продолжил «опытный коллега» свои наставления, – мы производим тщательный осмотр места преступления. Подходим непосредственно к объекту и исследуем его. Ты подходи, Миша подходи, не стесняйся, усваивай урок. Тебе же еще в институт поступать. Так вот, нам нужно определить траекторию падения тела в водоем.

Михаил, преодолевая физическую брезгливость и стараясь не реагировать на обидную иронию коллеги, подошел к яме. Рой мух, словно докучливые поклонники, заждавшиеся своего кумира, дружески окружили его. Тем не менее первая победа, победа над собой, была одержана. И вот он внешне невозмутимо, но с какой-то отрешенностью от всего случившегося взирал и обонял вонючую жижу (правда, пока еще боясь открыть рот).

– Ну что? Определил точку погружения архимедова тела в жидкость? – разбудила его очередная поучительная колкость Быкова.

– Да вон, вон там. – Рука участкового милиционера, словно минутная стрелка часов, указала в сторону хранилища биологических отходов человеческой жизнедеятельности.

– Молодец, далеко пойдешь. Очень точно вычислил. Попал как пальцем в оное место.

– Хватит потешаться! Лучше подскажи, как достать, – возмутился наконец Михаил, вновь обретая чувство собственного достоинства, но одновременно понимая, что без этого городского хохмача ему трудно сообразить, что же предпринять дальше.

– Как достать, как достать? Неужели неясно? Ныряй и доставай.

– Да пошел ты!..

– А у тебя есть другой способ?

– Не знаю.

– Скажи лучше, как у вас убирают это добро, когда яма заполняется?

– Так заказывают ассенизаторскую машину в Заозёрске. Но пока ее закажут, пока она придет, меня уже десять раз уволят.

– Обязательно! Да еще посадят, но, может, к этому времени ты уже отсидишь.

– Да перестань ты, наконец! Мне и без того тошнехонько.

– Извини, больше не буду. Знаешь, я читал у Гиляровского, что в до-революционной Москве таким делом занимались специальные работники – золотари. Они вычерпывали это добро черпаками с длинными ручками. А у вас были такие работники?

– Да, дядя Леша Богданов.

– Так давай позовем его.

– Не получится. Он умер два года назад.

– Ну да, оттуда мы еще не научились вытаскивать нужных людей даже на короткое время. Но, может, займемся спиритизмом? Вызовем дух, пусть посоветует.

– Саня, ты же обещал! – Ковалев был на грани слезопролития.

– Не хнычь, а следи за моей мыслью. Человек ушел, но инструмент-то должен остаться. Золотаря-то, наверное, не схоронили, как скифского воина, вместе с оружием.

– А ведь верно. Он инструмент в конюшне оставлял.

Примерно через десять минут участковый притащил ржавое ведро, привинченное через металлический уголок к длинной жердине. Он держал приспособление с такой величавой торжественностью, словно это был не предмет, предназначенный для зачистки ям от дерьма, а по меньшей мере золотое руно, только что завоеванное Ясоном после долгих мытарств. Хотя значение этого предмета для Михаила Сафьяновича было не меньшим, чем золотое руно для Ясона.

– Вот, смотри. Тот самый черпак.

– Так действуй! Флаг тебе в руки.

Ковалев всегда был готов быть знаменосцем, на передовых рубежах, так сказать, но размахивать таким флагом? Вы уж извините. На такое он не подписывался. Но деваться-то некуда. Придется запрягаться. Так у дяди Леши Богданова (царствие ему небесное!) появился достойный продолжатель его дела.

Михаил решил сходить в кабинет за халатом и рукавицами, дабы не осквернить честь офицерского мундира при исполнении столь постыдной работы. Встретив в коридоре Изотова, он вновь почувствовал себя участковым милиционером.

– Ждать и никуда не уходить! – предупредил он прежним официальным тоном.

На улице, чтобы не встречаться с односельчанами, коих у магазина толпилось немало, и не вызывать их ненужное любопытство, он обходил, точнее оббегал здание с другой стороны, делая при этом существенный круг по задворкам. Это обстоятельство говорило о том, что к лейтенанту милиции окончательно вернулись смекалка, присутствие духа и уверенность в дальнейшем продолжении карьеры в органах внутренних дел.

Первые несколько подъёмов оказались «пустой породой». Саша спокойно наблюдал со стороны, как коллега, уже смирившийся с участью золотаря и, по-видимому, привыкший к запаху, внимательно рассматривает выплеснутую на траву гущу. Казалось, ищет он не пистолет Макарова, а золотые песчинки.

Как ни старались конспираторы провести операцию тайно, это им не удалось. Весть об этом событии, подобно куме-сплетнице, разнес тёплый летний ветерок. Еще с утра он сквозил со стороны болота, принося в село запахи лесной заводи и мастерской сельхозтехники. Но когда Ковалев открыл крышку выгребной ямы, он предательски поменял направление движения. Видимо, ему тоже стало любопытно, чем там занимаются уважаемые люди с офицерскими званиями. Подхватив под руки витающие над ямой ароматы, он перенес их через крышу здания к магазинному крыльцу.

Первыми запахи почувствовали вышедшие из магазина дамы-дачницы. Зажав носы, они поспешили поскорее покинуть зону заражения. Местные же жители реагировали на эту воздушно-капельную «химатаку» несколько иначе. Какой дурак в эту пору так обильно и, главное, зачем удобряет землю, возник в их сознании первоначальный профессионально-логический вопрос. Однако прикинув, что в той стороне, откуда дует ветер, нет ни полей, ни огородов, смекнули: что-то здесь не так.

Первым поисково-спасательную экспедицию обнаружил деревенский дурачок Лёля Мильой, как он сам себя называл. Лёле было уже

за тридцать, но по развитию он был на уровне семилетнего ребенка. Засунув в нос палец, он с интересом следил за деятельностью милиционера и, казалось, с превеликим наслаждением вдыхал запахи выгребной ямы. Вслед за ним за магазин приплелся сторож коровника и свинарника Дима Глухой. Дима после травмы головы почти потерял слух и поэтому говорил всегда громко и с каким-то особым акцентом. А его физическое состояние стало его именем собственным, если не фамилией. В свое время он был условно осужден по статье за бродяжничество и тунеядство и направлен на стройки народного хозяйства. На его счастье, такая стройка велась в Лискино, где Дима возводил пекарню и коровник. Почему «на счастье»? Да потому, что после окончания строительства и срока отбытия наказания он остался в селе, где добросовестно следил за скотными дворами. Он не столько охранял колхозное добро (краж за последний десяток лет здесь практически не было), а именно следил. Следил, чтобы не произошло какого-нибудь несчастья в скотниках, в первую очередь пожара, топил печи, выключал свет, вытряхивал пепельницы и т.д. Дима получал небольшую пенсию по инвалидности и зарплату сторожа, что позволяло ему вполне сносно существовать. Правда, в летний период его нередко раскручивали Коля Партия и Леха Щепкин, и денежки быстро уплывали вместе с выпитой бормотухой и самогонкой. Но Дима в любом состоянии не забывал исполнять свои обязанности, а чтобы прокормиться до получек, выполнял различные поручения жителей села.

С особым благоговением он относился к участковому уполномоченному. Если, живя в городе, он за квартал обходил своего участкового (да и вообще любого работника милиции), то здесь готов был оказывать ему услуги аж 24 часа в сутки. Ковалев также не оставался в долгу и относился к Диме с должным уважением. Он подкармливал его в «постные» дни, гонял Леху и Партию, чтобы не трясли его, обещая посадить за грабеж или вымогательство, а нередко и сам похмелял Глухого изъятым самогоном.

Вот и сейчас Михаил, заметив Диму, сразу смекнул: а не переложить ли на его привычные плечи столь непрестижную для офицера милиции работу? Но для этого нужно как-то ввести его в курс дела, причем избежав огласки. Он отвел Глухого в сторону и жестами, голосом, прижав свои губы к его уху, стал объяснять, что нужно делать.

– Понял? – прокричал он, заканчивая инструктаж в самое ухо Димы.

– Да, да. Понэээл. Пистолээт там, понэл, – как обычно, громко ответил тот, распространив на весь белый свет всю конфиденциальность инструктажа.

Между тем недалеко от выгребной ямы стояли уже и другие жители села, и, конечно же, Коля Партия с Лехой Щепкиным. И, конечно же, все

они слышали слова: пистолет там. Таиться уже было невозможно, но и объяснять толпе, что здесь происходит, тоже было нельзя. И работа продолжилась.

Щепкин, чтобы позлить участкового, называл его не Сафьянычем, а Сатинычем. Вот и сейчас, застав своего «лупчего» друга за столь щекотливым занятием, не упустил случая его подковырнуть.

– Сатиныч, как у тебя здорово получается! Будто всю жизнь только этим и занимался.

Михаил, стиснув зубы, водил черпаком по дну ямы и не отвечал на подколы, словно не слыша их.

– Никола, посмотри, какой сосредоточенный наш участковый! – не унимался Щепкин, громко обращаясь к Партии с расчетом на то, что это услышат и другие зрители. – Я его еще ни разу таким серьезным не видел.

– Так надо думать, – так же громко отвечал Партия. – Раз нашел себе занятие по душе, так и относится к делу по-серьезному.

Ковалев вновь сдержался и ничего не ответил, зато Саша, возмущившись такой наглой издевкой, подошел к ним.

– Эй, мужики, попридержите языки, а то можете на неприятность нарваться!

– А ты кто такой? – возмутился Щепкин.

– Не «ты», а «вы». А если желаешь поближе познакомиться, то милости просим, – двусмысленно закончил Быков.

Партия взял Щепкина за рукав:

– Леха, не надо возбуждать. Стой спокойно.

Защитив от насмешек коллегу, Саша пошел в кабинет, чтобы еще переговорить с Изотовым, собрать бумаги и отпустить парня домой.

А к Партии и Щепкину между тем уже стали подтягиваться любопытные, чтобы прояснить ситуацию. Можно было, конечно, обратиться и к самому участковому, но он был настолько серьезен и сосредоточен, да еще с длиннющим черпаком, что подходить к нему было, мягко говоря, страшновато. Да и концентрация ядовитых газов в месте его расположения не располагала. Впрочем, Ковалеву это было только на руку, ведь он просто не нашел бы, что ответить. Но за него отвечали другие авторитеты, фантазия которых гораздо шире лексики милицейского устава.

– Скажите, а что здесь милиция ищет? – поинтересовалась у Щепкина одна из дачниц-москвичек.

– Золото, – не моргнув глазом ляпнул в ответ тот.

– Ну что вы так? Мы же серьезно спрашиваем.

– А мы серьезно и отвечаем, – начал разъяснять Партия, – и золото в том числе. Вы не слышали разве, что в леске какую-то отдыхающую

убили? А когда бандиты убегали, то выбросили сюда все улики. И ее украшения, и пистолет. А парень, что подходил к нам, следовательно из Москвы. Он хотел, чтобы мы были понятыми, но мы отказались.

– Молоденький еще, – с сомнением возразила одна из женщин.

– Молодой, да ранний. Из Москвы дураков для такого расследования не пришлют.

– А Юрка Изотов тоже, что ли, из этой банды?

– Вообще-то да. Только он сам не убивал вроде. Но знает, кто это сделал, и вот показал место, куда все бросили.

– А их поймали хоть иль нет?

– Одного, как мне говорили менты, точно поймали, – продолжал с серьезной миной врать Партия, – а второй с автоматом скрылся. Он, говорят, на станции еще кого-то подстрелил, а сейчас в наших лесах прячется. Сегодня должны армию пустить лес прочесывать.

– Ах, ах, ах! Что творится, что творится! Совсем мир свихнулся, – ужасались женщины.

Если бы знали приятели-разгильдяи, на какую авторитетную высоту поднимают они статус ненавистного им участкового уполномоченного, они бы, наверное, не стали так бесшабашно врать. Выдуманное ими убийство превращало его в глазах людей из презренного золотаря в уважаемого бесстрашного сыщика, который ради раскрытия тяжкого преступления не брезгует никакой работой и держится выше всяких насмешек.

Однако поиски пока не приносили результатов. Михаил уже подумал водить черпаком в густоватой жиже и хотел передать его Диме, как вдруг нащупал в углу ямы какой-то предмет, который мог быть пистолетом. Предмет был в дальнем углу, и Михаилу, чтобы подтащить его черпаком поближе для более удобного подъема, пришлось опуститься на одно колено и немного перегнуться через бетонный борт ямы. Он осторожно толкал предмет черпаком, стараясь упереть его в стенку и попытаться подцепить. Эта тонкая напряженная работа отдаленно напоминала попытку квалифицированного «медвежатника» открыть сейф отмычкой.

Ковалев настолько увлекся своим занятием, что не заметил, как в туалет вошел человек. Он это понял лишь тогда, когда почувствовал, что его словно душем окатило брызгами, срикошетившими от балки в яме. Михаил вскочил на ноги, мысленно выругался и с силой бросил поднятый черпак обратно в яму. Участкового уполномоченного, образно говоря, не раз «обливали помоями», грозились «вывести на чистую воду», но чтобы так, в буквальном смысле, окропить мочой... Такого еще не бывало в его практике. Брошенный им черпак ударился ведром об мутную жижу и поднял кверху грязные брызги. Брызги, если говорить

языком дипломатического протокола, совершили ответный «визит вежливости», приземлившись на свесившуюся в амбразуру туалета задницу. Эта часть человеческого тела принадлежала бойкой продавщице Наталье. Бедная женщина, направляясь опорожниться, никак не могла предположить, что в эту тихую летнюю пору в выгребной яме будет так жутко штормить. И неудивительно, что она, почувствовав прикосновение инородного вещества, вдруг завизжала от неожиданности. А затем через выгребную яму, словно через довоенный динамик, зеваки на улице слышали отборный русский мат, озвученный пронзительным женским меццо-сопрано. Так женщина прокомментировала случившееся, когда провела ладонью по месту контакта тела с неизвестным веществом и поднесла руку к носу.

Но на этом обмен любезностями еще не закончился. Через мгновение за магазином появилась разъяренная работница торговли. Увидев Михаила, обтирающего лицо подолом халата, и поняв, что он и есть ее обидчик, она выплеснула на него весь свой гнев.

– Слушай, околоточный! Ты что это тут вытворяешь? Мало того, что везде свой поганый нос суешь, так и в сортире от тебя не спрячешься! (Какая все-таки высокая оценка деятельности участкового уполномоченного, не правда ли?) Крутишься весь день, как белка в колесе, так и по нужде не сходишь по-нормальному. Мишка, я ведь не посмотрю, что...

– Мишка на базаре семечками торгует, – сердито прервал ее Ковалев, – а здесь – Михаил Сафьянович!

У Натальи то ли исчерпался лексикон, то ли уже выпустился пар, но она развернулась, чтобы уйти, а по ходу вполголоса ответила:

– Подрасти сначала, прыщик гнойный, потом и будешь Сафьяновичем.

Михаил такого сравнения не слышал, зато слышали Щепкин с Партией, которые еще не успели просмеяться, наблюдая за их диалогом.

– Наташа, ты же оскорбляешь представителя власти при исполнении прямых служебных обязанностей. Это ведь статья. Он на тебя снизу любовался, а ты его так жестоко, – съязвил смеясь Щепкин.

– Мы ведь все слышали и можем в свидетели пойти, – вторил другу Партия.

– А вы что, прощельги, раскаркались? Вот придете ко мне и попросите что-нибудь «под запись», я вам тогда засвидетельствую.

Мужики осеклись. А посмотрев на початые бутылки с дешевым вином, взятым, кстати, также в долг у той же продавщицы, поняли, что лягнули лишнее.

– Наташа, мы тебя предупредить хотели. Ты же знаешь, какой он зловредный, – как бы оправдываясь, крикнул ей вслед Леха.

– Я тоже, – ответила им Наталья.

Ковалев передал черпак Диме, а сам в расстроенных чувствах отошел в сторонку, где, присев на обрезок бревна, деловито достал портсигар и, постукав по нему мундштуком папиросы, закурил. Вид у него был по-прежнему сосредоточенно-спокойный. Казалось, ничто в жизни не может вывести Михаила Сафьяновича из себя. Однако для поддержания такого видимого самообладания ему требовалось немалое напряжение воли. Во-первых, усталость брала свое. Чтобы протащить семилитровый черпак по этой болотине, требовались значительные усилия. А такие движения повторялись многократно. Но это еще было полбеды или даже еще меньшая ее часть. Гораздо хуже было то, что Михаил стал сдавать психологически и уже был близок к отчаянию. Насмешливые взгляды и реплики имели в этом смысле для него десятое значение. Он воспитал (или пытался воспитать) себя в том духе, что если убежден в правоте и необходимости дела, то надо выполнить его несмотря ни на что.

Вся беда была в том, что сознание Михаила начало раздваиваться. «Не найдешь ты своего табельного оружия, не найдешь, нет его там, – сверлила мозг гнусная, предательская часть сознания, – если б было, давно бы нашел». – «Ищи, Миша, ищи, ты же не мистик, а здравый человек, сотрудник органов внутренних дел», – вторила в ответ упрямая логика второй половины сознания. – «Ха, ха, ха. Посмотри-ко, и Дима уже выдыхается от бесполезной работы, а пистолетик-то товось – тью-тью. Растворился, как органическая ткань в кислоте». – «Неправда, не слушай ее, парень, ищи, ее слова противоречат законам природы и твоему желанию иметь высшее юридическое образование, ищи».

И участковый милиционер решительно принял сторону продолжения поиска (а что ему еще оставалось, по правде говоря?). На селе участковый милиционер, как правило, является человеком уважаемым, и добровольные помощники у него всегда находятся. Тезка Ковалева кузнец дядя Миша был давним другом его покойного отца. Узнав (по секрету), в чем состоит истинная проблема сына его друга, он быстро сообразил, чем может помочь парню. Вместо ведра он прикрутил к жерди обруч из толстой проволоки, на который натянул сетчатый картофельный мешок. Получилось что-то вроде рыбацкого подсадка. Тралить «водоем» стало намного легче и удобнее. Зато Партия и Щепкин нашли в этом занятии новый повод для насмешек.

– Сатиныч, ты никак в рыбацкую артель вступил? Успешной тебе путины, – начал Леха.

Эту мысль немедленно подхватил его приятель.

– Миша, туда, говорят, Наталья живых карпов выпустила, которых перед этим живыми и проглотила.

– Эта «щучка» кого угодно проглотить может.

Михаил опять не стал отвечать, поскольку появились Быков с Изотовым. Саша подошел к коллеге.

– Слышь, Миха, я тут вспомнил, что каждый, даже самый маленький отдел милиции должен быть укомплектован магнитным подъемником. Чем мучиться и позориться здесь, слетай-ко ты в Заозёрск. Я думаю, быстрее дело станет.

– А ведь это идея. Сашка, ты просто молодец! Я летом, быстро, туда и обратно. Постой, а что я дежурному скажу? Не буду же я ему говорить, что в уборную, засмеют же.

– Боже ты мой! Неужели не найдешь, что дежурному соврать? Ну, скажи, что вещдок, ножик, из неглубокого колодца нужно достать. Парень, которого я допрашивал, выбросил туда.

– Ага, понял. Все, я поехал.

Вот так по логической цепочке развивается техническая мысль человека.

За магазином между тем собралась небольшая толпа, жаждущая узреть какое-то необычное явление. Два собутыльника, словно древние Кирилл и Мефодий, вводили в курс вновь прибывших, открывая им азбуку события. Надо сказать, что они не заикливались на одной только версии об убийствах, а объясняли суть происходящего, отталкиваясь от личностных интересов человека.

Надежде Еремеевне было недосуг собирать сплетни по деревне. Круглый год она была занята своим хозяйством. Весной рынки близлежащих городов встречали ее, покупая рассаду и первую огородную зелень. А глубокой осенью, да и зимой, провожали, раскупив последние овощи и консервированную продукцию того же огорода. В этот производственно-коммерческий оборот был вовлечен не только проживающий с ней супруг, который был прикован к огороду и живности, как каторжник к руднику, но также две дочери с зятьями, живущие в областном центре, перевозившие и продававшие вместе с матерью товар. Даже в магазин она ходила только с целью покупки чего-либо необходимого. Но сейчас она не могла не заметить скопления людей с тыльной стороны здания и после некоторого сомнения пошла туда, где, естественно, не смогла проскочить мимо «просветителей».

– А что там милиция делает? – спросила она, увидев участкового, заводящего мотоцикл.

– Не делает, а оберегает, – начал разъяснительную работу Партия. – Моя милиция бережет не только меня, но и добро, причем не только общегосударственного, но и мирового значения.

Леха наострил уши, силясь понять, куда это его приятель клонит, а огородница, заметив копошившегося в выгребной яме глухого сторожа, звительно спросила:

– Добро-то – это говно, что ли?

– Дура ты, Еремеевна! Закопалась в своих грядках, как жук навозный, и не замечаешь, что происходит в нашем Лискино. А наше Лискино, можно сказать, на мировой уровень выходит.

– Мели Емеля...

– Ты думаешь, в этой выгребной яме наше дерьмо?

– А что же еще-то?

– Там, дорогая Еремеевна, продукт современной биотехнологии. Биологически активная масса – так он по-научному называется. При его применении в агропроизводстве можно получать в нашем климате до трех урожаев в год.

Щепкин уловил, куда клонит дружок, а Еремеевна непритворно расмеялась.

– Ой и насмешил ты меня, Николай! За что ты мне нравишься – врешь складно. У нас такой массы хоть отбавляй, а урожаем дай бог один вырастить.

– А ты зря смеешься, Еремеевна. Темная ты баба. Чтобы быть этой биологически активной массой, недостаточно одного человеческого или животного навоза. Туда в пропорциях добавляют подпортившиеся ягоды, овощи, грибы и всякие другие подпортившиеся фрукты. А этого добра в заготовконторе всегда хватает. Ты думаешь, заготовитель Митрохин их по пьяни квасит? Дудки! Установка свыше такая. Такая там технология. Потом туда добавляют различные катализаторы. Очень дорогостоящие, между прочим.

– Одних фракций конгломерата ой-ё-ёй сколько надо! А дорогостоящие они, – ввернул услышанное где-то технологическое выражение Щепкин.

– Так надо думать: наука, прогресс, – продолжил Партия. – А после этого все разбавляется нашей мочой и дистиллированной водой. Смекни, Еремеевна, зачем заготовители так много воды кипятят.

– Поди грибы обрабатывают. Отколь мне знать?

– Вот в том-то и дело. Отколь тебе знать. Много ли грибов-то сюда приносят? Да отвези их все зараз в Заозёрск на консервный завод – и вся морока. Там мигом обработают. Они здесь воду дистиллированную производят этим кипячением. Вот так-то.

– Еремеевна, вон видишь того парня? – указал на Быкова Щепкин. – Это и есть инженер-изобретатель, что эту массу придумал. Москвич. Молодой еще, а уже кандидат наук. Специально приехал. Сейчас этот цикл заканчивается, и скоро забирать продукт будут.

Еремеевна хотя еще и не верила брехунам, но уже не уходила, как обычно делала, когда не видела для себя никакой полезной перспективы. Это мужики учуяли сразу и продолжили ее обрабатывать.

– Заметь, Надежда Еремеевна, здесь и яму-то из бетона сделали. Зачем она нужна, бетонная, спрашивается? Только лишняя трата денег. Да чтобы жидкость не уходила в землю. Ни одна капля, – продолжал вразумлять женщину Партия. – А по дну специальные кабеля и датчики проложены. Температурный режим и режим концентрации компонентов поддерживают и регулируют. Вот в чем загвоздка.

– Никола, а ты знаешь, куда вся контролирующая и охранная аппаратура выведена?

– Куда?

– К участковому в кабинет.

– Так надо думать.

– Надо. А ты вот не думал и не знал.

– Я догадывался, что так должно быть.

– Ковалев неделю назад забирал меня туда для допроса. Его кто-то позвал, и он отлучился минут на пять, а я и заглянул в его большой железный шкаф. Растяпа закрыть его забыл.

– Да-да, я знаю этот шкаф, думал, там он автоматы хранит.

– Нет там автоматов, я сам убедился. Я створку приоткрыл, а там огоньки разные светятся, глазки на приборах. Зеленые там, красные разные. А аппаратура-то вся японская.

Еремеевна все внимательнее вслушивалась в их диалог, а те, заметив это, продолжали запудривать ей мозги.

– А наш участковый-то парень не промах.

– Ну а ты как думал! Он только с виду такой придурковатый простачок, а на самом деле своего не упустит.

– Нет, не упустит. Знамо дело, никак не упустит.

– Обрати внимание, Еремеевна, – добивал сомнения женщины Партия, – сам к ученому вроде сторожа и технического работника пристроился, деньги неплохие получает, а работает Дима Глухой. Купит ему бормотухи или угостит самогонкой, а тот и рад стараться. Вон, смотри. И сейчас за него плановую перемешку в бассейне делает.

– Ну а сейчас куда, ты думаешь, Сатиныч поехал? – задал вопрос Щепкин и сам же на него стал отвечать: – За флягами, конечно, чтобы биомассой затариться. Ой, пройдоха. Снюхался с ученым и дорогой товар за просто так получает.

– А кто-нибудь пробовал эту... ну как ее... массу? Как она действует? – выразила свой последний аргумент сомнения Надежда Еремеевна, заинтригованная такой рекламой препарата.

Щепкин загадочно улыбнулся на столь наивный вопрос и, нагнувшись к женщине, почти пропел:

– Ты только посмотри, что сейчас кушает Николай. Чем он закусывает.

– Ну, огурец. И что из этого?

– Эх, Еремеевна! Ведь всего лишь месяц назад ты же сама ругала его, что еще ничего на огороде не посадил. А теперь полюбуйся. Уже свои малосольные огурчики употребляет. А ведь он удобрял огурцы еще не совсем выбродившей массой, да и много ее раздобыть не было возможности. Но все равно каков эффект!

– Я бы взяла немного этой массы для пробы. Но к кому мне обратиться и как ею пользоваться?

– К кому обратиться, можно подумать. Подход есть. А вот как ею пользоваться, я из инструкции хорошо помню, – начал разъяснение Партия. – Здесь ничего сложного нет. Берешь 5 литров биомассы и разводишь ее в 200-литровой бочке воды. Вода должна быть мягкой. Лучше дождевая или с речки, отстоянная. Из колодца не пойдет. Там много минералов. Они резко вступают в реакцию. Потом бросаешь туда четыре ложки крупной поваренной соли...

– Пять ложек, пять, – тоном знатока возразил Щепкин.

– Ой, слушай, помолчи лучше! Тоже мне специалист-агроном нашелся, – притворно обиделся Партия.

– Но тот второй москвич, который уехал, про пять ложек говорил.

– Пять ложек – это когда в основе коровий или свиной навоз, а в качестве конгломератных добавок используется обрат молока. И не перебивай, если точно не знаешь. Так на чем я остановился?

– На соли, Коля, на соли.

– Бросаешь соль, размешиваешь и даешь настояться 3 дня. Перед употреблением опять размешиваешь. Каждое ведро получившейся массы можно развести еще в 200 литрах воды. А перед поливом только перемешать в бочке и все. Поливать примерно раз в неделю. Так что этого удобрения тебе хватит надолго. Все поперет, как на дрожжах.

Женщина молчала. Видно было, что ее природная недоверчивость не сломлена до конца. Тогда Коля Партия решил на рискованный ход.

– Еремеевна, ты же в магазин, кажется, собиралась? Вот сейчас пойдешь туда, а по дороге спроси у баб, почему они домой не уходят, толкуются на задворках. Спроси и нам скажешь.

– Ты чего сморозил? – зыкнул на него Леха, когда женщина отошла. – Ведь испортишь все.

– Не учи отца... жить. Я все просчитал.

Вскоре вернулась Надежда Еремеевна.

– Так что ты там узнала? – поинтересовался у нее Партия.

– Да, говорят, стрельба ночью была. Убили здесь кого-то, а здесь оружие и драгоценности какие-то ищут.

– Ну до чего тупой народ! Ни дать ни взять – отара. Ты сама-то хоть ночью шум слышала?

– Нет, все тихо было. Я сплю чутко.

– То-то и оно. Ни одна шавка не твякнула. Хоть теперь-то усекла, как все хитро закручено? Где-то там убили, а здесь ищут драгоценности. Ищут и найти не могут, словно чудище Несси в Лохнесском озере.

– А для чего они так хитрят-то?

– А ты сама посуди. Ведь если наши пронюхают про эту биоактивную массу, то и бетонные стенки ногтями выскребут. На днях, как мне говорили, всю партию массы для эксперимента в Заполярье отправят. Здесь производят, а туда отправляют. Там нужна, а здесь как будто тропики, и не нужна. Где справедливость?

– Да, надо взять попробовать, – решила наконец огородница. – А с кем мне порешить-то это дело, с кем договариваться?

– Ладно, это мы все сейчас обмозгуем. Надо использовать момент, пока зверя участкового нет на месте и пост милицейский не выставили. А ты беги за ведром и, конечно, чем-нибудь за наш труд отблагодари, в двух экземплярах. Товар дефицитный, а работа, сама понимаешь, опасная.

– Конечно, конечно, ребята. Сейчас все будет.

Пока тетка бегала, приятели подозвали к себе Диму Глухого, дали ему отхлебнуть несколько глотков вина, а затем объяснили, что нужно будет набрать в ведро и куда отнести.

– Всю сдэээлаю, – пообещал сторож.

Вскоре прибежала Еремеевна. Она, естественно, пожадничала и принесла не одно, а два ведра, но только одну бутылку самогонки. Ведро оставила чуть в сторонке, чтобы никто ничего не заподозрил, и подошла к приятелям.

– Ну ты и хапуга! – пристыдил ее Партия, увидев два ведра. – Мы же договаривались об одном ведре и двух бутылках, а ты сделала наоборот. И не стыдно?

– Ладно, ладно. Пойдет все нормально – не обижу, – пообещала скуповатая Еремеевна.

«Уже все пошло нормально», – усмехнулся про себя Щепкин, засовывая в карман самогонку.

Когда Дима окольными путями протащил два ведра с дерьмом, «просветители» объяснили любопытным зевакам, что сие значит. Они убедили их, что это уже не говно, а объект криминалистического исследования. Его отправят на экспертизу для установления идентичных биологических частиц на тканях трупа и в жиге. Непонятное для многих объяснение, тем не менее, утвердило их в желании обязательно дождаться окончания поисковых работ.

Участковый уполномоченный милиции возвратился к месту событий, сопровождаемый почти восторженными взглядами сельчан. Наверное,

примерно такие же взгляды сопровождали Гая Юлия Цезаря при триумфальном возвращении в Рим. Но Михаила Сафьяновича триумф ожидал еще впереди. Доставленный им прибор был торжественно извлечен из футляра. По этому поводу Партии и Щепкину пришлось вновь растолковывать зевакам, что за агрегат привез участковый и зачем он здесь понадобился.

– Это, конечно, миноискатель, – уверенно ответил на вопрос Партия.

– А что? Там и мины могут быть? – испуганно спросила одна из женщин.

Но знаток успокоил собравшихся:

– Нет, мины навряд ли. А вот гранаты вполне возможно.

Но даже под страхом разрыва гранаты никто не разошелся.

Ковалев, даже не переодеваясь, лично принялся за работу. Ему было стыдно признаться Быкову, что впервые видит эту технику, но он надеялся разобраться по ходу работы. Первые забросы, как и следовало ожидать, не дали никаких результатов. К поверхности магнита, как к тефлоновой сковородке, ничего не прилипало. Михаил впадал в отчаяние и был готов вслед за пистолетом утопить и эту вещь.

Быков понял причину неудач почти сразу, но пришел на помощь только тогда, когда увидел, что с коллеги слетела спесь самоуверенности. Он тихонько подтолкнул Ковалева локтем и молча показал на рычажок, приводящий прибор в действие. Первый же заброс после этого принес улов – на «большую землю» были доставлены женские шпильки для волос. Вскоре к ним присоединились канцелярские скрепки, ржавый столовый нож, маникюрные ножницы продавщицы Натальи и даже пропавшая год назад связка ключей заготовителя. Но пистолет успешно уходил от облавы.

Разъяренная Еремеевна подбежала к Партии, когда тот наблюдал за работой Ковалева. Пять минут назад в момент заполнения «биомассой» второй чистой бочки, в которую семья собирает дождевую воду, во двор зашла фельдшер Ирина Константиновна. Пришлось ей все рассказать. Степенная, тактичная медичка откровенно рассмеялась, обидев огородину-экспериментатора.

– Надежда Еремеевна, ты, конечно, извини меня, но у меня в медпункте не хуже биоактивная масса есть. И таскать ближе, и я сама тебе за это заплачу. Развели тебя прохиндеи, как ты разводишь это дерьмо в бочке.

Гневу любительницы нескольких урожаев в год не было предела. Она тут же помчалась к магазину.

– Вертай, черт рыжий, бутылку назад! – накинулась она на Партию.

– Какую бутылку? Нет у меня никакой бутылки. А что случилось-то?

Еремеевна вспомнила, что бутылку забрал Щепкин, и перекинулась на него. Она вцепилась в оттопыренный карман его брюк, где самогонка терпеливо ожидала своей участи.

– Отдай мою водку, негодник, брехун поганый! Отдавай немедленно!

– Тебя что, громом шандарахнуло? – с трудом оторвал от брюк ее руку Щепкин. – Да забирай ты свою гадость обратно. Я бы все равно ее пить не стал. Еще пожить хочу.

Еремеевна даже опешила от такой доброты, явно не ожидая столь быстрой победы. У Партии тоже глаза на лоб полезли.

– Ты что, офонарел? Отдать обратно бутылку...

– Только я тебя знаю, – продолжил Щепкин, – ты – баба скандальная. Я-то отдам. Мне не жалко. А ты будешь потом ходить и позорить нас по селу, трепать, что не отдали. Я, конечно, верну, но при свидетелях, чтобы не было никаких претензий. Давай позовем участкового, он человек грамотный, уважаемый, пусть засвидетельствует.

– Эй, Михаил Сафьянович, – уважительно назвал он своего «лупчего друга» правильным отчеством, но вполголоса, заранее зная, что тот не услышит.

– Тьфу ты, бес окаянный! – замахала женщина руками, словно узрела дьявольское видение – Да подавитесь вы этой водкой! Две бочки испоганила. С кем связалась? Ведь знала же! – Она подняла подол передника, чтобы смахнуть слезу горькой обиды или утереть нос.

– Надежда Еремеевна, да объясни ты толком-то, что произошло, – притворно недоумевал Партия. – Какая муха тебя укусила?

– Да пропадите вы пропадом с вашим говном! Захлебнулись бы вы им!

– Ах, вот оно что... Теперь все понятно. Ты кому-то трепанула, а тебе запудрили мозги. Посмотри лучше туда. Посмотри-посмотри, чем ученый с нашим Мишкой занимаются.

Участковый в этот момент держал за тросик тяжелый груз, опущенный в яму, и сосредоточенно водил им, наверное, по самому дну. Затем он осторожно поднял груз (видно было, что это какое-то техническое устройство), опустил его на траву, и они вместе с «ученым» стали внимательно его рассматривать. А вскоре опять опустили устройство в яму.

– Вот этот прибор, – комментировал Партия, – называется ионизатор. Он используется для того, чтобы как можно дольше сохранялись потребительские полезные свойства биомассы и постепенно устранялся дурной запах. Его не только в яму можно опускать, но и в молоко, чтобы не скисалось. А вынимали они его для регулирования параметрой настройки. Дело-то экспериментальное. Вообще впервые опробуется.

– О-о-о-ох... – тяжело вздохнула женщина, не зная, как поступить.

Приятели не могли не заметить ее смятение и вдохновенно продолжили раскрутку.

– Слышь, Леха, сегодня ученый-то в Москву уезжает, а наш Сатиныч провожать его повезет.

– Поддавать наверняка будут.

– Это как закон.

– Слышь, Леха, а сторожить-то, наверное, Глухой будет?

– А кто ж еще-то? Меня или тебя не допустят – к утру ничего не останется. А Дима добросовестный.

– Слышь, когда пить начнем, давай нальем ему. Может, разрешит ночью еще чуток взять. Я хочу с сестрой поделиться. Трое детей у нее все-таки. А с тобой-то я всегда рассчитаюсь. Ты ведь сам-то не сажаешь.

– Ну конечно, Никола. Какой вопрос. Сделаем. Я думаю, Диму-то мы уломаем. Мы же много брать не собираемся.

Еремеевна слушала их и словно плясала на раскаленных углях. Авантюрная жадность ее натуры слепо требовала заключения дьявольской сделки с проходимцами, а практичная экономность сдерживала, умоляя раскрыть пошире глаза. И все-таки жадность взяла верх.

– Ребята, вы уж меня не забудьте. Я вам пару бутылок еще дам. Больше пока нет. Я сама-то сейчас с зятем в город уезжаю, а бочку выставляю во дворе. Пойдем кто-нибудь со мной. И водку возьмете, и покажу, куда сливать.

– Ой, Еремеевна. Под статью ты нас подводишь. Да и тащить далеко.

– Успокойся ты, Никола. Осилим. В баню больше и дальше таскаем. Сходи с Еремеевной.

На Ковалева между тем опять надвигался приступ отчаяния. Попадалось все что угодно, но только не пистолет. «Блин, куда же он мог спрятаться, ведь яма-то небольшая», – сверлила его голову одна и та же судорожная мысль. Быкова тоже этот вопрос возбуждал почти до истерики. Саша мог, конечно, потребовать от коллеги отвезти его на вокзал. Работу свою он выполнил, к тому же сегодня пятница, и хочется пораньше вернуться домой в такой день. Да и вся эта канитель, по правде говоря, ему уже порядком надоела. Но оставить Ковалева в таком отчаянном положении означало бы почти предательство. Совесть не позволит ему так поступить, да и как человек Михаил стал ему чем-то симпатичен. Короче, интрига и совесть держали крепко. Саша еще раз мысленно прочертил траекторию падения предмета и, презрев всякую безгливость, подошел к яме.

– Дай-ко я попробую, – попросил он Михаила.

Саша спустил магнитный подъемник к левому торцу ямы и стал медленно вести его вдоль стенки. Вдруг магнит зацепил какой-то металлический предмет. Но когда он стал подтягивать предмет кверху,

тот оставался на месте, словно его что-то там держало. Вторая попытка также закончилась неудачей. Поисковик с задумчивым видом вытащил подъемник из ямы.

– Ну что там? Чего-то нашел?

– погоди ты. Поддай лучше какую-нибудь длинную палку.

К запаху Быков уже давно принюхался, он уже не вызывал у него первоначального отвращения, поэтому работалось ему у вонючего резервуара почти без неприятных ощущений. На дне ямы у стенки черенком от швабры он нащупал препятствие виде продолговатого бруска. По-видимому, это был остаток опалубки: «Угу, это уже о чем-то говорит». Потом он обнаружил при помощи этой палки зазор между стенкой и опалубкой и попытался просунуть ее туда торцом, но торец палки уперся в какой-то предмет: «Ясно, куда забилась рыбка, вот почему она не вылавливалась. Она зажата там». Он упер конец палки в зажатый предмет и с силой ударил по другому концу. Черенок скользнул вперед вместе с предметом.

– Подъемник! – словно хирург ассистенту, приказал Быков. Вытащить на свет божий (или вызволить из неволи, кому как нравится) табельное оружие участкового уже не составляло проблемы.

– Сашка, друг! – вскрикнул обрадованный Михаил, но, взглянув на зрителей, тут же снизил тон эмоции, а нагнувшись к нему, уже вполголоса пообещал: – Я твой вечный должник.

– Да успокойся ты.

Юрка Изотов по просьбе Быкова принес чистой воды. Ковалев промыл в воде оружие и аккуратно положил (опять же по рекомендации Быкова) в целлофановый пакет (а не в кобур), чтобы потом дома разобрать, промыть в солярке и еще раз протереть. Селяне же были убеждены, что и эту вещь отправляют на экспертизу.

Когда был поднят из ямы пистолет, зрители невольно восхитились.

– Ай да Михаил Сафьянович, какой молодчина!

Но тут же восхищение сменилось тревогой: значит, убийство все-таки было, а сбежавший преступник где-то гуляет. Надо быть осторожнее. Но природный оптимизм вскоре успокоил их. Никуда не денется, все равно поймут, что, как правило, и происходило в те времена. Партия со Щепкиным тоже восхищенно недоумевали:

– Вот так Сатиныч! Bravo! Не такой он, оказывается, и лох.

А чей же это пистолет, кому его приписать? Ведь селянам будет очень интересно, а Сатиныч ни за что не скажет. Значит, что-то надо будет придумать.

Ковалев не догадывался, что обо всем этом происшествии у выгребной ямы думают собравшиеся люди. Не ведал он и про то, что любой честный ответ на их вопрос о сути события был бы очень опрометчи-

вым для него. Романтическо-детективная версия рассыпалась бы тогда в единый миг и превратилась бы в заурядное разгильдяйство, а сам Михаил Сафьянович из крутого сыщика в тот же миг превратился бы в непутевого участкового. А врать он не умел. Ему крупно повезло еще раз. На удачно сформулированный и обращенный к нему вопрос «А это оружие преступника?» он коряво, но удачно ответил: «Ничего говорить не можно», чем отсек все дальнейшие расспросы.

На этом можно было бы и закончить рассказ о курьезной истории. Но закончить так тихо и сухо было бы неуважительно к милым героям. Эта история, конечно же, имела некоторое продолжение.

Во-первых, когда поисковая партия в составе Михаила, Александра, Юрия и Дмитрия собиралась уже уходить на речку мыться, вновь появилась продавщица Наталья.

– Эй, приятели, а кто убирать здесь будет? Насрали, так убирайте! – орала она во всю глотку, размахивая руками.

Резкий развязный тон женщины возмутил милиционеров (и не только их), хотя они отлично понимали, что требование ее в принципе справедливое. Ковалев и без нее собирался поручить Диме прибраться немного здесь, но услышав столь грубый наезд, ответил тем же макаром:

– Это территория магазина, ты и уберешь.

– Не буду я за вас убирать!

– Протокол по санитарии составляю, денежки свои заплатишь, по-другому, запоешь. Ты траву-то здесь когда в последний раз косила? Прошлой зимой, наверное. А денежки-то на это выделяются.

Наталья поняла, что пререкаться с участковым бесполезно, аргументов у него все равно найдется поболее – не святая ведь, и догадалась сама обратиться к Диме.

– Все будет сделано, – поняв, что от него требуется и чем расплатятся, согласился тот.

Не мог не иметь продолжения и сюжет с «биоактивной массой».

Распив две из трех бутылок самогонки, «просветители» уснули прямо на огороде у Партии, а когда проснулись, уже смеркалось.

– Слышь, Леха, Еремеевне-то отнести надо, чего обещали.

– Да пошла она! – возразил Щепкин, представив, что через полсела придется тащить по два ведра дерьма. – Она и сама нам потом спасибо скажет, если не сделаем этого.

Но на Партию вдруг напал «работрон». Иначе говоря, то ли похмельное упрямство, то ли суррогат совести откуда-то вылез.

– Кор-роче, – безапелляционно прохрипел он похмельным голосом, – ты как хочешь, но я, если я обещал, то я выполняю. Не пойдешь, один все сделаю.

– Ладно, уговорил. Знаешь, а зачем мы будем таскать от магазина, когда можно и поближе, все равно одна и та же дрянь. Только сначала давай махнем по стопарику.

На дело они пошли, когда почти стемнело, а в бутылке оставалось самогонки только на один разлив. Надев старые халаты и рукавицы-верхонки, они взяли во дворе Еремеевны приготовленные ведра и пошли к туалету правления колхоза, расположенному через дом. Шли мужики, можно сказать, уже на автопилоте, но дело сделали.

Между правлением колхоза и домом Еремеевны стоял дом бывшей заведующей клубом – Анны Сергеевны. Пенсионерка летом жила в Лискино, а на зиму переезжала в город. Уйдя на пенсию, она заразилась британскими газонами, чем-то вроде ландшафтного дизайна. Перед домом женщина посеяла специальные сорта трав и постоянно поливала, удобряла и подкашивала свою лужайку. Ухоженный газон был похож на мягкий ворсистый ковер. Он вызывал искреннее восхищение односельчан и вселял умиление и осознание собственной значимости в сердце хозяйки. А чтобы прохожие не проторили на ковре тропинку, сын Анны Сергеевны оградил его невысоким штакетником, поставил под кустом жасмина скамейку и столик, выкрасив все в бело-коричневые цвета почти по европейским стандартам, разработанным бывшей библиотекаршей. Это был предмет ее особой гордости и место для высокоинтеллектуальных бесед по перемыванию косточек. Даже шелуха от семечек не разбрасывалась здесь по траве, а складывалась в кульки или пакеты.

И вот представьте себе, что было с Анной Сергеевной, когда утром она спустилась с крыльца своего дома. Нет в мире таких ужасных слов и понятий, которые могли бы передать ее состояние. Бедная женщина вышла полюбоваться на умытый росой, благоухающий бархат лужайки, а там...

– О, Боже! Боже! Боже! О, ужас! Ужас! Ужас!

Дело в том, что ночные труженики Щепкин и Партия не были теми «нормальными героями», которые «всегда идут в обход». Их автопилоты были запрограммированы на маршрут только в прямом направлении, то есть через штакетник и лужайку Анны Сергеевны. На нежной травке остались два прерывистых ленточных следа от вещества («биоактивной массы»), выскакивавшего из ведер, что несли труженики. Траекторию этих следов можно охарактеризовать мудрым народным наблюдением «как бык пописал».

Но это еще не все. Перешагивая через штакетник, Леха запнулся и, потеряв равновесие, чуть не упал. Содержимое ведер немедленно воспользовалось этим, и два корявых блина удобно расположились на бархате газона. Более того – Леха запачкался сам. Подойдя к скамейке, он

протер испачканным подолом халата белоснежно-белую досочку сиденья, частично перекрасив ее непорочный цвет в цвет пустынного маскхалата. А на лужайке донышками поставленных ведер были нарисованы еще два блинчика, но уже идеально круглой формы.

И последнее. На штaketнике обиженно висела покосившаяся дверца калитки. Ночью она с такой сноровкой открылась по «просьбе» правой ноги Коли Партии, что прихватила с собой не захотевший с ней расставаться шпингалет и на радостях соскочила с верхней петли.

Как удалось Анне Сергеевне избежать инфаркта, одному богу известно. Медики утверждают, что иногда в этом помогает первоначальная разрядка.

– Варвары, недоноски, подонки, питекантропы, бесчувственные души, сучье вымя!.. – разряжалась женщина впитанными в ее интеллект как литературно-научными терминами и деревенским просторечием, так и уличным жаргоном, который из печатных изданий редакторы обычно вычеркивают. Выплеснув из себя первоначальную горечь и обиду и чуток поплавав, она задалась логичным вопросом из области криминалистического расследования: а кто же эти питекантропы, недоноски и прочие? Розыскные действия показали, что преступный след ведет от дома Надежды Еремеевны к выгребной яме правления колхоза. «Значит, она ночью чистила свою уборную и носила отходы в яму правления колхоза! Та-а-ак, та-а-ак...»

Какой позор ожидал неповинную напрямую в этом грехе женщину-работягу!

– Надежда Еремеевна, – сдержанным литературным языком начала бывшая завклубом разборку с вызванной из дома соседкой, – вы всегда были для меня олицетворением земной труженицы, почти богиней плодородия Деметрой, а теперь иди посмотри, вошь тифозная, что ты натворила этой ночью!

А Еремеевну этой ночью подвез до дома зять и, отказавшись от ночевки, сразу же уехал в город. Женщина первым делом посветила фонариком в бочку. Емкость была заполнена почти на треть.

«Могли бы еще пару рейсиков сделать, – пожадничала она, – себе наверняка полную бочку натаскали». Закрыв бочку крышкой и убрав ведра, она со спокойной душой отправилась спать. Осознание стыда, позора, обиды и еще чего-то ужасно страшного овладевало Надеждой Еремеевной, когда она выходила вслед за соседкой на улицу.

– Вот, полюбуйтесь, пожалуйста! – Слезы не таясь вытекали из глаз пенсионерки. – Я, можно сказать, как персидский ковер тончайшей работы, ткала эту лужайку, согревала своим дыханием, ласкала кончиками пальцев, окропляла горячими слезами, а ты, лошадь колхозная, превратила ее в такой срамник!

Действительно, шелковый лазурный цвет лужайки был безвкусно перемалеван в цвет хаки. За ночь примитивные художники превратили нежный «персидский ковер» в грубый маскхалат наемника иностранного легиона.

Еремеевне, конечно, нужно было чем-то ответить на грубые выпады, и она умела это делать, но вина была столь очевидна, что язык не поворачивался возражать. Валить все на Партию и Щепкина – еще больше опозоришься. Она поняла, что источником «биологически активной массы» была уборная правления колхоза, а не яма заготконторы. Огородница попала (не догадываясь даже об этом) в положение известного литературного персонажа – Городничего. Различие было лишь в том, что в конце последнего акта здесь не смеялись, а угрожали привлечь к уголовной ответственности за хулиганство, уничтожение чужого имущества и осквернение святынь.

Надежда Еремеевна извинилась перед соседкой и пообещала, что сейчас же вместе с мужем все приберут и починят. Не объяснять же образованной женщине, как два прохиндея преподнесли ей обыкновенное говно за почти сказочную «живую воду»! На такой смех поднимут, что сама в тюрьму запросишься.

Горький комок обиды подступил к горлу: «И нашли же откуда притащить – из правления! Да от их «биомассы» не только одного урожая не дождешься, повянет все напрочь». Ей стало очень, очень жаль себя и за то, что так дешево купилась, пойдя на поводу у своей жадности, и за бездарно отданную самогонку. Ведь сколько добра могли принести семье эти три бутылки «домотканого» алкогольного напитка! Она невольно задумалась в подсчетах: «Ну да, конечно. Я бы за них могла получить где-то 45–50 литров бензина для «Лады» первого зятя или около 80–90 литров соляры для машины второго зятя. Мне бы за них привезли и распилили половину машины дров – обрезков с пилорамы, а весной вообще бы весь огород перекопали. Ой, да что говорить. Раскатала губенку. Уже барыш подсчитывала! И нашла кому поверить, ворона!»

Ну, а что же сами виновники этого торжества? Как в старой доброй сказке, здесь все завершилось хорошо. Они вышли из этой ситуации каждый с личной победой, можно сказать, «со щитом». Авторитет Михаила Сафьяновича в глазах односельчан неизмеримо поднялся (сам он пока еще этого не почувствовал). Земляки поняли, что участковый уполномоченный умеет не только прилипнуть к ним «как банный лист» и «совать нос, куда не просят», но и раскрывать очень страшные преступления.

Александр Быков с блеском выполнил задание и завершил оперативную командировку. Теперь можно было с уверенностью говорить,

что злоумышленники, совершившие кражу с завода железобетонных изделий, не выкрутятся.

Правда, на Юрку Изотова сначала легла тень как на участника злодейской банды убийц (это помимо того, что он отбывал наказание за угон и повреждение колхозного грузовика и снос фонарного столба). Но жители Лискино были вынуждены оценить его мужество и смелость. Ведь он не побоялся порвать с бандитами и помогать следствию.

Ну а Дима получил еще большее покровительство участкового и заручился дружбой с продавщицей, которая для себя решила почаще использовать его для выполнения различных поручений.

Михаил уговорил Сашу остаться в гостях, обещая в субботу рыбалку и баню. На радостях он выставил для всей компании три бутылки водки с хорошей закуской. Когда водка закончилась, а магазин уже закрылся, Юрка по собственной инициативе побежал за «цивильной» (то есть качественной) самогонкой к Тамарке Фокиной. Та сначала не хотела обслуживать убийцу и бандита, но, немного подумав (вероятно, смекнула, что обижать отчаянных ребят может быть опасно), выполнила его просьбу.

Поздним вечером на берегу речки Талица можно было наблюдать картину всеобщего братания. Нашедшие еще ранее общий язык Быков и Изотов стали рассказывать то, что было в их трезвых умах негласным табу или фантазией, предназначенной только для личного потребления. Юрка добровольно раскололся до основания и поведал оперу, кто, как и чего ворует у них на заводе. А Саша, в свою очередь, поведал компании неслыханные криминальные истории о том, как он, молодой сыщик, за короткий срок работы в уголовном розыске раскрыл большое количество запутанных преступлений и отправил за решетку не меньшее количество самых отъявленных вору и головорезов. Дима, хотя и не все улавливал из разговоров, но тоже попал под общий настрой и раскрыл все свои преступные замыслы:

– Тэпэр я с голоду нэ помру. Каартошка на колхозном полэ поспэла.

Ну а Ковалев перестал быть Михаилом Сафьяновичем и для всех собравшихся стал Мишей, Михой или вообще Мишкой. Он скромно поведал, что куда не хочет уезжать из родных мест и его главным желанием является окончить заочно юридический институт и впоследствии быть начальником Заозёрского райотдела милиции. Но если не получится и он останется участковым, то тоже не особо расстроится.

Над притихшей речной долиной вместе с влажной синевою тумана и дымком костра проплывал чувственный напев народной милицейской песни «Наша служба и опасна, и трудна», озвученный дуэтом окаящего баритона Михаила и сбивчивого, заикающегося тенорка Александра. Этот эстрадный номер исполнялся под слаженный аккомпанемент и подпевку коростеля, лягушек и кузнечиков.

НАЛЕТЧИК

Солнечный сентябрьский день, словно извиняясь за прохладное отношение к своим служебным обязанностям сбежавшего старшего брата – холодного лета, ласкал жителей улицы Труда почти летним теплом. Разноцветная листва, хвастаясь друг перед другом своими яркими платьями, кривлялась и танцевала в дуновениях ветерка, купаясь, как в теплых волнах, в лучах внезапно расщедрившегося солнца. Тихая окраинная улица, застроенная индивидуальными одноподъездными домами (почему-то называемыми в народе финскими), скрывалась под пологом деревьев. Она больше походила на село, чем на часть крупного города. Эти дома в свое время предназначались для молодых специалистов нового механического завода, на котором вплоть до пенсии и проработала хозяйка одного из них – Антонина Фадеевна Кошелева, она же – бабка Тоня, но еще более известная среди местных жителей как Маврикевна.

Антонина Фадеевна заканчивала на кухне наладку технологической линии по производству самопального алкогольного продукта – самогона. Фляга с брагой грелась на газовой плите и уже закипала, а бабка, просунув трубку выхода готовой продукции в отверстие капроновой крышки на трехлитровой банке, обмазывала их по диаметру хлебным мякишем, дабы меньше распространялся специфичный аромат. Однако завершить пуско-наладочный процесс она не успела. Во дворе скрипнула открываемая кем-то калитка, и через окно Маврикевна увидела, как к крыльцу приближается незнакомый мужчина. Она вспомнила, что впопыхах забыла запереть дверь веранды, а это обстоятельство, естественно, лишало ее маневра в случае опасности. Судорожная тревога овладела женщиной. Она бросила обмазывать банку, в которую уже падали первые капли продукта, и помчалась к веранде, пытаясь опередить незваного гостя и запереть перед ним дверь.

– Ой, господи, кого же ко мне нечистая сила несет? – бубнила она, поспешно семеня ногами.

По правде говоря, посланников «чистой силы» заносило к Маврикевне совсем немного. Это были участковый уполномоченный милиции, обслуживающий улицу Труда, электрик, контролирующий показания счетчика и периодически ремонтирующий ее бытовые электроприборы, шофер, привозящий газовые баллоны, да свихнувшаяся старуха-соседка, предпочитающая смотреть у Антонины Фадеевны телевизор, когда хозяйка была одна. Остальных же посетителей посылала «нечистая сила». Это были потребители ее алкогольной продукции, или алики, как она сама их называла. Но и это был строго проверенный постоянный круг лиц, которых к тому же она дальше веранды никогда не пропускала. Но открывший калитку мужчина не был похож ни на кого из общающихся с ней людей.

Физики, основываясь на теории относительности, утверждают, что один и тот же отрезок времени при определенных условиях может растягиваться, как безразмерные колготки, и длиться почти вечность или, наоборот, спрессовываться в плиточный чай и промелькнуть мгновенно, словно отпуск на курорте. Что-то подобное произошло и с Антониной Фадеевной. Ибо за тот миг, пока она летела от кухни до веранды, в ее голове прокрутилось столько мыслей, предположений, догадок, проклятий, искренних сетований и боли за свою судьбу, что если литературно оформить все это на бумаге, то объем напечатанного был бы ничуть не меньше толстовского романа «Война и мир», а по драматизму и накалу страстей сюжет, безусловно, переплюнул бы и «Анну Каренину».

Но старушка все же опоздала. Когда она открыла дверь прихожей, по ступенькам веранды уже поднимался незнакомец. Это был молодой мужчина в полукруглых очках, лет тридцати пяти, невысокого роста, одетый в плащ темно-коричневого цвета и кожаную черную кепку. В одной руке (какой именно, бабка не разобрала) он держал длинный газетный сверток. Как она подумала в тот момент, в газету был завернут или банный веник, или, что более вероятно, орудие убийства. Хозяйка уже хотела заорать на него, но невозмутимая наглость, с которой мужчина проходил в чужое жилое помещение, лишила ее дара речи. Она лишь сумела шагнуть ему навстречу и, оперев руки в бедра, встать на пути. Мысли работали лихорадочно. «Кто же это такой? Может, один из дружков ее непутевой дочери? Может, она послала его ограбить или убить мать? Или кто-то из милиции – эвон как прет нагло?» – терялась она в догадках.

Надо сказать, что Маврикевна не была традиционным самогонщиком-коммерсантом в нашем общественном понимании этой деятельности. Во-первых, ее продукт был отменного качества, что нетипично для производящих его не для внутрисемейного потребления.

Во-вторых, продавала она его лишь ограниченному кругу проверенных клиентов и весьма осторожно относилась к увеличению числа покупателей. В-третьих, сама была непьющей. Но главное – заниматься она стала этим ремеслом в какой-то мере помимо своей воли, или, как говаривал отец Федор, «не корысти ради». И если бы над Антониной Фадеевной вдруг начался судебный процесс по этому поводу, то объективный судья все-таки признал бы, что хотя, с субъективной стороны, подсудимая в своих действиях и руководствовалась корыстными побуждениями, имея целью получение незаконной материальной выгоды, но на этот шаг она вынуждена была пойти под воздействием сложившейся жизненной ситуации. И это, безусловно, можно квалифицировать как смягчающее вину обстоятельство.

Дело в том, что на старые плечи пенсионерки был переложен крест, который обязана была нести ее беспутная дочь, а именно: содержание и воспитание двоих десятилетних детей, девочки и мальчика. Мамаша великодушно забирала их к себе в благоустроенную квартиру лишь на период пристального внимания к ее образу жизни со стороны милицейской инспекции по делам несовершеннолетних или службы социальной опеки, что имело место и на момент посещения дома Антонины Фадеевны незнакомцем. Поэтому незаконный доход был для бабушки существенным подспорьем для обеспечения более или менее сносного существования внучат.

Незванный гость между тем уже приблизился к онемевшей от страха и возмущения хозяйке дома и с какой-то брезгливостью, словно мокрого щенка, попытался рукой отодвинуть ее с прохода. Но не тут-то было! Пожилая женщина грудью встала на защиту своей чести, имущества и благополучия детей, однако под напором прищельца была вынуждена на шаг отступить и вновь встать на пути. Прищелец же, преследуя свои цели, свободной от свертка рукой продолжал давить на нее. Бабке Тоне пришлось отступить еще на шаг, чтобы принять упорную стойку, которую принимают профессиональные боксеры перед боем.

Но во время этого маневра под ногу ей попало ведро с водой, и, потеряв равновесие, бабуля с грохотом и визгом повалилась спиной на мокрый пол. Мужчина то ли по инерции, то ли специально полетел в том же направлении. Пожилая женщина почувствовала на себе упругое тело молодого человека, что само по себе было совсем неплохо.

Неизвестно, ощутила ли она в тот миг давно забытое эмоциональное возбуждение, только следующее действие нападавшего смело с ситуацией весь эротический налет. Голову женщины прижала

к полу растопыренная пятерня мужской руки, обхватившая ее горло. «Все! Конец!» – мелькнуло в сознании. Она представила, какая несладкая доля ждет внучат без ее поддержки и опеки, а также ужаснейшую картину, когда, перешагнув через ее бездыханное тело, в дом войдут работники милиции, понятые из соседей и кто-то еще. А там, на кухне, вырвавшаяся из-под «материнской опеки» самогонка самовольно вытекла из банки, разлилась по столу, по полу и заполнила, словно токийское метро заринном, сивушным запахом все жилые помещения. И, конечно же, соседи, притворно зажимая носы, будут бубнить, поддакивая милиционерам: и эту отраву она еще продавала... «У-у-у, лицемеры! – даже перед лицом смерти мысленно возмутилась женщина. – Ведь отлично же знают, что это еще полуфабрикат, что напиток еще предстоит процесс рафинирования и настаивания на травах. У-у-у, лицемеры!» Нет, такого позора она перенести не могла. Она не оставит такой пошлой памяти о себе.

Видимо, так заложено в живом существе: когда оно находится на тонкой жердочке между жизнью и смертью, когда инстинкт самосохранения, предвещающий опасность, уже бессилён помочь, просыпается в нем некая законсервированная сила. Эта сила, словно форсаж реактивного двигателя, многократно увеличивает привычные возможности организма и подсказывает единственный путь к спасению.

Вероятно, повинувшись именно этой силе, руки Маврикевны стали проделывать инстинктивные движения, заложенные в природе женщины, при которых во время неприятного контакта с мужчиной у последнего вырываются клочки волос и пропахиваются ногтями лицо. Одновременно другая рука, также минуя распоряжения сознания, нащупала сломанный черенок от лопаты, которым Маврикевна перемешивала брагу в емкости, и тут же резкий удар обрушился на голову наемного убийцы или насильника. Какая, впрочем, разница, ведь преступник получил достойный отпор! Черенок скользнул по куполообразной голове напавшего, по инерции ударился об пол и выскочил из руки женщины, но этого хватило, чтобы отбить у него желание продолжать преступление. Одной рукой он схватился за голову, а на другой, все так же опираясь на горло старухи, приподнялся.

Пришедшая в себя женщина впервые осознанно рассмотрела лицо незваного гостя. И выражение этого лица поразило ее. На нем отпечаталось такое неподдельное недоумение, словно пришедший тужился спросить: «Ну за что же ты меня так обидела?» А одна из линз очков увеличила до размера тетрадной кляксы выкатившую из глаза слезу. Сердобольная старушка даже вроде бы смягчилась, но тут же одернула себя: ведь опасность то еще не миновала, а слеза эта может быть и крокодиловой. Однако мужчина, встретив столь решительное

сопротивление, утратил всякую агрессивность и, держась за голову, вышел на улицу.

Бабка Тоня перевела дух и села на пол. Но тут же, спохватившись, заперла дверь веранды и входную дверь в дом, а затем метнулась на кухню. А там, как и представлялось ей несколько ранее в кошмарном видении, самогонка стекала, минуя посуду, на скатерть стола. Видимо, в суете она вытащила из банки трубку для слива. Дрожащими руками самогонщица установила все по местам, вытерла стол и стала про себя рассуждать, что же делать дальше.

«Надо бы вызвать милицию, – первым делом пришло ей на ум, – пусть разберутся, а то, не дай бог, еще наведается. – Но тут же, взглянув на стекающий в банку самогон, отказалась от этой бредовой идеи: – Разберутся, конечно, разберутся. И со мной зараз. Но кто же это такой? Ведь всех вроде бы знаю. Может, из моих аликов кто-то направил... Усеку кто, пожалуйюсь Никифорычу, пусть с ним потолкует как следует. А уж после этого не пушечный выстрел не подпущу. Эх, Лобанцова бы Колю увидеть. Он бы посоветовал, как поступить. Да ведь Коля в больнице».

Старший участковый уполномоченный Николай Лобанцов обслуживал микрорайон, где проживает Кошелева, уже почти двадцать лет. Знал он здесь про всех и про все или почти про всех и про все во многом благодаря именно Антонине Фадеевне. Знал он, конечно, и про ее дополнительный источник дохода, и про внучат, и про дочь, на которую периодически «воздействовал», когда та наезжала на мать, требуя денег. Та, в свою очередь, делилась с ним не только оперативной информацией, но и, естественно, «экологически чистым самопальным продуктом», и закусочкой к нему тоже своего экологически чистого огородного производства. Поскольку оба были людьми умеренных запросов, такое положение устраивало обе стороны.

«Ладно, – решила наконец Антонина Кошелева, – в милицию съезжу завтра, а ныне нужно дело завершить».

Старший оперуполномоченный уголовного розыска капитан милиции Владимир Мусиенко, или Муська, как его звали коллеги-товарищи, и молодой оперативник лейтенант Сергей Котомкин в своем кабинете знакомились с новыми материалами, полученными на утренней оперативке у начальника уголовного розыска. В этот момент в дверь негромко постучали. В кабинет вошла Антонина Кошелева, решившая все-таки написать заявление о покушении на ее жизнь.

– Молодой человек, – обратилась она к сидевшему за столом у входа Сергею Котомкину, – меня к вам дежурный направил. Заявление мне написать надо. Убить ведь меня вчерась хотели...

Сергей попытался переправить заявительницу к коллеге, который в этот день был дежурным опером и принимал заявки о преступлениях, но тот его опередил. Уткнувшись в папку и закрыв лицо ее коркой, он быстро протараторил:

– Серега, не в службу... Поговори, пожалуйста, с женщиной, мне срочно надо «наверх». Будь другом!

– Пусть подождет в коридоре, вернешься и составите заявление.

Но Мусиенко, не поднимая лица от папки, уже выбежал из кабинета.

– Прими заявление, трудно, что ли?

И Котомкину ничего не оставалось делать, как выполнить эту процедуру за товарища.

– Сынок, я это... – вошла в положение заявительница, – могу и подождать, коль нужно. Только недолго. У меня внучата сегодня. Они во вторую смену учатся. Мне бы успеть их собрать и покормить.

– Хорошо, хорошо. Говорите, что у вас случилось.

– Ах, сынок, что случилось? Что случилось? Так не убили же меня чуть вчерась-то.

– Где, во сколько?

– Чавось?

– Где, говорю, это произошло, и в какое время?

– Так у меня дома же. Вчерась. Прямо днем, часов эдак в двенадцать. Я на кухне, значит, готовила. Смотрю, а он во двор заходит. Наглый такой. Я вышла, значит, на веранду, чтобы узнать, чего ему надобно. А он меня ручищей так и отпёхивает. Ну, думаю, не пуцу, а он как саданет меня. Много ли мне, старухе, надо? Я и повалилась на пол. А он на меня насел и душить стал. Я уже думала: все, отжила. Уж так внучат жалко стало. Тут у меня палка рядом стояла, черенок от лопаты. Я ему по голове-то им и съездила. Он глазищи-то вытаращил, вскочил и ушел.

– А кто он такой? Почему именно к вам пришел?

– Да отколь мне знать, кто он такой? Впервой его видела. А зачем приходил? Так ясно, зачем – убить или ограбить. Зачем они приходят?

– Вы что, богато живете?

– Да где там богато... Пенсионерка я да еще в школе убираю. Дочка у меня, милый, беспутная. Народила двоих и бросила бабке, корми и воспитывай. А им всего по десять лет. Мне, может, и жить-то осталось... Вот помру, и никому не нужны они будут. – Женщина едва сдерживала слезы.

– Он у вас взял что-нибудь или, может, что-то требовал, угрожал?

– Да нет, ничего не требовал. Он как будто бы и глухонемой. Все молчком. А взять-то ничего не успел. Ведь я как ему черенком по башке шандарахнула, он поди после этого и забыл, зачем приходил.

– У вас есть телесные повреждения? В больницу обращались?

– Нет, что ты, нет, милый. Я вроде здорова. Кажись, все обошлось.

– Так чего же вы тогда хотите?

Сергею явно не хотелось принимать такое неопределенное заявление, тем более что событие произошло на обслуживаемой им и Мусиенко территории, на которой оба были новичками и не очень хорошо ориентировались в оперативной обстановке. К тому же возиться с этой нудной и, по-видимому, кляузной старухой – удовольствие ниже среднего. Но бабка была иного мнения по этому поводу.

– Как чего хочу? В этот раз не получилось, а вдруг он опять наведается? Может, и с собой кого приведет. Я же живу одна, да еще внучата малые, и защитить меня некому. Ты уж давай сынок, сделай все как положено. И милиция пусть ко мне приедет, чтоб все видели.

Таким образом, молодому оперуполномоченному уголовного розыска ничего не оставалось делать, как оформлять заявление о преступлении.

Сергей достал бланк заявления, со слов женщины заполнил на нем ее установочные данные, затем проделал то же самое на бланке объяснения и после этого подошел к бабке.

– Антонина Фадеевна, вот на этой бумаге напишите точно, где, когда и что с вами произошло. Это ваше заявление. Здесь можете подробно все не описывать. А вот на этом бланке объяснения, помимо того, что написано в заявлении, постарайтесь поподробней описать и приметы преступника: в чем был одет, откуда появился, куда затем ушел. В общем, все те подробности, которые вы помните. Они помогут нам быстрее задержать преступника. Поняли? – Бабка неопределенно пожала плечами, но предложенные бланки взяла. – Там в коридоре есть стол. Вот возьмите ручку. Если не хватит бумаги, я дам еще.

Сергей надеялся, что пока бабка пишет, вернется Мусиенко и ему не придется с ней возиться. Но через пять минут Мусиенко еще не пришел, зато заявительница вновь стояла в кабинете.

– Ты уж извини, молодой человек, не приучена я бумаги-то писать, как у вас положено. Но вот дома я написала свое заявление. Не знаю, пойдет оно иль нет.

Работник милиции взял двойной тетрадный листок, исписанный крупным разборчивым почерком. Образный язык автора заставил его невольно улыбнуться. Описывая внешность нападавшего, Кошелева утверждала, что у него «морда наглющая, сразу видно, что тюремная» и что «за одну такую морду нужно без суда сразу на 5 лет

сажать». Рост этого человека она охарактеризовала одним понятным и выразительным сравнением «какой-то обрубок». Пришлось молодому человеку больше часа потратить на уточнение обстоятельств происшествия и на перевод бабкиной речи на бумагу.

– Сколько лет-то было этому бандиту, Антонина Фадеевна?

– Да отколь я знаю? Он паспорт-то не показывал. Не знаю.

– Я хочу сказать, сколько лет на вид ему можно дать. Он молодой или старый?

– Да не старый, нет. Совсем не старый.

– Так сколько ему примерно годиков-то? 20? 30? 40?

– Нет, сорока ему, пожалуй, нет, – рассуждала бабка.

– Тогда сколько же? Такой, как я? – заметно выходя из себя, выяснял милиционер.

– Нет, милый. Постарее тебя будет.

– Значит, лет 30–35.

– Может быть, может быть.

«Уф, наконец-то родила», – подумал Сергей.

Закончив писать объяснение, он дал ей прочитать и расписаться в подтверждении правильности написанного и попросил женщину подождать в коридоре. А сам пошел к начальнику уголовного розыска посоветоваться, что делать с этим материалом дальше, поскольку, исходя из существа заявления, молодому оперу трудно было сделать однозначный юридический вывод. С собой он прихватил и вещественное доказательство, что принесла Кошелева – завернутые в газету «Советский спорт» три цветка гладиолуса. Именно этот сверток был у нападавшего в момент появления в доме заявительницы.

Начальник уголовного розыска Александр Александрович Русаков, а в общении Сан Саныч, разглядывая принесенный опером букет и газету, иронично недоумевал:

– Это что же получается – мокрушник, идя на дело, уже приготовил для своей жертвы похоронный букет? Совестьливый он, однако.

– Сан Саныч, бабка утверждает, что по дороге налетчик обворовал какой-то сад, но стебельки цветов срезанные, а на газете написаны через тире цифры 152-39, это скорее всего адресные координаты. Тут нетрудно установить подписчика. Но сам материал непонятный...

– Да-да, случай, конечно, странноватый, хотя у нас всякое бывает, но регистрировать материал пока не будем. Дату приема заявления и опроса заявителя, гляжу, ты не проставил. Молодец. А пока сделаем так...

– Что там такое? – вмешался в диалог находившийся в кабинете, заместитель Русакова Виктор Власов.

Сергей вкратце, не называя ни имени заявителя, ни места случившегося, изложил фэбулу.

– А где это произошло?

– Улица Труда, 78.

Власов еще месяц назад, до назначения его на должность заместителя начальника уголовного розыска, обслуживал этот район и обстановку там знал хорошо.

– Так, так, так. Труда, 78. Кто же там живет? Ба, да это же Маврикевна, самогонщица! Наверняка кто-то пришел за пузырем в долг, а та не дала. Ну и повздорили чуток. Она наверняка знает, кто у нее был. Такое случалось и раньше. Милые бранятся, только тешатся. Так что пошла она подальше. Я потом сам с ней поговорю. А вообще-то дай-ка материал. Не понимаю, она же всех там знает. Тогда почему же имя не назвали и сюда приперлась? Всегда ведь сама управу находила... – Чем дальше Власов вчитывался в материал, тем больше его лицо расцветало широкой улыбкой. – Так, так, так. Чтой-то меня начинают терзать смутные сомнения. Так, так, так. У Шпака маг-ни-то-фон... Ба, да как же на нашего Буншу похож! Все совпадает.

Прочитав в объяснении, как старуха огрела нападавшего черенком от лопаты, Виктор свалился в кресло и истерически захохотал.

– Что ты ржешь! – возмутился Русаков. – Что там такого ржачного?

– Да ты, Саныч, сначала оцени приметы этого наемного убийцы. Росточка, значит, небольшого. Теперь, значит, гардеробчик: черная кожаная кепка, темно-коричневый плащ, на остреньком «клявике»-носу нацеплены очки. Так, так, так, очки: светлая пластмассовая оправа, прямая сверху и полукругом снизу. Тебе ни о чем это не говорит?

– Там еще на газете-вещдоке указан адрес подписчика, цифры 152-39, – дополнил Котомкин.

– Проспект Мира?

– Нет, улица не написана.

– Ну что, Саныч, врубился, кто это?

– Муська, что ли? – высказал догадку начальник.

– Ну, конечно же, наш уважаемый Муська! И живет он на проспекте Мира 152, и газету «Советский спорт» выписывает.

– Ну а как он туда попал-то? За самогоном, что ли?

– Не-е-ет. Наш Владимир самогон не употребляет. Его довела до преступления любовь. Что, впрочем, бывает не реже, чем преступление по пьяни. Помнишь, где-то полтора месяца назад я, ты и Кочнев сидели после закрытия ресторана с официантами из «Ряби-нушки»?

– Ну, помню.

– Со мной была шатеночка рыженькая Дашенька.

– Помню, конечно. Как же на нее не обратишь внимание.

– Хорошая дамочка во всех отношениях. Я с ней почти полгода дружился. Со своей-то я тогда был не в контакте. Даше плел, что разведен. По правде, я и впрямь тогда собирался развестись. Но потом, когда с Ленкой снова сошелся, она откуда-то узнала про это. Мир-то, сам понимаешь, тесен, а языки длинные. Ну и отшила меня. Какая явка пропала! Но недели две назад мы с Муськой ее встретили. Посидели, покалякали, и наш друган с ней, так сказать, познакомился. Вчера, наверное, шел к ней, а не к бабке в гости, Дашенька живет в следующем доме № 80. Муська говорил мне, что навел с ней контакт и она пригласила его к себе. А там же дома, на том конце улицы, все одинаковые. Ну а наш Володя или очки не протер, или переволновался, предвкушая приятную встречу, все-таки почти пять лет в разводе. Ну и промахнулся малехо. Да наверняка и на грудь «дзють-дзють» принял до этого. А бабка-то, видишь, как угостила.

Ситуация заметно развеселила оперов.

– Но постой. Ведь Кошелева утверждает, что он душил ее, – прервал лирическое отступление Русаков.

– Кто? Муська? Этот интеллигент? Саньч, не говори ерунду. Будто сам его не знаешь. Старая со страха наплетет и не то. Я сам улажу этот вопрос.

– Ладно. Если что, то припугни по поводу ее деятельности, намекни, что и лавочку прикроем, и саму к ответственности привлечем.

– А вот этого, Саньч, делать не надо. Ты же пробовал ее продукт. Вещь? Вещь! А с другой стороны, мы же можем «ослепнуть» в том районе без бабки на один глаз. Завтра на работу выходит Николай Лобанцов, направлю его поговорить с ней. Пусть успокоит. А то и в самом деле конфуз опять может получиться. Пойдет наш Ромео к своей зазнобе и на Маврикевну наткнется, а та скандал поднимет. Не огородами же Вовке к даме пробираться.

– Виктор, – вмешался в разговор Котомкин, – ты другую бумагу почитай. Ту, что Кошелева собственноручно написала.

Смешливый Власов с ироничной интонацией стал читать вслух домашнее заявление Антонины Фадеевны. Веселое оживление теперь переросло в откровенный хохот.

– Ай да Маврикевна! – комментировал Виктор, давась приступами смеха. – Заметьте, как точно портрет налетчика описала – «обрубок»! «Без суда 5 лет»... – Наконец просмеявшись, он на полном серьезе с пафосом продолжил: – А что нам делать с капитаном Му-

сиенко? Ведь налицо и преступное нарушение законности и то, что еще более недопустимо – он опозорил честь сотрудника УГРО. Он достоин самого сурового наказания. И уверяю (иначе я буду не я), он двумя литрами водки за это не отделается. Ты вот что, Серега. Пока об этом никому ни гу-гу. Я сейчас для вида поставлю штамп регистрации на заявлении Кошелевой, пусть он думает, что материал на рассмотрении, и подпишу его тебе. Ну а ты в течение двух-трех дней на оперативках будешь отчитываться о якобы проделанной работе.

– Виктор, понимаешь, мне это делать неудобно, – засомневался Сергей, – все-таки мы сидим в одном кабинете. Он старше меня и по званию, и по возрасту, и по работе я у него учусь. Он постоянно помогает мне. Да к тому же столько материалов на руках, что просто нет времени с пыстым делом возиться.

– Правда, Виктор. Хватит ерундой мучиться. Вытащу его сюда, свою порцию того, что заслужил, он получит. А после отдам его в твои руки для решения внеслужебных вопросов. Незачем спектакль устраивать. Работы и так невпроворот, – поддержал Котомкина Ру-саков.

– Саныч, так ведь ни одно дело не пострадает! Никто никого не будет от них отрывать. Просто пару дней поблещем. Пусть понервничает немного. Это полезно. А где он сам, кстати?

– Да звонил мне десять минут назад. Просил подменить его на сегодняшнем дежурстве. Якобы в больницу надо. Возможно, на самом деле старушка ему прилично съездила, так что голова гудит. Сережа, у тебя есть сегодня возможность отдежурить за Мусиенко?

– Что ж, надо, значит надо.

– Не знаю, гудит у него головушка или нет, – не унимался Вла-сов, – но утром на оперативке выглядел как огурчик. И даже поцапался со мной из-за материала. Сам же видел. А завтра утром соби-рался в деревню ехать. Мандраж у него, юлить начинает, как пацан. И это офицер, проработавший в милиции почти десять лет! Нет, мужики, этого прощать нельзя. Пусть подροжит еще пару-тройку деньков, может, ума наберется.

Котомкину было очень неудобно разыгрывать коллегу, и он опять стал возражать:

– Пустая это затея. Завтра на общей оперативке отдела не будет никакой информации об этом инциденте, а потом на нашем разводе я вдруг стану отчитываться о том, что сделал по раскрытию попыт-ки разбоя. Такое серьезное преступление, а дежурному по отделу не доложено. Володя сразу сообразит, что к чему. А если даже не вру-бится, то все равно меня спросит об этом. И что я ему отвечу?

– Ничего страшного, у нас такое бывает. Хотя вот что. Завтра с утра все равно кому-то нужно будет ехать в прокуратуру. Я позвоню Мусиенко домой. Пускай с утра прямо туда и чешет, но предупрежу, чтобы успел на нашу оперативку. Ты на разводе отчитаешься – и сразу домой, отсыпаться, а его я приторможу, пока ты не уйдешь. А как действовать послезавтра, обсудим потом.

Начальник розыска, видя настойчивость своего зама, махнул рукой:

– Ладно действуйте.

Сергей так же нехотя согласился.

На следующее утро Котомкин докладывал о противоправных происшествиях в районе, зафиксированных за дежурные сутки. Совещание с операми поводил замначальника уголовного розыска Власов, так как Русаков «задерживался» в управлении. Мусиенко тоже немного опоздал. И только после его прихода Сергей начал докладывать о преступлении на улице Труда, немного волнуясь, но уже заинтересованно входя в роль.

– Вчера с заявлением обратилась гражданка, как ее, – притворно запямятовал он фамилию, поднося ближе к глазам листок, – Кошелева Антонина. Она сообщила, что днем ранее примерно в 12 часов (докладчик сделал небольшую паузу и искоса посмотрел на реакцию Мусиенко, а затем медленно продолжил) по полудню в ее дом по адресу улица Труда, 78 ворвался неизвестный мужчина, ударом руки сбил ее с ног и пытался задушить. Потерпевшая как-то изловчилась и черенком от лопаты ударила налетчика по голове. Видимо, удар был достаточно сильный, но нападавший сумел вскочить на ноги и убежать. Возможно, он был в болевом и психологическом шоке. Он, наверное, не ожидал такого отпора от пожилой женщины...

И вновь – скрытый косой взгляд на Владимира.

Власов едва сдерживал себя, чтобы не рассмеяться и не захлопать в ладоши за столь артистичное исполнение этой роли Котомкиным.

– Нападавшему, со слов потерпевшей, было лет 30–35, – так же медленно продолжил докладывать Сергей, но не стал дальше оглашать приметы преступника, дабы не возбуждать воображение коллег. А вдруг... – На место я не выезжал, потому как преступление было совершено днем ранее, да и времени не было, а вот больницы и травмпункты известил, послал телефонограммы. Вполне вероятно, что преступник обратится туда за медицинской помощью.

Мусиенко молча сидел, опустив голову, словно вчитываясь в какие-то бумаги, а Власов продолжил спектакль:

– Он что-то хотел от заявительницы, может, требовал что?

– Да нет. Она сказала, что тот вообще ни одного слова не произнес. Возможно, глухонемой был.

– Странно... Так он повалил ее на спину и стал душить? Так, что ли, действовал? – продолжил Власов, то ли требуя пояснений, то ли строя догадки.

– Ну да. Она так рассказывала.

– Он, наверное, трахнуть ее хотел, а она поторопилась с палкой-то, – вставил кто-то из коллег.

– Да она же старая, пенсионерка.

– И на старуху бывает проруха. Есть такие гурманы, для которых старая бабка слаще шикарной кинозвезды.

– Ну, хватит, раскаркались! – одернул Власов, прекратив дискуссию. Он взглянул на Мусиенко. Тот уткнулся в бумаги и словно игнорировал совещание. Сергей тоже искоса поглядывал на него.

– Мусиенко Володя! Ты спишь, что ли? – Муська медленно, как-то нехотя, поднял голову. – Что скажешь по этому поводу? Ведь твоя же территория.

– Что я скажу? Я обслуживаю эту зону без году неделю. Надо на место выезжать, с людьми говорить. Ты же там долго проработал. Посоветуй что-нибудь.

– Посоветую, конечно, посоветую что-нибудь. Не беспокойся, – двусмысленно уверил его Власов. – Сергей, повтори-ка мне адрес, что-то из головы вылетело, – продолжил он ерничать.

– Улица Труда, 78.

– Труда, 78, 78... Ба, да это же Маврикевна, самогонщица! Блин, такое забывать стал. Негоже, негоже. Интересная дама. Ну и что ты сделал по этому материалу?

– А что я мог сделать? Я же сказал, что известил больничные учреждения. Преступление-то было днем ранее, а у меня живых материалов выше крыши. Только и успевай принимать заявления да что-то делать по горячим следам.

– Ну да, конечно. Молодец. Этот материал я подпишу тебе. Ты с Кошелевой уже контактировал, язык общий нашел, тебе и флаг в руки.

– Но, Виктор, я же и отдохнуть должен, а бабка она, кажется, склочная, просто так это не оставит.

– Без тебя знаю, подстрахую, а трудовое законодательство я не нарушаю. Сегодня отдыхаешь, а завтра на работу.

– А по трудовому законодательству я, между прочим, должен отдыхать после суточного дежурства два дня, а не один.

– Ух ты, умников в уголовный розыск набрали! Сегодня отоспишься, а завтра на работу. Все. Чеши домой.

Утром следующего дня уже Мусиенко, дежуривший по графику Котомкина, рассказывал о зарегистрированных за сутки правонарушениях и отчитывался о проделанной работе. После его доклада и распределения вновь поступивших материалов замначальника уголовного розыска Власов (начальник угро опять отсутствовал) стал расспрашивать сыщиков о проделанной работе по текущим материалам и о планах на день. Когда очередь дошла до Котомкина, он поинтересовался, что тот думает сделать по заявлению Кошелевой.

– Ну, во-первых, не дожидаясь официальных ответов, обзвоню травмпункты и больницы, куда посылал запросы по поводу обращения к ним за последние два дня пациентов с травмами головы или сотрясением мозга.

– Если мозги у нашего налетчика были, конечно, – язвительно дополнил Сергея Власов, украдкой взглянув на Мусиенко.

– Потом... потом... – молодого опера, как Остапа Бендера в Васюках, вдруг понесло, он неосознанно начал импровизировать, вставляя в доклад о вымышленной проделанной работе свои соображения, используя имевшуюся у него информацию: – Я установил одного хорошего знакомого Кошелевой Песчанко Василия Никифоровича. Он ранее судим. Вы, возможно, и знаете его. Вчера попросил патрульную службу снять его из дома, и он сейчас здесь. Я с ним успел немного поговорить. Он сообщил, что в соседнем доме живет молодая женщина по имени Дарья. Так вот к ней ходят разные, как он выразился «хмыри». Один лохматый, рыжий, кудрявый (Сергей посмотрел в сторону Власова, потому что это был явный намек на него, за что получил от того одобрительную улыбку и кулак из-под стола). И еще один «хмырь», который подходит по приметам. Он невысокого роста и в очках.

– Таких «хмырей» по этим приметам я тебе штук сорок приведу.

– Не спорю. Только я еще подробно ни с кем не разговаривал. Поговорю и с Песчанко, и Кошелеву нужно, конечно, потрясти, да и с этой Дашей выяснить отношения.

– Вот, учитесь, сыщики, у молодого сотрудника, как нужно организовывать работу, – похвалил Сергея Власов. – И информация налицо, и план работы, и перспектива. Ну а с Дашей я переговорю сам. Я ее знаю немного и думаю, что именно у меня этот допрос лучше должен получиться. Как считаешь, Володя? – обратился он к Мусиенко.

– Не знаю, тебе видней, – буркнул тот в ответ.

– А ты сам не хочешь товарищу помочь? Зона-то общая, помоги коллеге, – не унимался Виктор, досаждая другу, попавшему в казусное положение.

– Хватит с меня на сегодня, я уже свою норму выполнил.

– Ну-ну. Как знаешь. А что ты сегодня какой-то мутный? Слово тебе пыльным мешком из-за угла огрели?

– Слушай, достал ты меня. Устал я и спать хочу. У тебя такое состояние когда-нибудь бывает?

– Ну ладно, не кипятись. Сейчас придешь домой и беззаботно, как младенец, уснешь. Только не проспай завтра на работу.

– Пошел ты! – вполголоса прошипел Мусиенко в ответ.

– Так, Котомкин, сейчас сразу же бери нашу машину и дуй к этой Кошелевой. Она вчера прождала милицию полдня, а потом названивать в отдел стала. Ну, это моя вина. Мусиенко занят был, а я закурился и забыл. В общем, нарисуй там план осмотра места происшествия, поговори с ней доброжелательно, посочувствуй. Постарайся выяснить как можно больше лиц, которые с ней общаются, и вызови их сюда повесткой. Если будет темнеть, ничего страшного. Примерно к часу-двум пригласишь ее сюда для составления словесного портрета и фоторобота. Как раз будет эксперт. А я с бабкой здесь еще раз обо всем перетолкую. И вот тебе повестка на мое имя. Передашь ее в дом № 80, Дарье, про которую ты говорил. Майнулова ей фамилия. Ей тоже нужно будет показать фоторобот. Все, чеши!

Власов все время украдкой посматривал на Владимира и от угрюмого вида коллеги готов был разразиться необузданным смехом. Его сознание едва сдерживало порывы смешливой натуры. Сергею же, наоборот, стало искренне жалко своего старшего товарища, отрешенно сидевшего у стола начальника и тупо уставившегося в какую-то точку на полу. «О чем он думает сейчас? – сочувственно размышлял Котомкин. – Ведь ему, единственному в мире, еще примерно сутки придется считать себя подозреваемым в совершении тяжкого преступления, которого вообще не совершалось. Но почему он так инертно ведет себя, ничего не предпринимая для разяснения неприятной ситуации?» Сергей готов был извиниться перед ним и все рассказать, но вынужден был продолжать спектакль.

Мусиенко тоже встал со стула и хотел уйти вслед за Сергеем, но Власов задержал его.

– Володя, подожди, а то убежишь отдыхать, а у тебя материал просроченный по краже на Пахомовской, 94.

– Ух, Витек! – недовольно огрызнулся Мусиенко. – Я еще вчера по этой «краже» отказ вынес. Там семейные разборки бывших супругов, имущество поделить не могут. Пусть в суд обращаются. И отдал отказ лично Санычу в руки. Вы там «наверху» стыкуйтесь хоть иногда между собой.

– Еще вопрос к тебе.

– Блин! В самом деле достал... Что еще?

– Ты мне пальцы веером не растопыривай! Я у тебя не денег прошу. Мордобой в Карякинском саду. Что по нему сделано? Мне из управления звонили сегодня, спрашивали.

– Да все нормально там. Все фигуранты установлены. У двоих, самых активных, взята подписка о невыезде. Там еще четыре дня в запасе. Возможно, уже завтра передам материал в следствие.

Власов хотел наверняка избежать стыковки Мусиенко и Котомкина, поэтому и старался притормозить Владимира. Но ему вдруг «аж почти до слез» стало жалко друга-коллегу, уже третий день живущего в атмосфере тяжелых предчувствий, и он великодушно отказался от такого плана.

– Хорошо, друган. Иди отдыхай. До завтра.

Выйдя из кабинета Власова, Котомкин, не заходя в свой кабинет, сразу же поехал исполнять текущие материалы, не имеющие никакого отношения к заявлению Кошелевой.

Финальную сцену этой авантюрной драмы было решено сыграть на следующий день. Власов должен был вызвать Мусиенко к себе «на ковер» для конфиденциальной беседы и потребовать объяснения по поводу нападения на бабу Кошелеву, которое, как выяснилось, совершил именно он – старший оперуполномоченный капитан милиции Владимир Мусиенко. И сообщить коллеге, что тот, пока временно, отстраняется от работы. Но потом, вдоволь повозмущавшись его поступком (точнее поиздевавшись над самим фигурантом), пообещать уладить инцидент – за «умеренную плату», конечно.

Однако спектакль пошел явно не по сценарию. После общеотделовского совещания Мусиенко исчез и появился на оперативке сыщиков, когда та уже началась. Извинившись перед всеми, он скромно присел на крайний стул, а не занял место рядом со столом Сан Саныча, где по сложившейся неписаной субординации обычно рассаживаются более опытные сотрудники. Он не был хмур, но и не улыбался. Хотя нетрудно было определить, что вся его физиономия (да и вся натура в целом) облегченно светится и торжествует. Слово он только-только слез с унитаза, а до этого длительное время терпел и мучился запором. Все посвященные в тайну уголовного дела Кошелевой поняли, что для главного фигуранта юридический статус дела уже не секрет. Но, тем не менее, после совещания Русаков попросил Мусиенко, Власова и Котомкина задержаться в кабинете.

Власов, которому был дан карт-бланш для разборки с Мусиенко, конечно, понимал, что в сложившейся ситуации навести «туман серь-

езности» и хоть как-то испугать потенциального подсудимого не получится, но начал «допрос» исходя из сценария спектакля. При этом он намеревался выяснить, насколько тот разобрался в блефе, а там давить по обстановке.

– Ну, что мы будем делать с тобой Мусечка? – ехидно улыбаясь, начал Власов.

– А что ты сможешь со мной сделать, Витечка? – не менее ехидно ответил Владимир.

– Да только то, что требует законодательство, а это значит возбудить уголовное дело по факту разбойного нападения на гражданку Кошелеву и направить его для дальнейшего расследования, чтобы беспристрастно квалифицировать ваши преступные действия, гражданин Мусечка, и дать им правовую оценку. Усек?

Однако ехидная улыбочка и после этих угроз не исчезла с лица старшего опера. Она явно отвечала обличающему «прокурору»: лепи-лепи, приятно слушать. А вслух уже более серьезно продолжил:

– О каком разбойном нападении ты говоришь?

– Что? Хочешь сказать, что никакой попытки разбойного нападения ты не совершал?

Власов понимал, что комедия окончена и что он заигрался, но все же решил лезть дальше, дабы доказать другу обоснованность сурового наказания в виде выставленных на общий стол двух литров водки.

– Нет, конечно. И хватит ерундой заниматься. Работать надо.

– Нет, ты постой. Из твоих слов я понял, что в доме у Маврикевны-Кошелевой было не разбойное нападение, а нечто иное? По логике, здесь кроме этого преступления могут усматриваться составы попыток убийства или изнасилования. Ты что, хотел грохнуть старуху или покушался на ее девичью честь? Тогда кто ты? Наемный убийца или сексуальный террорист? Если ты хотел использовать Кошелеву как женщину, то подход у тебя к дамам уж больно грубоватый. С порога сразу за горло... Это как по-медицински называется в половых извращениях? Бертранизм вроде.

– Саньч, – не выдержал Мусиенко, – скажи хоть ты как начальник этому придурку, что достал он меня вконец. Прежде чем возбуждать уголовное дело и направлять его по подследственности, нужно зарегистрировать материал в единой книге учета происшествий.

Власов и Русаков переглянулись. Впрочем, и без этих слов было понятно, что «преступнику» ясен смысл происходящего. А тот продолжил свое наступление:

– Вместо того чтобы работать и ловить настоящих преступников, вы подняли эту суету, отвлекая людей от дела, – с явным удо-

вольствием иронично-пафосно обличал он своих начальников. – И этот салабон, – он повернул голову в сторону Сергея, – подписался. Иуда. Я, можно сказать, воспитываю его, как сына, учу уму-разуму и мастерству. погоди, я с тобой еще разберусь. И кого вы хотели про-вести? Так что нет у вас никаких методов против Коськи Сапрыкина!

Мусиенко горделиво встал посреди кабинета, наполненный сознанием того, что утер нос этим фальсификаторам. Но Власов был не из тех, кого легко можно загнать в угол.

– Ты только посмотри, как он запел! Учу уму-разуму. Нет методов. Может, тебе памятник поставить? Макаренко? Да чему ты можешь на-учить, если сам... – И Виктор постучал костяшками кулака по столу. – Если хочешь знать, то после этого случая язык как-то не поворачи-ваться называть такого работника опером, а мужчину – офицером и кавалером.

– Это почему же? Ах, я и забыл. Здесь у нас только один Опер, Офицер, Кавалер – это ты.

– Пойми, уважаемый учитель-гуру. Для тебя сейчас создалось та-кое положение, что нет существенной разницы в том, зарегистриро-ван материал или нет, будет возбуждено уголовное дело или началь-ство узнает про твой КАВАЛЕРийский, – Власов сознательно выделит голосом «кавалер», – налет на старуху в том виде, который есть сей-час. В первом варианте тебя, конечно, не посадят, но будет судимость, и попрут из милиции. И не за рукоприкладство или взятку, а за неза-конченный половой акт на «молодухе». Век не отмоешься, дядя. Те-перь другой вариант. Представь, что я начальник УВД и ко мне попали эти бумаги...

– Представить такое невозможно, поскольку ты никогда не до-растешь до начальника УВД, а что ты можешь сказать, я и так знаю.

– Не перебивай, урка, прокурора! Подумай сам, если ты в состоя-нии это сделать. Как понимать и реагировать на то, что у офицера ми-лиции вследствие передозировки алкоголем не сработала навига-ционная система, и он на автопилоте спикировал на чужой аэродром, а там попытался то ли убить, то ли изнасиловать беззащитную старуш-ку, но по не зависящим от него причинам не смог довести преступное деяние до конца?

Мусиенко, иронически улыбаясь, молча, выслушивал это и поче-сал затылок.

– Чеши, чеши! – съязвил обличитель, заметив это. – Я бы тебе покрепче съездил. Ладно, слухай дальше. Какой же ты опер, если по-зволил себя огреть старушке? Какой же ты опер, если оставляешь на месте преступления свои координаты – непроверяемые улики? Ка-кой же ты опер, когда как заяц сиганул из отдела при виде заявитель-

ницы и несколько дней тряся, не зная, что предпринять? Да, какой же ты опер? Я торжественно вручил тебе «краснознаменную» имени Виктора Власова зону обслуживания со всей инфраструктурой, в которую входят и широкая сеть осведомителей, и база снабжения, и места отдыха... А ты что делаешь? И это на своем-то участке потерять всякую ориентировку! И что мне, начальнику управления внутренних дел, делать с таким, с позволения сказать, опером? Пинка под зад и чтоб духу его не было в милиции. О, горе мне, горе на мою седую голову...

– Рыжую, не надо себя приукрашивать.

– Пусть рыжую, но умудренную, в отличие от некоторых, опытом и соображаловкой.

Сергей и Сан Саныч, не стесняясь, сдержанно смеялись, а Власов продолжал обличительную речь.

– А я тоже хорош! Пять лет проучился с этим существом в институте, девять лет проработал в одном отделе, как говорится, бок о бок. Сколько воды и водки утекло за это время, сколько песен пропето... И на тебе, не смог раскусить его! Надо отдать тебе, Муська, должное, умеешь ты маскироваться.

Мусиенко продолжал ухмыляться, слушая своего приятеля-начальника, на которого нашло вдохновение в предвкушении дармовой выпивки.

– Капитан Мусиенко, тебе была передана на связь конспиративная квартира со всеми удобствами. Я, можно сказать, оторвал от сердца любимую женщину, прекрасную даму. Отступился от нее ради друга. А он что вытворяет?

– Что-что? Отступился, говоришь? Да она тебя попросту бортанула, выгнала, как собаку из церкви. А он – «оторвал от сердца».

– Еще раз говорю: не перебивай, когда старшие по должности говорят, соблюдай субординацию. Какой же ты офицер-кавалер? Идешь на первое свидание со светской дамой и какие цветы ей несешь? Три ветки гладиолусов.

– И чем же это плохие цветы?

– Протри очки, Муся! Кавалер называется. У нее же целый палисадник этих и глади, и олусов. А теперь один олух появился.

– Во, блин и правда! Я же их видел...

– Уж лучше бы ты ей одуванчиков нарвал. Они у нее хотя бы уже отцвели. Позор-то какой! Где твоя внимательность? Это хорошо, что ты не дошел до Даши. Ведь даже дикому участковому инспектору из таежного села Почесновики известно, что, идя на первое свидание с дамой, необходимо подарить ей розы или подобрать красивый букетик. Но второе отпадает, потому как там нуж-

но иметь вкус. Так вот какой же ты кавалер? Ни бабу уговорить, ни цветы подарить.

Владимир понимал, что круто лоханулся, и был, безусловно, смущен этим положением, но разглагольствования Власова уже встали ему поперек горла.

– Все, хватит! Надоел уже. Говори, что ты хочешь? Ведь не просто же так ты выскуливаешь эту арию?

Но за своего зама ответил Русаков. Вытирая веселые слезы и откашливаясь, он прохрипел:

– Ты сначала расскажи, как оно все произошло, на твой взгляд. Произнеси последнее слово подсудимого, а мы после этого и вынесем приговор.

Владимир, смущенно улыбаясь, но стараясь выглядеть по возможности серьезнее, так как и к нему уже стал подбираться смешок, начал свою оправдательную речь:

– Ну, что тут скажешь? Я действительно шел тогда к Даше...

– На рогах, наверное? – вмешался Виктор.

– Помолчи ты, – одернул его Русаков.

– Да, действительно, я грамм 150 пропустил, но не более. Но это не имеет значения. С собой у меня была бутылка вина, которое нравится Даше. Так что навыки кавалера у меня есть...

– О-о-о, да ты делаешь успехи...

– Заткнись, я не закончил. Вот с цветами, да, промашка вышла. Но какие мои годы. А перепутать дома в том конце улицы совсем не сложно. Был я у нее всего один раз вот с этим «гособвинителем». Заходили, уже смеркалось, а когда вышли, вообще темно было. Так что можно понять, почему я перепутал.

– Хорошо, перепутал дома. Это понятно, – прервал рассказ Русаков. – А вот женщин-то ты как умудрился перепутать? Неужели твоя Даша так похожа на бабу, что ты с дикой страстью набросился на нее, едва не придушив?

Все дружно заржали. Виктор сквозь смех возразил начальнику:

– Саныч, не позорь ты меня. Я же тоже имею отношение к Дарье. У меня не такой извращенный вкус. Неужели ты думаешь, что я так же дружил бы с бабой, похожей на Маврикевну?

Немного просмеявшись, Владимир продолжил.

– Сейчас все объясню. Дело в том, что Даша проживает с тетей инвалидом, у которой лет пятнадцать назад после менингита поехала крыша. Собственно, дом-то и принадлежит тетке, а Даша – ее официальный опекун и наследница. Мы договорились встретиться в 12 часов. Она предупредила, что в это время может ненадолго отлучиться к подруге, сделать процедуру ее больному ребенку. Но все равно я могу

смело зайти в дом и не ждать на улице. Если на пороге будет стоять тетя, не надо смущаться. Она иногда выходит из своей комнаты поглазеть на пришедших. Может поздороваться или что-то спросить. Старушка якобы тихая и кроткая, как мышонок. Если «мышонок» будет стоять на пути, нужно легонько отодвинуть его рукой и пройти в комнату. Я и действовал по инструкции Даши. Когда я зашел на веранду, то сначала опешил: передо мной предстала то ли статуя, то ли монстр. Дойки впереди на метр, морда красная, руки уперты в бока, глаза бешено горят, как у готовой к прыжку тигрицы. Ничего себе, думаю, кроткий мышоночек. Но все же решил действовать, как учили. Подхожу, значит, к ней и так легонечко пытаюсь отодвинуть ее с дороги. Но мышья явно породила гору. А раз гора не идет от Магомета, то Магомет должен отодвинуть ее. Бабка отодвинулась на шаг и опять окопалась. Мне бы развернуться и уйти, но мною вдруг овладела какая-то злость. Ну, думаю, стерва, все равно войду в дом, ведь санкция-то имеется! – Все это время слушатели сдержанно смеялись, стараясь не перебивать рассказчика. – Я шагнул к старухе с намерением решительно расчистить завал на дороге. Бабка попыталась отбить мою вытянутую руку и сделала шаг назад. А там под ногу попало ведро с водой. Она и полетела через него. А я, потеряв равновесие, по инерции – за ней.

– Ну а зачем ты стал душить-то ее?

– Какое там душить! Я же говорю, что полетел по инерции за ней. Под мышкой цветы, в кармане бутылка. Не хотел же я их поломать и разбить. Я выставил руку, чтобы можно было обо что-то опереться, и попал ей то ли в плечо, то ли в шею. Ну а она тут же двинула меня чем-то увесистым по голове. Ведьма старая!

– Да не тут же, – поправил его Русаков, – а спустя некоторое время. Я, конечно, понимаю женщину. Расположился на ней какой-то кобель и не мычит, не телится. Ну, она, естественно, и разбудила тебя черенком от лопаты. Как говорится, уж если взялся за грудь, так говори что-нибудь.

Новый взрыв хохота потряс кабинет.

– Теперь вот что мне скажи, – когда немного улегся хохот, спросил Власов. – Сколько подштанников ты сменил за эти два дня? И почему делал так, как нельзя делать, во всяком случае более или менее грамотному менту? А если быть точнее, ты почему ни хрена ничего не делал, а лишь отсиживался в конуре и надеялся, что все само собой рассосется? Впрямь хоть учебный фильм снимай по твоим похождениям.

– Как это ничего не делал? Я сначала хотел объяснить все Сереге, но вы прятали его, как контрабандный товар от таможни. Под-

ходить к тебе и «наслаждаться» тем, как ты будешь выстебываться передо мной, вовсе не хотелось. Я просто убедился, что материал не зарегистрирован, а ты какую-то подлянку замышляешь.

– Дошло, как до утки, на трети сутки.

– А раз материал не зарегистрирован, то и никаких лишних телодвижений совершать не нужно. Даше я все объяснил, и та сама обещала уладить с Кошелевой, а я потом приду и извинюсь. Так что, дорогие мои юные друзья, всё, как говорят японцы или папуасы, окей.

Такой вывод вызвал явное недовольство остальных троих мужчин, находившихся в кабинете. Даже Сергей, которому как самому молодому сотруднику полагалось бы помалкивать в тряпочку, и тот недоволено пробурчал:

– Ну не фигу себе!

– Ну ты, мужик, определенно нахал. Как это все понимать? Как это «всё окей»? – встал со стула Виктор. – Видимо, тебе надо еще пару раз по бестолковке съездить, чтобы ты поумнел. А материал, между прочим, не поздно и сейчас заштамповать.

– Ладно, ладно. Я примерно догадываюсь, что вам нужно. Но вы мне вот что скажите: вы сразу догадались, что именно я по ошибке зашел в этот дом?

– Да как тебе сказать... – глубокомысленно начал Русаков. – Во-первых, ни о какой ошибке речь не шла. Речь шла о разбойном нападении. Во-вторых, когда Сергей со слов заявителя описал приметы бандита, то какое из этого можно было сделать заключение? Ну, невысокого роста. Ну, носит кожаную кепку и темный плащ. Ну, очкарик и очки вот такой формы. Ну, посуди сам, можно ли по этим приметам кого-то идентифицировать? Мало ли таких людей болтается по улицам? Да и подозревать своего проверенного в боях коллегу, опера, офицера мозг попросту отказывался. Однако когда мы прочитали написанные непосредственно бабкой точные характерные приметы и определения налетчика, тут сомнения, конечно, отпали.

– И как же она описала этого налетчика?

– Витек, почти-ка ты, у тебя дикция получше.

– Что, боишься, что Вовчик на тебя, как на бабку, нападет? Ну ладно, слушайте.

Власов взял бумаги и, стараясь выглядеть как можно серьезнее, начал излагать:

– Короче, напал на нее «какой-то обрубок», и «морда у него, сразу видно, тюремная». И что за одну эту морду «можно без суда дать пять лет». Заметь, товарищ капитан, это не мои слова. Вот тут-то у нас и появились некоторые сомнения в отношении тебя: «Ба, да как же он на нашего Буншу похож!» Ну а когда мы досконально изучили газету

«Советский спорт» и криминалистическая экспертиза доказала, что чернильные цифры на газете – не что иное, как адрес подписчика, то тут все встало на свои места. Мы с Санычем с досады чуть себе пули в лоб не пустили...

– Ах, она, сука старая! Я ей покажу «обрубок»! Я ей устрою сладкую жизнь, – искренне возмутился Мусиенко, но Власов остудил его.

– Цыц! Ни в коем случае не трогать ее. Не тобой положено, не тебе брать. Что, правда глаза колет? Это ей на тебя нужно обижаться. А теперь слухай вниматчно сюда! Мы тут, так сказать, посо-вэ-э-этовались с товарищами, сделали вывод и постановили: вина твоя, конечно, огромная. Если исходить из вековых традиций чести и права, то смыть ее можно только кровью.

– А может, есть еще какая-то смывочная жидкость?

– Я тебе слово не давал. Но в нем уже прозвучал глас мужчи-ны. Мы не кровожадны. Первоначально предполагалось, что в каче-стве компенсации за понесенный нами моральный ущерб и подрыв престижа сыщика и офицера ты должен выставить четыре бутылки водки.

– Побойтесь бога и начальника УВД! У меня же еще за спиной аlements. Но... я согласен. И приплюсую к этому хорошую закуску.

– Ладно, расщедрился ухарь-купец. Хорошая закуска будет за нами, да и трех бутылок, я полагаю, достаточно, – подытожил сделку Русаков.

– Ну, конечно, а то Дашку и в кино не на что будет сводить, – вставил обязательную пилюлю Виктор.

АННУШКА

Нет, Аннушку никак нельзя назвать невезучим человеком. Более того, ее жизненное благополучие говорит об обратном. Спокойный обаятельный трудяга муж, приносящий, или точнее привозящий, хорошую зарплату, поскольку работает водителем-дальнобойщиком. Приличная 4-комнатная квартира улучшенной планировки. Оптимальный «комплект» детей, – мальчик и девочка, со здоровьем и поведением которых пока (тьфу-тьфу!) у нее не возникало проблем, а также устраивающие ее работа и коллектив. К тому же Миша (муж Аннушки) никогда не сует нос в расходную статью семейного бюджета, полностью доверяясь ей в этом вопросе. И, что еще очень важно, выпивает очень даже умеренно и по вполне обоснованным, даже по ее мнению, поводам. А в перерывах между разъездами готовит, занимается с детьми и умело прилагает свои мужские руки, которые, кстати, растут именно оттуда, откуда нужно, с пользой для семьи. Короче, за то время, что муж находится дома, он просто не успевает утомить Аннушку своим присутствием и тем более надоест, как говорится, хуже горькой редьки. Ведь он своевременно уезжает в очередной рейс. Поэтому Миша всегда находится на более сладкой, по отношению к «горькой редьке», стороне семейного водораздела. Только живи и радуйся.

Но, видимо, для полного счастья беспокойной натуры этой миловидной 35-летней женщины простого семейного благополучия явно не хватало, ей нужно было чего-то еще. Любовной интрижки? Не-е-ет! Аннушка по-настоящему любит своего мужа и дорожит сложившимися отношениями, осознанно полагая, что лучшего и желать невозможно, да и не стоит. Но, наверное, судьба благоволит ей и в этом. Ведь Аннушка постоянно попадает, а если точнее, то влезает, влипает, вляпывается, в ситуации, которые сухим литературным языком называют трагикомичными, но от которых для большей комплектации этого полного счастья приходится и плакать, и смеяться.

Норковая шапка

Попрощавшись с радушными хозяевами, Аннушка вышла из квартиры. Вечер по случаю юбилея коллеги Инночки состоялся в кафе, но Аня сама вызвалась помочь юбилярше довести на такси до дома цветы, подарки, а также нетронутые продукты, недопитые алкогольные напитки, то есть то, что жалко оставлять в доход и без того доходного учреждения. И даже тогда, когда за ней захлопнулась дверь квартиры, она все еще осталась под впечатлением приятно проведенного времени.

«Ах, как все было мило, – мысленно возвращалась она к прошедшему празднеству. – А начальник отдела Валентин Сергеевич? В свои 63 он – отменный кавалер. А как танцует! И к тому же учтив с дамой и галантен. К сожалению, такое у современных кавалеров редко увидишь».

Аннушка осталась очень довольна собой. Еще бы, ведь она была душой компании. Внимания и комплиментов ей досталось не меньше, чем юбилярше. «Жаль, конечно, – подумала она, – что Миша не успел к этому вечеру вернуться из командировки. Было бы еще веселее. Ведь он очень общителен, остроумен и всегда желанный гость. Минус в том, что он почти не танцует». Но она с удовольствием компенсирует этот недостаток мужа тем, что танцует и за себя, и «за того парня».

Однако от эйфорических воспоминаний она скоро вернулась к более прозаическим: «Вот и Инночке уже сороковник, как быстро летит время. Ведь и мне скоро столько же стукнет. Не хочу, не хочу, не хочу!» Легкая грусть заставила ее глубоко вздохнуть. Но, не умея долго предаваться унынию, Аннушка почти тут же сбросила эту хандру и вновь вернулась к милым воспоминаниям. Очень приятное впечатление осталось у нее и от того, что все женщины были в восторге от ее новой норковой шапки. Еще когда Аннушка шла на вечер впервые, надев эту шапку после долгих летне-осенних ожиданий сезона, ей казалось, что все встречные мужчины обращают на нее внимание, а женщины просто умирают от зависти при виде ее нового головного убора. «Может, я и сейчас в центре внимания», – с легкой иронией подумала она. Но тут же очнулась от оцепенения, навеянного приятными мыслями, и неожиданно для себя обнаружила, что находится уже на улице и улица почти пустынна.

«Сколько же времени? – подумала она, – Ничего себе, двадцать минут первого! Через десять минут отходит последний троллейбус».

Уходя от Инночки, Аннушка намеревалась пройти до остановки по хорошо освещенной улице Некрасова, делая при этом солидный крюк. Но сейчас время было на исходе, и она решила пройти два квартала напрямик по тускло освещенной улочке. Она быстро перешла, почти перебежала дорогу и засемила по щербатому тротуару. В эту пору осеннего предзимья улицы казались особенно темными. Снега еще не

было, но небольшие морозы уже хозяйничали с наступлением темноты. Ни звезда, ни луны. И даже редкие фонари, словно страшась этой поры, светили как-то боязливо желто.

Вообще-то Аннушка была большая трусиха. Каждый раз, когда в темное время она одна шла по пустынной улице, ей чудилось, нет, она была уверена, что на нее обязательно будет совершено нападение, что на месте, по которому она идет, всегда совершаются преступления. Вот и сейчас ей вдруг пришло на ум, что она от кого-то слышала, будто именно на этой улице несколько дней назад злоумышленники пытались ограбить двух женщин. И у одной из этих женщин преступники сорвали шапку...

«Что? Шапку? – невольно зафиксировалось у нее в голове. – Ведь и у меня новая норковая шапка!» Она инстинктивно оглянулась. Где-то сзади невдалеке быстрым шагом переходил дорогу мужчина, разглядеть которого было невозможно из-за сумрака и тусклой освещенности улицы. Аннушка сняла шапку и передвинула резинку, удерживавшую убор на голове, с пучка волос на подбородок. Она полагала, что так предполагаемому преступнику будет труднее завладеть ее вещью. Ужас охватил женщину. От страха она вся съжилась, укуталась в воротник пальто, еще плотнее зажала под мышкой сумочку и ускорила шаг.

Между тем сзади все отчетливее слышались приближающиеся шаги. Они гулко разносились по пустынной улице. Было ясно, что сзади кто-то быстро шел, почти бежал.

«Вероятно, это тот мужчина, который переходил улицу, – подумала Анна. – Но что ему надо? Конечно же, ограбить, а может, даже и хуже». Хотя, по правде говоря, хуже ситуации, чем лишиться новой норковой шапки, она в этот момент и представить себе не могла. Что же делать, что делать? Может, закричать? Она инстинктивно ускорила шаг. Она уже бежала. Но шаги сзади неумолимо приближались. Аннушка оглянулась. Мужчина был совсем рядом. Он вроде что-то кричал, но женщина не могла разобрать этот крик. Ужас сковал ее тело, парализовал слух. Руки, туловище и даже голос словно застыли в оцепенении. И лишь ноги делали свое дело. Они все быстрее и быстрее несли ее туда, к спасению, к освещенной яркими фонарями троллейбусной остановке, где были люди.

Между тем длинная темная тень неизвестного уже обогнала бедную женщину. Анна усилиями всех мышц и сознания подалась вперед, пытаясь вырваться из этой тяжелой, давящей, зловещей тени. Но именно в этот момент поскользнулась на замерзшей луже и упала.

«Это конец», – подумала Аннушка, падая на асфальт. И тут же на нее навалилось и перелетело через нее что-то тяжелое и мягкое. Это был догнавший жертву разбойник, безусловно, разбойник. Он не успел

затормозить и перевалился через лежащую женщину. Однако в этой экстремальной ситуации она сориентировалась довольно быстро. Падение встряхнуло ее и вывело из оцепенения, что подтверждает гипотезу о том, что на краю гибели у человека проявляются скрытые до критического момента силы, позволяющие преодолеть неотвратимую угрозу. Аннушка сразу же вспомнила про шапку и, проведя ладонью по голове, обнаружила ее исчезновение. «Все, все, все пропало. Меня ограбили, шапка, шапка, моя шапка!» Горькие горючие слезы страшной обиды заволокли правый глаз женщины. Столько времени мечтать о таком головном уборе и, не проносив и дня, лишиться своей мечты! Разве не обидно? Разве это не закон подлости?

Однако у Аннушки продолжал действовать экстремальный инстинкт самосохранения. Она судорожно осмотрелась вокруг себя. О, радость – шапка валялась между ней и лежащим в полутора-двух метрах налетчиком! Мужчина что-то кричал, ругался, держась за колено. Не дожидаясь, пока он закончит свою речь и встанет, женщина схватила шапку и, напялив ее на голову, размахивая руками, побежала к троллейбусной остановке. Нет, теперь, когда она вызволила свою драгоценность, никто уже ее не догонит. Никто не помешает ей наслаждаться норковой шапкой, надетой на прекрасную головку. «Только бы успеть на последний троллейбус, – думала она, – только бы успеть».

Ей все еще казалось, что мужчина бежит за ней. Но вот и остановка. Она не вбежала – влетела в переднюю дверь троллейбуса. Почти тут же двери захлопнулись, и машина плавно покатила вперед.

«Ох, слава богу, слава богу, спасена!» Аннушка плюхнулась на сиденье и минуты три, никого и ничего не замечая, тяжело дышала. Наконец отдышавшись, она открыла сумочку и, достав проездной билет, подняла его над головой. Пусть водитель и другие пассажиры знают, что она не едет зайцем.

«А где же грабитель? Может, он тут же в троллейбусе?» Она повернула голову и со страхом, украдкой посмотрела назад. Троллейбус почти пустой. Только три пожилые женщины да парень с девушкой. Грабителя в салоне не было. «Ох, слава богу, слава богу!» – еще раз повторила она про себя. Только сейчас Аннушка почувствовала, как она устала. Часа три-четыре она почти непрерывно танцевала, заводила других гостей, приглашала скромняг на танец, дирижировала застольным хором. И потом эта пробежка. А вот сейчас нет сил пошевелить ни рукой, ни ногой. И если бы вдруг этот бандит, грабитель, разбойник, или как еще его там назвать, появился перед ней, то Аннушка скорее всего за просто так, бесплатно отдала бы ему эту злосчастную шапку. А может, и нет, не отдала бы? Ведь не зря же она так храбро сражалась на улице с превосходящими силами противника и одержала победу.

Между тем ей стало казаться, что на нее очень уж пристально обращают внимание. Вот и вошедший в троллейбус старичок прошел мимо и все еще оглядывается в ее сторону. И парочка, сидящая сзади, с какой-то ехидной, как показалось Аннушке, улыбкой кивает на нее.

«Наверное, я растрепанная, – подумала она. – Ладно, скоро приеду, а сейчас нет никакого желания прихорашиваться. Пусть думают, что хотят. Если бы они только знали, что мне пришлось пережить! Ну вот и моя остановка. Наконец-то приехала».

Выйдя из троллейбуса, она огляделась вокруг – а вдруг разбойник бежал за транспортом, и, собрав последние силы, почти бегом преодолела триста метров от остановки до подъезда. Но, поднявшись на третий этаж, она обнаружила, что в сумочке нет кошелька, в котором кроме денег лежали и ключи от квартиры. От обиды она чуть не бросила сумочку на пол. «Вот он, закон подлости! И Миша в рейсе, и дети у мамы. Нагулялась, наплясалась!» Она еще раз перерыла сумочку и безнадежно сунула ее под мышку. Слезы уже не слушались женщину и всю катились по щекам. Смешиваясь по пути с косметикой, они оставляли на милых щечках Аннушки грязные селевые потоки отчаяния. Она почувствовала, как нестерпимо хочет есть и спать.

«Ну почему, почему я такая несчастная, невезучая?» Женщина с ужасом подумала, что придется проделать весь путь обратно, но уже пешком, но тут же решила или ночевать на площадке, или идти на поклон к соседям. В отчаянии, не зная, куда деть руки, она что есть силы надавила на кнопку звонка. Просто так, от досады, не надеясь даже на домового.

И вдруг... дверь отворилась, и на пороге появился муж! Нет, это был не муж, это было божество, спасшее ее от неминуемой мучительной гибели. Не помня себя от радости, она в слезах бросилась ему на шею.

– Мишенька! Родной ты мой!

– Анюта, что с тобой? Никак перебрала дзють-дзють? Не беда, на то и праздник.

– Ты приехал! Какой же ты молодец!

Она долго и бессвязно объясняла мужу, что с ней только что стряслось. Он же несколько раз безуспешно пытался прервать ее рассказ. Наконец она замолчала, чтобы передохнуть.

– Подожди, подожди Аннушка, – втиснулся он в эту паузу, – а что это за шапка у тебя на голове?

– Как что? Это же норковая шапка, которую ты привез из Новосибирска.

– Ну если это норка, то искусственный каракуль на воротнике моего зимнего пальто – черно-бурая лисица. – Он снял с головы жены шапку и показал ей. Это была мужская шапка из меха нутрии. – Это что?

Трофей, что ли? А в принципе неплохая шапчонка, вполне приличная и малоношенная. Сейчас такие в моде. Молодец, добытчица. Так держать!

У Аннушки вновь что-то оборвалось внутри: «Значит, точно ограбил». И вновь горькие слезы обиды затмили правое око.

– Ты прямо как ковбой у меня, – продолжал донимать ее муж.

– Да заткнись ты со своими шуточками! Жену ограбили, а он издевается. Мне и без того тошно.

– Ну что ты, моя сладенькая, – съязвил он иронично-ласково, – я и не думал издеваться. А так говорю потому, что когда ковбою шляпа мешает, он откидывает ее назад и держится она у него на ремешке, повиснув на шее. Правда, в отличие от тебя, на голову ковбои в таких случаях второй шляпы не надевают.

И муж достал из-за спины супруги висевшую на резинке ее любимую норковую шапку.

«Так вот почему пассажиры троллейбуса так загадочно улыбались, глядя на меня», – догадалась Аннушка. Несмотря на пережитые неприятности и глубокую ночь, она рассмеялась так громко и заразительно, что Миша испугался, как бы она не разбудила весь дом. Ведь соседи могут подумать, что дама – товось, мал-мал свихнулась. Но предупредить ее он не успел. Аннушка сама резко оборвала смех.

– Слушай, Миша, а как же быть с шапкой?

– С какой шапкой? С трофейной?

– Ну да, с шапкой того мужика.

– Я полагаю, что по многовековым правилам войны победившая сторона имеет полное право на трофей.

– Да перестань ты ухмыляться, наконец! Я говорю совершенно серьезно.

– Ну, если серьезно, то помести объявление в газету о том, что мужчина, пытавшийся меня ограбить тогда-то, там-то и там-то, может зайти за своей шапкой по такому-то адресу.

– Да ну тебя со своими смешочками! Ладно, пошли спать. Утро вечера мудренее.

Она принялась разбирать постель, а муж, приглушенно смеясь, прошел на кухню, где на радостях опрокинул две стопки водки.

Утром Аннушка приготовила завтрак и собралась ехать к матери на другой конец города за детьми. В это время в квартиру позвонили. Она открыла дверь. На пороге стоял Сергей, муж вчерашней юбилярши Инночки. На нем были зеленая нейлоновая куртка спортивного типа и такая же спортивная трикотажная шапочка.

– Ну ты прямо как на олимпиаду собрался, – пошутила хозяйка, впустив гостя в квартиру.

– Соберешься тут на олимпиаду, – невесело пробурчал он в ответ.

– Да ты вроде хромаешь. Вчера отплясывал лихо. Никак переборщил с танцами?

– Нет, ты только посмотри! – взорвался Сергей. – Она еще спрашивает, почему я хромаю! Да ты же вчера ночью так ловко бросилась мне под ноги, что я не знаю, кого благодарить за то, что голова осталась цела.

– Так... так... так это ты? Ты, что ли, ночью бежал за мной?

– Я, я, милая, я. Ты же оставила у нас ключи. Инна вспомнила, что дома у тебя никого нет, и отправила догнать тебя с этими ключиками, будь они неладны. На, возьми свой ридикюль. – И он протянул ей кошелек. – Я только одного не могу понять: на кой ляд тебе понадобилась моя шапка? Хотела как вещдок в милицию предъявить, что ли?

Аннушка уже не могла сдерживать смех. Еще ни разу в жизни, несмотря на свою веселость, она так откровенно не смеялась. Сергей, вошедший в квартиру мрачный, как тюремная стена, оценив юмор случившегося казуса, также загремел раскатистым хохотом. Что касается Миши, то он, раньше всех оценив ситуацию, давно уже ржал, слушая диалог соучастников преступления.

Шуба в полоску

Аннушка, позавтракав на скорую руку, разбудила мужа.

– Слушай, Миша, я пошла. Суп и каша в холодильнике. Покормишь детей, когда встанут. Там же в холодильнике на нижней полке мясо размораживается. Потом поставь его вариться. Я приеду, сделаю мясную подливу. Но если у тебя вдруг появится желание, то сваргань сам что-нибудь на второе. – На их семейном языке выражение о вдруг появившемся желании обычно означало «хочешь – не хочешь, а сваргань». Она на секунду задумалась. – Да, и еще, Миша. С Леночкой сходи в кино. Я давно ей обещала. Если Вовка захочет, возьми и его, а так пусть идет гулять. Но пускай надевает старую куртку. Новая для школы. Все понял? Ладно, я побежала.

– Беги, беги, – пробурчал муж, переворачиваясь с боку на бок. – Надеюсь, сегодня поймает удачу за хвост и наконец купишь...

– Не знаю, – перебила она его, поняв, что муж хочет что-то связать. – Но люди говорят, что там шубы часто бывают.

– Да какие шубы? – продолжил свою полусонную речь Михаил. – Я говорю о валеночках дочке. В магазине-то уж больно жесткие. А твоя желанная шуба – такой же призрак, как и снежный человек.

Он зевнул и хотел добавить что-нибудь едкое по этому поводу, но жена вновь оборвала его:

– Все-все, я побежала. Не забудь, что я тебе сказала.

И, развернувшись, как можно быстрее выскочила из комнаты.

– Ни пуха ни пера, – пробурчал ей вослед муж и плюхнулся на подушку.

Аннушка вышла на улицу. Прохладный ноябрьский воздух разогнал последние остатки сонливости. Женщина глубоко вздохнула и решительно зашагала к троллейбусной остановке. По правде говоря, она давно уже потеряла веру в то, что сможет купить наконец-то шубу любимившегося ей фасона.

А началось все с того, что еще в июне в центральном универмаге Аня увидела в продаже приталенные шубы ее размера. Шубы были пошиты из искусственного меха под норку, с волнистыми продольными полосами. Она даже покрутилась в этой верхней одежке у зеркала и осталась весьма довольна как изделием, так и своим внешним видом в таком изделии. Но мех-то искусственный, а у Аннушки недавно появилась натуральная норковая шапка. Сама логика жизни подсказывала, что в комплекте этой зимней формы должна быть именно натуральная, а не искусственная, хоть и похожая на норку шуба. И поэтому не решилась купить ее, о чем чуть позднее очень и даже очень пожалела.

Дело в том, что семья ждала приобретения нового автомобиля, скорее всего «Волги». Машина должна была прийти до конца года, и Миша уже продал их не новый, но очень добротный и ухоженный «москвич». Поэтому Аннушка не стала изымать тысячу рублей из имевшихся у нее накоплений на покупку шубы, так как эти деньги вполне могли пригодиться для приобретения машины, что было, конечно же, для семьи важнее. Хотя возможности приобрести натуральную шубу были, и муж наверняка бы не протестовал.

Аннушка решила на покупку искусственной, но гораздо более дешевой меховой одежды после выходных, которые с семьей проводила в деревне у тетушки, то есть через два дня. В понедельник в обеденный перерыв она ринулась в универмаг, но увы, увы, увы. Шубы были раскуплены, а будут ли поступления таких же новых, администратор не знала.

Женщиной овладело чувство невосполнимой утраты. Весь воскресный вечер после приезда из деревни и все дообеденное время в понедельник она представляла себя в этой шубке. Приталенная, с волнистой продольной отделкой, она, по мнению женщины, должна была подчеркивать ее молоджавость и изящность. И вдруг такой облом! Беда в том, что Аннушка уже хронически заразилась этой вещью. Она уже не могла представить себя в другой зимней одежде. С тех пор и началась эта гонка за неуловимым призраком.

Миша не мог не заметить состояние супруги и отнестся к ее беде материально-сочувственно. Он дважды привозил ей из рейсов шубы, но

их фасон жене не подходил. Нет, Аннушка не капризничала, она просто была почти смертельно больна конкретной вещью, а точнее ее фасоном. Однако обе не подошедшие ей шубы с наваром продала через комиссионный магазин и одной знакомой, причем знакомая осталась очень и очень довольна.

Аннушка регулярно после открытия обегала многие магазины верхней одежды, брала отгулы и толкалась в универмагах в последние дни месяцев и кварталов, давала задание знакомым продавцам, выезжала даже в сельские магазины, но все было тщетно. Появлялись в магазинах шубы других фасонов и расцветок, были светлые и темные, пятнистые и однотонные, прямые и приталенные, с кушаками и без, но все было не то. Она порывалась съездить для этого в столицу, «знать, столица та была недалеко от села», но одна не решалась на это мероприятие, опасаясь огромного города, а у Миши не было возможности сопроводить ее. Да и не факт, что и в Москве обязательно купишь именно такую шубу. Но все же с упрямством избалованного ребенка, несмотря на язвительную иронию мужа, она продолжала свой поиск.

Однажды был момент, когда Аннушка отчаялась и решила бросить эту бесплодную гонку. В одну из сентябрьских суббот, поддавшись уговорам мужа, она вместо привычного рейда по магазинам отправилась с соседями на их машине за грибами в лес. И надо же такому случиться, что именно в этот день ее коллега по работе Волчкова отхватила такую шубу в универмаге! Ну, купила и молчала бы! Так нет же. Она, словно издеваясь над Аннушкой, рассказывала всем, что шубы свободно висели на стеллажах, что она сначала и покупать-то не хотела, что с собой у нее и денег-то не было и ходила за ними домой, что выбрала она шубу, перемерив до этого штук пять или шесть.

Это было невыносимо, это было ужасно, это было хуже, чем удар ножом из-за угла, это была просто подлая издевка. Аннушка с досады ругала и себя, и мужа, и Волчкову и наконец твердо решила закончить эту эпопею с шубой. Ей что, ходить, что ли, не в чем? Но в один из выходных дней, когда она не спешила в промтоварные магазины, вернувшийся из рейса муж вновь подковырнул ее:

– Анечка, ты что, уже не ходишь отмечаться в универмаг? Сходи, пожалуйста, а то там рабочий день без тебя не начнется.

Аня, любившая шутить и весело воспринимавшая шутки в отношении себя, такую злую иронию мужа восприняла очень болезненно. Она вспыхнула, ирония задела ее за живое. Однако она нашла в себе силы сдержаться, овладела собой и, стараясь выглядеть как можно спокойнее, с напускным равнодушием ответила:

– Схожу, если ты так настаиваешь. Что ж не сходить. Вот только уборку на кухне закончу.

Где то в глубине души она сознавала, что все равно не отказалась бы от своей затеи, но эти слова мужа подтолкнули ее возобновить поиск раньше. Однако ни в этот день, ни в последующие недели желанные шубы в магазины не поступали. А зима почти пришла.

Кто-то из знакомых посоветовал Аннушке сходить на функционирующий по воскресным дням вещевой рынок, или барахолку, как его обычно называют. Анна относилась к этому конкурирующему с государственной торговлей учреждению брезгливо, считая, что посещают его лишь недалекие люди, спекулянты и мошенники. Однако охота пуще неволи.

И вот троллейбус 6-го маршрута плавно подкатил к конечной остановке. Барахолка начиналась задолго до той огороженной забором площади, которую горисполком выделил для вещевого рынка. Снаружи забора барахолка походила на стихийный самоорганизовавшийся базар типа развал. Оживление, шум, сутолока. Здесь активно рекламировали свой товар кустарные производители комнатных тапочек, телогреек, головных уборов, лифчиков. Со знанием дела спорили о масти, породе и назначении щенков, кроликов, котят, копошившихся в корзинах, коробках, переносных вольерах, а проще – в клетках. Животные, шкурки, запчасти к различным механизмам, гвозди, шурупы – все преподносилось, как показалось Аннушке, в каком-то хаотичном беспорядке. Румяные украинки с мешками семечек, суровые и улыбчивые джигиты с южными товарами, пестрые цыгане с узлами тряпья, государственные автолавки с ширпотребом – вся эта круговерть придавала наружной барахолке оттенок старинной ярмарки.

Совершенно по иному была организована внутренняя барахолка, располагавшаяся на огороженной территории. Во-первых, чтобы попасть туда для торговли, необходимо было уплатить, в зависимости от товара, пошлину в размере 50 копеек или одного рубля. Степенный и сдержанный тон этого места торговли отличался от наружного базара, как отличается деловой человек, знающий цену своим вещам, от пропившегося гуляки, толкающего последние штаны. Помимо продавцов, покупателей и зевак здесь постоянно сновали контролеры, ищущие беспошлинных торгашей, бродили оперативные работники милиции, вылавливающие спекулянтов, сбытчиков краденого и карманных воров. Торговля велась как с длинных торговых рядов – стеллажей, так и из ларьков и прямо с земли, но в строго отведенных местах.

Аннушка довольно быстро сориентировалась в окружающей обстановке. Поняв, что снаружи ей делать нечего, она ступила на просторы «степенного базара». Авторитет этого базара заставляет попавших сюда людей подчиняться неписаным правилам. Женщина, влившись в эту среду, неспешно пошла по кругу вместе с другими посетителями. Ей

казалось, что каждое резкое движение, не совпадающее с общим ритмом, словно громко сказанное слово на поминках, отзовется здесь злым шепотом и неодобрительными взглядами. «Одноразовые» торгаши, стеснявшиеся своей роли, осторожные спекулянты и профессиональные бабки-барахольщицы, реализующие за вознаграждение чужой товар, с каким-то видимым безразличием стояли в стройных рядах. Казалось, им было до фонаря, купит у них кто-нибудь что-нибудь или все пройдут мимо. Покупатели и скучающие зеваки так же степенно проходили вдоль этих рядов, лишь изредка прицениваясь. Они брели мимо разложенных вещей, как в картинной галерее, в которую их в сотый раз привели на экскурсию.

К Аннушке неожиданно подошел модно одетый мужчина неопределенного возраста.

– Девушка, есть сапожки австрийские на поролоне, – вполголоса произнес он. – Не интересуетесь? Размеры 39–41.

Обращение «девушка», конечно же, льстило ей, но она отрицательно покачала головой. Мужчина со скучающим видом отошел, словно и не делал предложения. Но шедшая рядом с Аней молодая женщина метнулась к нему.

– Это у вас сапоги? А на меху есть?

– Посмотрим, конечно, – с неопределенной уверенностью ответил тот.

– А стоят сколько? Цена какая?

– Ну сразу же цена! Вы сначала взгляните. – Мужчина взял девушку под локоть и как галантный кавалер увел ее в сторону.

Таким же образом Аннушке попытались всучить джинсы якобы фирмы «Монтана» и «адидасовские» кроссовки.

Аня не сразу заметила нескольких женщин, обступивших маленькую вертялую старушку. Но затем, скользя взглядом вдоль рыночных рядов, она обратила внимание на эту группу. Даже не вооруженная базарно-барахольным опытом, она сразу же сообразила: там происходит то, что может ее заинтересовать. Продажа мужских вещей явно исключалась, так как двое мужчин отрешенно стояли с сумками в стороне и смиренно ждали, пока их дамы утолят любопытство.

Среди этой группы людей замерцал для Аннушки едва уловимый свет маячка надежды. Его слабые сигналы приняло чуткое сердце женщины, измученной долгими поисками. Забыв про базарный этикет, она именно метнулась, а не подошла к месту, откуда шли сигналы. Встав на носочки, Аннушка судорожно посмотрела через плечо стоявшей впереди женщины и обомлела – упитанная дама пыталась напялить на себя явно не по размеру шубу. Да какую шубу! Шубу, за которой столько времени она, Аннушка, охотится. Еще несколько секунд такой примерки

– и вожденная шуба расплзется по швам на спине. Сердце кровью обливалось при виде такого кощунственного отношения к почти священной реликвии.

Аннушка забыла всякий этикет и нырнула в центр полукруга события, не обращая внимания на недовольное ворчание присутствующих. Стоявшая рядом с примерявшей шубу пышкой маленькая суетливая старушка-продавец наконец не выдержала и схватила ту за руку.

– Ну, хватит, хватит милочка. Нешто не видишь, что не лезет, никак не напялить...

– Постой, бабка, я кофту сниму!

– Что постой, что постой? Ты хоть и лифчик сними, все одно не полезет. Похудей малехо, а потом и приходи примерять.

Дама с сожалением, как тугую перчатку, сняла с себя шубу. Бабка взяла одежду, встряхнула и, повесив через руку, безразлично отвернулась от женщин, явно сознавая, что к ее вещи неподдельный интерес и никуда покупатели не денутся. Пока остальные потенциальные претендентки на этот «лот» отходили от впечатления, вызванного эстрадным номером – примеркой, Аннушка мигом сориентировалась и первой подскочила к бабке.

– Извините, пожалуйста. Можно, я посмотрю шубку?

Откуда у нее взялись эти прыть и наглость, она не могла осознать как в тот миг, так и по прошествии времени. Ведь чувство такта и уважительности было ей присуще с детства. Но тут... Видимо, близость и осязаемость мечты заставили ее инстинктивно действовать по принципу «в большой семье...»

– Позвольте, милочка! – возмутилась какая-то женщина. – Но ведь я вперед вас сюда подошла и тоже хотела примерить эту шубу.

Но ни эти слова, ни какие-либо другие категории приличия и совестливости не имели возможности воздействовать на Анну. В этот момент она была надежно защищена прочной черствой броней эгоистичного ощущения реальной вероятности обладания желанным предметом, поэтому не могла ничего слышать, чувствовать или осознавать, кроме овладевшего ею этого ощущения. Она судорожно оглядывалась по сторонам, выбирая, куда положить куртку, чтобы примерить шубу.

– Давай я подержу, – догадалась бабка.

Аннушка рассматривала шубу. Именно такую она летом примеряла в универмаге. Почти неношенная, а возможно, и вообще неношенная (когда же хозяйка успела ее поносить-то, ведь приобрела наверняка летом, не по сезону, или чуть попозже). Она надела ее и застегнулась.

– Вот тут совсем другое дело, а то эта корова напяливала на себя, – подбадривала бабка. – Внучка моя, 20 лет, такая же, как ты... – Аннушке польстило, что ее сравнили с двадцатилетней, – ...фигурой-то... – Хоть

бы и фигурой, все равно приятно. – ...купила для себя, а сейчас забрюхатела, замуж весной вышла. Может, и носить-то не придется, какой после родов-то будешь. Да и деньги очень потребовались, вот и попросила продать.

Ане было все равно, внучка эту шубу покупала или нет, правду бабка говорит или внаглую врет, главное, что шуба, о которой она мечтала, надета на ее плечи.

– А сколько же вы хотите за нее, бабуля?

– Сколько, сколько... Да за сколько купила внучка, за столько и продаю – 350 рублей.

Аннушка чуть не поперхнулась от этих слов. Ведь она отлично помнила, что цена шубе летом была 230 рублей. Она, конечно, понимала, что любой продавец желает продать свой товар подороже, она и сама так поступала, но ведь совесть и здравый смысл должны быть! А тут 120 рублей навар. Не жирно ли будет? Если бы Аннушка не знала истинной стоимости вещи, она, возможно, и приобрела бы ее, особо не раздумывая. А тут, конечно, жаба душила ее сознание.

– Да ей красная цена 130–150 рублей, – громко прервала раздумья Анны «обиженная» женщина, явно пытаясь насолить или посеять сомнения у более удачливой соперницы. – Я бы и за эту цену подумала, брать ли. Правильно, что не стала и примерять в такой-то холод.

Аннушку лишь раззадорили эти слова. Она не собиралась отказываться от своей цели и будет с бабкой торговаться, а пока нужно оценить себя со стороны. Женщина достала из куртки, которую держала продавщица, свою «всепогодную» сумочку-косметичку. Она ее называла так потому, что там могло находиться все, что угодно, все, что туда влезало. В том числе, как и сейчас, деньги. Затем достала оттуда зеркальце, а сумку вернула бабке.

– Подержите, пожалуйста, а то там как-никак почти 700 рублей. Не дай бог, сопрут, я этого не переживу.

А сама стала разглядывать себя в небольшое зеркальце, одновременно пытаясь вести торг с бабкой.

– Знаете, шуба мне, конечно, нравится, и я собираюсь купить ее у вас. Но только не за такую, конечно, цену. Я точно знаю, что в магазине она стоит 230 рублей. – «А все-таки хорошо я в ней смотрюсь, – прерывала она торг мысленной оценкой своей внешности, – это видно даже в такое маленькое зеркальце». – 290 рублей отдать за нее я согласна.

Однако бабка молчала. «Видимо, обдумывает предложение, – размышляла Аннушка, продолжая высоко оценивать свой внешний вид через зеркальце. – Здесь и карманы очень удобные, есть и внутренний поясной карманчик, все как в лучших домах», – подбадривала она себя шуткой.

– Ну так как, бабушка, вы согласны?

Но бабка опять ничего не ответила.

Аннушка, не ощущая никакой тревоги, оглянулась. Но бабули нигде не было. Ее куртка лежала на земле, а вот бабули, увы, не было. Теперь вот как узнаешь, согласна бабка на предложенную цену или нет. Аннушка порвалась в брошенной куртке, но и кошелек ушел вслед за бабулей. Женщины-претендентки на зимнюю верхнюю одежду также разошлись, пока она любовалась собой. Она еще не сообразила, что с ней произошло. Суетливо метнулась в сторону, потом вернулась, подняла свою куртку и только теперь поняла, что бабка ее облапошила: 700 рублей за эту, пусть и неплохую, шубу...

«О, горе мне, горе! – мысленно твердила она. – Какая обида, какой позор! А сколько усмешек будет за спиной, когда коллеги-подруги узнают, что я так опростоволосилась. О, горе мне, горе, какой позор... За какие же грехи мне это наказание? Столько денег улетело впустую! Как бы они пригодились для покупки необходимых вещей для детей, мужа и вообще... Да за что же мне такое наказание?!»

Мысли Аннушки сбились в какую-то бесформенную кучу и не давали ни одного дельного предложения, а точнее, по мудрому выражению ее мужа Михаила, «встали враскорячку». Она попросту не знала, что ей делать, что предпринять. Если бы была возможность, она бы провалилась сквозь землю, а если бы она знала, что на рынке есть пост милиции, она бы обратилась туда. Но одного она не могла, а другого не знала и поэтому, низко опустив голову, побрела к троллейбусной остановке. Она даже не думала о том, что у нее нет ни проездного билета, ни даже 4 копеек на разовый билет. Свою красивую утепленную куртку она небрежно несла в опущенной руке, почти волоча полой по земле. В троллейбусе она встала на задней площадке и, силясь не заплакать, почти уткнулась носом в заднее мутное от наружной грязи стекло.

Как Аннушка дошла до дома, она почти не помнит. Правда, у подъезда, насколько у нее было сил, взяла себя в руки, кивнув поприветствовавшим ее соседкам, но, подойдя к квартире, не стала звонить, а затарабанила что есть мочи ладошкой по двери. Удивленный муж и испуганные дети молча глазели, как она, выпустив в прихожей из руки куртку, не снимая сапоги, чего раньше никоим образом не разрешала ни себе, ни домочадцам, прошла в комнату, где, рухнув на диван, наконец разрыдалась.

Муж не то с ехидной улыбкой, не то с предсмертной гримасой на лице встал рядом, скрестив руки на груди. Аннушка полностью пришла в себя. Она уткнулась лицом в диван, но тем не менее чувствовала, что Миша стоит рядом. Она со страхом и необъяснимой злобной надеждой ждала, когда он скажет ей какую-то колкость, а она в ответ вцепится в

его ухмыляющееся лицо и сорвет на нем всю свою злобу и боль, будто именно он во всем виноват. Миша действительно тихо и спокойно произнес:

– Смотрю, шубейку наконец приобрела. Обмывать-то будем?

Аннушка, словно дождавшись команды «фас!», сорвалась с цепи. Она вскочила с дивана, сдернула с себя шубу, бросила ее в лицо мужу, а затем и сама набросилась на него. Но, прикоснувшись к нему, словно прозрела, осознав, что этот человек ни в чем не виноват. Как-то обмякла и, свесив руки, опустилась на диван.

– Прости меня, Миша. Но меня продавщица-бабка обманула. Почти 700 рублей стащила, извини меня дуру...

– Да-а-а-а, солнышко ты мое ясное. Я убежден, что умру не в автоаварии, а со смеху, за что тебе огромное спасибо. Тетя Мотя! Ты же деньги-то дома забыла, на, возьми их. – И он протянул жене скрепленные канцелярской скрепкой денежные купюры в сумме 680 рублей. – Кстати, ключи ты тоже не брала с собой. А вообще-то знаешь что? Пока не поздно, может, ты туда, на барахолку, еще в одну командировочку слетаешь? И мне что-нибудь приобретешь на халяву.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Развод в отделении уголовного розыска закончился неожиданно. Начальнику отделения позвонили по телефону и срочно вызвали наверх. Впрочем, все вопросы, которые предполагалось разобрать перед началом рабочего дня, были рассмотрены, и капитан Любимов сухо закрыл совещание:

– Все, парни, за работу! Вечером в пять встречаемся у меня в кабинете. – Но уже уходя, подозвал одного инспектора: – Володя Лавский, подожди минутку.

– Слушаю, Сергей Романович.

– У тебя на зоне неопознанный труп. Явных признаков насильственной смерти вроде нет, но на голове, как заявляет судмедэксперт, какой-то кровоподтек. Возможно, это могло произойти и при неосторожном падении, без криминала. Впрочем, вскрытие установит причину смерти. Материалы у Игоря Шарова. Он выезжал на место происшествия. Свидетелей, обнаруживших труп, можно будет опросить только завтра. Твоя же задача на сегодня по этому материалу – обязательно откатать пальчики потерпевшего. Труп находится в морге больничного городка.

Лавский хотел кое-что уточнить по этому поводу, но начальник уголовного розыска уже быстрым шагом удалялся по коридору. Инспектор в раздумье остался стоять у кабинета.

Теоретически он знал, как снимать отпечатки пальцев с трупа, это он изучал еще в школе милиции по служебной медицине, но вот практически?.. Здесь необходимо иметь не только минимальные навыки, ведь мертвеца не попросишь расслабить руку или повернуть ладонь кверху. Но главное – преодолеть себя. К тому же покойники на месте происшествия не вызвали у него таких отталкивающих эмоций, как в морге, где, как ему казалось, и стены, и пол, и потолок, и мебель, и вообще вся обстановка были пропитаны потусторонним миром. Конечно же, это все из области мистики, и преодолеть этот психологический барьер ему необходимо и вполне по силам. Но вот как?

Володя зашел в кабинет к старшему инспектору по розыску скрывшихся преступников и пропавших граждан Николаю Степановичу Войнову. У него не только большая милицейская практика, более двадцати

лет на службе, но и по линии работы ему чаще, чем другим, приходится иметь дело с трупами.

– Степаныч, – обратился Володя к нему, войдя в кабинет, – ты – старый волк, посоветуй, как мне лучше снять отпечатки пальцев с трупа.

– А где твой труп в настоящий момент «проживает»?

– Да в морге больничного городка, где ж еще-то?

– Ну, тогда без проблем. Поезжай прямо туда, санитары там все сами сделают. Только возьми на всякий случай с собой все принадлежности для этого, а также бланк дактилокарты, чистую бумагу и клей. У них обычно чего-либо не хватает из этого барахла.

– Вот спасибо, Степаныч, успокоил. А то у меня уже «матка опустилась».

– Ничего, парень, привыкнешь.

Морг больничного городка располагался в отдельном от больницы строении, сложенном из красного кирпича. Двухэтажное узкое здание уютно спряталось под шатрами старых кленов и почти замаскировалось от внешнего мира кустами сирени и сеткой плюща. Лишь каменная лестница и дверь главного входа, да еще подвальные двери красными пятнами выделялись на фоне сплошной зелени. Владимир представился женщине в белом халате, сидевшей у входа.

– Пройдите туда, – указала она на широкую пологую лестницу, ведущую в цокольный этаж.

Чем ниже спускался инспектор, тем плотнее становился запах формалина, тем неприятнее ощущения овладевали им. В небольшой комнате, где находились санитары, дверь была раскрыта настежь. Двое молодых мужчин пили кофе с бутербродами, весело и громко переговариваясь между собой. Веселая трапеза на полпути в царство Аида совсем не походила на тризну и показалась Лавскому, мягко говоря, настолько противоестественной, что один вид принятия пищи в этих условиях вызывал у него ощущение тошноты. Но ничего не поделаешь, выполнять работу необходимо, он на это сам подписался. К тому же опозориться своей слабостью и перед этими санитарями, и тем более перед коллегами было еще страшнее.

Мгновенно пересилив себя, он обратился к санитарам с умышленным намеком на черный юмор:

– Здравствуйте, приятного аппетита!

– Здорово, здорово, если не шутишь. Присаживайся к нам. – В голое говорившего проскальзывала явная ирония, и Володя, не ожидавший такого «гостеприимства», поспешил вежливо отказаться:

– Нет, спасибо, я уже позавтракал.

– Ну, как хочешь. – И они продолжили оживленную беседу, будто инспектора и рядом не было.

– Я из Центрального райотдела милиции, – напомнил о себе оперативный работник.

– Мог бы и не говорить, по запаху чувствуется. И что дальше?

– У вас неопознанный труп, доставленный из карякинского парка.

– Ах, вот ты о чем. Петя, представь парню квартиранта.

Володя с санитаром прошли в просторный зал, полностью обложенный кафельной плиткой бело-голубых тонов. Покрытые также кафельной плиткой «банные» скамьи и длинный резиновый шланг, надетый на выход водопроводного крана, давали представление о технологии гигиенической обработки отходящих в мир иной. Владимир дважды присутствовал на вскрытии трупов во время учебы в школе милиции, а вот здесь оказался впервые. По дороге санитар объяснил, где находятся необходимые предметы для дактилоскопирования.

– А вот дактилокарт и бумаги нет. Остальным можешь пользоваться, если с собой не захватил.

Из смысла сказанного опер понял, что слуги Аида не собираются брать у усопшего последний «автограф» на этом свете. Вскоре эта страшная догадка подтвердилась.

– Вон твой клиент на второй полке справа, – открыв широкие створки холодильника, торжественно объяснил санитар Петя. – На том столе, – показал он рукой, – тебе удобнее будет работать. Давай перенесем труп туда.

«Клиент» Владимира лежал на брезентовых носилках, укрытый темным целлофаном. Из-под накидки наполовину высывалась его сжатая в кулак кисть. На полках кроме него лежало еще несколько мертвецов, также накрытых целлофаном. С трупа старика, угодившего, по-видимому, под трамвай, накидка была наполовину откинута. Это дополнительное психологическое испытание опять едва не вызвало у инспектора приступ тошноты, настолько ужасны были травмы.

– Ну, что ты мнешься? Берись за носилки.

– А что, вы сами откатывать не будете? – растерянно спросил Володя, уже не стесняясь своей слабости.

– Извини, парень, мы это делать не обязаны. Да и времени совсем нет. Сейчас перекусим и опять запрягаемся. Работы много.

– Дело в том, что я никогда не снимал отпечатки пальцев с трупов.

– Ну а мы-то здесь при чем? Это твой хлеб. – Он выжидательно посмотрел на Владимира. – Ну, что, будем вытаскивать?

Тошнота почти постоянно дежурила у горла и опять резко заявила о себе. Лавский отрицательно качнул головой и, чтобы избежать конфуза, поспешил к выходу. Выскочив на улицу, он зашел за куст, сплюнул накопившуюся слюну и глубоко вдохнул свежего воздуха. «Фу-у-у, как они здесь работают... – как бы оправдывая себя, подумал он, а затем

самокритично добавил: – Они-то работают, а ты, опер, своего дела не сделал. А что же дальше? Ясно, что самостоятельно мне это профессиональное следственное действие не выполнить. Я не в силах перебороть себя. Скорее всего меня просто вырвет во время этого занятия. Попросить кого-либо из ребят? Но стыдно признаться, что я такой слабак».

Хотя Володя и понимал, что далеко не у всех сыщиков хватит духу таким образом пообщаться с мертвецом, просто признаваться в этом не принято. Обдумав все, опер решил, что лучшим выходом будет посоветоваться с Сергеем Романовичем. Он – мужик понимающий, на посмешище не выставит. Лавский разменял в киоске на двушки 10 копеек и пошел к таксофону.

– Сергей Романович, – начал он разговор, услышав в телефонной трубке голос начальника уголовного розыска, – не могу я откатать нашего неопознанного покойника.

– Ну что ж ты так, товарищ инспектор уголовного розыска? Это ведь далеко не самая трудная и технически сложная процедура в твоей работе.

– Ну не могу, не могу пересилить себя. Стошнит меня просто и все. Сергей Романович, у него к тому же запястья скрюченные, и чтобы пальцы разжать, нужно сухожилия перерезать. Ну не смогу я это сделать!

– Ладно. Я совсем забыл, что у тебя такой поход впервые. Не ты первый, не ты последний. У тебя деньги с собой есть?

– Есть рубль с копейками. На обед.

– Этого мало. Приезжай в отдел.

– Все понял.

Через полчаса инспектор был в кабинете у Любимцева.

– Вот тебе 10 рублей с «девятки», распишись в ведомости. Как писать, спросишь у ребят. Новичков из нашего брата санитары именно так встречают. Или сам откатывай. Но второе, кстати, будет более весомо в их глазах.

Володя купил бутылку пшеничной водки и, воспрянув духом, вернулся в морг. Он нашел санитаров в зале, где Петр поливал из шланга пол, а его напарник засовывал окровавленную одежду, снятую с какого-то покойника, в целлофановый мешок. Петр с улыбкой принял бутылку пшеничной и положил ее в пустой гроб, стоявший на столе.

– Погуляй минуток десять. Мы сейчас закончим уборку и займемся твоим вопросом.

Когда милиционер вернулся в зал, Петр уже беседовал с его безымянным клиентом.

– Ну вот. Лежи спокойненько, все будет хорошо, – приговаривал он, накатывая валиком мастику на ладонь и пальцы трупа. Затем брал

заранее нарезанные под размер рамки дактилокарты прямоугольные кусочки бумаги, прижимал их к спичечному коробку, прокатывал этим приспособлением по намазанным краской пальцам, а потом наклеивал отпечатки на дактилокарту в соответствующую пальцу рамку. С одной рукой он справился быстро. Вторая же кисть была полусжата в кулак. Петр, держа скальпель, ласково уговаривал покойника.

– Ты, мужичок, не волнуйся. Я проведу небольшую операцию. Тебе больно не будет, только не надо брыкаться.

Этот черный юмор был явно направлен на то, чтобы произвести жуткое впечатление на работника милиции. Санитар острым скальпелем полоснул по запястью полусжатой в кулак руки. Перед взором Владимира предстала раздвинувшаяся мякоть мертвого человеческого тела. Вид оголенной раны и тихий хруст суставов разжимаемых пальцев действительно вызвали у него жуткие ассоциации, словно острое лезвие скользнуло не по ткани мертвого человека, а по его живой руке. Парня вновь замутило, комок тошноты уже стоял у горла и мог вот-вот вырваться наружу. Рот был полон слюны. Володя не говоря ни слова вышел из зала и поспешил на улицу. Там он проделал ту же процедуру, что и после первого посещения царства мертвых.

Надышавшись свежего воздуха, он стал внушать себе стойкость к виду покойников. «А чего ты, собственно, боишься? Не съедят они тебя и даже не укусят. Ведь у тебя не бывает неприятных ощущений, когда видишь, как разделявают свиную тушу на рынке, не мутит при виде раздавленной машиной собаки, да и погибший на месте преступления не воспринимается с такими болезненными последствиями, как в морге, – рассуждал он сам с собой. – Ведь здесь то же самое».

Что-то подобное происходило с Владимиром и на похоронах близких людей. Но там боль от утраты родного и привычного человека была сильнее общей неприятной атмосферы ритуала. Хотя и тогда он через силу принимал пищу на поминках. У него не было суеверного страха перед умершими, но на него отталкивающе действовал непосредственный контакт с ними.

Владимир отлично осознавал, что ему как работнику уголовного розыска необходимо привыкнуть к этому не столь частому, но обычно для его профессии контакту. Поэтому он, вдохнув побольше воздуха, продолжил настрой психики, беря для примера медицинских работников: «Ну а те же врачи и санитары? Они такие же, как и я, человеки, но не видят в общении с усопшими ничего ненормального. Для них это все естественно. Вероятно, вековое отношение к мертвецам как к представителям чего-то потустороннего, загадочного, жуткого и внушает отвращение к их внешнему виду. А может, просто человек, зная, что он смертен, не желает, тем не менее, признаваться самому себе, что

когда-нибудь станет такой же неодушевленной массой костей и мягких тканей». Подкрепив свой дух этим аутотренингом, он принял решение вернуться в морг и присутствовать при всех проводимых там процедурах до конца.

Когда Владимир вернулся в подвал, санитары уже успели убрать труп обратно в холодильник. Петр подал ему уже готовую дактилокарту.

– Клади осторожно, так как клей еще не подсох. – Он достал из пустого гроба бутылку водки. – Как тебя зовут?

– Во... Вова, – как-то по-детски растерянно назвал инспектор свое имя, нехотя унизив солидность своей профессии.

– Ну, что, Вовчик, – поддержал санитар его голосовую интонацию, – обмоем наше знакомство? Как ты на это смотришь?

Владимир знал, что с санитарями желательно выпить, об этом не раз рассказывали более опытные сыщики. Таким образом традиционно закрепляется знакомство, чтобы в следующий раз не возникало проблем с дактилоскопированием. Ну, а с другой стороны, надо тренировать свою психику, показать себя мужчиной, в конце концов, настоящим опером. Перед санитарями он и так уже проявил себя слабаком. Поэтому он решительно согласился тоном заправского собутельника:

– Не откажусь.

Однако и в этом эпизоде инспектора поджидали новые испытания. Комнату санитаров занял врач, беседовавший с родственниками одного из умерших, которого он вскрывал. Пить предстояло прямо в зале. За неимением стакана, оставшегося в кабинете, пришлось довольствоваться неизвестно откуда взявшейся майонезной баночкой. Петр разложил на каменном столе завернутые в бумагу бутерброды. Отступить Володе было поздно. Рубикон решимости перейден.

Санитар налил испытуемому норму, явно превысившую равнозначную для троих собутельников, а инспектор просмотрел этот момент, чтобы вовремя тормознуть «банкующего». Более того, такими дозами Владимир вообще никогда еще не пил. Так что можно только представить, на какой подвиг толкнула его служебная обязанность. Но ничего не попишешь. Надо возвыситься над собой.

Пить из майонезной баночки было чрезвычайно неудобно. Толстый неровный ободок на ее краю не давал возможности плотно сжать губы, и поэтому выпиваемая жидкость частично текла мимо рта. Это было до крайности противно. Более того, какая-то крошка приплыла к губе и словно прилипла к ней. У Володи невольно возникла ассоциация, что это частичка тела мертвеца. Сверхчеловеческим усилием воли он заставлял себя цедить водку и дальше, стараясь при этом не поперхнуться и не проглотить крошку. Но ему все же пришлось прервать процедуру. А когда, проведя пальцем по губам, он не нащупал на них никакого ино-

родного тела, то на мгновение жуткое отвращение овладело сознанием молодого человека. «Блин, я же закусил частью тела мертвеца! И из какого места, интересно, эта часть? – Но он тут же вновь пересилил свои эмоции. – Все эти ощущения – всего лишь порождение полумистической, непривычной для меня обстановки, надо допить до конца. Это дело принципа».

Оба санитара с ехидным интересом наблюдали за процессом, на верняка ожидая, что парень оконфузится. Но тот, проглотив слюну и выдохнув воздух, одним глотком допил водку. В тот момент он боялся лишь одного – как бы содержимое его желудка не вылезло наружу. Что ни говори, а редко у кого, непривычного к подобной обстановке, хватит духу пересилить себя и среди мертвецов в помещении, пропитанном неприятными запахами и жуткими ассоциациями, выпить в два захода из неудобной посуды непосильную ранее дозу водки. Но у Володи нашлись силы преодолеть и такое испытание.

Однако опасность позора еще не миновала. Жидкость явно не дошла до желудка, а встала где-то на полпути, готовая при первой же возможности проделать обратный путь, но с гораздо большей скоростью. Парень отказался от предложенной закуски, отвернулся от санитаров и, не обращая внимания на приличие, сплюнул комок слюны на пол, поближе к сливному отверстию.

– Простите, – извинился он перед работниками морга.

– Ничего-ничего дружище. Все это простительно, и не такое бывало, – успокоил его Петр. – Если в уголковке работать будешь, привыкнешься.

Комок водки дошел-таки до места назначения и рассосался в утробе молодого человека, поэтому он почувствовал некоторое облегчение. Тошнота уже не стояла, как нож у горла, но парень все еще боялся даже глубоко вздохнуть, а не то что вести беседу, дабы не спровоцировать рвоту. Возможно, успокаивающие слова санитара и добравшаяся до места назначения водка, теплом разлившаяся внутри тела, повлияли на то, что у него несколько успокоились неприятные позывы в желудке. В принципе, можно было уже уходить. Дело сделано. Но уйти просто так означало бы почти побег и неблагодарность. Открыть же рот, чтобы объяснить, Владимир не решался. Но вскоре его выручил второй санитар Федор.

– Ну что, парень, давай по второй!

Эти слова словно придали силы молодому человеку, и он неожиданно легко произнес отказ:

– Нет, ребята, спасибо, мне еще работать. Да и не дай бог начальство засекет. Неприятностей не оберешься. Еще раз спасибо за помощь.

– Не за что, – ответил Федор. – А ты, парень, молодец. Видно, что не по нутру была тебе эта кухня, но сдюжил. Молодец. Заходи со своими проблемами. Чем можем – поможем.

– Еще раз спасибо. Думаю, что работа еще не раз приведет меня сюда. Желательно не в качестве вашего «квартиранта».

– А что, обслужим по первому классу.

– Спасибо за любезность, в этом я уже убедился. Но все же лучше вы к нам.

– Нет уж, спасибо, давай лучше на нейтральной территории. Живи и здравствуй, парень, не кашляй.

На этой шуточной ноте Володя попрощался с санитарями за руку и, ободренный, выскочил на улицу, где в глубине куста вновь проплевался. Но тем не менее довольный победой прежде всего над самим собой, пошел к автобусной остановке.

НАСИЛЬНИК КУЗЯ

Начальник отдела милиции привычно просматривал поступившие за сутки материалы о происшествиях и другую корреспонденцию и расписывал их для исполнения. Его внимание привлекло длинное заявление об изнасиловании, пришедшее по почте. Написала его одинокая пожилая женщина. К подобным заявлениям у начальника было если не предубеждение, то, во всяком случае, осторожность. Старческие недуги таких авторов провоцировали преувеличенность негативных оценок, что порой приводило к курьезам. Однако беззащитность пожилых людей вызвала к придирчивому рассмотрению жалоб.

«Уважаемый товарищ начальник милиции! – так обычно начинались подобные повествования. – Нет сил терпеть более эти безобразия. Я – старая, я – пожилой человек, и защитить меня некому».

Далее следовал рассказ о личной жизни и трудовых достижениях автора, который начальник пропустил. Существо же письма было изложено довольно кратко, но именно оно заставило его задуматься.

«...так вот, Норочка моя умерла. Умерши она стала от сотворенного над ней насилия. И даже родить не было силы. Норы, радости моей, нет, а насильник и убийца Кузя гуляет и продолжает безобразничать. Ворует, что попадает на глаза. Такое же насилие он совершил над Лерой из 48-й квартиры, фамилию, простите, не знаю. А живет Кузя у Нинки Малышкиной. А она то выгонит его, то опять примет. Баба взбалмошная, ей слово не скажи – сразу изматерит...»

Из сути заявления можно было предположить изнасилование. «Только вот почему гражданка, как ее там... Чулкова сразу не сообщила в милицию? Может, этот Кузя жил с ее Норой? – рассуждал начальник. – Тогда и криминала, возможно, нет. Ладно, пусть участковый инспектор сначала разберется, что к чему».

Участковый инспектор Каплин, мрачный неразговорчивый младший лейтенант, прочитал адресованное ему для исполнения заявление.

– Сергей Петрович, – обратился он к начальнику отделения, проводившему совещание с участковыми, – но здесь же уголовное дело надо

возбуждать, а вы мне подсовываете. Не буду я эту бумагу исполнять. Я ж – не следователь и не уголовка.

– Что значит «не буду»? Можешь дома жене говорить буду – не буду. У тебя заявление, а есть там в описанных действиях преступление или нет, выяснишь ты. Дошло? Короче, опросишь подробно заявителя и вторую женщину, которая упоминается как изнасилованная, и принесешь бумаги сюда. Материал сырой, не для следствия, а розыскники и без этого завалены сверх меры. И не забудь: срок рассмотрения – три дня, а не тридцать и даже не десять.

Каплин положил заявление в папку и, обремененный заботами о ремонте квартиры, не думая ни о чем другом, отправился домой красить окна и двери.

– Ну, что там сделано по заявлению Чулковой? – поинтересовался через день на утренней оперативке начальник отделения. Младший лейтенант, не отвечая на вопрос, обиженно отвел глаза к окну. Он просто забыл про это заявление и, застигнутый вопросом врасплох, засопел, как бульдог. Его мозг включил аварийный режим мышления, судорожно подбирая, что бы поправдивее наврать.

– Ты что, оглухел, Каплин? Я тебя про изнасилование спрашиваю.

– А я... это... его это... дома не было, – замямлил он путано.

– Кого дома не было? Изнасилования? Значит, оно было на улице или в подвале? Так, что ли, тебя понимать?

– Нет, его заявителя дома не было.

– Заявитель-то – она, бабка, да будет тебе известно.

Мрачное лицо участкового побагровело и покрылось испариной, а заявление по изнасилованию продолжало целомудренно лежать в папке между другими посланиями, повествующими о семейных скандалах, выбитых стеклах, кусачих собаках...

– Слушай, Каплин! Если завтра к утру этот материал не будет исполнен, то о тебе здесь будут напоминать только заволокиченные тобой документы, да и то, надеюсь, недолго.

Через полчаса Каплин уже звонил в квартиру гражданки Чулковой. Но ее в самом деле дома не оказалось. Недолго думая, он заполнил повестку и засунул ее в щель у скважины замка. Такая же процедура была проделана и у дверей квартиры Малышкиной. К его великому сожалению, не было дома и жильцов квартиры номер 48, где проживала еще одна жертва насильника Кузи. Однако здесь «микромайору» повезло чуть больше. От соседки он узнал, что хозяин квартиры Юрий Колосовский находится на излечении в инфекционной больнице.

В приемном покое больницы Каплину сначала не разрешили производить опрос пациента Колосовского: «Не положено! Инфекция!» Дело в том, что больной подхватил в командировке не свойственную разъ-

ездным работникам заразу – дизентерийную, а не венерическую, как все приличные путешественники. Поэтому за столь постыдное приобретение он примерно на месяц был надежно изолирован от общества. Но отступать участковому было некуда, время подперло. А с другой стороны, кому это «не положено»? Ему, представителю власти при исполнении расследования тягчайшего преступления? Ну уж нет. Он этот инкубатор заразы поставит на место, а свой долг выполнит!

Напористость Каплина принесла результат. Медики разрешили ему побеседовать с пациентом, но только через... «телевизор», то есть застекленный проем двери. Неизвестно, как бактерии, но звук через двойные стекла просочиться практически не мог. Это обстоятельство не оставляло инспектору иного выхода, как выяснять подробности изнасилования языком жестов, мимики и движений тела. Наверное, младший лейтенант мог найти свое призвание в балете-пантомиме, ибо по его выразительным па и мимике можно было уяснить, что речь идет об изнасиловании или, во всяком случае, о половом акте. Вероятно, отчасти понял это и собеседник Каплина за стеклом, так как иногда он кивал головой. Но лицо больного почему-то оставалось бесстрастным. Возможно, он никак не мог понять, почему этот тип в милицейской форме домогается именно его и именно в период жидкого стула. Однако для составления полноценного объяснения такого общения было явно недостаточно.

И находчивый инспектор пошел другим путем. Он достал листок бумаги и, приложив его к стенке, стал писать. Шариковая ручка в горизонтальном положении писала плохо, но все же корявым неразборчивым почерком он нацарапал основную мысль вопроса: «Жива ли Лера после изнасилования?» – и приложил листок к стеклу.

Безусловно, такая форма общения способствует более полному взаимопониманию собеседников, нежели пантомима. Неслучайно больной Колосовский заинтересованно уперся носом в стекло и, шевеля губами, попытался отождествить нацарапанные каракули с буквами. Вскоре выражение его лица стало меняться. Оно недоуменно вытянулось и замерло с полуоткрытым ртом. Следующим этапом уяснения и оценки написанного было то, что мужчина схватился за сердце и стал медленно оседать на пол. Дверь тут же отворилась, и появившаяся медсестра решительно погнала Каплина от палаты. Сыщик в этот момент услышал, что больной бормочет: «Лора... Лора...»

Когда младший лейтенант пришел в отдел, в коридоре его уже ждала заявительница Чулкова. Он зашел в кабинет и, устало плюхнувшись в обшарпанное кресло, подпер руками голову. Бабка вкатилась вслед за ним без стука.

- Вызывали, сынок? Вы Каплин будете?
- Садитесь, – буркнул в ответ инспектор.

– Спасибо. – Маленькая старушка с довольным видом примости-лась на краешке стула.

– Фамилия?

– Моя-то? А Чулкова я, Чулкова Шура, значит. Шурой-то меня все зовут, а вообще-то я Хуршет, по-татарски-то. Раньше-то я Гараевой была.

– Отчество?

– А Николаевна я, Николаевна. Вообще-то папа по паспорту Наим был, по-татарски-то, но можешь как хочешь писать, – разрешила она.

– Расскажите, как дело было с вашей Норой.

– Да что, сынок, говорить-то? Нет ее уже и не вернешь, – всплакнула старушка и поднесла к глазам платок.

– Когда это произошло, где и вообще как все получилось?

– Ну, как это получается, поди, и вам известно. А было это аккурат в вашу Пасху. Норочка-то гуляла и зашла к скверу за нашими сараями. Вы там бывали, наверное, место-то поганое. Кузя там прямо так и оши-вается. Там же алкаши постоянно. Ну, кто чего подаст ему. Вот Кузя пря-мо и налетел на нее. Савичев толсторожий и Чума Лешка там же были и не прекратили злодейства, а мне еще не отдали за три бутылки...

– За что, за что? – наострил уши участковый.

– Да так, деньги, говорю, занимали, а Норе не помогли.

Бабка расплакалась и сквозь слезы запрочитала о том, как за свое добро, что она делает людям, в ответ получает лишь боли и обиды.

В это время зазвонил телефон. Звонила подруга жены Каплина, кладовщица на складе строительных материалов. Она сообщила, что при-везли красивые недорогие обои и если он хочет посмотреть и купить их, то пусть немедленно приезжает. После такого известия у инспектора, естественно, пропало всякое желание продолжать опрос. Он засуетился и сунул Чулковой бланк объяснения с заполненными ее паспортными данными.

– Вот на этом бланке изложите дома все подробненько, а вечером или завтра утром я к вам зайду и заберу его, чтобы вам опять сюда не та-щиться. И не беспокойтесь: и Кузю, и Малышкину обязательно накажем.

– Дай-то бог, дай-то бог, сынок.

Вызванная на пять часов вечера Малышкина не пришла. Продав ее почти до шести, участковый решил покончить с ролью неудачливо-го влюбленного. Он убедил начальника, что Малышкина – циничная и опасная преступница и что ее необходимо доставить утром в отдел си-лами дежурного наряда.

Утром у дверей кабинета сидела статная женщина неопределенного возраста. Прическа ее была, мягко говоря, небрана, и волосы торчали на голове, как на болотной кочке. Зато губы выделялись алой яркостью. Женщина была явно не в духе.

– Фамилия? – вежливо, но официально сказал инспектор, пригласив ее в кабинет.

– Вчера на бумажке писал, а сегодня память отшибло?

– Послушай, Малышкина...

– Посмотрите – вспомнил!

Каплин был явно не готов к такому началу разговора и поэтому ляпнул, что первое пришло на ум:

– Я вот сейчас брошу тебя в камеру, там ты быстро научишься хорошему тону.

– Ой, да сделай милость! Там хоть твоей постной рожи видеть не буду, а то с похмелья и без тебя тошно.

Участковый, захлебываясь гневом, вскочил со стула, а женщина, сдавив виски ладонями, мягко и безразлично пробормотала:

– Да спрашивай ты быстрее, чего хотел.

– Документы есть с собой?

Она сунула руку в декольте, достала тюбик помады и с шумом шлепнула его на стол.

– Что это?

– Вот возьми. Это единственное, что дали мне взять с собой ваши мордвороты!

– Хорошо, хорошо, – смягчился инспектор, надеясь таким образом найти контакт с опрашиваемой. – Ты лучше расскажи мне про Кузю.

– А что, Кузя вам всем соли на хвост насыпал, что ли? Ну, живет он у меня временами. Прописан в другом месте, так сейчас это можно. Работу имеем, пьем на свои. Баба я ничего, одинокая, все при мне, как видишь. – Она хлопнула себя по полноватым бедрам и подбросила ладонями выпирающие из-под кофты груди. – Кому какое дело? – Она на мгновение застыла с открытым ртом, а потом, качая головой, словно прозрев, продолжила: – Ах, вот оно что... Теперь-то мне понятно. Наверняка эта сушеная кикимора что-то накатала. Вот ведь сучье вымя! Ей давно на кладбище прогулы ставят, а она... Ну, я из этой Чулковой портянку вонючую сделаю...

– Отвечай по существу! – хлопнул ладошкой по столу Каплин.

В это время в кабинет вошла женщина в форме майора милиции. Это была старший следователь. Именно ей предстояло забрать материал по изнасилованию для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Смущенный присутствием майора, младший лейтенант продолжил опрос сдержаннее, но тверже.

– Во-первых, твой Кузя – преступник...

– Во-первых, – парировала Малышкина, – он Кузя только для меня, а для всех остальных он Кузьминский Анатолий Сергеевич. Ясно? Я же не называю инспектора Каплина Каплей. Капля с носа. А во-вторых, он

работяга и классный сварщик, а не пристроился придурком, как некоторые...

Майора возмутил развязный тон опрашиваемой. Она хотела одернуть ее, но инспектор решил удержать нить разговора в своих руках и показать себя выше оскорбительных намеков вздорной бабы. Хотя, по правде говоря, кроме куцега заявления ему и крыть-то было нечем. У него не было никаких документов, подтверждающих виновность этого Кузи, или Кузьминского, если называть все своими именами. Даже объяснение он не удосужился забрать у старухи. Оставалось только попросить взять клиента на испуг.

– Знаете, Малышкина, вчера я был в больнице у гражданина Колосовского. Знакомы с таким? – Перейдя на «вы», сухо и загадочно начал Каплин.

– Ах, так это ты вчера туда приперся? – перебила его женщина. – У меня там подруга работает. Значит, это ты напелл дристу, что его Лорка отбросила копыта после изнасилования? Он, бедняга, от удивления даже в обморок свалился. Еле откачали. Да его кобыле хоть всех вкладчиков МММ приводи и Леню Голубкова с братом в придачу, и то будет, что слону дробина. Ее же ломом не убьешь, а не то что... Во, люди, во, работнички! Делать им нечего. Шляются везде.

– Перестаньте хамить и не вводите в заблуждение. Я имею в виду не Лору. Ваш друг или как его там...

– Ну, хахаль, так и говори – хахаль...

– Кузьминский Анатолий подозревается в изнасиловании Чулковой Нору и Колосовской Леры. Леры, а не Лоры.

– Чулкову Нору... Колосовскую Леру... – Выразительные черные глаза Малышкиной расширились, как у Чебурашки. Она уставилась удивленным взглядом сначала на участкового инспектора, отчего тот аж приподнялся в кресле, полагая, что попал в точку, потом перевела взор на строгую майоршу, а потом судорожно обхватила растопыренными пальцами лицо и истерически то ли завывала, то ли захохотала:

– О-о-ох, бабы, ой, держите меня, ой, бабоньки, усс... ой, держите меня... Ну, Кузя, ну, террорист, ну, Чикатило! Наберут ореликов в родные органы... Ой, бабы, зато хоть насмеешься вволю... Да Кузя-то, Кузя-то – пес мой, дворняга. Когда внук у меня жил, так играл с ним. Эта скряга Чулкова все денег жалела, чтобы сводить свою Нору к кобельку той же нации. Ну, Кузя и удовлетворил ее. А собачонка-то, видно, как монахиня, так навоздерживалась, что, получив удовольствие, не смогла пережить такой радости. А мужики-картежники во дворе и надумили старую дуру написать письмо в милицию. Жаль, что не прямо к Боре Ельцину. Тому, наверное, и консилиум не потребовался бы. О-о-ох, наберут ореликов... А с Колосовским-то, с Колосовским-то еще большая хохма

вышла. Тот звонил в телефонной будке и поводком прижал собачонку к закрытой двери. Та без маневра. А Кузя, Кузя-то мой, не будь дурак, и оприходовал ее. Ой, бабоньки, ой, террорист, ой, Чикатило... А Юра так уж берег свою Леру, с поводка не спускал. Так и ходит эта семейка с поводками – Лора Юру водит, а Юра – Леру.

Строгая майорша забилась в нишу между шкафом и стенкой и смеялась навзрыд.

– Ну, времена, ну, дела, – продолжала донимать участкового Малышкина. – Во демократию сотворили, на дворняг дела стряпают. Где вы таких холмсов откопали? Ты, парень, вот что: у меня еще кот Ерофей есть, так он и Кузю переплюнет. Ты уж, если что, ему повестку не присылай, бесполезно, сразу ОМОН направляй.

Встав и без разрешения выйдя из кабинета, женщина, шатаясь от смеха, поплелась по длинному милицейскому коридору к выходу. Инспектор же бессмысленно уставился на оконную раму, где не то сидела муха, не то чернела шляпка гвоздя.

КОТ МЯСОМ НЕ ТОРГУЕТ

Коля Полковник – высокий, привлекательный 34-летний повеса, прозванный Полковником из-за того, что когда-то служил прапорщиком в ЛТП, проснулся от настойчивого стука в дверь. Сначала он даже не сообразил, откуда этот грохот, потому что трещала голова и ломило в висках. Накануне вечером бывшие сослуживцы обильно угостили его низкосортным спиртом «калоша», прозванным так за неистребимый запах резины. Проснувшись, Коля сразу почувствовал, что вся однокомнатная квартира словно настоялась на аромате этой «калоши», а недра организма все еще продолжают его извергать.

В тошнотворной дреме он открыл дверь, не глядя на вошедшего, вернулся в комнату, растворил окно, сел на кровать и поднял голову: перед ним стоял лейтенант милиции.

– Доброе утро! Я – ваш новый участковый инспектор, – хмуро представился он.

– Ну если вы новый, то я, стало быть, наследуемое имущество от старого.

Инспектор что-то говорил, но все его слова вязли в замутненном сознании Полковника, не доходя до органов чувств. Коля пытался воспроизвести вчерашние события и вспомнить, куда же запропастились 200 грамм разведенного спирта, оставленные на похмелку. А когда вспомнил, то, не обращая внимания на милиционера, ринулся в уборную, достал из шкафа заветную бутылочку и, пока гость соображал, что к чему, оприходовал ее содержимое. Но легче после этого не стало, так как к горлу тут же подступил приступ рвоты.

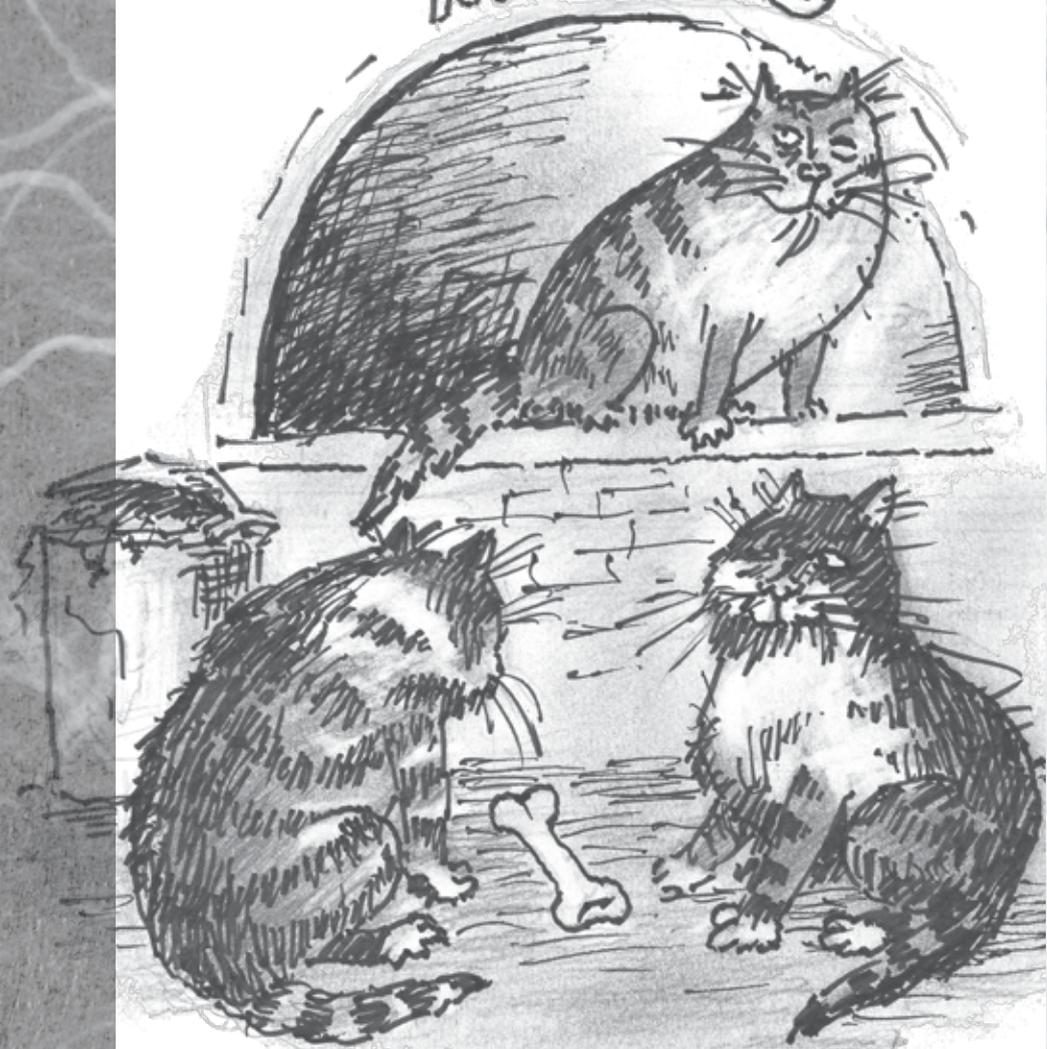
Когда участковый появился в санузле, Коля, стоя на коленях, уже страстно обнимал унитаза.

– Что вы тут делаете?

– Понимаете, я – язычник и поэтому ритуально молюсь духу канализации. Кхе-кхе-кхе.

Суровый милиционер не воспринял иронию и недоверчиво заглянул через плечо «молящегося». Убедившись, что сбежать через туалетные коммуникации чрезвычайно сложно, он вернулся в комнату.

М Я С О

«Добро на говно перевел, – подумал Полковник о бестолково использованном напитке. – Да и этого придурка нехстати принесло».

Участковый инспектор, видя состояние клиента и бесполезность общения с ним, вручил ему повестку и торжественно удалился.

Башка продолжала трещать, а тошнота, словно на качелях, то взлетала высоко к горлу, то проваливалась куда-то в желудок. Мысли в голову лезли самые безысходные: «Ни денег, ни жены, ни работы...» Хотя, по правде говоря, иметь сразу две обузы – жену и работу – у Коли желания не возникало. Почти десять лет жена «ждала, надеялась и верила», что ее красавчик муж возьмется за ум, но, в конце концов, разменяла квартиру, продала свою часть жилья и, забрав ребенка, уехала к матери. Коля не особо из-за этого расстроился, ведь алиментов она от него не требовала, а женушек, как он считал, еще лет на двадцать пять ему хватит. Однако в настоящий момент ему было очень тяжело.

«Мрак, мрак, мрак. А тут еще этот участковый. Если он всерьез присосется, то наверняка отправит меня в ЛТП или посадит за тунеядство». ЛТП он не боялся. «Да там почти курорт», – разъяснял он собутыльникам, когда те интересовались жизнью в этом заведении. Но это было очень унижительно для его общественного положения в чине «полковника». Судимость же стала бы вообще несмыслимым пятном на его «интеллигентском» имидже. В общем, и то и другое было для него неприемлемо.

Но долго предаваться таким рассуждениям в болезненном состоянии он не мог. Мысли перескочили на более актуальную тему: «Где же все-таки похмелиться?» Вариант с Веркой Коромысло – длинноногой дамой лет сорока, торгующей самогонкой, он решительно отбросил. Конечно, она похмелит и накормит, но одна мысль о том, что эта дева полезет к нему с поцелуями, благоухая запахами протухшей селедочной бочки, вызывала тошноту. К ней он приходил, а точнее приползал, лишь в исключительных случаях. В других известных ему точках, где толкали спиртное, он был должником, поэтому соваться туда бесполезно.

Пивной ларек встретил Полковника сиротским унынием. Пиво не завезли. Сесть кому-то на хвост у магазинов и баров также не получилось.

Наконец недалеко от рынка он встретил компанию подростков, сбившихся, словно непоседливые воробушки, в веселую стайку. Это были уличные спекулянты водкой. К ним постоянно подходили мужчины. И тогда кто-то из «воробышков» отрывался от «стайки», летел в «гнездышко» и вскоре возвращался с товаром. Горбачевский указ о борьбе с пьянством сделал их занятие более опасным, но зато более доходным и престижным.

Коля с каким-то зудящим чувством собственной неполноценности взирал на их беззаботный вид, обиженно вслушивался в их весе-

лый щебет и с завистливой тоской оценивал почти новенький жигуленок, приобретенный одним из этих птенцов на доход от спекуляции алкоголем. Еще недавно Полковник как уличный авторитет мог потребовать от них пошлину за право спокойного сбыта водки. Но сейчас молодняк сам «оброс мхом», группировался, а то и нанимал не менее авторитетных защитников. Поэтому, чтобы получить авансом бутылку бормотухи, ему пришлось пообещать паренькам разобраться с конкурентами-чужаками.

Дома, похмелившись, Полковник снова стал жаловаться самому себе на свою же непутевую жизнь. В последнее время у него получался один пролет за другим. Недавно, к примеру, он познакомился с приличной состоятельной женщиной, представившись следователем по особо важным делам. Та, в свою очередь, попросила его помочь подруге уладить вопрос с наследством погибшего мужа – недостроенным домом, на который претендовали родственники погибшего. Поразмыслив, «важный следователь» согласился и заявил подругам, что если он берется за дело, то все будет «хок-кей». При этом он втайне намеревался поддерживать близкие отношения с обеими леди. И какой черт его дернул, нажравшись, припереться к молодой вдове и без подготовки попытаться установить с ней более близкий контакт! Вдова оказалась со сложным механизмом общения и отшила самца, а затем, естественно, сообщила подруге. Женщины довольно быстро поняли, какие у него «особо важные дела», и кормушка захлопнулась.

«Чем бы таким заняться, чтобы стабильно поддерживать сытую и умеренно хмельную жизнь? – ломал голову повеса. И тут его осенило: – А чем я хуже этих щенков на винном пятаке? Я что, не сумею так же сдавать водку? Ну уж нет. Я смогу быть коммерсантом почище их. Но где взять стартовый капитал? Сдать водку не проблема. Но нужно сначала ее купить, а с деньгами... А съезжу-ка я к тете. Она богатенькая, экономная, за меня беспокоится. Поплачусь ей. Скажу, что хочу уехать к жене пока не поздно. Но перед этим нужно заплатить долг за квартиру, а потом выгодно продать ее. Правда, стыдно врать родному человеку. Но ведь я же ей долг верну! Потом разживусь и, пока не посадили, в самом деле уеду к жене и сыну. Значит, решено! Пстой, пстой. А где ты возьмешь столько водки, даже если деньги и будут? Ведь она продается по талонам. Ммм... Мда... – Мысль его лихорадочно работала и не могла не найти выход. – А если попробовать... Ну, конечно же – Нонночка, миленький мой страшильчик! Как давно я тебя не видел».

Нонна, неказистая, но чистоплотная подружка Полковника, всегда довольно охотно принимала его, несмотря на регулярные обманы. Она работала в винном отделе магазина железнодорожного ОРСа. Так что лучшего варианта и придумать невозможно.

В разговоре с тетей он почти рыдал от тоски по жене и сыну. «По-быстрее бы погасить долг, продать квартиру и – к ним! Хоть бегом бежать, но только к ним». Нонне же напел, что наконец-то освободился от угнетавших его семейных пут с нелюбимой женой, к тому же изменившей ему с начальником. «И чего ей не хватало, я же так любил ее», – жалобил он женщину. Но зато теперь они с Нонной могут строить свои отношения на свободной и долгосрочной основе. Заворожил он ее и возможностью устроить зажиточный быт.

Обе женщины растаяли, и в результате 20 бутылок дефицитной водки покорно ожидают своей участи в спортивной сумке фирмы «Адидас». В напарники Полковник взял соседа Вовчика.

– Так, Вовчик, – начал он свой инструктаж перед выходом на дело, – пару пузырей мы оставляем себе, чтобы обмыть удачное окончание работы, а в том, что она будет удачной, я нисколько не сомневаюсь. Согласен?

– Спрашиваешь! Женский вопрос, конечно.

– Пятая часть от выручки – твоя. Согласен?

– Спра... А... а почему только пятая?

– Знаешь, Вовчик, не надо меня обижать. Ты же – квалифицированный грузчик, а не можешь уяснить элементарной бухгалтерии. Во-первых, чье финансирование проекта? Далее учти организационные издержки, да и коммерческий и юридический риск, наконец, на ком лежит? Ну что, согласен?

– Спрашиваешь! Женский вопрос, конечно.

– Но сегодня выручку делить не будем.

– Почему?

– Ну, Вовчик, ты опять меня обижаешь. Естественно, почему. Во-первых, необходимо погасить банковский кредит, взятый у тети. Во-вторых, пустим оставшуюся сумму в оборот и приобретем товар, чтобы в дальнейшем накапливать наш капитал...

– Ну, спрашиваешь! Женский вопрос, конечно.

– Теперь уясним диспозицию. Ты будешь сторожить в кустах сумку с водкой и одновременно быть на стреме, чтобы менты с тыла не подловили. Если что, хватай товар и тягу. Встречаемся у дома. Если ко мне подходит клиент и мы с ним договорились, то я поворачиваюсь назад и высмаркиваюсь. Ты берешь пару пузырей и заходишь ко мне со стороны газетного киоска, чтобы не засветить склад. Усек?

– Спрашиваешь! Женский вопрос, конечно.

Товар расходился довольно шустро. Правда, на последних двух бутылках случилась производственная заминка. Клиентура куда-то рассосалась. Вовчик озяб, его достали комары, и он стал скулить и убеждать Полковника, что не мешало бы пропустить грамм по сто для согрева.

– Ты что, Вовчик, законов коммерции не знаешь? – наехал на него шеф. – В нашем деле расслабляться до полной остановки конвейера смерти подобно.

– Спрашиваешь... женский воп... Суки, зажрали совсем!..

К радости Вовчика, вскоре объявились счастливые обладатели двух последних бутылок. По дороге домой к коммерсантам присоединился брат Вовчика Леха.

Под хороший закусон кило водки как-то незаметно растворилось в утробах довольных жизнью мужчин. Но ожидаемого эффекта от выпитого почему-то не последовало. Компаньоны выжидательно посматривали друг на друга, словно спрашивая совета. Они, как робкие влюбленные, не решались первыми открыться и сказать что-то очень важное и необходимое. Наконец «генеральный директор», пересчитав выручку, решился:

– Ладно, Вовчик. Меня совсем не разобрало. Давай возьмем еще бутылочку, потом компенсируем. Ведь дело-то пошло. Как считаешь?

– Спрашиваешь! Женский вопрос, конечно.

Леха как самый молодой с удовольствием сбегал в «командировку». Вскоре компаньоны решили, что завтра возвращать «банковский кредит» совсем необязательно. Лучше сделать это после поступления стабильного дохода. А это означало, что на столе вскоре появились еще две бутылки водки. После двенадцати ночи цены на уличную водку подскочили наполовину, поэтому, чтобы затариться по прежней цене, на «пяттак» отправился сам Полковник. Однако и ему пришлось заплатить за спиртное дороже. Более того, вместе с водкой он притащил домой двух приятелей, поивших его накануне спиртом «калоша». Надо сказать, что Полковник, несмотря на все его мошеннические замашки, был добродушным и нежадным парнем.

Утром Коля проснулся оттого, что солнечный свет нахально протиснулся сквозь зашторенные окна и опущенные веки и слезил глаза. Он с удивлением обнаружил рядом с собой спящего «валетом» Вовчика, а на полу, словно неубранные детские куклы, валялись заводские приятели. Проснувшись, они сначала попросили похмелиться, но узнав, что опоздали на работу, как ошпаренные выскочили из квартиры. В кармане у несостоявшегося коммерсанта денег оставалось только на несколько кружек пива.

«Так жить нельзя», – некогда изрек кинорежиссер Говорухин. «Надо идти другим путем», – еще ранее выразил эту мысль Ленин. «Так жить нельзя. Надо идти другим путем, – повторил, держа кружку с пивом, Коля Полковник. – В следующий раз буду умнее».

В следующий раз, то есть в этот же день, он подъехал к тете со старой песней, только добавил в нее новый куплет о том, что проворачивает одну необходимую операцию. Добрая тетя, не без опаски за судьбу

племянника, узнала, что тот собирается заключить фиктивный брак с немолодой, но зажиточной дамой и как жену прописать в свою квартиру. В итоге этой операции он получает крупную сумму, разводится и, сбросив груз прошлых грехов и ошибок, с чистой совестью и полным карманом денег летит к своим. Тетушка посочувствовала племяннику, попросила поостеречься, как бы не обманули, но денег дала вполтину меньше, нежели в предыдущий раз. Суммы хватало на десять бутылок водки. «При умном раскладе и пуританском воздержании этого достаточно для стартового коммерческого рывка», – мысленно резюмировал Полковник и направился брать следующий барьер.

Нонна, как и тетюшка, при новой встрече была не столь восторжена, но изворотливый проходимец убедил и ее.

– Понимаешь, я всю партию водки по более выгодной цене сдал знакомому на безалкогольную свадьбу его дочери. Он заказал еще десять бутылок, а сегодня полностью рассчитается. Так что мы с тобой уже можем кое-что планировать.

– Ну, хорошо, если так. А ты сегодня приедешь ко мне?

– Ой, нет, Нончик. Сегодня и завтра не смогу. Иду на халтуру. Подрядились с корешком одному куркулю дачу оштукатурить. Рассчитываем за два дня справиться. Так что будем пахать до упора. Извини.

– Ты и штукатурить можешь?

– Нончик, милая, за что же ты меня так обижаешь?

– Да нет, что ты. Я просто не знала про твои способности.

– Эти руки, родная моя, – он артистично поднял вверх свои растопыренные клешни, – эти руки на многое способны. И ты в этом еще убедишься.

Следующей ответственной задачей Полковника было довести товар до дома и не быть замеченным при этом никем из приятелей. Однако на одной из остановок в автобус вошел муж его двоюродной сестры Валера по кличке Неполное Счастье. Любитель выпить за чужой счет, он постоянно стрелял у знакомых почему-то именно 42 копейки, которых ему так не хватало «до полного счастья». Но полное счастье все равно не наступало. На постной роже вошедшего контрастными светотенями было намалевано выражение страшнейшего похмелья. «Только бы не заметил меня», – подумал Полковник. Но не для того Неполное Счастье появился в полупустом автобусе, чтобы не заметить дальнего родственника. Как ни пытался коммерсант спрятать глаза в забрызганном грязью заднем стекле автобуса, его все-таки настиг окутанный винным перегаром вопрос:

– Здорово! Ты откуда это пробираешься?

– Откуда-откуда... Домой пробираюсь, вот откуда. Не видно, что ли? – последовал резкий, но философски выверенный ответ.

– Ну, так бы и сказал, а чего орать-то. Я вот у своей спросил, дай хоть на пиво до полного счастья, так она, стерва, – «иди в парниках хотя бы прополи». Вот и двигаюсь на огород. Полковник, а у тебя нет сорока...

– Нет, нет, сам на мели.

Бутылки с водкой мирно затаились в сумке и не изъявляли никакого желания подавать голос. Но хозяин отлично понимал, что любая выбоина под колесами автобуса заставит их возмущенно напомнить о себе. То же самое произойдет, если он будет поднимать сумку с пола.

Так и случилось при первой же небольшой встряске автобуса. Тонкий мелодичный звон стеклянных бубенцов был моментально уловлен «радарами», настроенными на эту волну. Небритое лицо тут же повернулось в сторону источника звука. А там из предательски расстегнувшейся сумки с любопытством высунулись красивые винтовые шапочки милых сердцу бутылочных головок. Неполное Счастье посмотрел в лицо отвернувшегося Полковнику, потом еще раз опустил глаза, чтобы убедиться в реальности неожиданного открытия, а затем опять поднял их вверх.

– Полковник. Коля. Ты... это... Ну, немного, грамм пият... до полно-го... Умру ведь.

– Нет, ни грамма не могу. Это закуплено на день рождения нашего бригадира. Извини, не мое.

– Какого бригадира? Ты ж не работаешь. Ну, Коля, хоть немного, ведь тошнехонько мне. – Валера вцепился в рукав непреклонного коммерсанта и, как преданная шавка, уставился на его сердито нахмуренный лоб. – Коль, Коль, ведь в самом деле сердце останавливается. Вот содохну, ты, что ли, будешь племянников кормить?

– Отчаль, отцепись, еще раз говорю. А то сейчас шлифану – мало не покажется. Сразу похмелишься, и подышать не придется.

Валера отошел на всякий случай на шаг, но обиженно скулить не перестал.

– Шкура ты, Полковник. Родственнику пият грамм плеснуть жалко. А помнишь, ведь я тебя две недели поил и копейки не спрашивал. А тут хоть умри.

Валера на самом деле лет пять назад угощал действующего прапорщика водкой. И с тех пор при каждом удобном случае напоминал о своей щедрости и бескорыстии. Причем продолжительность и объем этого угощения постоянно увеличивались по мере удаления самого события в исторические дебри.

Нытье достало Полковника. На ближайшей остановке он схватил родственника за плечо и буквально вынес из автобуса. Неполное Счастье сжался в ожидании удара. Но Коля не собирался его бить. Он просто решил дать ему глоток исцеляющей жидкости, похмелиться самому, и сразу же бегом домой.

– У тебя жратва есть, дышающий родственник?

– Да баба положила что-то с собой на огород, – мгновенно ожил тот.

Они пролезли через дырку в заборе расположенного поблизости столярного цеха и примостились в укромном уголке производственной территории, спрятанном от глаз администрации зарослями ивняка и высокой травой. Событьльники сделали несколько глотков из горлышка, Коля закрутил бутылку пробкой, поставил в сумку и собрался уходить. Однако судьба распорядилась иначе.

На территорию цеха зачем-то въехал милицейский уазик. Из машины вышло несколько милиционеров, в том числе участковый инспектор, к которому Полковник не пришел по повестке. Уходить в этот момент через ворота или дыру в заборе означало бы встречу с участковым, а это не входило в Колины планы. Перелезть через забор, поверху украшенный гирляндами колючей проволоки, было неинтеллигентно и травмоопасно, а отрывать новую доску от ограждения – слишком шумно. Оставалось только переждать в облюбованном укромном уголке.

Там же приятели нашли предусмотрительно завернутый кем-то в целлофановый пакетик граненый стакан, что существенно улучшило сервировку стола. Начатую бутылку они допили как само собой разумеющееся. Под какой мотивацией была распечатана следующая бутылка, Коля не смог впоследствии объяснить даже самому себе, ведь все его сознание было изначально настроено против такого кощунственного акта. По-видимому, органы наши порой действуют подсознательно, без подключения серого вещества, через автоматизм однотипных движений. А вот кто пригласил на банкет двух местных работяг, он просто не помнил.

Проснулся Полковник, когда уже смеркалось. Его хмельной сон снова растревожил участковый инспектор, лягнувший лежащего сапогом под зад. Коля проснулся, потряс головой, огляделся. Вокруг валялись пустые водочные бутылки, бумага, остатки еды... Под кустом калачиком свернулся Неполное Счастье, а в метре от него «обнявшись, будто две сестры» храпели два хмыря в рабочих робах.

– Что это такое, Николай? – сурово начал участковый.

– Что это та... та... такое? Это, начальник, то, что и дол-л-л-жно бы... было произойти, – заплетающимся языком расфилософствовался Полковник и, немного помолчав, закончил начатую мысль:

– Я хочу ска... сказ-з-зать тебе, начальник, что кот мя... мясом не торгует. – Он направил на участкового указательный палец и чеканно выдал из себя: – Да, ты... ты совер-р-ршенно пр-рав, начальник: кот мясом торговать не м-м-может.

И обессиленно повалился на траву.

НЕОЖИДАННОЕ ЗНАКОМСТВО

Он неожиданно нарисовался посреди тротуара на оживленной улице и схватил меня за рукав.

– А ну отчепись немедленно! – обозлился я. – Ты хоть руки мыл на этой неделе?

– Да постойте же вы! – почему-то взмолился незнакомец.

– Не могу, я сильно занят, спешу в министерство.

И хотя мой костюм позволял предположить лишь подразделение Министерства социального обеспечения, я неожиданно услышал:

– Вы, наверное, в Министерство внешних сношений торопитесь? Небось за границу собрались?

Мне показалось, что, узрев мой костюм, этот нахальный тип попытался связывать, но почему-то его рожа при этом оставалась очень уж серьезной – до безразличия. Нахал просто ошарашил своим подколом, а его невозмутимо серьезная рожа еще больше вывела меня из себя. Хотелось плюнуть в нее. Это же надо так унизительно намекать на мой внешний вид и даже не улыбаться! На себя бы посмотрел, скотина!

Я был в состоянии психологического нокдауна, пускал пузыри и не знал, как достойно ответить приклеившемуся ублюдку. В конце концов я всего лишь смог придаться к словечку «небось», вылетевшему у него.

– Небось! – передразнил я его. – Успокойся, небось. А еще образованный, наверное! Так вот, «небось», слушай. Министерство внешних сношений, как я понимаю, – это притон гомосексуалистов. Я же не судим, не являюсь выпускником института эстетических искусств, даже ни разу не жевал микрофон на эстраде. Так что для «голубых» не гожусь. А спешу я, родная моя (я специально сделал ударение на женский род), в представительство Министерства сельскохозяйственных заготовок. Но чтобы до кого-то как можно быстрее дошло и этот кто-то так же быстрее отсох от меня целым и невредимым, разъясняю: представительство, куда я спешу, есть единственный государственный гниль-ларек на нашей улице. Туда вместо свалки привезли мороженую картошку по сниженной цене. Усек? Да? Нет? Не понял? Но все равно отчепись!

Но тип не отчеплялся.

– Подождите, я же знаю вас! Вы – Анатолий Парра...ков! – Парень запнулся и не смог внятно произнести мою фамилию. – Вы – чемпион Европы по самбо и дзюдо.

– Ну и что из этого? Ты хочешь меня в телохранители нанять?

– Не-ет, – промямлил тот, не выпуская мой рукав.

А вокруг, как в тесном аквариуме, полные своих забот или вообще без забот сновали и мелькали людишки в блеклых одежонках, словно окраска дешевых гуппи. И никто из них не обращал внимания на то, как один еще довольно приличный мужчина тащил вцепившегося ему в пиджак немывыми руками странного типа.

– Слушай, – наконец не вытерпел я, – ты что, из лаборатории качества? Испытываешь на прочность пятнадцатилетней давности пиджак, в котором я женился? Если так, то могу указать в акте, что одежда, в отличие от семейного брака, сшита без брака, на совесть и не белыми нитками.

Но тип продолжал тащиться, не отпуская рукав.

«Нет, так больше невозможно!» – подумал я, сделал полуразворот корпуса, как обычно поступают при подготовке удара наотмашь, и остановился. Он – тоже. Но для завершения отработанного приема рука не поднялась. Ясные светлые глаза этого нахала уставились на меня взором сердобольной старушки, желающей помочь.

– Слушай придурок, – сдержал я себя, перейдя на дипломатический тон. – Как хоть звать-величать-то тебя? Нужно же мне знать, кого поминать в церкви буду.

– Я Владлен Венедиктович.

– Больно умное имя для такого явления, как ты. И что же тебе от меня нужно Венедиктович?

– Ничего, – проскрипел он, как несмазанный вагон, и нагло, в контраст с ласковым взором, добавил: – Мне скучно. Понимаете?

От услышанного у меня челюсть отвисла.

– Ничего себе заявочки – им скучно! А промеж глаз не желаете? Понимаете? Сразу развеселишься. Я еще квартал назад жаждал сбросить тебя под откос. Да и сейчас не поздно это сделать. У нас в стране демократия, так что никто не сунется при этой операции.

Но на него не подействовали даже угрозы. Он стоял и смотрел на меня немигающим взглядом красного светофора в момент спешки водителя.

– Ты что за явление? Артист, что ли, узкой специализации? Наверное, играл всю артистическую жизнь комсомольских вожаков, а теперь вот репертуар сменился, и болтаешься без работы, нарушаешь общечеловеческие права посторонних граждан.

– Нет, я не артист. – Он задумчиво повертел головкой. – Понимаете, мне скучно.

Я невольно раскрыл рот на максимальную ширину вертикального овала, при этом руки самопроизвольно разошлись в стороны, и я никак, ну никак не мог в данный момент представить, не знал, что ответить и вообще что делать при виде этого недоразумения. К счастью, после некоторой растерянности я все же взбесился.

– Понимаешь, чу-че-ло, у меня уже нет слов, одни буквы! Но я постараюсь слепить эти буквы хотя бы в одно, но точное слово, которое отправит тебя в такие далекие дали, дальше коммунизма или развитого капитализма, где, по теории Сахарова, они должны встретиться и обняться.

Выпалив это, я резко выдохнул, а затем, решительно махнув рукой, добавил:

– Черт с тобой! Научу тебя, как самого себя развеселить. Когда мне скучно, я прихожу вечером домой, сажусь на кухне, подпираю подбородок руками и говорю жене: «Лидуля, а ведь ты у меня самая любимая женщина из всех любимых. Я в этом убедился окончательно. Ну прямо как Зульфия в гареме у Абдуллы». Что тут начинается! Веселье. А когда она чуток остынет, подхожу к ней и так тихонечко, ласково шепчу: «Лидок, ты меня не так поняла. Кроме тебя у меня еще две любимые женщины – мама и сестра. А ты для меня роднее их». Усек? Ну, ладно. Жену нужно беречь. Когда мне в очередной раз скучно, иду к своей кадре, в смысле любовнице, Наталье. А для чего? Ну, наверное, сам понимаешь – чтобы повисеть на шее, обнять за талию ну и так далее. Так вот смех бывает потом, потому что до шеи мне не достать, а талии не обнять. Но заметь, я не болтаюсь по улицам и не хватаю незнакомых за парадно-выходные костюмы. Понял, придурок?

Он посмотрел на меня уже мутными и безразличными, как у коро-вы, жующей гнилую солому, глазами и философски выдавил откуда-то из глубины желудка:

– Понимаете, во-первых, мне скучно...

Я в ответ крякнул.

– Во-вторых, мне показалось, что вы – интеллигентный человек.

– Ну неужели всего лишь показалось?

– А в-третьих, – продолжил он, – я не смогу воспользоваться вашим советом, чтобы развеселиться. У меня нет ни жены, ни любовницы.

– Не понял, не понял! – изумился я, в ярости сжимая кулаки и становясь в боксерскую стойку. – Ты что, морда твоя, неизвестно чья, хочешь сказать, что я должен заменить тебе и ту и другую?! Ты думаешь, мой интеллигентный вид и изысканные манеры дают повод для этого? Я ж тебя... Да я...

Я захлебнулся в ярости и сделал шаг к этому существу. Оно, это существо, взглянуло на меня своим невозмутимым, безразличным коровьим взглядом и так же бесстрастно изрекло:

– Во-первых, не воспринимайте мои слова так вульгарно. Вы оцениваете их с небольшой высоты вашего интеллекта или от высокого уровня полета вашей фантазии.

Я вновь вскипел. Ведь сколько раз я обзывал незнакомца, а он даже ни разу не обиделся, а теперь он несколькими словами в очередной раз фактически унизил меня и взбесил.

– Ах ты, мурло! Только сейчас плел о моей интеллигентности и тут же мой интеллект поганишь! А с другой стороны, может ли быть какая-то фантазия при взгляде на такого сморчка!

Руки мои тряслись в ожидании действий.

– Не понимайте меня вульгарно, прошу вас еще раз, – проскрипел бесстрастный голос. Это на секунду остановило меня, но этой секунды было достаточно, чтобы остановить новый социальный конфликт. – Я говорил только о том, что мне необходимо общение, интеллектуальное общение на разные темы, и для этого вы мне подходите. Я – интересный собеседник.

– Смотри-ка, «вы мне подходите»! Как бабу в борделе выбрал.

Я презрительным взглядом смерил его с головы до ног, ясно показывая, что не нашел в нем никакого интереса.

– А с другой стороны, – с загадочной интонацией скрипнул он, – у меня есть один вопросик, взаимоприемлемый для нас обоих.

Мне показалось, что в его глазах блеснула ироническая искорка и он стал немного походить на человека. Прокрутив в голове, что может быть у меня «взаимоприемлемым» с этим, не знаю, с кем, я не смог найти никакого другого объяснения, кроме выпивки за его счет.

А тот, словно прочитав мои мысли, коротким артистичным движением приоткрыл полу куртки, и во внутреннем кармане я увидел горлышко литровой водочной бутылки.

– Ну как? Есть желание подискутировать?

Я почесал лоб, потом затылок. Потом вспомнил, куда мне нужно бежать, потом вспомнил пророчество жены, которая предчувствовала, что пока я доберусь до магазина, никакой картошки не будет, и, чтобы не унижать ее ясновидение, махнул рукой:

– Аа-а-а... Пошли дискутировать.

По дороге он спросил, как я догадался о его высокой образованности. Я ответил:

– Погляди на себя: мятая рубашка, неглаженные брюки, но... при галстукке. Ясно: или освободившийся щипач после фотографирования на паспорт, или спившийся интеллигент. Но так как ты все-таки чисто выбрит, у тебя чистые ботинки, не хватает зубов и нет коронок из желтого металла, то становится яснее, что ты – интеллигент или все, что от него осталось.

И здесь он впервые после нашей встречи обиделся. Обиделся на сравнение его, интеллигента, имеющего два высших образования, с низкопробным ээком.

А я, в свою очередь, спросил его, каким образом он вычислил во мне интеллигентного мужчину. Он ответил, что об этом тоже нетрудно было догадаться, поскольку я, перед тем как высморкаться на тротуар, посмотрел по сторонам.

– Да, это действительно признак воспитанности, – подтвердил я. – Ведь в этих случаях все время приходится опасаться зашибить кого-нибудь.

И впервые после нашей встречи не обиделся.

В однокомнатной хрущевке, куда мы заползли, я поинтересовался, откуда у столь нереально интеллигентного существа литровая бутылка с наклейкой Smirnoff. Наверняка из какой-нибудь конуры, что обильно облепили некогда единственную в микрорайоне винную монополюку. Я грешным делом даже попытался дать понять, что не собираюсь употреблять это легализованное демократами новое средство самоубийства. Все-таки как-никак у меня в предках были гусары, и с тех времен сохранилось чувство мужской чести. И посему хочу дотянуть хоть до какой-нибудь диктатуры. Там, во всяком случае, способны умертвить по-человечески – или пулей в затылок, или сгноить в каземате. Все почетнее.

Но новый приятель успокоил меня и объяснил, как через вереницу бабушек и тетя до него дошла этажерка поэта Сологуба. И эту этажерку как историческую ценность наследник выменял или продал за литровую бутылку оригинальной смирновской водки. Я предположил, что этажерка у нового хозяина пошла на растопку, но приятель деликатно вразумил:

– Иван Никифорович – известный подпольный антиквар и знает, что к чему.

– Тогда, – обратился я к хозяину квартиры, – ответь мне на несколько вопросов. Во-первых, почему Иван Никифорович, если он антиквар, в наше свободное время не восстановил свое историческое имя Мойша, или Моисей, или нейтральные Боря или Яша? Ведь сейчас эти имена присваивают себе даже арабы. Во-вторых, почему он, антиквар, не в Америке или на худой конец в Израиле? Правда, здесь можно объяснить, что он еще не всю Россию скупил и продал. В-третьих, почему его до сих пор не грохнули?

Хозяин квартиры только пожал плечами.

После того как я убедился в оригинальности водки, у меня возник четвертый, самый главный вопрос: каким образом мой новый знакомый, это на вид бесполезное существо, мог надуть признанного еврея? Все имущество загаженной халупы не стоит и глотка этой водки. Но передунал. Будет день, будет пища.

– Слушай, Владлен Вердиктович...

– Венедиктович.

– Ну какая разница, все равно же не запомню... Давай-ка сообразим тебе какую-нибудь кликуху. Вот меня везде, где я боролся, по всей Европе, звали Пирра. А тебя давай окрестим Водей. А что? Водя – и скромненько, и со вкусом, и легко запоминается.

Владлен обиженно опустил голову и замолчал.

– Чего замялся? Не нравится? У тебя, что, в детстве не было гордой заслуженной кликухи?

– Была.

– Ну и как же тебя тогда величали?

– Не скажу.

– Понятно. Но самое главное, мой мальчик, состоит в том, чтобы ни у кого не возникло больше поводов величать тебя той дразнилкой, которой ты стыдишься. Будешь под моей опекой. Слушайся меня.

– Хорошо.

– И еще, Водя, усеки один обязательный высокоинтеллектуальный момент, касающийся двух твоих высших образований. Тебе необходимо навести страшнейший марафет в квартире. Согласен со мной?

Водя съехался и опустил голову. Видимо, не только физические работы по уборке, но и само упоминание об этом занятии вызывало у него суеверный ужас.

– Не слышу восторженных заверений о несомненном выполнении поставленных задач. Согласен ты на это или нет?

– Согласен.

Таким образом, посредством исторической этажерки, а если быть точным – ее правопреемницы, литровой бутылки водки Smirnoff, я ближе познакомился с не лишенным привлекательных качеств собеседником, с которым у меня впоследствии было немало интересных бесед и споров.

ПОЧТИ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СУББОТНИК

Через пять дней я принес в жертву свой выходной и, прихватив с собой рабочую робу, ровно в 10.00 постучал кулаком в дверь квартиры Владлена Венедиктовича, пардон, Води. С другой стороны двери минуты три сначала что-то шаркало и шуршало. Затем я расслышал сдержанный не то стон, не то тягостный вздох, и наконец дверь открылась. Водя стоял какой-то отрешенный. Он или забыл про намеченное мероприятие, или, что более правдоподобно, ждал этого момента как смертного приговора.

– Ну что, дружище, – начал я без предисловий, – будем приводить твой однокомнатный сарай в божеское состояние.

– Это как в состоянии храма? – поинтересовался он.

– Да, примерно, только чтобы здесь на пол семечки не щелкали.

– Не хочу, – услышал я нелепое возражение.

– Не понял. Ты что, душой и телом прирос к этому бардаку? Я бросаю все дела, семью, лечу к нему, а он стоит, как невинная старая дева перед сутенером, и скромно хлопает глазками! Ты что, не хочешь навести у себя порядок?

– Нет, не совсем так. Я, конечно же, хочу привести все в определенный порядок. Но... Но как бы сказать поточнее...

– Не нужно говорить точнее, – перебил я его. – До меня и так дошло. Ты, мой милый, – продукт вот этой послереволюционной разрухи. Так сказать, ее неотъемлемая составная часть. Что ж, извини, умываю руки, хотя у тебя здесь, по-моему, и это сделать негде. Жаль, что не могу быть тебе полезен. Честь имею!

– Но постойте же вы! Ведь вы совсем не хотите меня понять. Просто в храме бывает много народу. Я же по натуре более склонен к интеллектуальному одиночеству.

– По правде говоря, сейчас я уже совсем не понимаю. Это что еще такое – интеллектуальное одиночество? Никак твоя разновидность посткоммунистического онанизма?

– Ну зачем же вы все опешаєте? Просто мне не по душе постоянное присутствие людей в квартире.

– Мне нравится ход ваших мыслей, сэр, но я не врублюсь, куда ты клонишь... А вообще-то догадываюсь. Ты по натуре чуть-чуть рак-отшельник. Так?

– Да, да. Вы вообще-то правильно меня поняли.

– Тогда тебе необходима хижина толстовского отца Сергия. Аскетично, минимальные потребности, и все на своих местах.

– Вот! Вот именно!

– А коль мы докопались до истины, тогда тебе ничего не остается, как довериться мне.

– Ну я в общем-то согласен, – неуверенно промямлил он.

Надо сказать, что его однокомнатная квартира напоминала площадку для свалки хлама перед учреждением в период весеннего коммунистического субботника. Было отчего схватиться за сердце впечатлительным родственникам, если такие у приятеля имеются. Автор же этого суперавангардистского произведения искусства рассеянно стоял рядом и, словно бездарь перед Марком Шагалом, не мигая уставился на сбитые ботинки корифея. До его сознания, вероятно, еще не дошли истинные намерения маэстро.

– Знаешь, родной мой, – отечески прервал я молчание, – ты, конечно, переплюнул допотопного Авгия. Но если боги призывали его современника Геракла совершать довольно сомнительные и даже вредные для потомков подвиги наподобие переброски русла рек, то я призван совершить благородное во всех отношениях, хотя и невероятно трудное дело. А что сие значит? Сие значит, во-первых, это расчистить твою авгиеву конюшню, а во-вторых, самое главное – подготовить тебя к жизни в демократической системе. А в ней, в этой системе, как ты, наверное, уже убедился, словно перед воротами рая, происходит придирчивая сортировка на годных и негодных к существованию в новом качестве. Ну, ладно, соловья вискасом не кормят. Ты, наверное, уже понял, на какой риск и жертву я пошел.

– Нет, не понял.

– Разве? Ну в принципе это не имеет никакого значения. Но вот с чего начать? Ленинский вопрос. Хорошо. В общем, помогай. Начнем с кухни.

Я не без труда добрался до этого места и открыл запотевшее от пыли окно. Еще теплый предосенний ветерок без разрешения заполнил маленькую кухню. Потревоженная ветерком местная пыль с возмущением поднялась с насиженных поверхностей и, ошестинившись, недовольно зависла в воздухе. Даже пожелтевший тополиный листок с любопытством опустился на подоконник, однако ужаснув-

шись увиденным, с первым же попутным сквозняком смылся на улицу. Вслед за ним на улицу полетели ставшие родными хозяину пустые консервные банки с расквартированными в них окурками, бутылочная тара, огрызки, рыбы скелеты, корки от апельсинов и т.д. Я предложил хозяину носить «апельсины» на улицу ведрами, но из этой затеи ничего не получилось.

Он, как ни странно, не загорелся, наподобие меня, энтузиазмом и почему-то ревниво следил за каждым моим движением. Он, словно на аэродроме, страдальческим взглядом сопровождал свободный полет оккупировавшего хрущевку хлама. Иногда он резко вырывал у меня из рук какую-нибудь бумажонку или растрепанную тетрадку, приведенную мною в предстартовое состояние, а потом, судорожно рассмотрев, осторожно складывал их в картонную коробку. По-видимому, на этих бумажках были записаны его сокровенные мысли, до востребования историей сокрытые от посторонних любопытных глаз вековым слоем бардака.

Как и во времена официальных субботников, праздник труда не мог обойтись без бодрого музыкального сопровождения. На этот раз серенады под окном исполнял дуэт дворничихи и домуправа. Их бравурные ноты вдохновляли меня, но почему-то вводили в депрессию приятеля. Вскоре их дуэт смог вырасти до трио, но вошедшему милиционеру я объяснил, что по заказу мэрии мы производим капитальный ремонт приватизированной квартиры. Квартира предназначена под офис акционерного общества – сысского бюро, а значит, к нашему грязному делу имеет отношение и МВД. Что же касается мусора под окном, то эту мелочь примерно через час уберет спецмашина «Форд», специально выделенная спецавтохозяйством. Милиционер в общем-то ничего не имел против нашей (а если быть точнее, то моей) деятельности, только пояснил, что посадочная площадка под окнами – не безлюдная казахстанская степь и поэтому ее необходимо определить хотя бы веревочными границами. (Во какие милиционеры бывают!) С этим мы были полностью согласны и с удовольствием произвели демаркацию, используя для этого связанные обрывки бельевых веревок и упаковочного шпагата.

После того как представитель власти отказался быть третьим в музыкальной группе, дуэт с бодрых серенад перешел на душевные романсы, провоцируя соседей. Привыкшие ко всему за последние годы другие жильцы дома тоже не захотели быть членами ансамбля и хором воспевать гимн празднику труда. Возможно, они просто подумали, что беднягу выселяют из квартиры, поэтому, стыдливо опустив глаза, проходили мимо.

Препятствия были устранены. Работа кипела. Правда, примерно через два часа этот Сизифов труд меня изрядно вымотал. Пока приятель

сидел в углу и млеял от страха, я представлял из себя по меньшей мере Павку Корчагина на строительстве узкоколейки. Те же пот и сквозняки, антисанитария и голод (за время работы уже подвело кишки), тот же террор снаружи и декадентское хлюпанье внутри. Если прибавить к этому иссякающие силы, тогда будет и козе понятно, что в жизни еще есть место подвигу.

Но, слава богу, практически все, с чем предназначалось произвести расчет, я рассчитался, выбросив на улицу. Однако когда посмотрел с балкона и обнаружил, что куча дряни выросла до окон первого этажа, мною овладел суеверный страх. Я понял, что существо, обитающее в этом доисторическом пристанище, имеет неземной дар.

– Слушай, дружище, – благоговейно обратился я к нему, – у тебя определенно есть чутье геолога, и даже более того...

– Если вы намекаете, что меня завтра живьем в землю закопают, то я и без вас знаю, – отозвался он, не до конца очнувшись от летаргии оценки и, по-видимому, уже готовый к погребальной процедуре. – А в остальном не понимаю, при чем здесь геолог.

– Ну как же при чем? Неужели непонятно?

– Не-ет.

– Да чтобы найти в этих залежах никому не нужного хлама вещь, на которую еще кто-то клюнет, необходимо по меньшей мере профессиональное чутье геолога. Постой-постой, а ты, случаем, не лозоискатель? А может, экстрасенс?

– Ну не нужно так зло шутить, мне совсем не до шуток.

– А я и не думаю шутить, это совершенно серьезно. И даже более того скажу: твое имя достойно быть увековечено в Книге рекордов Гиннесса.

– Ах, уймитесь же вы, наконец! Прошу я вас.

– Да что уймитесь-уймитесь? Погляди в окно.

– Не могу, мне страшно.

– Вот именно – страшно. Уместить весь этот страх божий в пределах твоего ущелья. Для этого, мой милый, просто человеческих сил недостаточно. Для этого нужно иметь (а ты определенно имеешь) сверхъестественный дар. Впрочем, человечество тебя еще, возможно, оценит. А я свой план на сегодня практически выполнил и посему с удовольствием произношу: хватит, будя! Хватит с меня сегодня подвигов Геракла, упрямства Сизифа, самопожертвования Павки Корчагина.

– Вы что, уже закончили? А как же...

Товарищ очнулся. Солнце к этому времени стало потихоньку слезать откуда-то сверху и уже напрямую нахально заглядывало в окна спален пятого этажа, а товарищ продолжал репетировать роль мебели. Его наглость просто шокировала.

– Нет, ты только подумай! Я ради его счастья гроблю свое здоровье в этом втором Чернобыле, а он... Ну что ты молчишь? Что ты уставился, как Ельцин на Белый дом? Ты хоть совесть имеешь? Посмотри на свое жилище – оно из тараканьего логова в хату превращается. Еще один маленький субботник – и сюда можно будет бабенок приводить.

Квартира в самом деле изменилась настолько, что даже прописанная здесь пыль вот уже часа два плавно парит в воздухе, выискивая привычные места ночлега, но, так и не найдя их, никак не решается приземлиться. Усыхающий в углу подоконника столетник, которому до полезного ископаемого осталось совсем немного, и тот просветлел, обласканный солнцем. Однако же их хозяин «нем и мрачен, как могила». Наконец он заговорил.

– Совесть у меня, конечно, есть...

– Сомневаюсь однако.

– Но ведь я не просил вас делать уборку и выбрасывать вещи.

От этих слов я свалился с цирковой табуретки.

– Вот так вот в благодарность-то! Утри сопли, толстовец новоявленный! Ну, ах, ты просто нахал, приятель! Ну и нахал... – бормотал я, поднимаясь с пола. – И это вместо низкого поклона или элементарного «спасибо». Да весь твой хлам даже на свалке до категории «утиль» не дотягивает. А он говорит – «вещи»! Все, хватит с меня, прекращаю всякую благотворительность!

– Ладно, пуст хлам. Я с вами согласен, – выдавил он из себя. – Но когда же все-таки «Форд» прибудет?

– Владлен Венедиктович! У тебя такое высокоинтеллектуальное имя-отчество и такая примитивно-пошлая соображаловка. Ты заражен вирусом тупости! Это явное следствие посещения митингов новой демократии. Эти демократы тоже ждут не дождутся своего «Форда». Еще одно такое глубокомысленное суждение, и этот вирус доведет меня до инфаркта. Ох, ты, сердце, мое сердце! Как мне сообщили, Форд с Рокфеллером из-за нелетной погоды задержались в аэропорту Нью-Йорка, но просили передать, что ты в состоянии справиться и без них. Посмотри на себя, у тебя же за спиной два высших образования, а у него, наверное, нет даже паршивого колледжа. А теперь взгляни на свои руки. Ты же не просто «Форд», ты трактор «Кировец».

Приятель широко раскрыл глаза. Страх перед предстоящей работой вновь сковал его волю. Пришлось силой вывести его на балкон.

– Вон там, видишь? Примерно в 15 метрах к северу от «склада материальных ценностей» расположены мусорные контейнеры.

– К югу, – вмешался он робко.

– Что к югу?

– Там юг.

– Хорошо, хорошо, пусть будет по-твоему. Так вот, на 15 метров к юго-северу ты оттащишь все крупные продукты твоего морального и материального разложения. Что касается мелких бумажек, то это за тебя сделает западно-восточный ветер. Он донесет твои мысли до ближнего и дальнего зарубежья.

Дружище находился на грани слезовыделения.

– Ну что это такое? Я не вижу энтузиазма на твоём лице. Бодрее, бодрее – на святое дело идешь! Во всяком случае, в отличие от других регионов России, перспективы лучшей жизни на твоей независимой территории уже просматриваются.

Приятель всем своим видом ясно давал понять, что ему большее удовольствие доставит ночлег в мусорном контейнере, чем участие в общественно-полезном каторжном труде, даже и в первую очередь ради себя. Но ничего не поделаешь, приговор был вынесен началом перестройки в суверенной хрущевке.

– Давай-давай! – подбадривал я его. – Ничему не научила тебя советская власть. Наверное, все субботники проработал курьером в винную лавку. Хоть сейчас потрудись для утверждения себя как частицы новой России.

Опустив голову, сгорбив спину и свесив плетью руки, словно по Владимирскому тракту стал он спускаться к новой жизни.

Все-таки прав был Чарльз Дарвин – человек эволюционировал от обезьяны. В этом я убедился, наблюдая с балкона все стадии этой эволюции. Сначала мой друг, как доисторический примат, осторожно обошел кучу кругом, опасаясь, как бы она не сделала ему плохо. Затем так же осторожно взял передней лапой какой-то блестящий предмет, поиграл им на солнце, понюхал и... бросил обратно. Вскоре он осмелел и развился настолько, что взял в каждую лапу (а возможно, уже руку) по картонной молочной упаковке. Правда, все еще с той же осторожностью, но уже донес их до контейнера. Ветерок изменил траекторию полета одной из коробочек и приземлился рядом с емкостью. Однако приятель к этому времени приобрел уже некоторые чисто человеческие интеллектуальные навыки и поэтому не стал нагибаться за неположенным предметом.

Эволюция ускорила свой темп. На ее следующем этапе наш герой таскал хлам охапками. Нет худа без добра, как говорится. Это значит, что в дело вмешался наш любимый метод, принцип, или как там его еще называют, «проб и ошибок» (заметьте: своих ошибок!). После того как из какой-то баночки ему за воротник вылилось загустевшее содержимое и тут же при выбрасывании мусора он поцарапал проволокой лицо, пришло время новой стадии прогресса.

Его человеческое развитие настолько продвинулось вперед, что он попытался поступить, как поступают цивилизованные люди, а именно – бросить это грязное дело. Но дело-то в том, что социальные отношения также не стоят на месте. Посмотрев на балкон, приятель понял: общество-то уже раскололось на классы. А господствующий класс контролирует его поведение. И ему ничего не оставалось, как уподобиться роденовскому «Мыслителю».

О, чудо! До чего только ни доведет мыслительная деятельность! Ничего не значащая коробка из-под телевизора, обрывок веревочных пограничных линий и мой приятель составили единое целое. Короче, ранее никому не известный самоучка с двумя никчемными дипломами госинститутотв открыл гужевой транспорт! Наверное, прав был Аркадий Райкин: забудьте все, чему вас учили в институте.

Выкурив штук восемь-десять сигарет на балконе, я вернулся в квартиру, где до этого во время археологических раскопок обнаружил много интересного. На полу под слоем пыли оказался хорошо сохранившийся ковер с явно персидско-туркменским орнаментом. Каким образом он смог так сохраниться в неблагоприятных условиях, еще одна загадка. Возможно, местная пыль имеет замечательные бальзамирующие свойства. Вот бы заинтересовать наших увядающих эстрадных звезд. Тогда, чем черт не шутит, возможно, удастся и подзаработать или, на крайний случай, стать соавтором научного открытия в косметологии.

Когда я оттащил почерневший фанерный лист и побросал с балкона картонные коробки и тарные ящики, то взору открылась прелестная картина. Это, во-первых, резной буфет довоенной работы. На полках – посуда разных эпох: от тонкостенных фужеров и толстостенных стопок и рюмок старого изготовления до милых нашему сердцу граненых стаканов и майонезных баночек. Все это великолепно закрывалось резными дверцами с узорчатым стеклом. Во-вторых, рядом стоял книжный шкаф, на полках которого еще сохранились хотя и поредевшие, как зубы хозяина, ряды книг. Разговор об этих книгах может быть только особый.

Кроме того, в углу противоположной от окна стены я откопал тоже старинный бельевой шкаф. Я не стал в нем рыться, но уверен в одном: законсервированное в нем белье еще ждет своих исследователей, как бактериологов, так и специалистов, изучающих старинный быт.

И ковер, и шкафы, и буфет, и посуда в этой гробнице представлялись материальными отражениями какой-то иной высокоразвитой цивилизации, существовавшей задолго до Атлантиды. Кроме антиквариата в квартире сохранились экспонаты, принадлежащие и со-

временной эпохе, представляющие собой довольно существенную материальную ценность. Например, открыв дверь «тещиной комнаты» (встроенного шкафа, или чулана, по официальной строительной терминологии), я едва не был погребен под стеклопадом пустых бутылок. Как объяснил впоследствии хозяин, этот «хрусталь» остался от романтического периода подготовки заговоров свержения тоталитарного режима. Заговорщики конспирировались под банальных собутыльников. Сейчас ему как демократу и интеллигенту стыдно идти сдавать или выбрасывать их, так как все равно заметят соседи и бог знает что подумают. Мне кажется, товарищ покривил душой, потому как многие бутылки были со следами уличной грязи и наклейками эпохи разгула демократии. Я этим пороком стыдливости не страдал и пообещал взять грех на себя, чему приятель, кстати, совсем не обрадовался.

Минут через тридцать-сорок я вновь вышел на балкон и понял, как рано сбросил со счетов институтское образование. После амортизации коробочных телег, когда груз еще был не полностью вывезен, товарищ не остановился в прогрессивном эволюционировании. Он вспомнил институты и провел глубокое инженерное исследование мусорных контейнеров. Научно доказав, что один из них имеет исправные колесики и к тому же завален меньше других, он подтащил его непосредственно к месту погрузки у входа в подъезд. К моменту моего появления на балконе принявший человеческий облик приятель утрамбовывал последние отходы своей жизнедеятельности. Он не только перевыполнил производственный план, но и продвинулся в своей эволюции значительно дальше, нежели я мог предположить в самых смелых прогнозах. Он оставил подвижной груженный состав у подъезда и довольный вернулся в квартиру.

– Ну как я поработал? Вы довольны? – обратился он ко мне с заметно просветленным лицом.

– Слов нет, Водя. Класс, просто высший класс! Но только вот что, Водечка. Перестань выкаты. Ты уже стал зрелым мастером, и старая субординация отменяется. Зови меня на «ты» и величай Пирра, Пирря, Толян, Тоха, как-то еще, но по-нормальному. Короче, как все интеллигентные люди. Договорились?

– Договорились, – бодро, по-мужски ответил приятель.

Когда, завершая субботник положенным распитием водки я стал стыдить его за оставленный перед подъездом контейнер, Водя спокойно и, главное, наиболее разумно в данном случае, ответил:

– Кому нужно, тот пусть и ставит контейнер на место, а мне на кой? Мне за это не платят.

Я остался очень доволен. Мой труд начинает приносить плоды. Из моего подопечного формируется достойный член общества. В этом я убедился еще раз, когда в темноте при выходе из подъезда протаранил лбом оставленный контейнер.

ФЛЮОРОГРАФИЯ ДЕМОКРАТА

Владен просил меня помочь ему найти работу с учетом его интеллекта и образования. На плодовощевую базу, что я предложил, он идти решительно отказался, сославшись на то, что там и так слишком много работников с высшим образованием. Тогда я договорился с хозяином охранной фирмы, бывшим ментом, которого обучал навыкам самбо, и тот согласился оформить моего непутевого приятеля охранником на автостоянку.

Я подошел к дому Води через полчаса после условленного времени. На мой свист под окном в застекленном проеме показалась испуганная и суетливая, словно у застигнутого врасплох лавеласа, физиономия. По выражению этой физиономии и жестике приятия я понял, что он гладит галстук через спинку стула и ждет, когда высохнут застиранные воротничок и манжеты единственной светлой рубашки. Опять же жестами через стекло он дал понять, что выйдет через пять минут, помноженные на число, делящееся на пять. Затем, уже открыв окно, он добавил на словах:

– Может, зайдешь?

Я ответил, что на свете есть более привлекательные зрелища, чем наблюдать, как он ищет пропавший год назад носок, поэтому подожду во дворе.

Я подошел к внутридворовому деревянному столику, одному из тех столиков, которые в городах России выполняют суммарную роль немецких пивных, французских кафе, американских казино, английской службы Би-би-си и постсоветского собеса (поскольку там иногда наливают бесплатно). Столик с трех сторон плотно обступили два дома. Один, помпезный, в виде буквы Г, с широкими окнами и остатками великолепной штукатурки, защищал его, словно любимое дитя, от южных и восточных городских суховеев. Другой, типа модернизированной хрущевки, мужественно подставил спину на пути злобного борея. С западной стороны материнскими ладонями заботливо свисали ветви профессионально посаженных, но давно заброшенных и неухоженных деревьев.

Большое помпезное жилище было выстроено в свое время для высокого руководства и прославленных личностей. Второй дом пред-

назначался для заселения в основном теми, кто обязан был поддерживать европейский уровень быта обитателей первого дома. Когда же западные циклоны, насыщенные дождями и тлетворными для России идеями, проветрили мозги части населения, смыв с одних кумачевую окраску и отмыв криминальное личико других, отчего они стали новым классом – «новыми русскими», а у чуткой к сквознякам интеллигенции, словно на перевернутых аптечных часах, интеллектуальный песочек посыпался в другую колбу, – в этих домах началось великое переселение народов. Не сумевшая или не захотевшая вертеть нос по ветру часть высокого руководства и ярких личностей перестала быть таковой и посему лишилась должностей, званий и многих государственных поблажек. Некоторым из них стало затруднительно содержать привилегированные (и нередко заслуженные) квартиры, и они вынуждены были перебраться в другие места, в том числе и в дом напротив. Те же, кто первым сумел насытить материальным смыслом выражение «все вокруг советское, все вокруг мое», выбросив оттуда понятие «советское», равнозначное для них понятию «ничье», до постройки собственных дворцов стали перебираться в некогда привилегированные апартаменты, в том числе и из дома напротив, или селить туда родственников и любовниц.

Так вот и мой приятель вынужден был отступить с завоеванных делом (известным актером) позиций в хрущевку после того, как мать (актриса средней руки) сбежала в Германию с казахом немецких кровей, оставив сына на произвол двух его высших образований и квартирной платы.

Если при закладке дворового столика он замышлялся как место развлечения прежде всего «обслуживающего персонала», поскольку у элиты выбор развлечений был шире, то после того, как социальные карты были перетасованы, коллективный столик стал первым действительно демократическим (без кавычек) институтом «вся двора». Часть новой элиты, поднявшаяся на гребень волны из ила, еще приходила сюда по привычке, а не подтвердившая свой статус в элитарном клубе старая элита постепенно обживала здесь место, осознав свою социальную значимость. Немало было здесь и таких, кто во все времена считал это место родным независимо от того, к какой элите его причисляли.

Подойдя к игравшим за столиком в домино, я поздоровался и забил очередь для игры. Здесь меня уже знали и приняли как своего. Так, бывший водитель первого секретаря обкома, а ныне подпольный миллиардер, не вычисленный даже рэкетом, по привычке стрельнул закурить, а полковник милиции, преподаватель милицейской академии на мое фамильярное «Здорово всем!» в том же духе ответил: «И здоровей видали». Сантехник Силыч по кличке Ворона, обслуживающий дома, степенно допил свою порцию водки, не спеша поставил стакан под стол и, крикнув, пробасил:

– Кому ходить? Нам, что ли, Сергей Гаврилыч?

– Куда вам, куда вам! – обиделся спивающийся художник Ливин, в простонародье именуемый Левитаном. – Только что ходили. Ставь, Володя!

Бывший водитель Володя тихонько поставил карту и выжидательно посмотрел на воспитателя силовых органов Сергея Гавриловича.

Кроме игравших и меня у столика находились еще два человека, которых я не знал.

Тем временем к столику подошел еще один мужчина. Темно-синий плащ его был расстегнут. Строгий темный костюм, белоснежная рубашка и галстук в тон костюма говорили о его солидности, а только входивший в моду переносной телефон в руке еще более подчеркивал значимость субъекта. Был это Вячеслав Константинович, в прошлом – один из руководителей отдела административных органов обкома КПСС, а ныне – преуспевающий бизнесмен.

– Добрый день! – мягко и вкрадчиво проплыл над столом его голос.

Полковник повернулся на говорившего и расплылся в широкой иронической улыбке.

– Вячеслав Константинович собственной персоной! Даже не верится. Но почему просто «добрый день», без «дорогих товарищей» или «уважаемых господ»?

– Да брось ты, Сергей Гаврилович! – Бизнесмен попытался перевести диалог в тональность общения старых знакомых.

– Ну да, конечно, – продолжил язвительно милиционер, – товарищей для вас же здесь нет, а до господ мы еще не доросли. Хотя и среди нас есть «усатые», но почему-то скромные. – При этих словах он покосился на бывшего водителя.

– Вы все шутите, – перешел на «вы» Вячеслав Константинович, видя, что интимного разговора не получается.

– Да что вы! Я ж не шутник, я реалист, черствый законник в эпоху беззакония.

– Все там же служите? Так же преподаете? – не замечая сарказма собеседника, вяло продолжил бизнесмен.

– Все там же и так же. А вы...

– Кому ходить? Мне? Вот эту поставлю.

– ...чем занимаетесь?

– Да у меня много видов деятельности...

– Много? Гм-м... – не дал закончить мысль полковник. – Впрочем, зная вас, нетрудно было бы догадаться, что вы сумеете остаться в своем амплуа – продолжать деятельность. В общем, вы молодец...

Чего было больше в этих словах, иронии или похвалы, Вячеслав Константинович не понял, так как говорившего перебил напарник по игре.

– Гаврилыч, ты будешь играть или ляды точить? Что ты горбатого лепишь, к трем двойку поставил?

– Ой, простите, простите, товарищи! Вот у меня три-один есть.

Ставивший следом за Гаврилычем художник тоже отвлекся от игры. Он слегка задремал от употребленной водки, и поэтому Сильчу пришлось дать ему локтем под бок.

– Смотри сюда, тебе же ходить!

– Да? А что там?

– Четыре-один. Ослеп, что ли?

– Четыре?.. Не понял...

– Четыре шило, мать твою! Так, хватит придуриваться, ходи!

– Шило-шило, шила-шила, – подхватил игрок эти слова, будто куплет песни. – Шила милому кисет, рукавица вышла. – И поставил карту.

– Это ты про что, Левитан? Про перестройку или сегодняшнюю демократию? – увидев аллегория в его словах, начал развивать мысль полковник. – А ведь действительно! Думали сшить для народа удобный балдахин, а получилась дырявая, но ежовая рукавица. Не так ли, Вячеслав Константинович?

– Вот в этом вы действительно правы, – поддержал бизнесмен. – А в принципе по-иному у перестраховщиков и быть не могло. Начали коммунаки с ортодоксальными воззрениями модернизацию экономики, не понимая, что сама система не давала возможности для маневра. Вот и не получилось.

– Что я слышу, что я слышу! Какие слова, какие выражения! Коммунаки, ортодоксальные воззрения... И от кого! От вас! – Полковник через плечо взглянул на собеседника и покачал головой. – Помнится, еще совсем, кажется, недавно на совещании административных органов вы назвали «политической близорукостью» мои высказывания о проявляющемся несоответствии некоторых статей УК и УПК потребностям времени. А ведь я говорил мягко, обтекаемо, в рамках признававшейся эволюции права. Как вы тогда всполошились, поскольку я говорил в основном о первой главе, особенной части УК и хозяйственных преступлениях.

– Не знаю, не помню сейчас, что и насчет чего я говорил. Время бежит. Спорить и дискутировать мне тогда приходилось немало.

– Ох, не лукавьте, не лукавьте, Вячеслав Константинович! Именно спорить и дискутировать-то вам вне вашего «милого семейства» не приходилось. Вы же забрасывали всех нас обязательными для исполнения решениями, постановлениями и так далее, которые, не имея статуса закона, зачастую были выше закона, и шаг влево, шаг вправо от них рассматривался, как в «вологодском конвое». Да и совещания-то вы проводили не для того, чтобы искать какой-то выход через дискус-

сию, а чтобы довести до исполнения руководящие указания, «выявить» всплывшие наружу недостатки, промахи, сделать разнос и кое-кого поощрить. Ну а далее, как говорил в армии наш ротный, «Вперед на мины!»

Бывший партработник стоял возле столика невозмутимо, спокойно, чуть заметно скривив губы в загадочную улыбку Моны Лизы, и, несмотря на недоброжелательный тон застольного авторитета, уходить не собирался. Он отпустил водителя с охранником по личным делам и, ожидая их, подошел к народу, где к тому же было безопаснее находиться.

– Ну что ты, Сергей Гаврилович, так кипятишься? – вновь перейдя на «ты», словно давая понять, что не реагирует на упреки или даже прощает их как прямолинейный максимализм простака, мягко, почти нараспев произнес Вячеслав Константинович. – Ты же сам отлично понимаешь, что все мы, и ты, и я в том числе, должны были ревностно исполнять тогдашние законы, какими бы они ни были, впрочем, как и сейчас, и принцип «вологодского конвоя» был обязателен для всех в законности.

Игра несколько приостановилась, все стали следить за диалогом. Левитан попытался было вернуть какую-то дипломатическую реплику, чтобы вернуться к игре, но голос полковника пресек эту затею.

– Вы говорите о принципе «вологодского конвоя» в законе, говорите, что вы ему следовали несмотря на качество закона. Ох, лукавите, ох, опять лукавите! Действительно, шаг в сторону от закона – это незаконие. А вот давайте вернемся к истории с Валею Каплун.

– Кто такая? Что за история? Что-то не припоминаю.

– Неужто? Такая симпатичная, пухленькая, в общем, аппетитная для мужчины дамочка. А к тому же честный, принципиальный и грамотный народный судья.

– А... Кажется, вспомнил!

– Ну как же не вспомнить – ведь вы однажды даже предлагали ей место в вашей конторе. Вспомните еще раз то совещание административных органов, которое вы вели и где, немного картавя, под Ленина, назвали мои мысли «ПОИТИЧЕСКОЙ БЛИЗООУКОСТЬЮ» и «МЯГКО ГОВОЯ, БЪЕДОМ». Но это тогда были цветочки. А вот Валя Каплун применила тогда принцип «вологодского конвоя» в судопроизводстве и оправдала священнослужителя. Не усмотрела она в инкриминируемом ему злостном хулиганстве состава уголовно наказуемого злостного хулиганства. Нашла лишь административно наказуемое – мелкое. Ну, погорячился молодой батюшка, или как его там, все мы грешны. Но он же не был в юридическом смысле преступником. Но он был официальным носителем единственной разрешенной некоммунистической идеологии. А ведь вы еще до суда статью в газету запустили о нравах служителей культа, где однозначно говорилось о преступном поведении свя-

щенника, что фактически предписывало, как себя вести, и судье. Я уже не говорю о прямом нажиме, который наверняка был, раз зачесалось у вас упрятать батюшку. Какой же был разнос преданной закону убежденной атеистке! Я видел в тот момент ее обиженное личико, словно у верной киски, попавшей под ногу разгневанной хозяйки. Еще бы – такой конфуз! Досталось тогда и милиции, и прокуратуре!

– Ну и что ты этим хочешь сказать? – Оппонент перевел джокондовскую улыбку в ироничную.

– Да вот что, милый мой. Просто принцип этого «конвоя» вы перенесли на более высокие, по вашим меркам, чем закон, нормы – это ваши писанные и неписанные правила корпоративного поведения. Если закон от них вильнет в сторону, то это уже не закон.

– А сейчас что, нет такого?

– Сейчас то же самое в гораздо большей мере, и вот почему. Один мой знакомый произнес такой термин – «переметная или продажная идейность».

– Если ты имеешь в виду коммунистическую идею, то я в какой-то мере соглашусь.

– Я имею в виду не идею как таковую – социалистическую, христианскую, либеральную или какую другую, хороша она или плоха, а продажную идейность жрецов, обслуживающих идею, подгоняющих ее под свои нужды, для которых она – лакомый пирог, а не «путеводная звезда», как патетически вы объявляли. Начнет заканчиваться пирог, появится на горизонте идея посытнее – вы шмыг туда, захватив с собой переметную идейность. Тесна вам стала социалистическая идея вовсе не потому, что она вроде бы мешала прогрессу общества, а потому, что система, основанная на этой идее, несмотря на вашу вседозволенность, не давала вам развернуться до уровня западных толстосумов. И это при вашей-то изворотливости!

– Слушайте, Сергей Гаврилович, хоть я и отношусь к вам с уважением, но не забывайтесь. Я не потерплю оскорблений.

Лицо говорившего стало серьезным. Он машинально посмотрел на часы, на въезд во двор и встал в позу каменного гостя.

– Ой, да никак угрозы! Не надо, Вячеслав Константинович, на меня это не действует. А с другой стороны, я что, говорю неправду?

– Я не собираюсь угрожать физически, я говорю о такте, в конце концов.

– Ну, раз о такте, тогда извините.

Полковник взял в руки костяшки домино, потом бросил их и почесал затылок.

– Но я вот так понимаю. Например, Форд организовал производство, и мне до лампочки, сколько он получал, ибо во всем мире бега-

ют машины, изготовленные на том производстве. С именем другого промышленника связаны иные необходимые нам продукты. Какой-то Макдональдс и тот сует на закуску свои отходы. А вот вы что производите?

– Ну, это вопрос отдельного обсуждения.

– Хорошо, – согласился Гаврилыч. – Вот перед нами заслуженный, даже народный сантехник Советского Союза и нынешней общипанной России Павел Силыч Воронов. Сколько народных, заслуженных и прочих первых, вторых замов жили и спокойно творили благодаря ему...

– Действительно, он просто король, – решил вмешаться Володя.

– О-го-го! – рассмеялся Силыч. – Мне и бывший начальник ЖЭКа Папа Карло – ты ж помнишь его? – не раз говорил: ты, Ворона, можешь многим боссам и шефам кранты перекрыть, ты над ними король: король воды, говна и пара. О-го-го!

– Прости, Силыч, – очнулся от дремоты художник, – это жидкое, твердое и газообразное ты назвал в прямом или переносном смысле? Если второе, то я к какой категории отношусь?

– О-го-го! – опять заржал Силыч. – Ты ж всю жизнь на голубятне живешь, значит, ты газообразный, тучка небесная. О-го-го-го!

– И на том спасибо. Хи-хи-хи...

Это отступление от темы заставило улыбнуться и полковника.

– Слушай, Павел Силыч, а если я из так называемых внутренних органов, то, значит, я отношусь к твердой категории, так что ли?

– Ну что ты, Гаврилыч, кто ж про тебя такое скажет! Ты – мужик, ты всегда был человеком.

– Ладно, продолжим дальше. Так вот, Вячеслав Константинович, вот народный над народными сантехник все время поддерживал соответствующее оборудование в наших домах в исправном состоянии, кроме того имел четыре или пять халтур, пил спиртное по цене себестоимости водки на заводе «Кристалл», поскольку гнал самогонку...

– Ну а это к чему, Гаврилыч? – обиженно протянул народный сантехник.

– Не обижайся, я в ином смысле говорю. Я спрашиваю тебя, Павел Силыч: ты смог бы купить на свой годовой доход новенькую «Вольво» или БМВ?

– Купил бы вола, да жопа гола, – ясно и доходчиво ответил Силыч.

– Вопрос даже не в том, что трудовой доход не позволяет Силычу жить с комфортом, а в том, что же общего между Фордом-промышленником, Макдональдсом и сантехником Силычем?

Такое сравнение вызвало смехок у присутствующих, а бизнесмен с ехидной усмешкой изрек:

– Кроме физиологической принадлежности к одному виду «животных» более ничего общего не найду.

– А вот общее есть, и много. Ну, во-первых, они все, безусловно, талантливые в своем деле. Во-вторых, они все делают дело, в большей или меньшей степени значимое и оплачиваемое, но, безусловно, полезное и ощущаемое окружающими. А что делаете вы, господин демократ? Вы делаете «вопрос отдельного обсуждения». Дай бог, чтобы это обсуждение было когда-нибудь в милиции. Так вот, вы делаете деньги для себя. А из чего, спросите? А из чего хочешь. Но общее название сырья для продукта вашего производства – денег, это грабеж страны.

– Но-но, Сергей Гаврилович, не заговаривайся, – с каким-то безразличием произнес Вячеслав Константинович. – Ты еще плохо меня знаешь.

– Да нет, не плохо. Хотя детально я с вашей биографией не знаком, но она более или менее типична для определенной категории мутных ручейков, влившихся в «демократическое болото». Слово-то какое приспособили – демократия!

– Мели, Емеля, твоя неделя, все равно мне торчать здесь еще минут десять, – равнодушно буркнул бизнесмен.

– Так вот, вы не были из номенклатурной категории, как многие другие ваши коллеги. Жили с мамой довольно скромненько. Учились средненько, ярких способностей не проявляли. Но были кое-какие другие практические качества. В общем, как сказал поэт, «тих и кроток, как овечка». В армии стали проявлять активность, там был сделан очень верный шаг – вступление в партию. Солдат-то хорошо принимали. Были там секретарем комсомольской организации роты, а возможно, и батальона. При увольнении получили хорошую характеристику. Далее, имея послеармейские льготы, – первый курс института. Какого? Да любого, где меньше конкурс, а то вдруг накладка, «большого дяди»-то за спиной не было...

– Ну и что в этом ты выкопал плохого, что так на меня взъелся?

– Да нет, к этому времени ничего предосудительного в вашем поведении не было. Далее, согласно вашему плану, после зачисления в институт вновь активная комсомольская деятельность. Опять секретарство. А как учеба? Да при чем здесь учеба? Главное – до хорошего местечка доползти ужом. Окончили вы технический вуз и оказались на режимном заводе. Кем? Инженером? Технологом? Может, мастером? Черта лысого – сотрудник партбюро! Потом далее – инструктор райкома, горкома, ответственного отдела. Но почему административных органов? Не знаю. Наверное, сами напросились. Но все это была прелюдия. Когда пришло время откреститься от старой – переметную идейность вы взяли с собой в новую идею, тогда вы...

Бизнесмен не дал закончить монолог. Его мягкая рука легла на плечо сидящего полковника.

– Извини, дорогой Сергей Гаврилович. Все ты верно говоришь. Прямо флюорографию произвел. Но зачем столько слов, столько эмоций? Хочешь сам себе доказать, что я бяка, – доказывай. А меня это не волнует. При советской власти ты коммунистов поругивал, насколько я знаю...

– Не коммунистов, а «партейных».

– Сейчас новую власть хаешь. Вечная оппозиция. Но пойми меня правильно: плох тот политик или коммерсант, кто не может сориентироваться в обстановке и понять выгоду. Он обречен на прозябание. Хватит и тебе заниматься правдоискательством. Поверь, кто правду ищет, тот погибает. Я же ищу лишь выгоду. Мужчина ты умный. Будет туго – приходи, приму, найду и для тебя род деятельности.

– Что, идти к тебе в услужение?! Да я лучше с голоду подохну...

– Не кипятись, имей выдержку. Не в услужение – делать для себя деньги. Но и послужить придется.

– Ах ты, сука! – вскочил со скамейки полковник. – Служить тебе...

Но бывший партработник уже развернулся и, плавно покачиваясь, пошел к поджидавшей его машине.

– Сядь ты, сядь! – стал успокаивать Гаврилыча сантехник. – Ему ведь ссы в глаза – все божья роса. На вот, выпей лучше да давай доигрывать.

СОН В ЛЕТНИЙ ДЕНЬ, ИЛИ ВИДЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ ПОСЛЕ ОДОБРЕНИЯ БОМБАРДИРОВОК АМЕРИКАНСКОЙ АВИАЦИЕЙ ИРАКСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА В 1993 ГОДУ

Президент насупившись сидел в кабинете и силился подобрать синоним к слову «отступник», необходимый для разгадки кроссворда. Он настолько мобилизовал свой интеллект, настолько напряг воображение, что, казалось, впал в медитацию. Он даже не заметил, что в кабинет почти по-хозяйски вошел человек. Президент недовольно поднял голову на шаркающий звук подошв и с удивлением узнал в вошедшем бывшего генсека Горбачева. «Что нужно этой б***и? Как он сюда попал? Кто его сюда впустил?» – мелькнуло в голове у главы государства. Он хотел по привычке рывкнуть, но не успел перевести свой интеллект из плоскости мыслительной деятельности в практику джентльменских отношений. Горбачев опередил его, произнеся одно из самых знаменитых своих выражений:

– Борис, ты не прав!

– Что-о-о?.. – презрительно скривил губы глава государства.

– Да, ты не прав, не прав. Сто, тысячу раз не прав. Не прав в отношении Ирака. Ты поспешил с выводами, поспешил с одобрением американского ракетного удара по иракским объектам. Конечно, дружеские отношения с великой державой – это хорошо, это также и личное благополучие – по себе знаю. Но в нынешних условиях политической нестабильности в стране – по меньшей мере недалековидно. Нельзя же вот так сразу одобрять ракетные удары! Понимаешь, надо как-то во-о-от так-ак... – И бывший лидер государства изобразил руками нечто подобное амурским волнам. – А к тому же и Индия, и Сербия, страны, которые ты обидел, – продолжал мямлить Горбачев, – они же всегда были нам близки. Подумай об этом. Вопросы-то судьбоносные. Нельзя же так сразу одобрения ракетных ударов...

– Да кто ты такой, чтобы меня учить? Что ты из себя представляешь? Да я раздавлю тебя, как клопа! – вскипел хозяин кабинета, недовольный

тем, что прервали его мыслительный процесс, официально называемый пресс-секретарем «работой с документами», и еще более обозлившийся на то, что ему осмелились читать нравоучения. – «Великая держава», «благополучие», «недальновидно»... Сам-то из какого котла хлебал? Получил свое – и катись, пока не отобрали. Дальновидный! Твое дальновидение уже далеко вдали!

Президент всерьез вскипел и стал судорожно нажимать на сигнал вызова охраны, но с ужасом обнаружил, что сигнал не работает.

«Что это такое? Дворцовый переворот, новый путч?» – мелькнуло у него в голове. Эта мысль смыла презрительную кривую ухмылку с его губ. И не успел он хотя бы чуточку оценить обстановку, как ясно увидел, что в кабинет в вышитой украинской рубашке вкатился (быть не может!) Никита Сергеевич Хрущев. Холодный пот прошиб правителя. Он отказывался верить своим глазам, тер их руками, тряс головой, однако человек уверенной поступью двигался к нему.

«Вкатившийся» начал диалог, по своему обыкновению, образно и по-простецки, без дипломатических тонкостей, о которых, впрочем, президент имел лишь минимальное представление.

– Ах ты, пес цепной, шавка американская! Да знаешь ли ты, – размахивая полуботинком, как буденновской шашкой, декламировал он, – знаешь ли ты, что янки готовы использовать любой повод, чтобы сунуть нос в чужие дела? Понимаешь, любой, любой повод – от мнимой защиты союзников, даже когда их не просят, до блефовой защиты американских граждан за рубежом. Пусть то пьяные студенты в публичном доме или развратившиеся монахини из Корпуса мира! Но ведь в свое время и мы были не лыком и не заокеанскими нитками шиты. Как только под носом у твоих покровителей нашим интересам на острове Свободы стала угрожать опасность, мы показали им наш ракетный кукиш. Почесал свой затылок красавчик Джони Кеннеди (неглупый, кстати, парень) да и попридержал свою прыть. А ведь уже тогда они настолько обнаглели, что готовы были сбросить атомную бомбу на каждое не согласное с ними государство. Слышишь – на каждое, кроме тех, которые я защищал хотя бы вот этим оружием! – И перед носом президента появился черный полуботинок, сильно пахнувший потом и старым гуталином, однако за которым чувствовалась мощь державы. – Ты же им зад лижешь, поддерживаешь их безоговорочно.

– Но ведь Саддам – садист, сволочь, хоть и вскормленный нами, – прозвучал робкий голос из глубины кресла.

– Ты что же, до последних потрохов им проданся или твой мозг смирновской водкой заплыл? Кто тебя заставляет стоять за Саддама? Ты должен выступить против бесцеремонности янки. Ведь это прецедент! Они плюют на всех. И один из последующих ударов может быть

по Кремлю. Конечно, если бы этот удар только Кремлем и ограничился и желательно нейтронной бомбой, было бы совсем неплохо. А с другой стороны, я хочу тебе сказать словами американского, заметь, американского, президента, предшественника твоих опекунов: «Самоса – сукин сын, но это наш сукин сын». А вы здесь продали, пропили, предали, унизили и Союз, и Россию, и союзников!

Голос Хрущева дрогнул, из глаз покатались слезы, и он с досады замахнулся своим знаменитым ботинком на президента, отчего тот съехался, зажмурил глазки и вытянутыми руками поставил перед ботинком волейбольный блок. Но удара почему-то не последовало. Видимо, экономный Никита Сергеевич все-таки не захотел осквернять добротную обувь отечественного производства соприкосновением с отступником.

Президент со страхом открыл глаза и увидел, что по кабинету, степенно попыхивая трубкой, прохаживается сам Сталин, закинув ногу на ногу, покачивается на стуле Петр Первый, как постамент встал маршал Жуков. Он заметил также в углу космы Гришки Распутина, а в стороне поблескивал очками Юрий Андропов. Чуть дальше, прислонясь к стене, стояли Суворов, Дзержинский и генерал Самсонов. Не ускользнул от его глаз и окровавленный посох Ивана Грозного.

«Ничего себе! – подумал президент. – Да этот посох будет пострашнее хрущевского ботинка, и волейбольный блок здесь вряд ли поможет».

В общем, весь обширный кабинет был заполнен историческими личностями, которые вершили своими делами историю России или имели какое-то отношение к ее судьбе. Их, казалось, было больше, чем на известном полотне Ильи Глазунова. Сверкающий крест Ивана Грозного слепил глаза, и нынешний правитель, млея от страха, опустился на колени и стал молиться. Но почему-то или исходя из своего понимания святого знамения, или из-за ничтожной религиозной практики начальной точкой осенения себя крестом он выбрал живот, да к тому же еще и левой рукой. Все это вызвало немедленную реакцию верующих сердцем, а не животом, выразившуюся в гневных плевках на вычищенный ковер. Это еще более смутило и парализовало сознание президента. Он повернулся на коленях в сторону, где, как ему показалось, кто-то повесил икону, и стал отбивать поклоны, глухо стучаясь лбом об ворсистый ковер и бормоча «Спаси и научи».

Но когда он поднял глаза повыше, то удивленно заметил, что молится не перед православной иконой, а перед портретом Ленина, на котором пролетарский вождь изображен читающим газету «Куранты» за 22 августа 1991 года. Однако президент довольно быстро нашелся и приложил руку к левому нагрудному карману, где долгое время у сердца лежал партийный билет члена КПСС. Но, почувствовав колючие взгля-

ды партийцев, сник, с кряхтением поднялся на ноги и обессиленно плюхнулся в кресло. Он уже готов был хоть сейчас уступить бразды правления любому из присутствующих здесь исторических личностей, кроме Горбачева, естественно, который, кстати, снова тут же между собравшимися и, показывая на президента пальцем, что-то нашептывал им. Правда, дойдя до Андропова и получив от него хлесткую затрещину, он уныло сел по-турецки на ковер. Но такое унижение ненавистного человека в данной ситуации хозяина кабинета почему-то не обрадовало.

Глава государства пришел в себя, лишь когда услышал до страха знакомый, размеренный и бесстрастный голос с кавказским акцентом.

– То, что произошло с Союзом, – это не просто предательство людей, народов, живших и проживающих на его территории. Это предательство и оскорбление всех поколений людей, с языческих времен создававших единое, великое, могучее государство. И здесь я имею в виду не идеологическое единство населения и даже не политическое обустройство общества, а прежде всего исторически сложившуюся целостность государственной территории и историческое предназначение страны как высокочастицы оплота, державы, ответственной за свои обязательства, на которую с уважением и пусть даже иногда со страхом смотрит мир. Правильно я говорю, святой Сергей? – обратился он к одному из присутствующих.

– Воистину, – отозвался тихий, трепетный, но уверенный старческий голос Сергия Радонежского.

– А что нам скажет товарищ Жуков?

Маршал злобно скрипнул зубами и утвердительно крякнул.

– Вот именно! – поддержал его генералиссимус. – Я рисковал своими людьми и во имя светлого будущего был порою жесток и несправедлив к ним, это мой грех. Но я никогда не рисковал государством. И хотя я не всегда был прав, но не позорил страну бессилием и союзников в обиду не давал. А вы их с поклоном преподнесли противнику, который никогда не оставит цели расколоть, раздавить и поработить Россию. Я бы этого президента не отдал даже на растерзание суда-тройки, слишком мягко для него.

Сталин замолк и медленно отошел в сторону. Президент удивился самокритичности диктатора, но страху это не убавило.

– Но я же защищаю россиян, где бы они ни находились, – начал было возражать хозяин кабинета, вытирая вспотевший лоб.

– Где же? – насмешливо переспросил Иосиф Виссарионович.

– Ну, например... например в Прибалтике, в Эстонии, например. Сказал же я резкое слово по поводу последнего ихнего закона об этих,

ну, как их, этих... ну, неэстонцах, кажется... – путано выдавил из себя президент. От вида присутствующих и своего косноязычия он совсем растерялся и, умолкая, глупо закончил: – Чтоб не обижали... во-от.

При этом он съезжился в кресле в комочек и с отчаяньем наблюдал, как к нему, сверкая царскими одеждами, приближается царь Иван Васильевич Грозный, окровавленный посох которого вибрировал в судорожно сжатом кулаке.

– Что за народ ты назвал, холоп?

– Я прее... президент, я не хол-л-лоп...

– Уу-у-ух! – стукнул об пол посохом царь.

– А он, государь, благоверный царь, в Таллинне-Ревеле с сепаратистами водку жрал! – подхалимски вмешался в диалог Горбачев из-под руки первого самодержца. – А с соплеменниками даже встретиться не захотел. Ты не прав, Борис!

– Изыди! – вскипел опять Иван Грозный и, машинально махнув рукой в сторону последнего правителя единой империи, ударил того посохом по лбу, отчего у вчерашнего генсека рядом с божьей меткой вскочила на лбу монаршья шишка.

– Слушай меня! – гремел самодержец. – Как отписывал мне умница Ивашка Пересветов, «когда пропадает у царя врожденная воинская доблесть и сходит на него великая кротость, это и есть происки врагов». Вот и у тебя кротость перед всем закордонным, но «доблесть» внутри государства. Мы земли нередко своей кровью к России присовокупляли, а вы, потомки наши... – Царь судорожно тряс посохом и захлебывался гневом. – Кто, кто этот народ, об котором ты обмолвился?

– Эсты и ливы, государь, – подсказал кто-то сзади.

– Тфу! Великий народ от малых спасает и спасти не может! Так как же ты сможешь противостоять сильному противнику? Русский, русский народ своих соседей оберегал. И то, что есть в твое время эсты, и ливы, и еще другие народы, то во многом благодаря именно нашему русскому народу. Эх, на дыбу всех вас, на дыбу правителей нынешних! Мздоимство, продажность, переметчиков в почет возвели...

– А в ваше время государь, разве не было такого мздоимства? – немало осмелев, выдавил президент.

– Если ты на меня киваешь... – вступил в разговор старик в княжеском одеянии, через плечо которого была перекинута сума, по-видимому, с монетами. Прокрутив в голове остатки исторических знаний, глава государства пришел к выводу, что это Иван Калита. – Если ты на меня киваешь, – повторил князь, – то усеки: не только кровью Русь прирастала, но более волею людской, защиты у Руси ища. Мое отличие от тебя в том, что подкупом и силой я тоже объединял отечество, а ты тем же самым развалил его и распродаешь, что осталось от него.

Заполненное людьми различных исторических эпох помещение было насыщено гневным рокотом, гулом, каким-то злобным шипением. До президента долетали лишь отдельные фразы и отрывочные выражения. Но он понимал, что весь этот звуковой настрой направлен против него одного. Против него встали вместе и классовые противники, и личности неравнозначных сословий. Единым фронтом стояли различающиеся по степени служебной иерархии, атеисты и верующие, личные враги, убийцы и убиенные... И все, все против него одного.

Вот прошли мимо стола, с сарказмом повторяя «Хинди-Русси – пхай-пхай», Рерихи с Джавахарлалом Неру, гипнотизирующим взглядом Кашпировского уставился на него Григорий Распутин, засучивал длинные рукава, по-видимому, готовясь продемонстрировать привычный бросок человеческого тела, на этот раз из окна на улицу, Стенька Разин...

Первый избранный российскими избирателями президент через силу пытался внушить себе, что все эти личности, кроме Горбачева, уже мертвецы (впрочем, и Горбачев, хотя еще и пыжится, также политический труп) и посему сделать ему что-то плохое не в состоянии. Однако он ощущал, что весь исторический пласт России, словно сыпучий песок, душил и сковывал его сознание.

Вдруг рокот одновременно стих. С поднятою рукой, возвышаясь над живыми и мертвыми, шагнул к столу Петр Алексеевич. Не дойдя до стола, он остановился и перстом указал на хозяина кабинета.

– Вы, князьки удельные, ради временного властвования и кормления от пуза терзаете тело великого государства, великого содружества народов. Обманом, ложными посулами и целями рассорили людей, пресмыкаетесь перед иноземцами, которые в мое время были угодны России, ежели служили ей, а вы выпрашиваете у них подачки, зато без всякой нужды и объяснения продали союзников. Угодливо отказываясь от бывших партнеров, ты безропотно и за деньги сдаешь и Россию!

– Вот и я про то же говорил, что он сознательно нарушил старые связи за границей, поощрял сепаратизм внутри страны. И все для того, чтобы дорваться до власти! – нагло влез в монолог императора, продолжая подхалимствовать, Горбачев. – Он вплоть до чукчей говорил: «Берите суверенитета столько, сколько хотите», и все взяли, а теперь чего?

– Да кто ты такой есть?! – вдруг очнулся от оцепенения и вскипел действующий глава государства российского. – Кто? Мишка Меченый! Скажи спасибо, что не Мишка на севере!

– А ты-то кто такой? Кто? Я-то хоть – законный преемник в руководстве великим государством. Вытащил тебя из провинции на свою голову. Пригрел самозванца и что имею?

– Ну, что ты имеешь, – парировал оппонент, – это вопрос темный и еще требует своего освещения. Но у тебя хватает наглости называть меня самозванцем!

– Что касаясь наглости, – перебил президента отставной отказной генсек, – то мне до твоего нахальства и наглости за сто лет перестройки и «демократического» капитализма не дорости.

– Да меня народ избирал, слышишь, Мишка, народ! А тебя?

– Знаю я эти выборы!

– Ты же – ни рыба ни мясо, пустил все на самотек, любуясь сам на себя вместе с Раисой Максимовной. Вся твоя перестройка – это иди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что. Встал враскорячку на две доски. Они разъехались – и сел в лужу.

– Но не с моста же свалился по пьяни.

Они бы еще долго философствовали по примеру Балаганова и Паниковского, если бы не кончилось терпение у Петра Первого.

– А ну прекратить! – громовым голосом прервал он «молочных братьев». – У старшего вола учится пахать младший, говаривали римляне.

– Не нужно, Петр Алексеевич, позорить таким сравнением трудолюбивых волов с этими ослами, впрочем, и ослов позорить негоже, – съязвил ироничный пропагандист кукурузы.

– Я еще не кончил слово, – продолжил Петр. – В свое время я повелел в школе младших унтер-офицеров не собираться курсантам более двух, поскольку чего умного они могли сказать друг другу, тем более в компании. Вам же, бывшим единомышленникам, будь моя воля, я бы вообще не позволил находиться на людях более одного. От вашего карканья власть облеченных толку нет также. Зато, в отличие от малограмотных служаек, страданий от вас простым людям – выше головы. Так слушай же меня. Поскольку ты еще правишь, то должен печься прежде всего об интересе отечества, не о собственной суме.

– Я же и пекусь об этих интересах! Нам нужны выгодные экономические связи на цивилизованной основе. Нам нужно отречься от коммунистической химеры. Это балласт прошлого, и такие связи нам не подходят.

– Кому это «нам»?

– Ну, нам, российскому народу, – осмелел хозяин кабинета.

– Ах ты, ах ты! Российскому народу, говоришь? – Петр едва сдерживал гнев. Широкими нервными шагами он двигался по кабинету при полном молчании присутствующих. Сверкающие глаза, плотно сжатые скулы, торчащие, словно шерсть у озлобленной кошки, усы не предвещали ничего хорошего. Вероятно, ни юношеский гнев на козны боярские, ни злоба на плутовство Сашки Меньшикова, ни обида на

измену царевича Алексея не были столь ярко выражены у первого крупного российского реформатора, как злоба и обида в этот раз. – Народу российскому? Да нужен ли он тебе? Народ обнищал, и просвета не видно. И ему, и заводчику-производителю, и крестьянину-производителю, и честному негодянту, которых затравили поборами, хоть в петлю лезь. Жиреют лишь тати и спекулянты. Отречься, говоришь, от «химеры»? Ну, в этом-то ты преуспел. Десять, сотню раз туда и обратно отречешься, в том числе и от России, если пользу для живота своего и властолюбия учуешь. «Связи не нужны»? Россию унизили своим холуйством. Тогда государство уважаемо, когда слово свое имеет и держит его. – Петр на минутку смолк, глубоко вдохнул табачного дыма и уже спокойнее, но столь же твердо продолжил: – Я сейчас не могу указывать, как жить государству, по каким уставам. Рано или поздно жизнь сама укажет, все равно укажет. Но требую, чтобы была держава, великая держава, уважаемая всеми. И чтобы ты, правитель, чувствовал за собой ее дыхание. И чтобы любой другой правитель, замысливший вероломство, подумал прежде: а что скажет Россия? Не то чтобы разрешит или не разрешит, а как оценит и что скажет. И сейчас, именно сейчас ты должен сказать державное слово зарвавшемуся сопернику, что затронуты честь и интересы твоей страны, что не считаться с ней не можно. Ну так что? Будет такое слово?

Присутствующие в кабинете плотным кольцом обступили главный административный стол государства российского. Тень исторических эпох упала на президента, усилив его страх.

– Не сопернику, а союзнику, – с трудом вымолвил он.

– Россия призвана быть великой державой, и соперники у нее не переводились. Хотела она этого или нет. Я не призываю соперничать оружием, я требую восстановить уважаемую Россию. Так будет державное слово?

Президент задрал голову и откинулся на спинку кресла. Он вытаращил испуганные глаза и инстинктивно стал шарить рукой по поверхности стола, ища телефонную трубку прямой связи с Вашингтоном. Угодливый Михаил Сергеевич, несмотря на сравнительно недолгое пребывание у власти, все же сумел изучить систему кремлевской связи лучше Петра Первого и поэтому, догадавшись о намерениях президента, снял эту трубку вперед хозяина. Глядя в глаза императора и ища в них поддержку, он стал медленно двигать трубку в сторону дрожащей руки второго в истории России правителя Бориса.

Правитель так же медленно продвигал свою руку к аппарату телефонной связи. Он уже почувствовал потное тепло, исходящее от живого тела предыдущего руководителя страны. Однако ощутив подступившую брезгливость от возможного контакта с презираемым человеком, он резко отдернул ладонь назад и... очнулся.

Он с удивлением обнаружил, что уткнулся лбом в брошюру с кроссвордом, а кабинет пуст. Вздох облегчения вырвался из его груди, измученной болью от контакта с кромкой стола. Голова тоже от длительного пребывания на жестком ложе гудела, словно ее пропустили через зерноуборочный комбайн, на котором в ставропольских степях молодой Михаил Горбачев бился за урожай. На лбу же осталась овальная красная отметина, отдаленно напоминающая отблески расплавленного металла в литейном цехе Уралмаша времен начальствования Николая Рыжкова.

«Уу-уф... Приснится же такое! Хичкок не додумается. Державное слово, говоришь, скажи? Да попробуй-ка скажи. А чем же я тогда свое бедное «семейство» кормить буду, если скажу твое слово?»

Президент потер лоб и заметил на столе телеграмму официального Вашингтона с благодарностью за проявленную поддержку. Ее, видимо, принесли, когда он спал. Он тупо нажал на кнопку связи с секретарем.

– Немедленно отправьте в Вашингтон телеграмму благодарности на их благодарность.

И мысленно добавил: «Вот мое державное слово!»

АСТРОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ НА МАРТ

Я считаю себя поборником социальной справедливости и гендерного равенства и по мере возможности поддерживаю эти идеи везде, где получается их поддержать. Помимо меня такими вопросами занимаются и некоторые партии, называющие себя «левыми». Но они стараются быть такими лишь до тех пор, пока их не пригласят в правительство. А еще так называемые феминистки, то есть женщины, которые забыли, что являются женщинами.

Но никому из них не приходит в голову обратить внимание на такой момент вопиющей социально-гендерной несправедливости, как календарь. Посмотрите, в этом графике годового цикла нет ни одного месяца, который носил бы женское имя. Как это понимать? Безусловно, это и несправедливость, и неравенство. Наверное, настало время переименовать один из месяцев и наделить его женским именем. Думаю, профессиональные астрологи со мной согласятся, поскольку им все до фонаря, от которого они ведут свои умозаключения, а представители точных наук будут только рады, лишь бы кто-нибудь не додумался втиснуть в календарь еще один месяц. И более всего, по моему мнению, подходит для переименования месяц март.

Месяц март характерен тем, что хоть он и носит мужское имя, но явно отмечен женским обаянием. Этот месяц чем-то напоминает мудрую женщину-супругу, которая, устав от длительной напряженной обстановки в семье, первой перешла к налаживанию добрых отношений с мужем. Или, как разглагольствуют по аналогичному поводу в системе международной дипломатии, перешла к политике оттепели и взаимовыгодных связей. Правда, нынешние местные государственные «звездочеты», гадающие лишь по расположению западного небосклона и блеску звезд на американском флаге, стараются не замечать женского начала в первом весеннем месяце. В принципе, это ничего не меняет, кроме количества официальных выходных дней.

Поэтому, основываясь на вышеизложенном, этот месяц следовало бы назвать не мартом, а марттой. В подтверждение такого предложения обратите внимание на то, какие мужчины-планеты покровительствуют

первой весенней красавице Марте, и вы согласитесь со мной. Ведь это – Сатурн, Юпитер, Уран, Плутон.

Сатурн, изгнанный в свое время с греческого Олимпа, обосновался на Апеннинах. Но уходя, он прихватил с собой технологии выращивания винограда и виноделия и без патента освоил эти производства на новой родине. Так вот, он сравнивал женщин с производимым им пьянящим напитком – вином. И с ним трудно не согласиться.

Юпитер (греч. Зевс) был настолько увлечен женщинами, что его жене Юноне (греч. Гера) до конца своей бессмертной жизни приходилось преследовать прекрасных соперниц.

Уран вообще наплодил 45 детей, не считая тех, которых проглотил, не запивая нектаром. И даже когда восставший против него сынок Кронос серпом оттяпал папаше его божественное мужское достоинство (вот откуда, оказывается, пошла известная поговорка «как серпом по...», а не от неосторожных русских жнецов), Уран остался верен себе. В пене, образовавшейся от упавшего в море «достоинства», зародилась прекрасная Афродита. (Правда, потом, когда Зевс пришел к власти, он приписал зачатие Афродиты себе, так что история переписывалась уже тогда.) А из капель его крови появились очаровательные нимфы, суровые богини мести Эринии и вдобавок – Гиганты.

Даже Плутон (Аид), владыка подземного царства, и тот отхватил (точнее похитил) такую дамочку, которая по своей значимости не уступала первой леди Олимпа Гере. Что говорит об его отменном вкусе (не воровать же бабу – члена партии из соседнего района). Но как только похищенная красавица Персефона смирилась со своей участью и легла с Плутоном на супружеское ложе, тут же все цветущее и растущее на Земле стало чахнуть и увядать. Это матушка Персефоны – ответственный за земную природу министр (пардон, богиня) Деметра – впала в такую меланхолию, что попросту перестала исполнять свои служебные обязанности. И дело здесь не только в том, что теща была против самозванного зятя или незарегистрированного брака. Просто работала она с дочерью на пару. Поэтому мрачному богу подземной тьмы волей-неволей пришлось отпустить (не без нажима Олимпийского ареопага, конечно) разлюбезную в командировку на свет божий, чтобы она совместно с мамой пробудила к жизни прекрасную земную природу. В принципе, Плутому было до фонаря, что творится там, наверху, ведь жил-то он в подземелье. Но он отдавал себе отчет, что значит эта женщина. Ведь именно в марте божественные дамы начинали свою возрождающую деятельность. Но отпустить свою любимую навсегда он, конечно же, не хотел. Прощалась с ним Деметра лишь на весенне-летний сезон.

Что ж, обитатели звездного Олимпа с уважением относятся к женщинам и понимают их интересы, в отличие от наших «небожителей», которые по большей части лишь треплются о «гендерном равенстве», понятия не имея, к какому месту его пришить. А вдруг получится политически опрометчиво! Стоит только здраво взглянуть на календарь, и невозможно не понять, что самая важная цифра марта – 8! И имеет она очертания женского тела. Как же можно такое не замечать и игнорировать?

Как бы там ни было, не огорчайтесь, милые дамы, девушки! В марте вам обязательно улыбнутся звезды. А теперь разберем персонально, что «светит» каждому знаку зодиака в этом месяце.

ОВЕН

У Овнов появится перспектива выстроить новые собственные ворота, чтобы взирая на них с гордостью и без недоумения. То есть с чувством выполненного долга. В семье же необходимо быть выдержанным в оценке женских запросов и в то же время более решительным в реализации назревающих семейно-бытовых проектов. Иначе ваша вторая половина может присвоить вам имя вашего же знака зодиака.

ТЕЛЕЦ

Тельцов весь месяц будет сопровождать возвышенное душевное волнение. Сказывается женское обаяние марта. У вас возникнет потребность как можно ярче выразить себя перед дамой. Что ж, это вполне оправданно. Ведь ваш античный прародитель бык (точнее обратившийся в него Зевс) показал такой пример, похитив прелестную деву – Европу. Однако нужно учесть, что современные европы, точнее европейки, однажды усевшись на вашу далеко не бычью шею, могут всю жизнь сидеть на ней.

БЛИЗНЕЦЫ

У женщин-Близнецов, родившихся под одноименным знаком, может появиться соблазн опробовать в реалии сюжеты некогда чувственно прошедшей по телеэкранам мыльной оперы «Тропиканки». Звезды предостерегают вас: «Тропиканки» – это не жизнь. Это долгоиграющая жевательная резинка «Дирол» с сахаринром, от которой сводит челюсти. Настоящий Маркос (герой-любовник) будет любить сразу двоих, не собираясь ни на ком жениться или даже быть спонсором.

РАК

Ракам-коммерсантам, вероятно, покажется, что пятиться больше некуда. В принципе, это верно, если не считать задний ход движением вперед. В этом случае следует остановиться, осмотреться, посоветоваться с женой и... сделать наоборот.

ЛЕВ

Мужчинам-Львам советуем быть (как вам и должно) благородными, но осторожными, иначе ваш семейный трон может оказаться кухонной табуреткой, а корона – поварским колпаком. Женщины-львицы! Будьте львицами и не вертите хвостом перед каждым встречным, так как велика вероятность спутать делового льва с обыкновенным мартовским котом.

ДЕВА

Девы-женщины часть месяца будут находиться под влиянием Луны. Но у Луны происходит очередной сдвиг по фазе на фоне непредсказуемых солнечных вспышек. А это значит, что вам необходимо держать ухо остро, сердце – на замке, мужчину – на коротком поводке, а нервы – в кулаке.

ВЕСЫ

У многих Весов (и женщин, и мужчин) могут произойти неожиданные изменения в семейной и профессиональной сферах. Поэтому вам просто необходимо быть взвешенными, взвешенными и еще раз взвешенными! Иначе груз проблем, расположенных на противоположной чаше весов, будет настолько тяжелым, что вы можете оказаться не в своей тарелке. Поэтому следите за собой, за супругом(ой), за детьми, за соседями, за чистотой посуды и пола, но при этом не опускайтесь до сотрудничества с секретными спецслужбами.

СКОРПИОН

Месяц у Скорпионов может ознаменоваться успехами в сфере материального обеспечения. Только при этом женщинам-Скорпионам советуем не высовывать свой длинный язык даже при слизывании сливок удачи (делайте это молча), а мужчинам-Скорпионам – пошустрее вытаскивать свой хвост из сомнительных операций. Не ровен час, прищемят.

СТРЕЛЕЦ

Стрельцам предоставляется хорошая возможность бросить курить, причем даже чужие сигареты. Этому благоприятствует взаиморасположение звезд и планеты Меркурий (римский бог торговли), а также состояние мировой табачной промышленности и службы таможенного досмотра. Очень вероятны повышения акцизов и цен на эти изделия. Вполне возможно, что профессия стрельцов чужого табачка, ведущая свое начало от времен античных инков и ацтеков, канет в Лету.

КОЗЕРОГ

Козероги могут быть уверены в том, что однажды навешанные им рога «пообшибать» не сможет никто (включая китайских контрабандистов – заготовителей пантов) до конца их дней. Это самые устойчивые рога на свете, но они не годятся даже на вешалки.

ВОДОЛЕЙ

Нечестные дельцы и прочие прохиндеи-Водолеи! Не думайте, что если вы сумели умыть руки путем отмывания денег, чистота вашей репутации будет незапятнанна. Плутон, курирующий этот месяц, намерен похоронить все нечистоплотные сделки. Наиболее благоприятный для вас выход – это вложение неправомерно полученных средств в погашение долгов одиноких пенсионеров и латание дыр на весенних дорогах.

РЫБЫ

Расположение звезд указывает на то, что к концу месяца у Рыб-хищниц начнется жор. С таянием льда увеличится заплыв в наши территориальные воды заморских угрей, которых можно проглотить вместе с кошельками. Замужним «щучкам» не стоит понапрасну «метать икру». На ваших семейных «карасей» не повлияет весеннее солнце. Они до конца своих дней будут «прыгать, как карась на сковородке», или, точнее, у сковородки.